

ТЕРРИТОРИЯ

журнал исторических исследований

том 1

№ 2

2025

Территория:

ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Т. 1. № 2. 2025

Издается с 2025 года, выходит 4 раза в год
Учредитель — Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Выпускается на базе Института региональных исторических
исследований факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Е.М. Болтунова**; Заместитель главного редактора:
В.В. Боярченков; Ответственный секретарь: **Г.С. Егорова**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Г. Акимов (Санкт-Петербургский государственный университет); **Г.О. Бабкова** (НИУ ВШЭ); **Н.А. Беляева** (Дальневосточный федеральный университет); **К.А. Болдовский** (Санкт-Петербургский институт истории РАН); **К.Д. Бугров** (Институт истории и археологии УрО РАН); **Р.Г. Гагкуев** (Фонд «История Отечества»); **А.В. Ганин** (Институт славяноведения РАН); **Н.И. Горская** (Смоленский государственный университет); **Е.А. Крестьянников** (НИУ ВШЭ); **В.Н. Круглов** (Институт российской истории РАН); **А.И. Миллер** (Европейский университет в Санкт-Петербурге); **Б.Н. Миронов** (Санкт-Петербургский государственный университет); **Н. Наганова** (Университета Хоккайдо (Япония)); **А.В. Павлов** (НИУ ВШЭ); **В.С. Парсамов** (НИУ ВШЭ); **В. Сандерленд** (Университет Цинциннати (США)); **А.А. Селин** (НИУ ВШЭ); **К.А. Соловьев** (Институт российской истории РАН); **А.С. Туманова** (НИУ ВШЭ); **А.Т. Урушадзе** (Европейский университет в Санкт-Петербурге); **А.И. Филюшкин** (Санкт-Петербургский государственный университет); **В.А. Шаповалов** (Белгородский государственный университет); **Д.Н. Шевелев** (Томский государственный университет); **Г.А. Янковская** (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

В дизайне обложки использована «Карта Российской империи с обозначением Великой Сибирской железной дороги» (1896 г.)

Адрес: 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, 21/4 стр. 1.
E-mail редакции: territory@hse.ru
Сайт: <https://territory.hse.ru>

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
Перепечатка материалов без разрешения правообладателей запрещена.

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2025

Territory:

JOURNAL OF HISTORICAL RESEARCH

VOL. 1. № 2. 2025

Established in 2025, frequency — 4 issues per year

Founder — HSE University

Published by the Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, HSE University

EDITORIAL TEAM

Chief Editor: **Ekaterina M. Boltunova**; Deputy Chief Editor: **Vladyslav V. Boyarchenkov**;
Executive Secretary: **Galina S. Egorova**

EDITORIAL COUNCIL

Yury G. Akimov (St. Petersburg State University); **Galina O. Babkova** (HSE University); **Natal'ya A. Belyaeva** (Far Eastern Federal University); **Kirill A. Boldovsky** (St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences); **Konstantin D. Bugrov** (Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences); **Ruslan G. Gagkuev** (Russian Historical Society); **Andrey V. Ganin** (Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences); **Natalya I. Gorskaya** (Smolensk State University); **Evgeny A. Krest'yannikov** (HSE University); **Vladimir N. Kruglov** (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Alexey I. Miller** (European University at St. Petersburg); **Boris N. Mironov** (St. Petersburg State University); **Norihiro Naganawa** (Hokkaido University (Japan)); **Alexander V. Pavlov A.B.** (HSE University); **Vadim S. Parsamov** (HSE University); **Willard Sunderland** (University of Cincinnati (USA)); **Adrian A. Selin** (HSE University); **Kirill A. Solovyev** (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences); **Anastasiya S. Tumanova** (HSE University); **Amiran T. Urushadze** (European University at St. Petersburg); **Alexander I. Filyushkin** (St. Petersburg State University); **Vladimir A. Shapovalov** (The National Research University "Belgorod State University"); **Dmitry N. Shevelev** (National Research Tomsk State University); **Galina A. Yankovskaya** (Perm State National Research University)

Cover Design uses
“Map of the Russian Empire with the Great Siberian Railway” (1896)

Editorial Office Address:
Staraya Basmannaya Str. 21/4, block 1
105066 Moscow, Russia
E-mail: territory@hse.ru
Website: <https://territory.hse.ru>

Published materials have undergone the procedure of peer review and expert selection.
Reprinting of materials without the permission of copyright holders is prohibited.

© HSE University, 2025

Содержание

От редактора	8
--------------------	---

Город и государство

Владимир Аракчеев

Псковское восстание 1650 года: город в противостоянии с государством.....	11
---	----

Сергей Мезин

Города Нижнего Поволжья петровского времени: основные тенденции и итоги развития	37
--	----

Суд и право

Олеся Плех

Оценка доказательств при рассмотрении должностных преступлений в дореформенном суде (на материалах Вологодской палаты уголовного суда).....	80
---	----

Игорь Верняев

Территория исламского права в пореформенных общегражданских судах Российской империи.....	118
---	-----

Евгений Крестьянников

«Кубки власти» Петра Вологодского: карьерные ступени юриста в условиях революций и Гражданской войны (1917–1919). Часть I	164
---	-----

Материалы Круглого стола

О методологии изучения истории права (НИУ ВШЭ, 31 марта 2025).....	201
--	-----

Вера и неверие

Марина Ленчиненко

Libri theologici в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства.....	232
--	-----

Галина Егорова

«Вся жизнь его была беспокойной»: Николай Петров и судьбы русского духовенства в XX веке	276
--	-----

Рецензии

Елена Митина

Рец. на книгу: Некрасова Н. В., Тарасова Н. И. Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации (М.: Бос-лен, 2024)..... 320

Александра Шуринова

Рец. на книгу: Некрополи Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов, М. А. Сафаров (М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2022)..... 335

Илья Концевой

Рец. на книгу: Douds L. Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State (London: Bloomsbury Academic, 2018)..... 347

Сергей Манышев

Рец. на книгу: Гарунова Н. Н., Яковенко Е. М. Социально-экономическое и культурное развитие г. Кизляра в 1944–1956 гг. (Махачкала: Изд-во ДГУ, 2023) 359

Contents

Editor's Introduction 8

City and State

Vladimir A. Arakcheev

Pskov Uprising of 1650: Town vs State.....11

Sergey A. Mezin

Cities of the Lower Volga Region at the time of Peter the Great: Key Trends and Development Results.....37

Court and Law

Olesya A. Plekh

Evidence Evaluation in Official Crimes Consideration in the pre-reform Court (based on the Materials of the Vologda Criminal Court Chamber).....80

Igor I. Verniaev

The Domain of Islamic Law in the Post-Reform Ordinary Civil Courts of the Russian Empire.....118

Krest'yannikov A. Evgenii

Petr Vologodskii “Cups of Power”: Career Steps of a Lawyer at the Time of Revolutions and Civil War (1917–1919). Part I.....164

Proceedings of the Round Table

On Methodology of Studying History of Law (HSE University, March 31, 2025).....201

Faith and Disbelief

Marina V. Lenchenenko

Libri theologici in the Muravyov Library: on Russian Nobility Theological Interest Characteristics.....232

Galina S. Egorova

“His Whole Life was turbulent”: Nikolai Petrov and the Fate of the Russian Clergy in the XXth Century.....276

Book Reviews

Elena I. Mitina

Rev. on: Nekrasova, N. V., Tarasova, N. I. Russkii kostyum s sara-fanom. Traditsii i transformatsii (Moscow: Boslen, 2024).....320

Aleksandra M. Shurinova

Rev. on: Nekropoli Tsentral'noi Rossii / Sost. D. V. Gromov, S. S. Mikhailov, M. A. Safarov (Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 2022).....335

Ilya A. Kontsevov

Rev. on: Douds L. Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State (London: Bloomsbury Academic, 2018).....347

Sergey B. Manyshchikov

Rev. on: Garunova, N. N., Yakovenko, E. M. Sotsial'no-eko-nomicheskoe i kul'turnoe razvitie g. Kizlyara v 1944–1956 gg. (Makhachkala: Izd-vo DGU, 2023).....359

От редактора

Дорогие читатели!

Перед вами второй номер научного издания «Территория: журнал исторических исследований», выпускаемого Институтом региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

В этом номере мы продолжаем обсуждать вопросы, поднятые в предыдущем выпуске, такие как правовая культура и субъектность локальных сообществ в Российской империи. Вместе с тем на страницах журнала вы найдете статьи, посвященные и другим темам, таким как пространство города и категории «вера» и «неверие» в разные периоды истории России.

Особенностью этого номера является публикация сразу двух исторических источников. В качестве приложения к статье Владимира Аракчеева приведен текст из материалов Российского государственного архива древних актов, отражающий события периода Псковского восстания 1650 г. Статья Галины Егоровой представляет собой комментарий к материалу, извлеченному из фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и повествующему о жизни в СССР «маленького человека» — священника Николая Петрова. Этими публикациями мы стремимся еще раз подчеркнуть то, что представляется нам важным в современных исследованиях России, — необходимость найти правильный баланс между стремлением концептуализировать прошлое и установкой на системную работу с историческими источниками.

Этот номер открывается подборкой, озаглавленной «Город и государство». В статье **Владимира Аракчеева** не вполне очевидные на первый взгляд действия псковичей в момент восстания 1650 г. и — шире — социальное взаимодействие жителей Пскова объясняются посредством обращения к структуре городского пространства; а в работе **Сергея Мезина**, рассматривающего

историю Нижнего Поволжья в не менее турбулентный период правления Петра I, речь идет о формировании в регионе новой иерархии городов.

В разделе «Суд и право» опубликованы три статьи, а также касающиеся этой темы материалы **Круглого стола о методологии изучения истории права**. В статье **Олеси Плех**, написанной на материалах Вологодской палаты уголовного суда и посвященной оценке доказательств при рассмотрении должностных преступлений в первой половине XIX в., дореформенный суд в России представлен как структура вполне коррумпированная. Автор демонстрирует существовавшую систему двойных стандартов и обнаруживает механизм, при помощи которого доказательство могло быть подвергнуто сомнению по формальным признакам. Статья **Игоря Верняева**, посвященная уже пореформенному периоду, напротив, показывает Российскую империю того времени империей законности. Автор рассматривает место исламского права в системе общегражданских судов Российской империи, доказывая, что юридический плюрализм был ключевым элементом правопорядка позднеимперской России. Публикация **Евгения Крестьянникова** — первая часть серии из двух статей — представляет собой рассказ о карьере известного юриста и государственного деятеля периода революции 1917 г. и Гражданской войны Петра Вологодского. В статье автор оценивает взлет карьеры Вологодского, пришедший на вторую половину 1910-х гг.

Раздел «Вера и неверие» включает в себя статьи, посвященные двум разным периодам истории России — концу XVIII — первой четверти XIX в. и советскому периоду, прежде всего 1960-м гг. **Марина Ленчиненко** в своем исследовании анализирует различия в отношении к вере двух поколений русских дворян. Автор представляет результаты изучения круга чтения богословской литературы в семье Муравьевых — поэта Михаила Никитича (1757–1807) и его сына декабриста Никиты Михайловича (1795–1843). Статья **Галины Егоровой**, выстроенная как комментарий к источнику, под-

нимает вопросы в рамках социальной истории, адресуясь к судьбам священнослужителей в период 1930-х и 1960-х гг. и появлению в хрущевский период группы апостатов, священников, отказавшихся от веры и активно задействованных в антирелигиозной кампании тех лет. Автор также обращается к методологии исследования, рассуждая о возможности применения микроисторического анализа для интерпретации церковной истории позднесоветского периода.

В этом номере журнала вы найдете и несколько рецензий, авторы которых — **Елена Митина, Александра Шуринова, Илья Концевой и Сергей Манышев** — предлагают обзор работ последних лет, посвященных изучению истории костюма, некрополистике, партийному и государственному строительству раннесоветского периода и истории Северного Кавказа. Последняя рецензия станет своего рода мостиком к готовящемуся сейчас третьему номеру журнала «Территория», который целиком будет посвящен истории Кавказа.

Желаем приятного и полезного изучения представленных материалов.

Спасибо, что вы с нами!

Екатерина Болтунова

Владимир Аракчеев

Псковское восстание 1650 года: город в противостоянии с государством¹

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор, Российский государственный архив древних актов, профессор, НИУ «Высшая школа экономики».

arakk@rambler.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования фундаментальных основ жизни Пскова середины XVII столетия, предопределивших траектории социального взаимодействия во время восстания 1650 г.: системы обеспечения стрелецкого гарнизона, вооружения посадского населения и рыночных механизмов функционирования городской экономики. Показано, что дисперсная структура размещения населения, когда дворы служилых людей и духовенства стояли чересполосно с посадскими дворами, предопределила причастность к восстанию служилых людей, включая помещиков и подьячих съезжей избы. Посадские люди Пскова, как и других русских и большинства западноевропейских городов, состояли в мобилизационном резерве и располагали оружием, которое было гарантией как организованного сопротивления правительственным войскам, так и относительного социального мира в городе. Этот фактор препятствовал разрастанию в Пскове «классовой борьбы», которая могла принять формы массовых репрессий и экспроприации имущества наиболее состоятельных представителей посада.

Ключевые слова: Псков, восстание, структура, стрельцы, репрессии.

1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Pskov Uprising of 1650: Town vs State

Arakcheev Vladimir Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Director, Russian State Archive of Ancient Acts; Professor, National Research University Higher School of Economics.

arakk@rambler.ru

Abstract: The article presents research findings of the fundamental principles of Pskov's life in mid-17th century that determined social interaction trajectories during the uprising of 1650: provision system of "streletsy" garrison, arming the townspeople, and market mechanisms for the urban economy functioning. It is shown that the dispersed structure of population distribution, when the courtyards of service people and clergy stood interspersed with the courtyards of the townspeople, determined the involvement of service people, including landowners and *syezzhaya izba* clerks in the uprising. The townspeople of Pskov, like those of other Russian and most Western European cities, were part of the mobilization reserve and had weapons. This was a guarantee of both organized resistance to government troops and relative social peace in the city. The factor prevented the growth of "class struggle" in Pskov, which would have been expressed in mass repressions and the wealthiest representatives of the settlement property expropriation.

Key words: Pskov, uprising, structure, "streletsy", repressions.

Псковское восстание 1650 г. резко выделяется из ряда других городских движений XVII в. своим упорством и продолжительностью. Продолжительность восстаний в русских городах XVII в., за исключением периода Смутного времени (в годы Смуты само понятие восстания оказалось размытым: против кого восставать, если в стране нет законной власти?), исчислялась днями; в исключительных случаях — неделями. Так, длительность восстания в Устюге Великом составляла один день — 9 июля 1648 г.; восстания в Соли Вычегодской длились 12-14 февраля 1636 г. и 21 июня 1648 г., в Воронеже — 25-27 апреля 1646 г. и 26 июня 1648 г., в Тотьме — 12-22 декабря 1647 г., в Козлове — 11 июня 1648 г., в Курске — 5 июля 1648 г., в Рузе — 14 сентября 1648 г., в Новгороде — 15 марта-13 апреля 1650 г., в Москве — 1-12 июня 1648 г.² Жизнь повстанцев в дни этих восстаний была спрессована настолько, что повседневность просто не успевали зафиксировать документально. Кроме того, известна скудость данных о населении русских городов: писцовые книги посадов 1620-х гг. в большинстве своем не сохранились, а в переписных книгах фиксировалось главным образом тяглое население.

Напомним основные факты истории Псковского восстания: движение вспыхнуло спонтанно в конце февраля 1650 г. на почве слухов о скупке хлеба на местном рынке псковским посадским человеком Федором Емельяновым для выплаты Швеции в качестве компенсации за перебежчиков. Ведший крупную оптовую торговлю Емельянов сохранял деловые и семейные связи с Псковом; зафиксированный в переписной книге 1646 г. двор был разграблен повстанцами 28 февраля 1650 г., сам купец с помощью

2 Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М., 1948. Т. 2. С. 159. Е. В. Чистякова выдвинула гипотезу о московском восстании, длившемся до открытия Земского собора в сентябре 1648 г., но не смогла подкрепить ее убедительными фактами. См.: Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 80–81.

архиепископа Макария бежал в Новгород и затем в Москву. Жена Емельянова была арестована и находилась два дня в земской избе; уже тогда «хотели ее пытать, а спрашивали про него, Федора»³, однако в марте 1650 г. она, судя по всему, не была подвергнута пытке и вернулась на свой ограбленный двор, что следует из публикуемого в Приложении «извета» о пытке жены Емельянова.

С середины марта восстание перешло в стадию организованного мятежа, выразившись в аресте бывшего и назначенного воевод, захвате городских укреплений и арсенала, выборе нового состава земской избы, к которой перешло управление городом. В адрес государя была составлена и доставлена делегацией от всех чинов города «Большая челобитная», в которой были систематически изложены претензии провинциальных сообществ, включая местных дворян, к центральной власти; с мая по август город был блокирован корпусом И. А. Хованского, а повстанцы вступали в вооруженные столкновения с правительственными войсками. В июне организованное повстанческое движение вновь стало прорываться вспышками насилия; террор против оказавшихся первоначально на стороне повстанцев дворян привел к казни не менее 15 человек; город был приведен к умиротворению в середине августа 1650 г. в результате смещения руководителей повстанцев и переговоров земской избы в новом составе с делегацией Земского собора.

В классической монографии М. Н. Тихомирова о Псковском восстании, построенной на следственных делах, был собран уникальный материал, в большинстве своем демонстрирующий динамику социального процесса. Однако на пути исследователя воз-

3 Описание двора: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8498. Л. 304. «Во дв. Федька Омельянов, у него в подсосежье Ямсково приказу недельщик Михайло Иванов сын Тупиков, да ево федоровых крепостных людей Гаврилко Миронов, у него сын Давыдка, да ево ж люди Левка Гаврилов да Ивашко Матвеев, у него сын Харка»; *Якубов К. И.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1898. Кн. 1. М., 1898. С. 308–310.

никили два взаимосвязанных препятствия. Во-первых, Тихомиров искусственно ограничил источниковую базу монографии материалами, непосредственно относящимися к периоду восстания. Ему остались неизвестны переписные книги 1646 г. и особенно 1678 г., по которым только и можно составить представление о социопро-странственной структуре Пскова XVII в. Из дела 1647/48 г. о выдаче служилым людям городов Новгородской четверти денежного и хлебного жалованья он изучил лишь опубликованную роспись, не дающую ответа на вопрос о реальной выдаче жалованья накануне восстания⁴. Тихомиров детально изучил только следственное дело о Псковском восстании, насчитывающее девять столбцов фонда Приказных дел старых лет, кратко охарактеризованных им в заключении к его монографии; из этих столбцов Тихомировым было опубликовано 39 документов⁵.

Как следствие, во-вторых, не знакомый с социопро-странственными характеристиками Пскова, Тихомиров был вынужден «перескочить» наиважнейшую стадию исследования и перейти непосредственно к сословно-классовому анализу, минуя источниковедческий и социально-экономический. Поэтому без ответа были оставлены важнейшие вопросы: как оказались причастны к восстанию служилые люди, включая помещиков и подьячих съезжей избы; почему восстание длилось пять месяцев; почему, несмотря на остроту противостояния города с правительственными силами, внутри посадской общины не наблюдалось фактов конфискации имущества у верхушки посада. Наконец, почему восстание было не подавлено, а прекращено в результате компромисса, причем его зачинщики и организаторы не только не были казнены, но в течение трех месяцев оставались в Пскове и лишь в ноябре 1650 г. были высланы из города. Для сравнения укажем, что по результатам следствия в Курске уже через месяц после вос-

4 Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 41–42.

5 Там же. С. 137–138, 239–329.

стания 5 июля 1648 г. пятеро «пуших воров и заводчиков» были казнены, а 43 человека пытаны, биты кнутом и сосланы после тюремного заключения⁶. И наоборот, масштабы и упорство сопротивления повстанцев напоминают события Смуты в России начала XVII в., когда жители Пскова или городов Рязанской земли годами не признавали центральную власть, демонстрируя беспрецедентное единство⁷.

Первую группу вопросов М. Н. Тихомиров объяснял страхом служилых людей перед карами со стороны повстанцев, а вторую — страхом правительства перед повторным возмущением приграничного города. Причины восстания и его длительность объяснялись Тихомировым и объясняются современными историками традиционно: недовольством народа злоупотреблениями воеводской администрации, ростом налогового бремени, привилегированным положением иностранных купцов и иноземцев в полках нового строя. Кроме того, писавший монографию в начале 1930-х гг. Тихомиров не мог не понимать опасность фактов, свидетельствующих о чрезмерной жестокости повстанцев в отношении их классовых врагов, и оставил за пределами своего исследования источники, содержавшие единичные показания подобного рода.

В настоящей статье, которая представляет собой развитие идей, впервые изложенных в главе монографии⁸, фокус внимания смещен на фундаментальные основы жизни горожан, которые предопределяли траектории социального взаимодействия: дисперсную структуру размещения населения, систему обеспечения стрелецкого гарнизона, вооружение посадского населения и огра-

6 Чистякова Е. В. Указ. Соч. С. 125.

7 Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004; Кирпичников И. А. Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1. № 1. С. 11–42.

8 Аракчеев В. А. Средневековый Псков. С. 197–238.

ниченность репрессий, а также рыночные механизмы функционирования городской экономики. Этим обусловлено обращение к документам выборочно опубликованных Тихомировым дел, и таким образом, во-первых, удастся объяснить необъяснимые до сего дня загадки псковского движения 1650 г., и, во-вторых, узнать, что происходило в восставшем городе на повседневном уровне после того, как повстанцы добились победы.

Определяющим является вопрос о размещении населения в городе в XVII в. У Тихомирова, не знакомого с переписными книгами Пскова 1646–1678 гг., были самые общие представления по этому предмету: состав городских сотен был известен ему по опубликованным документам 1631 г. Сами же сотни исследователь считал не только административно-политическими, но и производственными единицами, подобными западноевропейским цехам⁹. Введенные нами ранее в научный оборот материалы переписных книг мы в данной статье дополняем ретроспективным анализом переписной книги Пскова 1678 г., что позволит взглянуть на положение дел в городе под иным углом зрения. Этот источник уникален по своему содержанию: в отличие от большинства переписных книг псковская книга 1678 г. содержит перечень не только посадских, но и «белых» дворов, принадлежавших дворянам, подьячим, служилым по прибору, церковному причту, городским и дворцовым бобылям¹⁰. Большая часть псковских стрельцов жила за пределами города в стрелецкой слободе, и их дворы в книге зафиксированы не были; описание населения в «белых» дворах неполное; в освобожденных от тяглой раскладки служилых и церковных дворах были отмечены лишь хозяева, но социальная структура города в книге 1678 г. представлена исчерпывающе. Детальный пространственный анализ состава и размещения населения Пскова меняет сложившиеся представ-

9 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 29.

10 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8500. Л. 1–413.

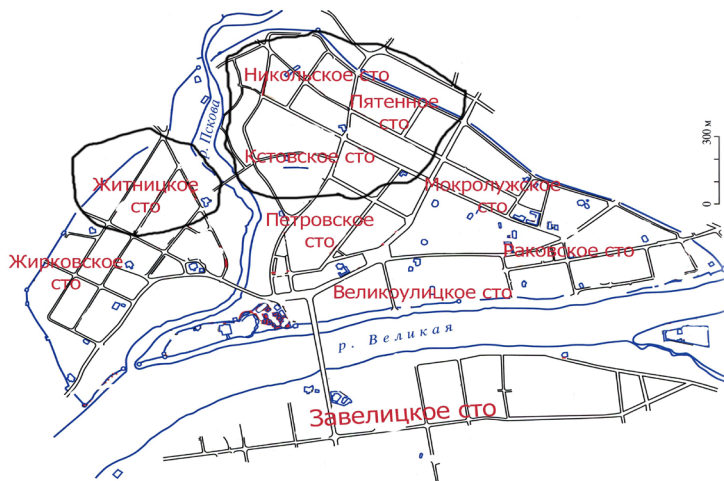
ления о русском городе XVII в. и социальной динамике в нем (см. Таблицу 1 и карту-схему).

Таблица 1.
Социальная структура Пскова
по переписным книгам 1678 г.

Городские сотни	Количество дворов по категориям населения					
	Посадских	Дворянских/ подьяческих	Служилых по прибору	Церковных	Прочих	Итого
Петровская	40	33/0	26	20	49	168
Великоулицкая	32	24/18	12	21	22	139
Жирковская	122	24/11	31	37	54	279
Житническая	96	13/0	0	36	65	210
Кстовская	120	2/2	8	12	39	183
Никольская	111	4/0	21	17	40	193
Пятенная	114	2/0	33	13	13	175
Мокролужская	112	71/0	46	22	48	299
Раковская	61	53/0	51	14	57	236
Завелицкая	96	0/0	24	10	123	253
Всего	904	226/31	252	202	510	2139

Пространственный анализ социальной структуры населения показывает, во-первых, что из десяти городских сотен лишь в четырех было чрезвычайно мало дворянских дворов и почти не было дворов подьячих. Эти условно «плебейские» по структуре населения районы примыкали к реке Пскове, и один из них

находился за пределами крепостных стен, за рекой Великой. В шести же городских сотнях дворянские, подьяческие и церковные

Административное деление Пскова по переписным книгам 1646 и 1678 гг.

дворы составляли весомую часть (от 60 до 77%) населения, а в трех центральных сотнях — Великоулицкой, Петровской и Раковской — численность дворянских дворов была сопоставима с численностью дворов посадских людей. Безусловно, часть из этих дворов использовалась в качестве осадных на случай войны, но в переписной книге 1678 г. зафиксированы и те помещичьи дворы, в которых хозяева жили постоянно: в Великоулицкой сотне зафиксирован двор псковского дворянина Бешенцова, который «живет сам без съезду»¹¹.

Анализируя социальные антагонизмы в городе при помощи концепта классовой борьбы, Тихомиров видел противовес «революционному правительству» Пскова в «контрреволюционных силах», в коалицию которых он включал помещиков, стрельц-

11 Там же. Л. 179.

ких и казачьих голов, духовенство и «лучших» посадских людей¹². Подобная «коалиция» сложилась и в Новгороде, но Новгородское восстание было подавлено спустя месяц после его начала. Общеизвестно, что именно непреклонная позиция митрополита Никона, обличавшего новгородских повстанцев, а затем, в решающий момент, 17 марта 1650 г. освободившего их от клятвы «стоять заодно», сыграла решающую роль в усмирении восстания в Новгороде¹³. Значительным изъяном реконструкции Тихомирова было то, что он воздержался от анализа реальной позиции псковского духовенства, хотя сам приводил цитаты и публиковал правительственные документы, свидетельствовавшие о, возможно, единичных фактах поддержки повстанцев со стороны приходского причта.

Речь идет об агитации попа Евсея (Евсевия) против участия псковичей в процедуре крестоцелования 17 августа 1650 г. В грамоте патриарха Иосифа псковскому архиепископу Макарию было указано отлучить «ото всякие церковные службы» тех попов и церковных причетников, которые к «вором пристали, или приста-нут»¹⁴. Однако в отличие от Никона псковский архиепископ лишь в начале восстания решился спасти жизнь Ф. Емельянову, а затем вел службы в Троицком соборе в течение пяти месяцев восстания, не посягая на антиправительственное городское «единение». Лишь 30 июля 1650 г., накануне капитуляции и в предчувствии ее, Макарий предложил делегации выборных людей покаяться и написать царю повинную челобитную, за что на следующий день был прикован цепью в богадельне. Наблюдая на протяжении пяти месяцев такое ренегатское поведение, приходские попы и причт не могли не подражать иерарху и в большинстве своем остались безучастными свидетелями происходивших событий.

В составе реконструированной Тихомировым «коалиции» отсутствуют подьячие Псковской съезжей избы и площадные

12 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 56–57.

13 Там же. С. 151–153.

14 Там же. С. 273, 302–315.

подьячие, многим из которых после завершения восстания были предъявлены обвинения в причастности к «воровству» и «всякому дурну», творившимся «мятежниками и изменниками». В своих челобитных, написанных после подавления восстания, площадной подьячий Захар Осипов тщательно затушевывал обстоятельства своего участия в действиях повстанцев, упирая на то, что его привлекли к службе в земской избе вопреки его воле. Представляется, однако, что, если бы З. Осипов действительно вступал в прекословие с руководителями восстания, и прежде всего с Гаврилом Демидовым, последний не поручил бы ему деликатную миссию написания обращения «к литовскому королю о помочи ратных людей о пяти тысячах».

Основательными представляются и обвинения псковских помещиков в пособничестве повстанцам в адрес подьячего Разрядного стола съезжей избы Владимира Самойлова, который благополучно пережил восстание в Пскове, а уже в конце 1650 — начале 1651 г. вымогал посулы у псковских детей боярских¹⁵. В челобитных, составленных после подавления восстания, его попутчики ссылались на конкретных персон, которые могли бы подтвердить их показания: подьячий Г. Артемонов обстоятельно рассказывал, как к нему в Псков приходили посланцы «тайным же обычаем от Афанасья Лаврентьевича Ордина-Нащокина для вестей и псковских воров и мятежников мысли и для корму»¹⁶. Но очевидно, что вывести «мысли» псковских мятежников мог лишь тот, кто вращался вблизи или непосредственно в центре принятия решений — земской избе.

Особую группу «интеллектуалов» составляли площадные подьячие, кормившиеся «от дел» просителей и зачастую выступавшие в роли позднейших стряпчих при судах: будучи тесно связанными с посадом, они и действовали последовательнее. Не случайно одним из лидеров повстанцев стал «площадных по-

15 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 98. Л. 197, 200.

16 Там же. Л. 211.

дьячих староста Томилко Васильев Слепой»¹⁷. Представляется, что и примкнувшие к восстанию псковские дворяне тоже не всегда действовали против своей воли: будучи в большинстве своем мелкопоместными, живя в городе чересполосно с посадскими и мелкими служилыми людьми, они не могли не ощущать своего ущемленного положения даже в отношениях с местным приказным миром. И лишь открытое вооруженное противостояние с правительственными войсками в июне — июле 1650 г. вызвало переход дворян на сторону правительственных сил, уклонение от участия в вылазках и ответные репрессии.

Второй проблемой, нуждающейся в отдельном обсуждении, является роль стрелецкого гарнизона в Псковском восстании. Вопреки общераспространенному мнению, русские стрельцы не были уникальным явлением среди европейских и ближневосточных стран. Еще Ч. Тилли заметил, что «на уровне государства организационное разделение вооруженных сил на те, что участвовали в сражениях с внешним врагом и тех, которые были ориентированы на контроль над местным населением, происходило очень медленно и никогда так и не стало полным»¹⁸. Близкую аналогию русским стрельцам представляли систематически участвовавшие в государственных переворотах в Стамбуле турецкие янычары. Стрельцы приняли участие в восстании 1648 г. в Москве, в Новгородском восстании 1650 г., хотя в Новгороде они уже через месяц перешли на сторону правительственных сил.

Участие псковских стрельцов в восстании было последовательным и долговременным. Невзирая на уговоры командиров, стрельцы упорствовали в своем непреклонном противостоянии с правительством. Когда один из голов стрелецкого приказа С. И. Челеев после подхода корпуса И. А. Хованского усилил свою агитацию среди подчиненных, настаивая, чтобы они «под сыск

17 Там же. Л. 198.

18 Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства (990–1990). М., 2009. С. 120.

здались», он был брошен в тюрьму. Из девяти руководителей повстанцев, высланных в ноябре 1650 г. в Новгород, было шесть стрельцов, что свидетельствует как о масштабах участия их приказов в восстании, так и о непримиримости их позиции¹⁹. Какие же обстоятельства сыграли решающую роль в радикализации настроений стрельцов?

Стрелецкий гарнизон Пскова состоял из трех приказов и насчитывал около 1 тыс. «старых» и около 300 новоприборных стрельцов. Опубликованная в XIX в. и изученная М. Н. Тихомировым роспись 1647/48 г. входит в состав оставшегося неизвестным исследователю архивного дела о выдаче жалованья служилым людям Новгорода и Пскова²⁰. Его материалы позволяют дать аргументированный ответ на поставленные вопросы. Выдача жалованья новгородским и псковским стрельцам «в прошлых годех» (до 1646/47 г.) осуществлялась по памятям из Стрелецкого приказа и под его контролем деньгами, получаемыми в виде четвертных доходов с Пскова и его земли и в зерновом эквиваленте (юфтями ржи и овса). Согласно росписи, «псковским же стрельцом всех трех приказов государева хлебного жалованья по окладу» полагалось «7878 четьи ржи, овса тож; пятидесятником по 7-ми четей, десятником по 6,5 четей, рядовым по 6 четей ржи, овса по тому ж человеку»²¹.

Взимаемые в Пскове и его земле налоги «за стрелецкий хлеб» далеко не всегда покрывали потребности стрелецких гарнизонов Пскова и его пригородов. В росписи 1647/48 г. констатировалось, что «в которых годех стрелцом во Пскове за хлеб доходов з дачю не ставало, и им давано хлебное жалованье из дворцового хлеба, а в ыные годы во Псков к тамошним доходом стрельцом на хлебное жалованье посыланы денги с Москвы из доходов Новгородские четверти». Дефицит местного бюджета к началу 7156 финан-

19 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 98. С. 55–56, 124.

20 Там же. Д. 113. Л. 62–150.

21 Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 122–125.

сового года составил 2059 руб. 9 алт. 3 деньги²². Свойственное правительству И. Д. Милославского стремление к оптимизации бюджетных расходов вызвало роковую для Пскова инновацию. Бюджетная роспись о выдаче жалованья псковским стрельцам в 1647/48 г. была составлена не в Стрелецком приказе, а в Новгородской четверти, а ее главным новшеством была замена хлебного жалованья, выдававшегося ранее в зерновом эквиваленте (юфтями ржи и овса), денежной компенсацией.

Согласно указу от 24 января 1648 г., псковским стрельцам предписывалось выдать «денежное жалованье и за хлеб на нынешней на 156-й год денгами ис тамошних доходов по срокам против прошлого 155-го году по псковской и псковских пригородов по меньшей цене, по чему купят рожь и овес меньшей ценою». Причем жалованье следовало выдавать в два этапа, 25 сентября («Сергеевского сроку») и 25 марта («на Благовещенье день»): «денежное и за хлеб денгами из наших из псковских ис четвертных доходов, а давали б естя им за хлеб денгами за казенную отдаточную медяную стрелецкую меру по сроком по ценовным памятем, по чему в нынешнем во 156-м году о Сергиевском сроке на торгу рожь и овес купили, и о Благовещенье дни учнут купити по меньшей цене за отдаточную ж меру по розчету против торговые меры за три полуосмины»²³. Это предписание было продиктовано стремлением сэкономить на выплатах стрельцам, поскольку уменьшало суммы жалованья до эквивалентных минимальным хлебным ценам.

Предписание таило в себе серьезные риски, проистекавшие из нестабильности хлебных цен на рынках северо-западных русских городов, и правительство эти риски осознавало, судя по ремарке о необходимости фиксировать «дачи» «в росходные книги и в сметной годовой список имянно себе статьею, чтоб ни в чем *смуты* (курсив мой. — *Прим. авт.*) не было»²⁴. Любое

22 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 113. Л. 136.

23 Там же. Л. 107, 111.

24 Там же. Л. 120–121.

внешнее воздействие могло привести к резкому скачку цен; угроза такого повышения актуализировалась весной 1650 г. в связи с известным договором со Швецией о скупке хлеба на псковском рынке шведским гостем Нумменсом и купцом Емельяновым для выплаты Швеции в качестве компенсации за перебежчиков. Именно угроза повышения цен и сокращения объема хлеба, который мог бы быть закуплен на деньги, выплаченные из расчета «меньшей цены», и радикализовала требования стрельцов, приводя к столь опасной «смуте».

Третьим вопросом, неизбежно встающим перед исследователем Псковского восстания, является проблема вооруженного сопротивления правительству гражданского населения города. Тихомиров полагал, что единственной боеспособной силой в городе были стрельцкие приказы и дворянские сотни; ополченцы же из посадских должны были быть вооружены хуже и не имели навыков участия в бою. Во-первых, преувеличивать интенсивность противостояния под стенами Пскова не следует: вопреки мнению ряда исследователей город не был осажден и тем более в течение полугода; корпусу И. А. Хованского удалось его блокировать лишь 28 мая 1650 г.; следовательно, блокада города продолжалась не более двух с половиной месяцев. А во-вторых, новейшие исследования позволяют откорректировать представления о вовлеченности посадских людей в нужды обороны города.

Ранее нами были введены в научный оборот данные о вооружении тяглого населения Северо-Запада России в 1627–1638 гг. Было показано, что в 1635–1638 гг. 890 человек посадских людей Пскова были учтены в сметных росписях как потенциальные защитники города с закрепленным за ними оружием. Вооружение же тяглого населения и включение его в состав боевых формирований (десятков и полусотен) порождало готовность ополченцев использовать

оружие и в условиях мира против действующей власти²⁵. В расспросных речах лета 1650 г. фиксируется немедленная реакция псковских повстанцев на предполагаемый подход правительственных сил: «А снаряд де по городу поставили, и пушкарей, где кому стоять росписали; зелье и свинец всяких чинов людем роздали»²⁶. В цитированном донесении не упомянуто оружие, что могло означать лишь одно: оружие было на руках у людей «всяких чинов», и прежде всего посадских, в то время как в городском арсенале хранились артиллерийские орудия и «затинные» (стационарные) пищали.

Посадские люди Пскова, как и других русских городов, состояли в мобилизационном резерве и располагали оружием в течение всего XVII столетия. Вооруженные отряды милиционного типа содержало и большинство западноевропейских городов, в особенности в Нидерландах, где функционировали стрелковые гильдии²⁷. Наиболее подробные данные о мобилизационном резерве Пскова содержатся в сметной книге 1695 г., материалы которой пригодны для ретроспективного анализа. Учету и вооружению в городе подлежали все совершеннолетние мужчины, способные носить оружие, включая сыновей, зятьев и внуков хозяина двора. Особенно показательно вооружение богатейших псковских купцов Русиновых, отец которых, Афанасий Русинов, был участником Земского собора 1648–1649 гг. В сметной книге были учтены двое братьев Русиновых с двумя сыновьями, племянником и двумя внуками, то есть семь взрослых мужчин, вооруженных пища-

25 Аракчеев В. А. Ополчение из «всяких жилецких людей»: мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // Тридаты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М., 2018. С. 211–220.

26 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 24. Л. 559.

27 Buylaert F., Van Camp J., Verwerft B. Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s // Journal of Medieval Military History. IX. 2011. P. 146–166; Prak M. Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries // Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation / ed. M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly. Aldershot, 2006.

лями²⁸. Пицаль и бердыш, как известно, составляли вооружение стрельца. Таким образом, в 1695 г. псковский гарнизон составлял два полка стрельцов численностью 1961 чел., к которым можно присовокупить 302 чел. ополченцев, вооруженных пищалями, и 270 чел. — бердышами. К 2536 стрельцам и ополченцам можно присовокупить 569 посадских, вооруженных топорами и копьями. В 1650 г. в Пскове были размещены два примерно таких же по численности стрелецких приказа, а его посадское население в течение 1640–1670-х гг. колебалось в пределах 890–900 дворов. Следовательно, численность псковского гарнизона и в 1650 г. достигала 3000 чел. Такое количество стрельцов и ополченцев, расставленных на боевых позициях по стенам и башням, было вполне сопоставимо с численностью корпуса И. А. Хованского, который даже не решился приступить к осаде города, ограничившись блокадой дорог.

Таблица 2.
Вооружение посадских людей Пскова
по сметной книге 1695 г.

Городские сотни	С пищалями	«З бердыши»	С топорки	С копиями	Итого
Петровская	11	11	12	5	38
Великоулицкая	10	9	5	6	30
Жирковская	42	27	23	27	119
Житницкая	31	18	27	24	100
Кстовская	21	19	25	20	85
Никольская	29	34	32	45	140
Пятенная	37	39	44	46	166

28 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6 в. Д. 66. Л. 62.

Мокролужская	41	56	42	38	177
Раковская	46	16	15	23	100
Завелицкая	45	37	36	48	166
Всего	302	270	269	300	1141

Этот факт бросает свет на четвертую нуждающуюся в обсуждении проблему: масштабы и направленность репрессий повстанцев в отношении сторонников правительства. Необъяснимое до настоящего времени обстоятельство состоит в том, что, невзирая на остроту противостояния с правительством, в Пскове не наблюдалось острых проявлений «классовой борьбы», которая выражалась бы в массовой экспроприации имущества наиболее состоятельных представителей посада (за единственным исключением — посадский человек, а с марта 1650 г. гость Ф. Емельянов). Вышеупомянутые подьячие, обвинявшиеся после подавления восстания в соучастии в нем, акцентировали внимание на грабеже их дворов, что носило в отношении этих далеко не самых состоятельных служилых людей явно демонстративный характер. Если же предположить, что в большинстве домов верхушки посада жили несколько вооруженных пищальями и не учтенным в сметных книгах холодным оружием мужчин, как это было во дворах потомков участника Земского собора А. Русинова, становится понятной основная причина, по которой не были разграблены их дворы. «Вооруженный нейтралитет» состоятельных посадских людей, открыто не противившихся руководству восстания и даже шедших на определенные компромиссы, как будет показано далее, был лучшим средством сдерживания классовой ненависти бедноты.

Немаловажные коррективы в представления о репрессивной политике повстанцев вносит сохранившийся в составе одного из столбцов следственного дела «извет» холопа, бежавшего из осажденного Пскова в полки И. А. Хованского. В этом не опубликованном и не процитированном М. Н. Тихомировым весьма красноречивом документе идет

речь о примененной по отношению к жене бежавшего из Пскова купца Ф. Емельянова, получившего чин московского гостя, пытке и осуществленной конфискации его имущества (см. Приложение)²⁹. Вторичное после кратковременного ареста 28 февраля дознание жены Емельянова осуществлялось в Петровский пост, который в 1650 г. продолжался с 10 по 28 июня. По сообщению извetchика, при дознании присутствовали «староста Мишка Мошницын, да Федка Сорокоалтынов, Мишка Русинов, Анкудинко Гдовленин».

Все четверо «добрых людей» хорошо известны по событиям восстания: М. Мошницын был одним из двух всегородных старост до июля 1650 г., а Ф. Сорокоалтынов и А. Гдовленин — одними из наиболее активных предводителей восстания. М. Русинов, представитель купеческой семьи и сын участника Земского собора 1648—1649 гг., стал одним из всегородных старост позднее, в июле 1650 г., но его участие в процедуре дознания было наверняка мотивировано стремлением продемонстрировать лояльность руководству повстанцев. Руководил дознанием другой известный предводитель повстанцев, посадский человек Дружина Бородин, который накануне завершения восстания бесследно исчез из Пскова, но затем вернулся в город, был арестован и в декабре 1650 г. выслан в Новгород для дальнейшего розыска³⁰.

Совершенно очевидно, что факт пытки жены Ф. Емельянова, которой было нанесено 56 ударов плетью или розгами, был из ряда вон выходящим. Но, так или иначе, он стоит в одном ряду с расправой над псковскими дворянами, казненными по подозрению в предательстве после сражения с правительственными войсками³¹. По результатам пытки была осуществлена вторичная конфискация «живота» Федора Емельянова: сало и лен «продали на Немецкой двор, а имали денги и соль, и денги де взяли в земскую избу, а соль де положили на Гостине дворе»³². Помимо самих фактов пыток и конфискаций, важно под-

29 Там же. Ф. 141. Оп. 2. Д. 63. Л. 52–52 об.

30 Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 328–329.

31 Там же. С. 102, 116.

32 РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 63. Л. 52.

черкнуть проявившееся разделение жителей города отнюдь не по классовому признаку, поскольку классовые интересы семей Емельяновых и Русиновых, очевидно, были ближе, нежели умонастроения Русиновых и восставших посадских и стрельцов.

Пятой важной проблемой является понимание того, как функционировала «экономика» (рыночные механизмы) восставшего города. В течение трех месяцев (конец февраля — конец мая 1650 г.) в непосредственной близости от Пскова отсутствовали верные правительству войска. Запланированная на март закупка хлеба на псковском рынке правительственными агентами не состоялась; следовательно, продажа свезенного в город осенью-зимой 1649 г. хлеба должна была идти обычными алгоритмами, диктуемыми повседневными потребностями горожан. Для оценки продовольственной ситуации в городе важны два маркера. Первый маркер являет себя в том, что в период с 27 февраля (начало восстания) по 25 марта, когда состоялась передача города от воеводы Никифора Собакина новоназначенному воеводе кн. Львову, Собакин раздал крестьянам дворцовых волостей из дворцовых житниц «хлеб». Это был «десятинный хлеб», который дворцовые крестьяне сдавали государству в качестве натуральной повинности, и часть которого обычно шла на пополнение «стрелецкого хлеба», составлявшего натуральное жалованье стрелецкого гарнизона. Раздача хлеба была поставлена повстанцами в вину Собакину, который именно за это содержался под арестом. Невзирая на осуществленную раздачу, в челобитных, расспросных речах, донесениях правительственных агентов из Пскова нет упоминаний о дефиците хлеба в городе или росте цен в марте — августе 1650 г.

Вторым маркером является состояние кабацкого дела в Пскове, материалы по истории которого были введены нами ранее в научный оборот. Посадский человек Сретенской сотни из Москвы Иван Тюкин вместе со своими товарищами получил на откуп шесть кабаков в Пскове и его округе и управлял ими с 1 сентября 1649 по 1 сентября 1651 г., то есть в период восстания 1650 г. Из его челобитной

известно, что опочечские стрельцы, правительственные войска и местные жители в июне — июле 1650 г. разграбили один из находившихся в его управлении кабаков в дворцовой волости Новая Уситва, неподконтрольной псковским повстанцам³³. Однако в сохранившейся челобитной от января 1651 г. откупщик ни словом не упомянул о каких-либо проблемах, возникших с пятью его кабаками в восставшем Пскове. Это значит, что их функционирование шло заведенным порядком, на питейные дворы поставлялись как востребованные потребителями напитки из-за рубежа, так и хлебное сусло местного изготовления, что опять же свидетельствует об отсутствии проблем с продовольственным обеспечением города.

Изложенные факты показывают не просто реалии повседневной жизни региона, население которого рискнуло бросить вызов верховной власти. Такая борьба неизбежно перерастала в борьбу за ресурсы, одним из видов которых было производство и дистрибуция алкогольных напитков. Политический опыт Псковского восстания в этом отношении не был уникален. Всего лишь годом-двумя раньше аналогичная борьба велась в восставшем против власти воеводы и приказных Томске. Н. Н. Покровский особо подчеркивал значение регулярных раздач казенного вина «всех чинов людям» по царским и церковным праздникам. Согласно показаниям свидетелей по следственному делу, пристав винного погреба С. Моклоков выдавал чарки государева вина казакам, подьячим и попам, «чтоб воровской их совет был крепок». Произведенное вино реализовывалось через кабаки, и, по словам одного из информаторов, была «учинена вольность большая, николи столько кабаков в Томском не бывало»³⁴.

33 Аракчеев В. А. Некоторые особенности классовой борьбы в Пскове 1650 г. // Человек архивный: Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности / отв. ред. В. А. Аракчеев. М., 2021. С. 236–241.

34 Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 186–188.

Наконец, как минимум до середины июня 1650 г. в Пскове не прерывалась торговля с зарубежными контрагентами. В донесениях и расспросных речах фигурируют как обычное явление «литовские приезжие люди», закупавшие сушеную рыбу у монахов Печерского монастыря или размещавшиеся со своими товарами, как обычно, на территории гостиного «немецкого двора». «Иноземцы литовские люди торговые люди полочане» пребывали на немецком дворе еще 13 июня 1650 г., в самый разгар вооруженных столкновений с правительственными войсками под Псковом³⁵. Вышесказанное означает, что в период восстания 1650 г. Псков оставался подключен к торговым потокам балтийско-славянского сообщества, а в городе не было даже признаков экономического коллапса, подобного тому, в котором он, наряду с другими русскими городами, оказался в годы монетного кризиса 1661—1662 гг. и в первые годы после него.

Выводы, полученные путем анализа гораздо более репрезентативного, чем привлекавшийся предыдущими исследователями, материала, очевидны: изучение пространственно-временных структур позволяет раскрыть эвристический потенциал методов микрорегионального исследования, увидеть за динамическими метаморфозами военно-политического противостояния статику социальных отношений. Специфические черты Псковского восстания, длившегося пять месяцев и прекратившегося в результате компромисса, были порождены комплексом причин, среди которых выделяются институализированные феномены: социопространственная структура города, рыночные механизмы функционирования городской экономики, бывшей частью балтийско-славянского торгового сообщества. Важнейший мобилизационный ресурс в лице горожан-ополченцев, обеспеченных оружием, стал гарантией как организованного сопротивления правительственным войскам, так и относительно длительного

35 РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. Д. 71. Л. 11.

и устойчивого социального мира в городе в разгар острого корпоративно-классового конфликта.

Приложение.

Извет беглого холопа о пытках псковских повстанцев в отношении жены гостя Ф. Емельянова, 1650 г., ранее 24 июля

Псковитина Ивана Устинова человек сказал: Федорову де жену Омельянова пытали в Петров пост, а у пытки были староста Мишка Мошницын, да Федка Сорокоалтынов, Мишка Русинов, Анкудинко Гдовленин, а допрашивал де и пытать велел Дружинка Бородин, а допрашивали де и пытали в том, где муж ее: в Москве ли, или у боярина в полках, и присылает ли де к ней муж ее о чем к ней³⁶ грамотки, и она к нему пишет ли, и было де ей 56 ударов, а Дружинка де Бородин, пришед, брал ее за волосы, и рычал, чтоб ее полач бил нещадно. А после де пытки ее кинули в тюрьму и держат в тюрьме, а живот де Федора Омельянова — сало да лен — продали на Немецкой двор, а имали денги и соль, и денги де взяли в земскую избу, а соль де положили на Гостине дворе, а соли взяли на Федорове товаре 750 мехов небольших, в мехе пудов по десяти и по пятнатцати.

Божиею милостию великому пресветлейшему [православному] государю, царю и великому князю Алекс[ею Михайловичу] всея России самодержцу Владимирскому, [Москов]скому, Новгородскому, царю Казанскому, Астороханскому, Сибирскому, государю Псковскому и великому князю [Смоленскому], Тверскому, Югорско[му, Пермскому], Вятцкому, Болгарскому и иных государств его царского величества, и великому князю Новагорода Низовское земли, Рязанскому, Рос[товскому], Ярославскому, Белозерскому, Удорскому, Обдор[скому, Кондий]скому и всея северные страны повелителю [и государю] Иверския земли, Кар-

талинских и Грузинских [царей, и Кабардин]ские земли, Черкасских и Горских князей и иных [многих] государств государю и обладателю.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. 1650 г. Д. 63. Л. 52–52 об.

Литература

1. *Аракчеев В. А.* Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков: Псковская типография, 2004. 357 с.

2. *Аракчеев В. А.* Ополчение из «всяких жилецких людей»: мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2018. С. 211–220.

3. *Аракчеев В. А.* Некоторые особенности классовой борьбы в Пскове 1650 г. // Человек архивный: Сборник статей к семидесятилетию Юрия Моисеевича Эскина и 42-летию его архивной деятельности / отв. ред. В. А. Аракчеев. М.: Древлехранилище, 2021. С. 236–241.

4. *Кирпичников И. А.* Центр против «пригородов»: Смутное время в Рязанской земле // Территория: журнал исторических исследований. 2025. Т. 1. № 1. С. 11–42.

5. *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука, 1989. 385 с.

6. *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.: Изд. Академии наук СССР, 1948. Т. 2. 736 с.

7. *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства (990–1990). М.: Территория будущего, 2009. 328 с.

8. *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 447 с.

9. *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1975. 246 с.

10. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1898. Кн. 1. М., 1898. С. 308–310.

11. Buylaert F., Van Camp J., Verwerft B. Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s // Journal of Medieval Military History. IX. 2011. P. 146–166.

12. Prak M. Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries // Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation / ed. M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly. Aldershot, 2006. P. 74–107.

References

1. Arakcheev, V. A. (2004) *Srednevekovyi Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vv.* [Medieval Pskov: Power, Society, Everyday Life in the 15th — 17th Centuries]. Pskov: Pskovskaya tipografiya.

2. Arakcheev, V. A. (2018) “Opolchenie iz ‘vsyakikh zhiletskikh lyudei’: mobilizatsionnye resursy gorodov Severo-Zapada Rossii v 1630-h gg.” [“Militia of ‘All Kinds of Residents’: Mobilization Resources of the Cities of North-West Russia in the 1630s”], in *Tri daty tragicheskogo pyatidesyatiletiya Evropy (1598–1618–1648)* [Three Dates of the Tragic Fiftieth Anniversary of Europe (1598–1618–1648)]. Moscow: Institut vseobshhei istorii RAN, pp. 211–220.

3. Arakcheev, V. A. (2021) “Nekotorye osobennosti klassovoi bor'by v Pskove 1650 g.” [“Some Features of the Class Struggle in Pskov in 1650”], in *Chelovek arhivnyi: Sbornik statei k semidesyatiletiyu Yuriya Moiseevicha Eskina i 42-letiyu ego arhivnoi deyatel'nosti* [The Archival Man: Collection of Articles for the Seventieth Anniversary of Yuri Moiseevich Eskin and the 42nd Anniversary of His Archival Activities]. Moscow: Drevlekhranilishche, pp. 236–241.

4. Buylaert, F., Van Camp, J., Verwerft, B. (2011) “Urban Militias, Nobles and Mercenaries. The Organization of the Antwerp Army in

the Flemish-Brabantine Revolt in 1480s”, *Journal of Medieval Military History*, IX, pp. 146–166.

5. Chistyakova, E. V. (1975) *Gorodskie vosstaniya v Rossii v pervoi polovine XVII v.* [*Urban Uprisings in Russia in the First Half of the 17th Century*]. Voronezh: Izd. Voronezhskogo un-ta.

6. Kirpichnikov, I. A. (2025) “Tsentr protiv ‘prigorodov’: Smutnoe vremya v Ryazanskoi zemle” [“Center Versus ‘Suburbs’: Time of Troubles in Ryazan land”], *Territoriya: Zhurnal Istoricheskikh Issledovaniy*, 1 (1), pp. 11–42.

7. Pokrovskii, N. N. (1989) *Tomsk 1648–1649 gg. Voevodskaya vlast’ i zemskie miry* [*Tomsk 1648–1649. Voivodeship Power and Zemstvo Worlds*]. Novosibirsk: Nauka.

8. Prak, M. (2006) “Corporate Policies in the Low Countries: Guilds as Institution 14th to 18th Centuries”, in M. Prak, C. Lis, J. Lucassen and H. Soly (ed.). *Craft Guilds in the Early Modern Low Countries. Work, Power, and Representation*. Aldershot: Ashgate, pp. P. 74–107.

9. Smirnov, P. P. (1948) *Posadskie lyudi i ikh klassovaya bor’ba do sere diny XVII v. T. 2* [*The Townspeople and Their Class Struggle Until the Mid-17th Century Vol. 2*]. Moscow: Izd. Akademii nauk SSSR.

10. Tikhomirov, M. N. (1969) *Klassovaya bor’ba v Rossii XVII v.* [*Class Struggle in Russia in the 17th Century*]. Moscow, Nauka.

11. Tilli, Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva (990–1990)* [*Coercion, Capital and European States (1990–1990)*]. Moscow, Territoriya budushchego.

12. Yakubov, K. I. (1898) “Rossiya i Shvetsiya v pervoi polovine XVII v.” [“Russia and Sweden in the First Half of the 17th Century”], in *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete*, 1, pp. 308–310.

Сергей Мезин

Города Нижнего Поволжья петровского времени: основные тенденции и итоги развития

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

mezinsa@mail.ru

Аннотация. В статье представлена эволюция нижеволжских городов — Астрахани, Царицына, Дмитриевска, Саратова — в петровское время. Изначально эти города отличались удаленностью от центра, отсутствием земледельческой округи и уездов, соседством с кочевыми народами. Политика Петра I внесла серьезные коррективы в их существование, определила траекторию их дальнейшего развития. Астрахань, пережив ряд социально-экономических потрясений, сохранила свои торгово-экономические позиции, стала губернским центром и базой имперской политики России в Прикаспии. Царицын остался городом-крепостью, укрепил свою роль в охране российских границ на Юго-Востоке. Дмитриевск-Камышин, пережив бурный рост на рубеже XVII—XVIII вв., к концу петровского царствования пришел в упадок. Саратов начал превращаться в значительный торгово-промышленный центр с земледельческой округой.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье в первой четверти XVIII в., Астрахань, Царицын, Дмитриевск, Саратов, история города.

Cities of the Lower Volga Region at the time of Peter the Great: Key Trends and Development Results

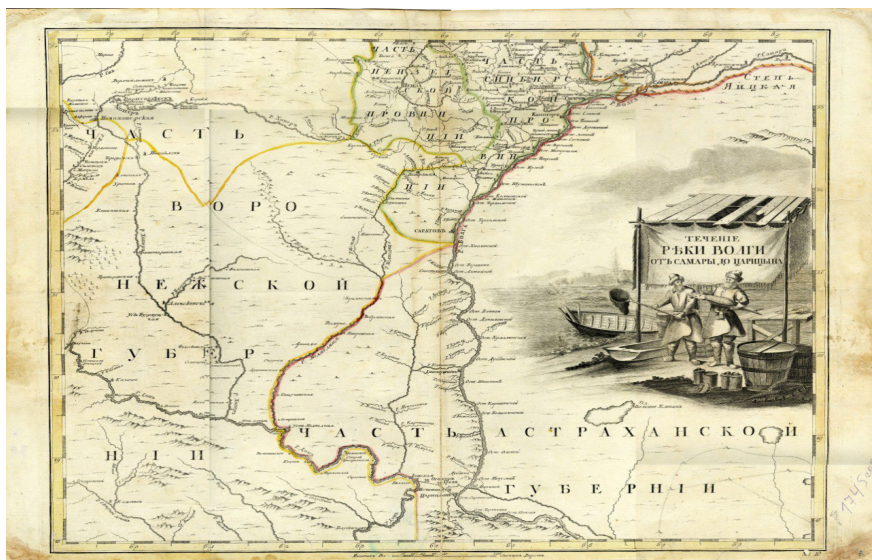
Sergey A. Mezin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of Russian History and Archeology, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky.

mezinsa@mail.ru

Abstract. The article presents the evolution of the Lower Volga cities (Astrakhan, Tsaritsyn, Dmitrievsk, Saratov) at the time of Peter the Great. Initially, these cities were distinguished by their remoteness from the center, the absence of an agricultural area and counties, and proximity to nomadic population. The policy of Peter I made significant adjustments to their existence and determined the trajectory of their further development. Astrakhan, having survived a number of socio-economic upheavals, retained its trade and economic positions, became a provincial center and the base of Russia's imperial policy in the Caspian region. Tsaritsyn remained a fortress city and strengthened its role in protecting Russia's borders in the South-East. Dmitrievsk-Kamyshin, having experienced rapid growth at the turn of the 17th — 18th centuries, fell into decline by the end of Peter the Great's reign. Saratov began to turn into a significant trade and industrial center with an agricultural area.

Key words: Lower Volga Region in the first quarter of the 18th century, Astrakhan, Tsaritsyn, Dmitrievsk, Saratov, History of the City.

Эволюция нижеволжских городов — Астрахани, Царицына, Дмитриевска, Саратова — в петровское время характеризуется как общностью их судьбы, так и различием траекторий развития. С XVI в. за ними закрепилось название «низовых» или «понизовых». Впрочем, это понятие охватывало все города Среднего и Нижнего Поволжья, а также Приуралья, традиционно подвластные Приказу Казанского дворца. Рассматриваемая группа городов выделялась среди них удаленностью от центра, отсутствием земледельческой округи и уездов, близким соседством с кочевыми народами, неподвластными или формально подвластными российскому правительству. Изначально это были города-крепости, нанизанные, словно редкие бусины, на нитку Волги, которая оставалась для них главной жизненной артерией.

Течение реки Волги от Самары до Царицына. Из книги «Атлас Российской империи» (СПб., 1745).

Берега реки от Саратова до Астрахани, не имеющие сельских поселений, но изобилующие всякого рода опасностями, представляли собой территорию, чреватую конфликтами с соседями

Казаки на челноках нападают на речное судно. Гравюра из книги Avril Ph. «Voyage en divers Etats d'Europe et d'Asie...» (Paris, 1692).

и природной средой с неустоявшейся подвижной границей, именующую фронтиром¹. Характерно, что в 1730-х гг. жители Саратова сетовали на сложность своего положения, ибо «город... украинской и безуездной и обретається в степном месте»².

- 1 См.: Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы международной научной конференции (Казань, 29–30 ноября 2012 г. / отв. ред. Г. В. Ибнеева. Казань, 2015; Ходорковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 74–80.
- 2 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 248. Оп. 9. Д. 527. Л. 845.

Нижеволжская столица

Самым большим и во многом уникальным в масштабах Российского государства нижеволжским городом была Астрахань, основанная в 1558 г. В реестре Главного магистрата 1723 г. она отнесена к тринадцати городам России с самым большим посадским населением³; внушительным был и гарнизон окраинного города⁴. Ее история конца XVII — начала XVIII в. была предметом основательных трудов Н. Б. Голиковой⁵ и краеведческих работ астраханских историков⁶.

Город располагался на острове Долгом в дельте Волги, на возвышенном мысу, образованном коренным руслом и протокой Кутум. Близко к берегу Волги подходили каменные стены Кремля (1582–1589 гг.) с тремя проездными и тремя глухими башнями⁷. В 1710 г. в Кремле крепостным зодчим Дорофеем Мякишевым был возведен пятиглавый Успенский собор, который было видно за 15 верст от города. Рядом с собором имелось Лобное место. Из камня в Кремле были выстроены митрополичий двор,

- 3 Водарский Я. Е. Список городов России с указанием примерного количества посадских дворов (1723) // Исторический архив. 1961. № 6. С. 236.
- 4 Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 17–18, 26–27, 29, 60, 61, 70, 101; Голикова Н. Б. Очерки истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982. С. 42–43, 47.
- 5 Голикова Н. Б. Наемный труд в городах Нижнего Поволжья в первой четверти XVIII в. М., 1965; Она же. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975; Она же. Очерки истории городов России конца XVII — начала XVIII в.; Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века: Сб. док. / подгот. Н. Б. Голикова. М., 2004.
- 6 См.: Курапов А. А. Роль Петра I в модернизации Астраханского края // Петр I у истоков Российской империи: материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. Архангельск, 2022. С. 63–66.
- 7 Описание укреплений и вооружения Астрахани 1705 г. см.: Полубояров М. С. Низовые города России. По материалам Оружейного фонда Российского государственного архива древних актов. Волгоград, 2021. С. 80–96.

Троицкий монастырь, Приказная палата. Здесь же располагались трехсветные воеводские хоромы, а также четыре приходские церкви. К южной стене Кремля примыкал каменный Житный двор.

Панорама Астрахани. Гравюра по рисунку К. де Бруина из книги «Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales...» (La Haye, 1732. Vol. 3).

К востоку от Кремля простирался Белый город, также окруженный каменной стеной с 12 башнями. В нем имелось два монастыря, пять приходских церквей, земская изба, таможня, торговые ряды, каменные гостиные дворы — Русский, Индийский, Армянский.

С юго-востока Кремль и Белый город окружал Земляной город, укрепленный валами и деревянными стенами с 14 башнями. Внутри его два монастыря, 6 приходских церквей, 11 слобод, в том числе Гилянская, Бухарская и Татарская⁸, последняя — с глино-

8 См.: Торопицын И. В. Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра Великого // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб., 2019. С. 185–207.

битными домами, мечетями и татарским базаром. В Армянской слободе имелся каменный собор. Вдоль Волги и Кутума теснились причалы, амбары, конюшни, торговые ряды, за Кутумом располагался Ивановский монастырь и Казанская слобода. Топография Астрахани перекликалась с московской, но местная природа и многонациональное население придавали городу неповторимый восточный колорит.

Основу экономического благосостояния города составляли богатейшие рыбные и соляные промыслы, садоводство и бахчеводство, а также транзитная торговля со странами Востока.

Чрезвычайно пестрым был социальный и национальный состав городского населения, в котором, по авторитетному мнению Н. Б. Голиковой, стрельцы с семьями составляли более 10 тыс. человек, но невоенное население все-таки численно преобладало⁹. Кроме постоянных жителей в городе находилось много приезжих купцов, промышленников, работных и гулящих людей.

Вышеописанная картина городской жизни сложилась к первым годам XVIII в. Как изменилась она под влиянием политики Петра I?

Драматичным событием, унесшим по меньшей мере тысячу жизней наиболее активных горожан, было восстание 1705–1706 гг. В новейшей литературе едва ли не главной причиной бунта называют недовольство жителей петровскими новшествами — указами о бритье бороды и ношении «немецкого» платья, которые с изуверским рвением исполнялись воеводой Т. И. Ржевским¹⁰. Конечно, нарушение вековых культурно-бытовых традиций, связанных в народном сознании с православием, было серьезным поводом для протеста, однако рост налогов, сокращение жалованья стрельцам, часть которых была причастна к бунту 1698 г., представляются более основательными причинами. Несмотря на то, что астраханцы принесли

9 Голикова Н. Б. Очерки истории городов России. С. 41, 43.

10 См.: Акельев Е. В. Русский Мисопогон: Петр I, брандобритие и десять миллионов «москвитов». М., 2022. С. 392–396.

повинную царю, город был взят штурмом войсками Б. П. Шереметева. После жестокой расправы с зачинщиками стрельцы были заменены солдатами, стрелецкие слободы запустели. Вместе с тем правительство специальным указом разрешило жителям городов Нижнего Поволжья не брить бороды и не носить европейское платье¹¹. Позже признание личности Астрахани проявилось и в освобождении местных дворян от явки на смотр 1721—1722 гг.¹²

Введение в 1705 г. государственной монополии на добычу и продажу соли вызвало временный кризис соледобычи в Астрахани. Потребностями войны было обусловлено создание двух селитренных заводов, что сделало город крупнейшим в России центром производства этого стратегического сырья.

По указу 22 ноября 1717 г. Астрахань стала центром губернии¹³. Причиной повышения административного статуса города было не только удобство управления юго-восточными окраинами России, но и активизация восточной политики Петра I. Город становится главной базой реализации имперских геополитических замыслов царя, связанных с изучением берегов Каспийского моря, разведыванием путей в Среднюю Азию и Индию, завоеванием Западного Прикаспия¹⁴. В 1719 г. астраханским губернатором был назначен энергичный и амбициозный А. П. Волынский, хорошо знавший персидские дела и укрепивший свое положение в элите российского государства женитьбой на двоюродной сестре царя А. Л. Нарышкиной. Вступая в должность, Волынский подчеркивал сложность управления новой губернией, где, по его словам, «иное государство, а не Россия, понеже

11 Там же. С. 398.

12 *Беспярых Ю. Н.* О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова) // *Петербургский исторический журнал*. 2015. № 2. С. 268.

13 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание I. СПб., 1830. Т. 5. № 3119.

14 См.: *Анисимов Е. В.* Петр Великий и основы его восточной политики // *Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса*. 1–2 июня 2018 года. СПб., 2019. С. 11–16.

что государю и государству противно, то здесь приятно. И такие дикие дела делаются, что и слышать страшно...»¹⁵. Сетовал губернатор и на злоупотребления обер-коменданта М. И. Чирикова, управлявшего Астраханью в 1709–1719 гг. О проблемах Астрахани и губернии Волынский доносил царю и получил от него подробную инструкцию от 26 октября 1720 г., которая предписывала ряд традиционных мер, касающихся обороны города и содержания гарнизона, покровительства иностранным купцам и транзитной торговле, «умножения» купечества, а также своевременной и бережной доставки ко двору арбузов и винограда и т. д.¹⁶ В отдельной инструкции речь шла о новшествах, которые следует осуществить в Астрахани: завести Аптекарский огород, сделать оранжерею для персидских деревьев и трав, делать из астраханского винограда «горячее вино», освоить новый способ засолки осетров, севрюг и сельди для отправки за границу, завести овчарни с помощью силезских мастеров, а также конские заводы «от персидских жеребцов и Черкасских кобыл», сажать в степи под Астраханью «дубовые желуди для лесов, таким образом, как заводят леса в Европе»¹⁷. Принято считать, что благодаря заботам царя получило дальнейшее развитие астраханское шелководство¹⁸. Часть программы, начертанной Петром, оказалась невыполнимой в силу особенностей астраханского климата.

Прибыв в Астрахань, Волынский, как водится, обнаружил, что «крепость здешняя во многих местах развалилась», вооружение и амуниция местных полков никуда не годятся, провианта

15 Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафиров: Новые источники по истории России эпохи Петра Великого: В 3 ч. / изд. подг. Т. А. Базарова, Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. Ч. III: 1715–1723 годы. СПб., 2011. С. 112.

16 ПСЗ. Т. 6. № 3622.

17 Там же. № 3668.

18 Гусарова Е. В. Зачем Петру I нужен был шелк // Гусарова Е. В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб., 2009. С. 226–235.

в достатке нет, к тому же не хватает управленцев: в отличие от других губерний «определенных губернаторам в помощь камериров, ронтмейстеров и земских судей» в Астрахани нет¹⁹.

Еще в 1716 г. в Астрахани обосновались католические монахи-капуцины (им покровительствовали и Чириков, и Волынский), начавшие обучать детей латинскому и «прочим» языкам²⁰, были открыты католическая и протестантская церкви. Что еще более важно, в городе появились «цифирная», а затем и гарнизонная школы. Однако главной заботой губернатора была подготовка задуманного царем похода в Западный Прикаспий.

Отправляясь в Персидский поход и на возвратном пути, Петр I дважды провел в Астрахани по одному месяцу (с 19 июня по 18 июля и с 4 октября по 5 ноября 1722 г.). Ради царского визита из местного Кремля были убраны жилые дворы, а в губернаторском дворце для царской четы приготовили покои. В Замановском саду на берегу Кутума для Петра построили деревянный Летний дворец. Царь интересовался обычаями проживавших в городе индийцев и татар, лично посетил рыбные промыслы. При отъезде из Астрахани Петр указал строить верфь на берегу Кутума, здесь же повелел возвести адмиралтейство с казармами для морских служителей, фарватер протоки «чистить граблями», а мыс укрепить фашинами; в море у острова Четырех Бугров построить морскую пристань с провиантскими складами. Однако это строительство не было завершено, а пристань у Четырех Бугров была разрушена штормом в 1726 г. Морские суда в Астрахани почти не строили, а доставляли из Казани. В 1725 г. Каспийская флотилия состояла из 112 судов, на которых служили 1050 различных чинов и которые обслуживали 186 мастеровых²¹.

19 Курукин И. В. Артемий Волынский. М., 2011. С. 64–65.

20 См.: Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра Великого // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 328–334.

21 Соколов А. П. Начало Астраханского порта // Морской сборник. 1849. № 2. С. 108–113.

Примечательно, что бывший до 1725 г. губернатором Волынский всеми силами стремился освободиться из «здесьней пеклы». По мнению М. В. Бабич, в своих астраханских письмах в столицу Волынский последовательно творил негативный миф об Астрахани как городе, «где плохо все: состояние гарнизона и персонал гражданских служащих, немирные соседи и ни к чему не годные обыватели, тяжелый климат и, хуже всего, отдаленность от Петербурга»²². Нет сомнений, что амбиции царского родственника и желание вернуться ко двору не способствовали объективному взгляду на астраханскую жизнь, но городская особость давала некоторые основания для подобных взглядов.

Обзор основных фактов истории Астрахани в первой четверти XVIII в. позволяет говорить о поступательном развитии города, несмотря на некоторые отрицательные факторы. Продолжалось каменное строительство, стабильной оставалась численность городских жителей, хотя заметного роста посадского населения не зафиксировано, появились новые виды хозяйственной деятельности, благодаря государственному покровительству процветали колонии иностранных купцов. Повысился административный уровень Астрахани как губернского центра; она оставалась центром огромной митрополии, но количество церквей и монастырей в городе сократилось. Выросло значение города как морского порта и базы имперской политики России в Прикаспии. Наконец, появились первые ростки школьного образования.

Однако развитие города было прервано в 1727–1728 гг. катастрофической эпидемией чумы, которая унесла жизни половины населения, причинила страшный урон торговле и промыслам. Не было завершено строительство морского порта и адмиралтей-

22 Бабич М. В. Неотправленное письмо: А. П. Волынский, А. В. Макаров и другие // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 97: Петровское время в лицах — 2018. К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): материалы научной конференции. СПб., 2018. С. 34.

ства. Прекратили существование школы. Многие инициативы Петра I оказались задачами, рассчитанными на будущее.

Царицын — город-воин

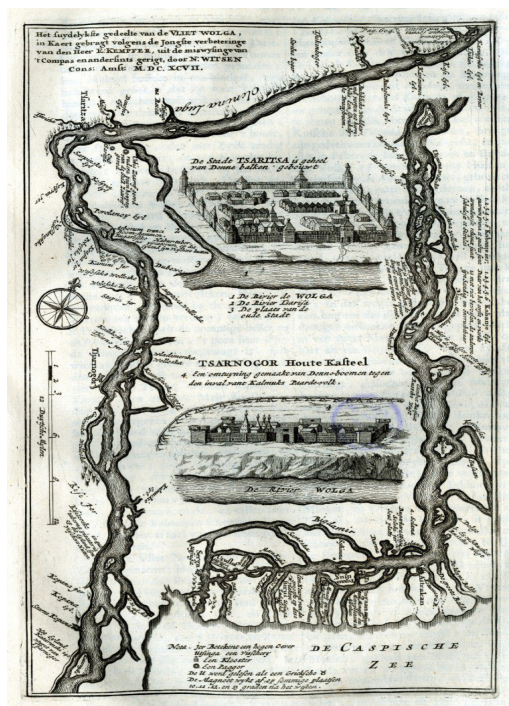
Над изучением истории Царицына в эпоху Петра I в последние годы немало потрудились историки Волгограда и их коллеги из других городов²³.

Царицын, основанный в 1589 г., был важной крепостью на юго-восточных рубежах России, на переволоке между Волгой и Доном. В петровское время его история отмечена прежде всего вооруженными столкновениями с повстанцами, а также другими военными мероприятиями, включая визиты царя, направлявшегося с войсками в походы, и строительство крупных фортификационных сооружений.

О внешнем облике Царицына в начале петровского царствования свидетельствует вид Царицынской крепости на карте Э. Кемпфера из книги Николааса Витсена «Северная и Восточная Татариya» (Амстердам, 1692). «Город Царица полностью построен из сосновых бревен», — уточняет надпись под рисунком. Имеются также изображение и описание города К. де Бруина 1703 г.²⁴, позволяющие говорить о начале формирования предместья-посада вокруг крепости и о закладке в городе первой каменной церкви — Иоанна Предтечи. В том же 1703 г. воеводой Федором Ермоловым была

- 23 Тюменцев И. О. Царицын и Камышин в правление Петра Великого // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград, 2020. С. 8–21; Болотина Н. Ю. Царицын времен Петра Великого на страницах архивных документов (по материалам РГАДА) // Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст.: Н. Ю. Болотина, С. А. Иванюк. М., 2022. С. 6–13; Мезин С. А. Саратовское Поволжье в эпоху Петра I. Саратов, 2022. С. 77–90.
- 24 (Бруин К. де) Путешествие Корнилия Де Бруина через Московию // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1872. Кн. 3. С. 181–182.

составлена опись Царицынской крепости²⁵, позволяющая более точно представить ее внешний вид и вооружение. Четырехугольная крепость была окружена деревянными стенами и имела 14 башен.

Вид Царицына на карте Э. Кемпфера из книги Witsen N. Noord en Oost Tartarye...» (Amsterdam, 1697).

К северо-восточной стене крепости примыкала Солдатская слобода, окруженная земляным валом с земляными «роскатами» и на-долбами. Крепость в Царицыне уступала в размерах Саратовской и Камышинской, но имела солидные военные припасы: 33 пушки медных и чугунных, а также большой запас мушкетов, пик, берды-

25 Полубояров М. С. Низовые города России. По материалам Оружейного фонда Российского государственного архива древних актов. Волгоград, 2021. С. 109–113.

шей, пороха, ядер, дробы, свинца. Город полностью сгорел в 1706 г. и был восстановлен. В дополнение к «старому городу» была построена еще «малая крепость».

Царицын. Гравюра по рисунку К. де Бруина из книги «Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales...» (La Haye, 1732. Vol. 3).

«Ведомость низовых городов служилым людям» 1704 г. свидетельствует, что в Царицыне оставалось всего около тысячи (962 чел.) служилых людей²⁶, ибо бо́льшая часть из них была отправлена в «Свейский поход». Между тем для «украинной» крепости на переволоке состояние военной тревоги было в начале XVIII в. скорее нормой, чем исключением: кубанские татары, калмыки, «воровские казаки» представляли для города реальную опасность.

Серьезных военным испытанием обернулось для Царицына Астраханское восстание. Мятежные войска из Астрахани дважды подходили к стенам города, но получили отпор. Твердая позиция воеводы А. В. Турчанинова, который не только обеспечил оборону

26 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Д. 3. Л. 436.

города, пресек заговор и разногласия, но и с самого начала прекратил пропускать суда с товарами и хлебными запасами в Астрахань, внесла существенный вклад в победу над восставшими.

Успешная оборона Царицына в 1705 г. от взбунтовавшихся астраханцев спасла город от разорения, но Булавинское восстание вновь вовлекло царицынских жителей в круговорот трагических событий. 17 июля 1707 г. донские казаки в результате жестокого штурма взяли город. Воеводу А. В. Турчанинова булавинцы убили, «великою злобою умуча, отсекли голову». Три дня Царицын находился в руках восставших и был разорен «без остатку»²⁷.

Жестокими карательными мерами петровское правительство «умиротворило» юго-восточные окраины Российского государства. Но неудачная война с Турцией, потеря Азова и вывод русских войск из Приазовья сделали Нижнее Поволжье уязвимым для набегов кочевников. Чаше всего их путь к русским поселениям пролегал через Волго-Донскую переволоку. В источниках зафиксированы татарские набеги 1710, 1711, 1713 гг. Самым разорительным был поход 1717 г., когда крымские и кубанские татары под предводительством Бахты-Гирея «сверх всякого чаяния впали в пределы Российские и разорили предместья городов Царицына, Пензы, Саратова, Инзарска, Петровска, Ломова»²⁸. Хотя этот поход не привел к захвату крепостей Царицына, Камышина и Саратова, он нанес большой ущерб и показал незащищенность юго-восточных рубежей Российского государства, в частности Волго-Донского междуречья.

В начале 1718 г. правительство распорядилось возвести Царицынскую укрепленную линию — систему укреплений от Царицына на Волге до Паншина на Дону, которая бы препятствовала проходу на русские территории крымских и кубанских татар и «воровских казаков». Силами подразделений регулярной армии, донских казаков и работных людей из поволжских губерний на про-

27 Булавинское восстание (1707–1708 гг.). М., 1935. С. 437–438.

28 Голиков И. И. Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 11. С. 498.

тяжении 54,16 км с 1718 по 1720 г. были возведены четыре крепости (Мечетная, Грачевская, Осокорская, Донская) и 36 реданов, соединенных между собой сухим рвом глубиной до пяти метров и земляным валом, высота которого достигала также пяти метров²⁹. Укрепленная линия упиралась в Царицынскую крепость.

Строительство укрепленной линии повысило значение Царицына как города-крепости, но посад его был невелик. В конце петровского царствования в посаде Царицына числилась 281 душа мужского пола (далее — м. п.)³⁰. Судя по более поздним планам, территория города росла в восточном направлении вдоль Волги. Стала разрастаться Солдатская слобода. В 1723 г. был возведен новый каменный собор³¹. С. А. Иванюк установил, что в 20-е гг. XVIII в. гарнизонные войска Царицына состояли из Царицынского пехотного батальона четырехротного состава, конной казачьей роты и артиллерии. Гарнизон насчитывал восемь офицеров, примерно 367 солдат и унтер-офицеров, 85 конных казаков, 10 пушкарей³².

Пребывание Петра I в Царицыне в 1722 г. дало толчок развитию крепости. Царь распорядился о строительстве в городе цитадели и укреплении сторожевой линии. С визитом царя была связана смена комендантов: на место полковника С. В. Секиотова заступил полковник Л. Ю. Селиванов. Среди входящих бумаг Кабинета Петра Великого имеется доношение нового царицынского коменданта, который обозначил в своем докладе основные проблемы жизни города-крепости³³.

29 См.: Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Волгоград, 2022.

30 Кизеветтер А. А. Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. С. 97.

31 Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (С 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 67, 98;

32 Иванюк С. А. Гарнизонные войска Царицына в 1720-х гг. // Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст.: Н. Ю. Болотина, С. А. Иванюк. М., 2022. С. 14–28.

33 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 4. Ч. 1. Д. 61. Л. 314–316.

Деревянная крепость ветшала и требовала починки. Планировалось построить в крепости провиантский двор с амбарами. При этом комендант предлагал соорудить там и несколько соляных амбаров, исходя из торговых интересов города. Из этих же соображений необходимо было построить амбары на пристани для «собрания припасов судовых». Из доклада коменданта следует, что город уже вышел за пределы крепостных стен и его слободы были окружены дощатым забором. Предлагалось укрепить их палисадом и откопать вал. По словам коменданта, «велено ему содержать новопостроенную линию с крепостями», а приписанных к ней для караулов и разъездов драгун, солдат и донских казаков «иметь ему в команде». Комендант также жаловался на малолюдство царицынского «гварнизона»: офицеров и солдат один неполный батальон, «да канонеров малое число и те не обучены к стрельбе», да конных казаков одна рота. «И оными людьми за малолюдством и за многим расходом по Волге в работе и во управлении подвод и разных посылок содержать гварнизона невозможно»³⁴. В городе не имелось необходимого количества леса и людей для строительных и ремонтных работ. Селиванов просил «Отца Отечества» дать свои повеления на его предложения.

Возможно, ответом на это обращение были указы Военной коллегии в июне — октябре 1723 г. В них упоминается имеющийся у полковника Селиванова «Его Императорского Величества ... о строении на Царицыне цытодели и протчия внешние крепостей по укреплению указ»³⁵. Также из документа явствует, что в Царицыне имелся план укреплений, «на котором его Величество изволил

34 Там же. Л. 316.

35 Документы о командировании на Царицынскую линию инженера для составления плана и проекта ее укрепления. 1723 г. / Вступительная статья, подготовка к публикации А. Л. Клейтмана // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: сб. материалов международной научной конференции (2020; Волгоград). Волгоград, 2020. С. 75–81.

подписывать своею рукою»³⁶. В начале XX в. историк П. Л. Юдин нашел в Астраханском губернском архиве документ 1733 г., в котором говорилось, что царь на плане, хранившемся в царицынской комендантской канцелярии, собственноручно «карандашом цитадеж (цитадель) назначить соизволил, каким образом оную построить»³⁷. В записке «О фортециях» 6 декабря 1724 г. Петр I вновь упоминал Царицын в качестве «малой цитадели», в которой «довольно по одному канониру к пушке и на год амуниции», а «новой Транжемент — оставить, как есть, до времени»³⁸.

Вся история Царицына петровского времени свидетельствует о том, что «неприятельский приход» и «защитение от неприятеля», «осада», «оборона», содержание «легулярных и нелегулярных людей», доставка и хранение необходимых припасов из Центральной России, обеспечение безопасности Волжского пути оставались главными проблемами существования города-крепости на переволоке. Начавшийся рост посада, торговля с калмыками и с районами, лежащими к западу от Волги вплоть до Украины, рыбный и соляной промыслы наметили новый вектор в развитии Царицына³⁹.

Дмитриевск — неудавшийся Петроград на Камышинке

После взятия Азова в 1696 г. особенно актуальным становится вопрос об устройстве удобного Волго-Донского пути и его охране. В 1697 г. управляющий приказом Казанского дворца князь Б. А. Голицын «ходил водою и был в Понизовых городех. ...Хотели перекопывать реку, а посошных людей было всех городов 35000»⁴⁰. Так

36 Там же. С. 76.

37 См.: Мезин С. А. Сочинение П. Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье» // Стрежень. Научный ежегодник. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 338.

38 Записка Петра Великого о фортециях // Русская старина. 1870. № 1. С. 394.

39 См.: Голикова Н. Б. Очерки истории городов России. С. 116–117, 153.

40 Желябужский И. А. Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 259.

примерно на полпути между Саратовом и Царицыным была возобновлена крепость под названием Дмитриевск на месте укрепления, существовавшего здесь в 1668–1670 гг., и одновременно началось строительство канала между Иловлей, впадающей в Дон, и Камышинкой, впадающей в Волгу.

Возрожденный город Дмитриевск (в настоящий момент — Камышин) находился на высоком левом берегу Камышинки. Его описание оставил голландский путешественник и художник Корнелий де Бруин, побывавший здесь 16 мая 1703 г.: «Проплыли мимо города Камышина, начатого постройкой всего четыре года тому назад и уже значительно обстроенного. Город этот довольно обширен, окружен земляным валом, над которым и тогда беспрестанно работали. На жительство сюда прибыли уже из Москвы до 4000 семей. Гора, на которой построен город, особенно возвышена к стороне реки, обрывиста и чрезвычайно скалиста. Поблизости города, слева бежит речка Камышенка, текущая к западу... На другой стороне Камышенки сооружали и крепость, окруженную земляным валом, над коим и теперь работали, но сооружение это плохо продвигалось вперед, потому что рабочие не выносили тягости работ по причине дурного здешнего климата»⁴¹.

Детальное описание крепости дано в «Описи низовых городов»⁴², из которой следует, что в 1703 г. город имел две земляные стены (вала) высотой 4 аршина (около 8,5 м). Первая, длиной 1150 м, шла от Волги в степь и имела одни Казанские ворота и угловое укрепление («роскат угольной»), где стена поворачивала налево в сторону Камышинки. Вторая стена, длиной 2034 м, шла параллельно Волге от углового раската до «Камышинского яру» и имела двое ворот — Московские и Иловлинские. Со стороны Волги и со стороны Камышинки, где был высокий обрыв, валов не было, отсутствовал и палисад вокруг города. Ворота «построены дубовые, бревенные...

41 (Бруин К. де) Путешествие Корнилия Де Бруина через Московию. Кн. 3. С. 179–180.

42 Полубояров М. С. Указ соч. С. 114–116.

ворота створные дубовые, брусяные, а у них запоры — засовы железные с пробой и 3 замками. Против тех ворот построены через ров мосты подъемные, на железных чепях и на брусках деревянных. А на том валу и на воротах и на роскатах никакова деревянного строения и башен к боевому делу ничего нет; а около того валу, с степи, выкопан ров, глубины 3 сажени один аршин». Военное снаряжение крепости состояло из 21 медной пушки, 35 пищалей и «мелкого ружья» — фузей, самопалов, мушкетов и пр. Внутри города имелись укрепленные постройки — воеводский двор, «государев двор», тюрьма, «осадный городок» с башней⁴³.

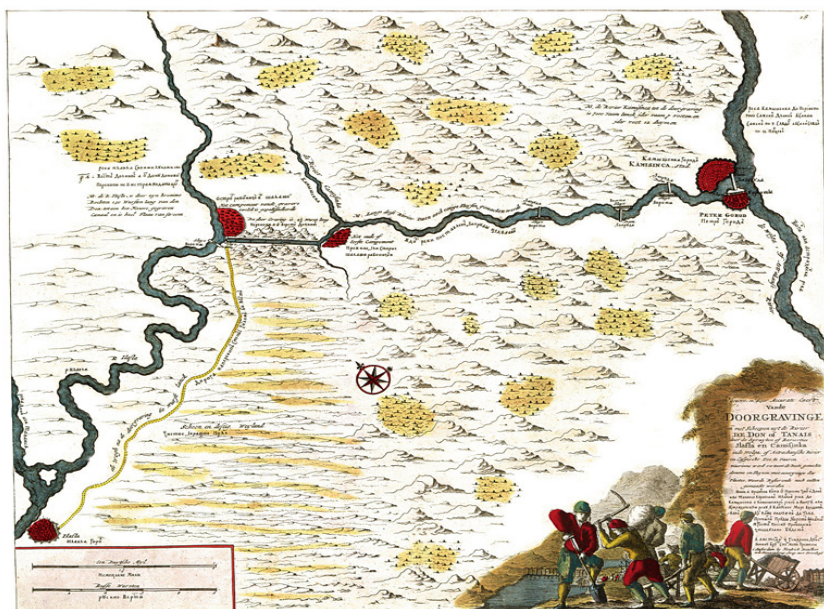
Еще один ценный источник по ранней истории города — это карта проектируемого канала между реками Иловлей и Камышинкой из атласа К. Крюйса «Новая чертежная книга, содержащая великую реку Дон, или Танаис...», выпущенного в Амстердаме в 1704 г. Здесь по обеим сторонам устья Камышенки показаны городские поселения с регулярной планировкой и укреплениями с многочисленными бастионами. При всей условности изображения можно заметить, что укрепленное поселение на левом берегу речки гораздо больше правосторонней крепости. Обращают на себя внимание названия: левобережное поселение названо «Камышенка-город», а правобережная крепость — «Петр-город».

Как видим, на рубеже XVII–XVIII вв. город на Камышинке переживал строительный бум. Численность населения, приведенная К. де Бруином, как и сведения о сгоняемых сюда со всей страны «посошных людях», свидетельствует о том, что здесь искусственно была создана концентрация населения, сравнимая по численности с самыми значительными городами России того времени. В ходу были различные названия поселения: Камышинка (Камышенка), Дмитриевск (Дмитриев), Петр-город. Как полагают волгоградские историки, «в устье реки Камы-

43 Булавинское восстание. С. 445.

шенки задумывался и строился большой город — южный аналог Санкт-Петербурга, который должен был стать “окном” России в Азию»⁴⁴.

До 1702 г. в окрестностях города шло строительство Волго-Донского канала, которое задумывалось как важнейшее общегосударственное мероприятие. Прокладка канала должна была кардинально улучшить транспортную коммуникацию между Волгой и Доном, а также изменить военно-стратегическую ситуацию на юго-востоке страны⁴⁵.

Карта проектируемого канала между реками Иловлей и Камышинкой из атласа К. Крюйса: Cruys С. «Nieuw Pas-Kaart Boek, behelsende de groote Rivier Don of Tanais...» (Amsterdam, 1704).

- 44 Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи. Т. 1. С. 267.
- 45 См.: Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871. С. 2–3, 58–59.

Первым руководителем работ был немецкий инженер И. Брекель (Бреккель). Это был офицер-наемник, который что-то понимал в фортификации и хорошо зарекомендовал себя при взятии Азова. Но опыта строительства гидротехнических сооружений он, по-видимому, не имел. Под его руководством было прокопано около 4 км канала с защитным валом и выстроен один шлюз. Но при попытке пропустить через него воду шлюз сорвало. Брекель уехал в Москву, получил там паспорт на имя своего слуги и тайно бежал через Новгород в шведскую Нарву. Петр I узнал об этом в марте 1698 г., во время пребывания в Англии⁴⁶. Тогда же царь нанял на службу шлюзного мастера Д. Перри, который руководил дальнейшим строительством канала в 1698–1701 гг. Он вскоре столкнулся с огромным количеством проблем разного рода: недостаточным финансированием проекта, нехваткой материалов и особенно квалифицированной рабочей силы, конфликтами с русским начальством. Сам Перри писал об этом так: «Этой работой я занимался три года сряду, и потребовал 30000 человек работников, но никогда не мог получить и половины этого числа, а в последний год не было прислано в мое распоряжение даже и 10000 человек, не говоря о том, что всегда чувствовался недостаток в хороших мастерах и необходимом количестве материала»⁴⁷. В начале Северной войны финансирование проекта прекратилось. Финансовые и технические возможности петровской России оказались недостаточными для осуществления столь грандиозного проекта.

После приостановки строительства канала Дмитриевск обезлюдел, едва ли в нем долго оставались те 4000 семей, о которых писал К. де Бруин. По «Ведомости низовых городов служилым людям» к 1704 г. в гарнизоне Дмитриевска числилась 1000 человек, которые служили «из жалованья». При этом уже в 1704 г. 700 чело-

46 Кияшко Я. А., Клейтман А. Л. История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 3. С. 805–820.

47 Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. С. 3.

век находились в «Свейском походе», а 100 человек — «на Царицыне»⁴⁸. Город превращался в небольшую «украинную» крепость. Отведенная служилым людям по «жалованной ...Петра Великого грамоте» в 1699 г. по обеим сторонам Волги земля⁴⁹ использовалась для выпаса скота.

Булавинское восстание самым драматичным образом отразилось на судьбе города на Камышинке. В ночь с 12 на 13 мая 1708 г. отряд Л. Хохлача без боя занял Дмитриевск. Местные солдаты знали о намерениях булавинцев и вступили с ними в сговор. Беспрепятственно войдя в город, казаки расстреляли из пушек укрепленный воеводский двор. Он был захвачен и ограблен, но воеводе Д. Титову удалось бежать («ушел в лодке») и укрыться. Булавинцы захватили запасы пороха и свинца, перебили офицеров и полкового писаря, утопили бурмистров соляной продажи и двух человек целовальников. Казаки присвоили таможенную, кабацкую и соляную казну. Из местных жителей были выбраны атаман и старшина.

Когда карательное войско П. И. Хованского вместе с калмыками Чемет-мурзы и Боясхулака 8 августа пришло в Дмитриевск, его жители явились с повинной. Военных припасов в крепости почти не осталось, «дмитриевского полку солдат по списку» оказалось 232 человека, «синбирян» — 87. Власть булавинцев продержалась в Дмитриевске с 13 мая до начала августа 1708 г. Этот «глоток свободы» принес городу неисчислимы бедствия и разорение.

После описанных событий оставшиеся жители Дмитриевска были сселены на правый, низкий берег Камышинки. Астраханский церковный историк И. Саввинский, пользовавшийся подлинными документами епархиального архива, упоминает царский указ от 20 июня 1710 г. о переносе города на другой берег Камышинки⁵⁰.

48 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Д. 3. Л. 436.

49 Наказ от купечества г. Дмитриевска // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 134. С. 248.

50 Саввинский И. Указ. соч. С. 122.

Перенесение города могло быть вызвано военно-стратегическими соображениями, трудностью содержания укреплений на двух сторонах речки, а также сокращением населения. Соляной и рыбный промыслы способствовали некоторой стабилизации городской жизни. Дмитриевск находился ближе всех городов к эльгонскому соляному промыслу, но слишком далеко отстоял от обжитых территорий. Городские жители имели немалую выгоду и от торговли с калмыками.

Сохранились некоторые сведения о городе Дмитриевске и его администрации, относящиеся к концу царствования Петра I. Судя по этим данным, количество выборных людей (бурмистров и целовальников) в городе сократилось до минимума по сравнению с 1708 г.

В городе существовала одна церковь — деревянный пятиглавый собор св. Дмитрия Солунского, и только в 1721 г. по просьбе военного начальства и городских обывателей разрешено было построить еще одну деревянную церковь — Спаса Нерукотворного⁵¹.

В известной книге И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» содержится следующее описание: «Город Дмитриевск, деревянный, з глубоким рвом, от Царицына в 160 верстах, стоит на берегу Волги подле реки Камышенки на нагорной стороне. В том городе магистрат, в котором бургомистр 1, ратманов 2. Канцелярия их и приказные службы особые. Крепостные дела отправляют от рот писари. Церквей в том городе 2»⁵².

Судя по описанию 1728 г., городская крепость («кремль») находилась между Волгой и Камышинкой, была окружена земляными и деревянными стенами, в которых было «двое ворот под четверугольными башнями, одни к Волге, а другие в солдатский гарнизон». Стены были укреплены бастионами («болверками»), один из них выходил к Волге, два — к Камышинке. Кроме «кремля» име-

51 Там же. С. 70.

52 Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 233.

лась еще гарнизонная крепость, расположенная с южной стороны вдоль Волги, «в которой живут солдаты и прочие своими домами». Со стороны Волги оба укрепления имели ров⁵³.

В конце петровского царствования в Дмитриевске всего числилось 367 душ м. п., из них посадских людей — 86 душ м. п.⁵⁴ и «малое число» бобылей. Это был один из самых малочисленных посадов Российской империи. Большую часть населения города составляли солдаты⁵⁵.

Таким образом, в отличие от своих старших «собратьев» — Саратова и Царицына — возрожденному в начале петровского времени Дмитриевску пришлось вести долгую борьбу за выживание. Зигзаги государственной политики, восстания, набеги степняков тяжело отражались на жизни города. Отсутствие обжитой округи и удаленность от других центров городской жизни также были источником трудностей, которые он пережил в петровское время.

Саратов — начало большого пути

Тема «Саратов петровского времени» имеет давние исследовательские традиции, которые нашли продолжение в изданиях последнего времени⁵⁶. Основанный в 1590 г. Саратов был перенесен на его нынешнее место, на правый берег Волги, в 1674 г.

Основу городских укреплений составляли «земляные стены» длиной 1079 сажень (2330 м) и башни: четыре проездных (Москов-

53 *Малеванов Н.* Первое описание Камышина // Сталинградская правда. 1961.

54 *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 99.

55 См.: *Плешаков И. Н.* Рать Саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009. С. 9–10.

56 *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья Петровского времени. СПб., 2010; *Беликов М. П.* Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных. Саратов, 2015; *Мезин С. А.* Саратовское Поволжье в эпоху Петра I.

ские, Пречистенские, Дресвянские и Царицынские ворота) и восемь глухих⁵⁷. Дополнительно город был обнесен тройными надолбами.

Посетивший Саратов в 1703 г. по пути в Персию Корнелий де Бруин сообщал, что город находится в некотором отдалении от Волги, на возвышенном месте, «под горой и по ее покатости». За пределами городских укреплений вдоль реки тянулось довольно большое предместье («на полчаса ходьбы»). С реки города почти не было видно, за исключением крепостных башен и церковных глав. К. де Бруин писал, что он «нашел город на возвышенном месте без стен, но с деревянными башнями. В нем одни ворота, находящиеся в четверти часа ходьбы от Волги, налево есть еще и другие ворота, но отдельно от города, и потом еще третьи со стороны Москвы по сухому пути с частоколом между двумя последними»⁵⁸. В овраге, который де Бруин называл «пропастью», горожане выращивали «капусту и другую зелень». Он также сообщал, что самыми примечательными зданиями в городе являются несколько деревянных церквей. К. де Бруин не заметил, что две церкви в городе были уже каменные.

На обратном пути в сентябре 1707 г. Корнелий де Бруин прожил в Саратове более недели и побывал на левом берегу Волги на калмыцком базаре, который произвел на него яркое впечатление⁵⁹. Он сделал зарисовку этого экзотического зрелища. На противоположном берегу Волги де Бруин весьма обобщенно изобразил Саратов.

По понятиям того времени Саратов с возникшими с конца XVII в. предместьями считался большим городом. В 1697 г. на главной площади было заложено две каменные церкви — Троицкий собор и церковь Рождества Богородицы. За пределами крепости, на берегу Волги находился рыбный городок дворцового

57 *Полубояров М. С.* Указ. соч. С. 117–118.

58 *(Бруин К. де)* Путешествие Корнилия Де Бруина через Московию. Кн. 3. С. 177–178.

59 Там же. Кн. 4. С. 234–235.

промысла, который представлял собой маленькую крепость «о 4-х башнях, ворота створчатые». В 1720-х гг. в городе имелось пять церквей и два монастыря с тремя храмами.

Саратов. Гравюра по рисунку К. де Бруина из книги «Voyages de Corneille le Bruyn par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales...» (La Haye, 1732. Vol. 5).

Саратов конца XVII — первой четверти XVIII в. был городом с быстро растущей численностью населения. В первые годы XVIII в. она составляла 1600 душ м. п. По материалам первой ревизской переписи 1722 г. в Саратове было уже 2093 души м. п. посадских людей, из них купцов — 1201, цеховых ремесленников — 982. Помимо того, было 40 душ духовенства, дворян — 128, дворовых — 137, бобылей — 487, солдат и начальствующих лиц — 325, казаков — 151, отставных и малолетних — 386. Всего — 3707 душ м. п.⁶⁰ По численности посадского населения к концу первой четверти XVIII в. Саратов обогнал Астрахань и приблизился к таким старинным городам Поволжья, как Симбирск, Казань, Нижний Новгород.

60 Кушева Е. Н. Саратов в первой половине XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 29–31.

Гарнизон Саратова был сравнительно небольшим, в 1704 г. он насчитывал 661 человека: дворян и иноземцев — 44, конных стрельцов — 200, пеших стрельцов — 400, пушкарей — 17. В Казани тогда числилось около 6000 военнослужащих, да свыше 3000 в «казанских пригородах», в Самаре — 635 человек, в Дмитриевске — 1000 человек, в Царицыне — 2231 человек⁶¹. Значительная часть воинских людей из всех гарнизонов была отправлена в «Свейский поход». Однако военная опасность со стороны кочевников и «воровских казаков» продолжала существовать.

В мае 1708 г. город выдержал штурм казаков-булавинцев. «Саратовцы к их воровству не пристали и с теми ворами храбро и мужественно бились, и многих побили и от города отбили», — сообщал А. Д. Меншикову казанский вице-губернатор Н. А. Кудрявцев⁶².

В 1711 г., когда русская армия подходила к Пруту, татарская конница с Кубани совершила дерзкое нападение на русскую территорию в междуречье Волги и Дона. 3 июня 1711 г. казанский губернатор П. М. Апраксин писал своему брату: «и нас постигло несчастье под нынешние часы немалое: ... к Саратову приходили татары с Кубани, к Петровску и близ Пензы, и по Донским верхним городкам, число немалое, более тысячи человек»⁶³. Больших городов им взять не удалось, но округа была разорена, было захвачено множество пленных.

Летом 1717 г. кочевники в последний раз подходили к Саратову. Это был самый тяжелый по своим последствиям набег татар на Россию за всю первую четверть XVIII в. После «кубанского погрома» в районе Царицына были размещены драгунские полки бригадира Г. С. Кропотова, а в 1718 г. под его руководством началось строительство Царицынской укрепленной линии, что положило конец татар-

61 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Д. 3. Л. 434 об. — 437.

62 Булавинское восстание. С. 425–426.

63 *Петр I. Письма и бумаги императора Петра Великого.* Т. 11. Вып. 1 (январь — 12 июля 1711). М., 1962. С. 495; Т. 11, вып. 2 (июль — декабрь 1711 г.). М., 1964. С. 698–699.

ским набегам в Поволжье. Были созданы более благоприятные условия для социально-экономического развития Саратова и его окружи.

Петровское время оказалось в целом благоприятным для роста Саратова и его экономического потенциала. Транзитная торговля, как по Волге, так и сухопутная, была основой благосостояния его жителей. По сравнению с другими городами Нижнего и Среднего Поволжья, от Саратова пролегал самый короткий прямой путь до Москвы — 780 верст. Именно до Саратова отпускалась большая часть астраханской соли. С введением в 1705 г. государственной монополии на добычу и продажу соли широкое распространение получил тайный вывоз соли из Саратова. Благодаря установившимся мирным отношениям с калмыками началась доставка в город эльтонской соли. В обход царского указа о казенной монополии «во многих местах привозят калмыки соль пуд тысяч по сту, меняют русским на товары и на деньги»⁶⁴. На месте добычи в 1722 г. пуд соли стоил 5 коп., из Саратова соль отпускалась в другие города по 13,75 коп.⁶⁵

Колоритной и весьма доходной стороной хозяйственной жизни города была торговля с калмыками. В осеннее и зимнее время саратовские купцы стали ездить в калмыцкие кочевья для покупки лошадей. В городе некоторое время существовала специальная команда для покупки драгунских лошадей у калмыков. Саратовские «барышники», заранее закупая лошадей, откармливали их на городских землях, а затем продавали, получая доход от посреднической торговли.

Благоприятная экономическая конъюнктура способствовала численному росту и обогащению саратовского купечества. Не чуждались торгово-промышленной деятельности и саратовские дворяне и подчас переходили в купеческое сословие, меняя несущественные в саратовской глуши привилегии на реальные барыши.

64 РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Ч. 1. Д. 25. Л. 210 об.

65 *Герасимов А. А.* Учреждение в Саратове Соляного комиссариатства // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 1911. Вып. 28. С. 24–25.

О динамичном развитии саратовской торговли свидетельствуют суммы таможенных сборов: в 1705–1707 гг. они составляли в среднем 2382 руб., в 1714 г. — 6000 руб., в 1717 г. — 6966 руб., в начале 1720-х гг. — 8299 руб.⁶⁶

Саратов в петровское время еще не стал центром хлеборобства и помещичьего землевладения. И все-таки окрестные земли привлекали взоры саратовских жителей. В соответствии с царским указом 6 марта 1700 г. городу Саратову были отведены земли «на табунные выпуски, и на сенные покосы, и на лесные угодыя». Таким образом, «всех чинов городские жители» стали владельцами более 300 тысяч десятин земли, которая использовалась первоначально для нужд скотоводства. По замечанию крупнейшего исследователя русских городов XVIII в. А. А. Кизеветтера, обширные земельные владения выделяли Саратов среди других городов России и послужили основой для дальнейшего процветания города⁶⁷.

В конце петровского царствования городские земли стали использоваться для выращивания хлеба и огородных культур. «Ныне хлеб довольной родится, также огородные овощи, арбузы, дыни и прочие умножаются», — писал И. К. Кирилов⁶⁸ по данным 1724–1726 гг. Есть основания говорить и об изменении экономической конъюнктуры: торговый бум петровского времени, связанный с постоянными поставками лошадей в армию, прошел. Начались внутренние смуты у калмыков, что затрудняло меновую торговлю. Экономика города стала постепенно приобретать аграрный характер, присущий провинциальным городам внутренней России. Из города-крепости Саратов превращался в торгово-ремесленный город с сельскохозяйственной округой.

В последнее десятилетие петровского царствования Саратов выделялся из среды периферийных городов тем, что фактически был своеобразной калмыцкой «столицей». Летом калмыки коче-

66 Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 40–41.

67 Кизеветтер А. А. Указ. соч. С. 534–535.

68 Кирилов И. К. Указ. соч. С. 232.

вали по саратовскому левобережью. В этой связи на саратовских комендантов и воевод возлагались дополнительные обязанности, и подчинялись они не только губернатору, но и Коллегии иностранных дел. В 1722 г. на пути в Персидский поход местом встречи Петра I и хана Аюки был выбран Саратов.

Чертеж окрестностей г. Саратова с панорамой города... Составлен дворянином Степаном Трумпцким (1736 г.). Из книги Мезин С. А. Саратовское Поволжье в эпоху Петра I (Саратов, 2022).

Как выяснилось из разбиравшегося в Сенате следственного дела коменданта Саратова Дмитрия Ефремовича Бахметева, занимаемая им должность и положение «охранителя калмыков» открывали широкие возможности для предпринимательской деятельности с тысячными оборотами и для злоупотреблений⁶⁹.

69 Мезин С. А. Саратовский комендант Д. Е. Бахметев // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 52: Петровское время в лицах — 2010: К 300-летию Дворца Меншикова (1710–2010): материалы научной конференции. СПб., 2010. С. 257–262.

Под властью воевод и комендантов в городе существовали выборные должности. Возможно, в ходе подготовки городской реформы 1721 г. Сенат распорядился провести перепись приказных людей на местах. Сохранилась «отписка о должностных лицах» коменданта Д. Е. Бахметева, которая позволяет выявить перечень и количество должностных лиц Саратова на апрель 1720 г.⁷⁰

В бурмистерской (земской) избе числилось 12 человек: бурмистр — саратовский посадский человек Иван Иконников, которому подчинялись два выборных старосты: один ведал отправлением подвод и обеспечением в летнее время волжских судов гребцами, другой — «табельными и запросными» денежными сборами. Кроме того, в земской избе состояли 8 «розсыльщиков» и один сторож. В таможене и на кружечном дворе находились два бурмистра, два ларечных старосты, 25 целовальников и один сторож. Два целовальника состояли «у табачной продажи». Три бурмистра и три целовальника — у рыбных промыслов. У хлебных приемов и раздачи — 4 целовальника; «у соляной продажи» — один голова и 4 целовальника, на «деловом дворе» — 1 целовальник. Для проведения «конского сбора» выбирались по десяти голов и целовальников. «Да в городе Саратове городничей из отставных драгун Иван Александров сын Насакин».

Исполнение выборных должностей было бесплатным и тяжелой обузой ложилось на саратовских посадских людей. Не случайно «отписка» заканчивалась жалобой: «Всего в вышеозначенных службах саратовских посацких людей в год обращается по семидесят по два человека, а служат де оные службы за оскудением посаду по вся годы, а переменяютца малые люди, а всякие государевы подати табельные и запросные и рекрутные солдаты берутся с них же посацких людей, и подводы до Царицына беспрогонов, а летом водяным путем гребцов на свои денги наи-

70 РГАДА. Ф. 248. Оп 3. Кн. 93. Л. 38–42 об.

мывают, а жалованья им никакова не дается, и сенных покосов и пахотной земли у них посацких людей нет»⁷¹.

После городской реформы 1721 г. Саратов был приравнен к относительно крупным городам, в которых создавались магистраты — выборные коллегиальные органы. И. К. Кирилов писал об управлении Саратова: «В том городе магистрат, в котором ныне ратманов два. Канцелярия их и приказные служители особые. Крепостная контора, в ней надсмотрщик один. Из шляхетства фискал Иван Дурасов»⁷². Магистрату подчинялись гильдии и цехи, на которые было разделено купеческое и ремесленное население города.

С середины 1720-х гг. в социально-экономической жизни Саратова наметился период застоя. Саратовские купцы в 1739 г. жаловались в Сенат, что не могут выплатить накопившегося за ними с 1721 г. недобора в таможенных, кабацких и прочих сборах, которые они брали на откуп. Среди причин недоимок и разорения саратовского купечества назывались упадок калмыцкой торговли, эпидемия чумы в Астрахани, из-за которой с 1727 по 1730 г. не было привоза товаров с Нижней Волги, пожар, уничтоживший все лавки с товарами, наконец, самоуправство саратовских комендантов и воевод и даже... пребывание Петра I в Саратове в 1722 г. Жалоба заканчивалась слезной сентенцией: «хотя все саратовское купечество выслано... в каторжную работу будут, то за такие недоборы и вечно заработать не могут»⁷³.

Эпоха петровских реформ была нелегким и беспокойным временем для жителей городов Нижнего Поволжья. Военные походы под Азов и в Прикаспий, крепостное и каналное строительство делали служилых и посадских людей «низовых городов» непосред-

71 Там же. Л. 42 об.

72 Кирилов И. К. Указ. соч. С. 233.

73 РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Д. 527. Л. 720, 837.

ственными участниками новаторских предприятий царя на юго-востоке страны. С началом Северной войны значительная часть стрельцов городских гарнизонов была направлена в «Свейский поход». Для военных нужд волжские города поставляли селитру и скот. Соляной и рыбный промыслы обеспечивали наполнение государственной казны. Окраинное положение нижеволжских городов, их одиночество во враждебном окружении были чреваты не только военными конфликтами, но и недостаточной эффективностью мер центрального правительства, самоуправством местных властей. Рост налогов и повинностей, а также модернизационные меры петровского правительства вызывали яростное сопротивление. В обособленных окраинных городах столкновение традиций и новаторства проявлялось особенно остро. Астраханский бунт и Булавинское восстание нанесли большой ущерб городской жизни Астрахани, Царицына, Дмитриевска, привели к значительным людским потерям.

Петровское время во многом определило траекторию дальнейшего развития городской жизни в Нижневолжском регионе. Астрахань укрепила свое особое положение среди российских городов, однако модернизационные нововведения с трудом приживались в «нижневолжской столице». Сохранив свои торгово-экономические позиции, Астрахань стала губернским центром и базой имперской политики России в Прикаспии.

Одним из крупных городов России, значительным торгово-промышленным центром стал в начале XVIII в. Саратов, обогнавший тогда своих ровесников-соседей — Самару и Царицын. Город стал выходить из зоны фронта. Парадоксально, что его быстрому росту и обогащению способствовали не только выгодное положение и правительственная политика, но и возможности ее нарушения на окраине государства. В петровское время были созданы предпосылки для превращения Саратова в центр земледельческой провинции, а затем и губернии.

Царицын, расположенный в стратегически исключительно важном месте, продолжал оставаться городом-крепостью, слиш-

ком удаленным от обжитых центральных районов страны. Строительство Царицынской сторожевой линии обеспечило ему особое место в обороне российских границ вплоть до второй половины XVIII в., когда он оказался одним из немногих городов, давших отпор армии Е. Пугачева. Еще более слабой социально-экономической инфраструктурой обладал Дмитриевск, который стал жертвой гигантского, но неудачного мероприятия царя по строительству Волго-Донского канала.

Литература

1. *Акельев Е. В.* Русский Мисопогон: Петр I, брандобритие и десять миллионов «москвитов». М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.
2. *Анисимов Е. В.* Петр Великий и основы его восточной политики // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2019. С. 11–16.
3. *Бабич М. В.* Неотправленное письмо: А. П. Волынский, А. В. Макаров и другие // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 97: Петровское время в лицах — 2018. К 20-летию конференции «Петровское время в лицах» (1998–2018): материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 32–37.
4. *Беликов М. П.* Старый собор и Старый город: История Свято-Троицкого кафедрального собора и города Саратова в свете новых данных. Саратов: Изд-во Саратовской митрополии, 2015. 399 с.
5. *Беспярых Ю. Н.* О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова) // Петербургский исторический журнал. 2015. № 2. С. 263–284.
6. *Болотина Н. Ю.* Царицын времен Петра Великого на страницах архивных документов (по материалам РГАДА) // Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. / сост. и авт. вступ.

ст.: Н. Ю. Болотина, С. А. Иванюк. М.: Кучково поле Музеон; Издательский центр «Воевода», 2022. С. 6–13.

7. *Водарский Я. Е.* Список городов России с указанием примерного количества посадских дворов (1723) // Исторический архив. 1961. № 6. С. 235–236.

8. *Герасимов А. А.* Учреждение в Саратове Соляного комиссариатства // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. 1911. Вып. 28. С. 1–17.

9. *Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 328 с.

10. *Голикова Н. Б.* Наемный труд в городах Нижнего Поволжья в первой четверти XVIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. 176 с.

11. *Голикова Н. Б.* Очерки истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 215 с.

12. *Гусарова Е. В.* Зачем Петру I нужен был шелк // *Гусарова Е. В.* Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 226–235.

13. *Иванюк С. А.* Гарнизонные войска Царицына в 1720-х гг. // Жители Царицына во времена Петра Великого: сб. док. / сост. и авт. вступ. ст.: Н. Ю. Болотина, С. А. Иванюк. М.: Кучково поле Музеон; Издательский центр «Воевода», 2022. С. 14–28.

14. *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России в XVIII столетии. М., 1903. 810 с.

15. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.

16. *Кияшко Я. А., Клейтман А. Л.* История строительства первого Волго-Донского канала Петра Великого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 3. С. 805–820.

17. *Курапов А. А.* Роль Петра I в модернизации Астраханского края // Петр I у истоков Российской империи: материалы Малого Северного Петровского конгресса, Архангельск, 20–23 апреля 2022 г. / сост. И. М. Гостев. Архангельск: [Б.и.], 2022. С. 63–66.

18. *Курукин И. В.* Артемий Волинский. М.: Молодая гвардия, 2011. 414 с.

19. *Кушева Е. Н.* Саратов в первой половине XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории России: сб. ст. К 85-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина / отв. ред. Л. М. Иванов. М.: Наука, 1971. С. 26–51.

20. *Малеванов Н.* Первое описание Камышина // Сталинградская правда. 1961. 17 марта. № 65. С. 4.

21. *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья Петровского времени. СПб; Изд-во «Европейский Дом», 2010. 178 с.

22. *Мезин С. А.* Саратовский комендант Д. Е. Бахметев // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 52: Петровское время в лицах — 2010: К 300-летию Дворца Меншикова (1710–2010): материалы научной конференции. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2010. С. 257–262.

23. *Мезин С. А.* Саратовское Поволжье в эпоху Петра I. Саратов: Издательский дом «Волга», 2022. 152 с.

24. *Мезин С. А.* Сочинение П. Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье» // Стрежень: Научный ежегодник / под ред. М. М. Загоруйко. Волгоград: Издатель, 2006. Вып. 5. С. 335–341.

25. Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской истории России: материалы международной научной конференции (Казань, 29–30 ноября 2012 г.) / отв. ред. Г. В. Ибнеева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 382 с.

26. *Плешаков И. Н.* Рать Саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов: ООО «Приволжское издательство», 2009. 192 с.

27. *Полубояров М. С.* Низовые города России. По материалам Оружейного фонда Российского государственного архива древних актов. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2021. 144 с.

28. *Рабинович М. Д.* Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М.: Сов. Россия, 1977. 112 с.

29. Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования. (С 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. 390 с.

30. Соколов А. П. Начало Астраханского порта // Морской сборник. 1849. № 2. С. 108–113.

31. Торопицын И. В. Восточные колонии Астрахани в эпоху Петра Великого // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 года. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2019. С. 185–207.

32. Тюменцев И. О. Царицын и Камышин в правление Петра Великого // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сб. материалов. Волгоград: Сфера, 2020. С. 8–21.

33. Флоровский А. В. Латинские школы в России в эпоху Петра Великого // XVIII век. Сб. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 328–334.

34. Ходорковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

35. Царицынская линия. Памятник фортификации Петровской эпохи: строительство, эксплуатация, современное состояние и перспективы музеефикации. В 2 т. Т. 1. Исследования / авт. коллектив: И. О. Тюменцев (рук.) и др.; под общ. ред. И. О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2022. 316 с.

References

1. Akel'ev, E. V. (2022) *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov "moskovitov"* [*Russian Misopogon: Peter I, Beard Shaving and Ten Million "Muscovites"*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Anisimov, E. V. (2019) "Petr Velikii i osnovy ego vostochnoi politiki" ["Peter the Great and the Foundations of His Eastern

Policy”], in *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 1–2 iyunya 2018 goda* [*Peter I and the East. Proceedings of the XI International Peter the Great Congress. June 1–2, 2018*]. St. Petersburg: Izd-vo “Evropeiskii Dom”, pp. 11–16.

3. Babich, M. V. (2018) “Neotpravlennoe pis'mo: A. P. Volynskii, A. V. Makarov i drugie” [“Unsent Letter: A. P. Volynsky, A. V. Makarov and Others”], in *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 97: Petrovskoe vremya v litsakh — 2018. K 20-letiyu konferentsii “Petrovskoe vremya v litsakh” (1998–2018): materialy nauchnoi konferentsii* [*Proceedings of the State Hermitage. Vol. 97: The Time of the Peter in Faces — 2018. To the 20th Anniversary of the Conference “The Time of the Peter in Faces” (1998–2018): Materials of the Scientific Conference*]. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, pp. 32–37.

4. Belikov, M. P. (2015) *Staryi sobor i Staryi gorod: Istoriya Svyato-Troitskogo kafedral'nogo sobora i goroda Saratova v svete novykh dannykh* [*The Old Cathedral and the Old City: The History of the Holy Trinity Cathedral and the City of Saratov in Light of New Data*]. Saratov: Izd-vo Saratovskoi mitropolii.

5. Bespyatykh, Y. N. (2015) “O terminax ‘dvoryane’ i ‘shlyaxta’ v Rossii pri Petre I (K polemike po povodu gramotnosti i proiskhozhdeniya A. D. Menshikova)” [“On the Terms ‘Nobles’ and ‘Gentry’ in Russia Under Peter I (On the Controversy Over the Literacy and Origin of A. D. Menshikov)”], in *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2, pp. 263–284.

6. Bolotina, N. Y. (2022) “Tsaritsyn vremen Petra Velikogo na stranitsakh arkhivnykh dokumentov (po materialam RGADA)” [“Tsaritsyn During the Time of Peter the Great on the Pages of Archival Documents (Based on Materials from the Russian State Archive of Ancient Documents)”], in *Zhiteli Tsaritsyna vo vremena Petra Velikogo: sb. dok.* [*Residents of Tsaritsyn in the Times of Peter the Great: a Collection of Docs*] / sost. i avt. vstup. st. N. Y. Bolotina, S. A. Ivanyuk. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon; Izdatel'skii tsentr “Voevoda”, pp. 6–13.

7. Vodarskii, Y. E. (1961) “Spisok gorodov Rossii s ukazaniem primernogo kolichestva posadskikh dvorov (1723)” [“List of Russian

Cities with the Approximate Number of Posad Yards (1723)”, in *Istoricheskii arkhiv*, 6, pp. 235–236.

8. Geraklitov, A. A. (1911) “Uchrezhdenie v Saratove Solyanogo komissariatstva” [“Establishment of the Salt Commissariat in Saratov”], in *Trudy Saratovskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii [Proceedings of the Saratov Academic Archive Commission]*, 28, pp. 1–17.

9. Golikova, N. B. (1975) *Astrakhanskoe vosstanie 1705–1706 gg. [Astrakhan Uprising 1705–1706]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

10. Golikova, N. B. (1965) *Naemnyi trud v gorodax Nizhnego Povolzh'ya v pervoi chetverti XVIII v. [Hired Labor in the Cities of the Lower Volga Region in the First Quarter of the 18th Century]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

11. Golikova, N. B. (1982) *Ocherki istorii gorodov Rossii kontsa XVII — nachala XVIII v. [Essays on the History of Russian Cities in the Late 17th — Early 18th Centuries.]*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

12. Gusarova, E. V. (2009) “Zachem Petru I nuzhen byl shelk” [“Why Did Peter I Need Silk”], in *Astrakhanskie nakhodki: Istoriya, arkhitektura, gradostroitel'stvo Astrakhani XVI–XVIII vv. po dokumentam iz sobranii Peterburga [Astrakhan Finds: History, Architecture, Urban Development of Astrakhan XVI–XVIII Centuries on Documents from the Collections of St. Petersburg]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 226–235.

13. Ivanyuk, S. A. (2022) “Garnizonnye voiska Tsaritsyna v 1720-kh gg.” [“Garrison Troops of Tsaritsyn in the 1720s.”], in *Zhiteli Tsaritsyna vo vremena Petra Velikogo: sbornik dokumentov [Residents of Tsaritsyn in the Times of Peter the Great: a Collection of Documents]* / sost. i avt. vstup. st. N. Y. Bolotina, S. A. Ivanyuk. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon; Izdatel'skii tsentr “Voevoda”, pp. 14–28.

14. Kizevetter, A. A. (1903) *Posadskaya obshchina v Rossii XVIIIstoletiya [The Posadskaya Community in Eighteenth-Century Russia]*. Moscow.

15. Kirilov, I. K. (1977) *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva [The Flourishing State of the All-Russian State]*. Moscow: Nauka.

16. Kiyashko, Y. A., Kleitman A. L. (2023) “Istoriya stroitel'stva pervogo Volgo-Donskogo kanala Petra Velikogo” [“History of the

Construction of the First Volga-Don Canal of Peter the Great”], *Quaestio Rossica*, 11 (3), pp. 805–820.

17. Kurapov, A. A. (2022) “Rol’ Petra I v modernizatsii Astrakhanskogo kraia” [“The Role of Peter I in the Modernization of the Astrakhan Region”], in *Petr I u istokov Rossiiskoi imperii: materialy Malogo Severnogo Petrovskogo kongressa, Arkhangel’sk, 20–23 aprelya 2022 g.* [Peter I at the Origins of the Russian Empire: Materials of the Small Northern Petrovsky Congress, Arkhangelsk, 20–23 April 2022] / sost. I. M. Gostev. Arkhangel’sk, pp. 63–66.

18. Kurukin, I. V. (2011) Artemii Volynskii [Artemy Volynsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.

19. Kusheva, E. N. (1971) “Saratov v pervoi polovine XVIII v.” [“Saratov in the First Half of the 18th Century”], in L. M. Ivanov (ed.) *Problemy social’no-ekonomicheskoi istorii Rossii: sb. st. k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akad. N. M. Druzhinina* [Problems of Socio-Economic History of Russia: Collection of Articles. To the 85th Anniversary of the Birth of acad. N. M. Druzhinin]. Moscow: Nauka, pp. 26–51.

20. Malevanov, N. (1961) “Pervoe opisanie Kamyshina” [“The First description of Kamyshin”], *Stalingradskaya pravda*, 17 marta, 65, pp. 4.

21. Maksimov, E. K., Mezin, S. A. (2010) *Goroda Saratovskogo Povolzh’ya Petrovskogo vremeni* [Cities of the Saratov Volga Region of the Peter the Great Era]. St. Petersburg: Izd-vo “Evropeiskii Dom”.

22. Mezin, S. A. (2010) “Saratovskii komendant D. E. Bakhmetev” [“Saratov Commandant D. E. Bakhmetev”], in *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Tom 52: Petrovskoe vremya v litsakh — 2010: K 300-letiyu Dvortsa Menshikova (1710–2010): materialy nauchnoi konferentsii* [Proceedings of the State Hermitage Museum: Vol. 52: Petrovsky Time in Person — 2010: on the 300th Anniversary of the Menshikov Palace (1710–2010): Proceedings of the Scientific Conference]. St. Petersburg: Gosudarstvennii Ermitazh, pp. 257–262.

23. Mezin, S. A. (2022) *Saratovskoe Povolzh’e v epokhu Petra I* [Saratov Volga Region in the Epoch of Peter I]. Saratov: Izdatel’skii dom “Volga”.

24. Mezin, S. A. (2006) “Sochinenie P. L. Yudina ‘Petrovskie relikvii v Povolzh’e’” [“Essay by P. L. Yudin ‘Petrine Relics in the Volga region’”], in M. M. Zagorul’ko (ed.). *Strezhen’: Nauchnyi ezhegodnik, Vyp. 5* [Strezhen: Scientific Yearbook, Is. 5]. Volgograd: Izdatel’, pp. 335–341.

25. Ibneeva G. V. (ed.) (2015) *Okrainy Moskovskogo gosudarstva i Rossiiskoi imperii: innovatsionnye podkhody v izuchenii imperskoi istorii Rossii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kazan’, 29–30 noyabrya 2012 g.)* [The Outskirts of the Moscow State and the Russian Empire: Innovative Approaches to the Study of the Imperial History of Russia. Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan, November 29–30, 2012)]. Kazan’: Izd-vo Kazan. un-ta.

26. Pleshakov, I. N. (2009) *Rat’ Saratovskaya. Ocherki voennoi istorii Saratovskogo kraia* [The Saratov Host. Essays on the Military History of the Saratov Region]. Saratov: OOO “Privolzhskoe izdatel’sтво”.

27. Poluboyarov, M. S. (2021) *Nizovy’e goroda Rossii. Po materialam Oruzheinogo fonda Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* [Lower Towns of Russia. Based on the Materials of the Armoury Fund of the Russian State Archive of Ancient Acts]. Volgograd, Izd-vo CzGO.

28. Rabinovich, M. D. (1977) *Polki petrovskoi armii 1698–1725. Kratkii spravochnik* [Regiments of Peter the Great’s Army 1698–1725. Brief Reference]. Moscow: Sov. Rossiya.

29. Savvinskii, I. (1903) *Istoricheskaya zapiska ob Astrakhanskoi eparkhii za 300 let ee sushchestvovaniya. (S 1602 po 1902 god)* [Historical Note about the Astrakhan Diocese for 300 Years of Its Existence (from 1602 to 1902)]. Astrakhan’.

30. Sokolov, A. P. (1849) “Nachalo Astrakhanskogo porta” [“The Beginning of the Astrakhan Port”], *Morskoii sbornik*, 2, pp. 108–113.

31. Toropitsyn, I. V. (2018) “Vostochnye kolonii Astrakhani v epokhu Petra Velikogo” [“Eastern Colonies of Astrakhan in the Era of Peter the Great”], in *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 1–2 iyunya 2018 goda* [Peter I and the East. Proceedings of the XI International Peter the Great Congress. June 1–2, 2018]. St. Petersburg: Izd-vo “Evropeiskii Dom”, pp. 185–207.

32. Tyumentsev, I. O. (2020) “Tsaritsyn i Kamyshin v pravlenie Petra Velikogo” [“Tsaritsyn and Kamyshin in the reign of Peter the Great”], in *Ob’ekty kul’turnogo naslediya Petrovskoi epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sbornik materialov* [Objects of Cultural Heritage of the Peter Time in the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museification: Collection of Materials]. Volgograd: Sfera, pp. 8–21.

33. Florovskii, A. V. (1962) “Latinskie shkoly v Rossii v epokhu Petra Velikogo” [“Latin Schools in Russia During the Time of Peter the Great”], in *XVIII vek. Sb. 5* [XVIII century. Is. 5]. Moscow, Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 328–334.

34. Khodorkovskii, M. (2019) *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas’ kolonial’naya imperiya. 1500–1800* [The Steppe Frontiers of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

35. *Tsaritsynskaya liniya. Pamyatnik fortifikatsii Petrovskoi epokhi: stroitel’svo, ekspluatatsiya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy muzeifikatsii* (2022). T. 1. *Issledovaniya* [Tsaritsyn Line. The Monument of Fortification of the Peter the Great Epoch: Construction, Exploitation, Current State and Prospects of Museification. Vol. 1. Researches] / avt. kollektiv: I. O. Tyumentsev (ruk.) i dr.; pod obshch. red. I. O. Tyumentseva Volgograd: Izd-vo VolGU.

Олеся Плек

Оценка доказательств при рассмотрении должностных преступлений в дореформенном суде (на материалах Вологодской палаты уголовного суда)¹

Плек Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории РАН.

plekh@mail.ru

Аннотация: В статье разбираются особенности уголовного судопроизводства, связанные с действовавшей в первой половине XIX в. системой оценки доказательств. В основу исследования положены материалы дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда, за 1802–1855 гг. Проанализировано более 1300 преступлений, что позволило не только получить статистические данные, но и на конкретных примерах отразить специфику реализации принципов уголовного судопроизводства и практику оценки доказательств. В результате исследования выясняется, что формальная теория доказательств предоставляла широкие возможности уйти от ответственности или добиться смягчения наказания. При отсутствии чистосердечного признания практически любое другое доказательство могло быть подвергнуто сомнению по формальным признакам.

Ключевые слова: дореформенный суд, уголовное судопроизводство, розыскной процесс, формальная теория доказательств,

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе НИУ «Высшая школа экономики».

оценка доказательств, должностные преступления, губернская палата уголовного суда, Вологодская губерния.

Evidence Evaluation in Official Crimes Consideration in the pre-reform Court (based on the Materials of the Vologda Criminal Court Chamber)

Plekh Olesya Anatolievna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

plekh@mail.ru

Abstract: The article examines the features of criminal proceedings related to the evidence assessment system in the first half of the 19th century. The research is based on the materials of official crimes considered by the Vologda Criminal Court Chamber in 1802–1855. More than 1,300 crimes were analyzed that allowed not only to obtain statistical data but also to reflect the specifics of the implementation of the criminal proceedings principles as well as to consider evidence assessment practice and the use of specific examples. The study demonstrated that the formal theory of evidence provided ample opportunities to evade responsibility or achieve mitigation of punishment. In the absence of a sincere confession, almost any other evidence could be questioned on formal grounds.

Key words: pre-reform court, criminal proceedings, inquisitorial system, formal theory of evidence, assessment of evidence, official crimes, provincial chamber of the criminal court, Vologda province.

Кто раз был под судом и вышел в подозрение,
Тот, может быть, еще по случаю попал;
Кто два раза, тот плут, без всякого сомненья,
Хотя бы суд и оправдал!
Но в утешение для честных остается,
Что он и в третий попадетсЯ!

*М. А. Дмитриев*²

Первые попытки проанализировать дореформенную судебную систему и предложить пути к исправлению ее главных недостатков предпринимались еще в первой половине XIX в. В частности, исследователям хорошо известна записка правоведа М. А. Балугьянского «Рассуждение об учреждении губерний», сохранившаяся среди бумаг Комитета 6 декабря 1826 г., где автор особо подчеркивал, что «подчиненность судных мест губернатору, определение судей посредством выборов, недостаток власти сделали судную часть более всех несовершенною»³. В период подготовки Великих реформ Александра II на судоустройство и судопроизводство обращалось пристальное внимание, хотя цензурные ограничения и не позволяли «выразить в прессе общественное негодование на судебные порядки»⁴.

Несмотря на это, неудовлетворительное состояние судебной системы и давно назревшая необходимость ее преобразования ясно осознавались всеми слоями общества, а дошедшие до нас литературные и мемуарные произведения красочно иллюстрируют царившие умонастроения, которые можно обобщить емкой цитатой

2 *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 330.

3 Рассуждение неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 90. Бумаги Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года. СПб., 1894. С. 222.

4 *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905. С. 31.

из воспоминаний чиновника Министерства юстиции Н. М. Колмакова: «Уездные суды, магистраты и палаты, по своему составу и обстановке, а равно по формам судопроизводства, коих они обязаны были держаться, а главное, по зависимости своей от губернского начальства и других властей, не судебного ведомства, — были жалкие установления, нисколько не обеспечивавшие великое дело в государстве — дело отправления правосудия!»⁵

В целом воспоминания чиновников, в том числе современников, вращавшихся в судебной системе, долгое время являлись для исследователей ценнейшим источником, откуда черпались яркие примеры беззакония, взяточничества, волокиты, некомпетентности судей и т. д.⁶ Хотя в последней четверти XIX в. появилось немало государственных и общественных деятелей, заявлявших, что судебная реформа 1864 г. оказалась слишком радикальной, а «старый» суд был не так уж и плох⁷, негативный взгляд на доре-

5 Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // Русская старина. 1886. Т. 52. № 12. С. 513.

6 В дореволюционное время мемуары, дневники и записки столичных и провинциальных чиновников активно публиковались в толстых журналах. См., например: Записки московского мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Новое издание с примечаниями и портретом // Русский архив. 1884. Кн. 1. С. 1–154; Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г. Из воспоминаний старожила // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 7. С. 74–161; Письмо опытного чиновника сороковых годов младшему брату, поступающему на службу / сообщил А. С. Зарудный // Русская старина. 1899. Т. 100. № 12. С. 543–546; Провинциальные нравы за последние полвека (Воспоминания Феликса Яковлевича Лучинского) // Русская старина. 1897. Т. 91. № 9. С. 633–658; Старый суд. Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова. С. 511–526; Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского // Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 735–784; Шомпулев В. А. Провинциальные типы сороковых годов (Записки старого помещика) // Русская старина. 1898. Т. 95. № 8. С. 321–335; и др.

7 См., например: Джанишев Г. А. Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891. С. 138–149; Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон-Дервиза. 1881 г. // Русская старина. 1885. Т. 46. № 6. С. 594–596; Семенов Н. П. Наши ре-

форменный порядок надолго закрепился в историографии. В этом можно убедиться, обратившись как к дореволюционным публикациям⁸, так и к работам советского периода⁹. Следует отметить, что ни в тех, ни в других не преследовалась цель всесторонне проанализировать судопроизводство первой половины XIX в.

Лишь в последние десятилетия правоведы и историки пытаются заполнить указанную лакуну, при этом первые основное внимание уделяют изучению нормативных правовых актов и официальных документов¹⁰, но, как известно, закон и практика далеко не всегда совпадали. Историки же во многом идут по стопам предшественников, описывая пороки судебной системы с опорой на источники личного происхождения и разного рода записки государственных деятелей¹¹, а данные материалы, не лишённые

формы // *Русский вестник*. 1884. Т. 169. № 1. С. 282–332; *Фукс В. Я.* Суд и полиция. В 2 ч. Ч. 1. М., 1889.

- 8 В первую очередь речь идет о трудах, посвященных судебной реформе, в которых уделялось внимание и состоянию дореформенного судопроизводства. См., например: *Блинов И. А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. Пг., 1914; *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905; Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. Т. 1. М., 1915.
- 9 См., например: *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие: к 75-летию Историко-архивного института. М., 2006; *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- 10 См., например: *Ефремова Н. Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). М., 2007; *Она же.* Судоустройство России в XVIII — первой половине XIX в.: (историко-правовое исследование). М., 1993; История суда и правосудия в России. В 9 т. Т. 3: Судоустройство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века) / отв. ред. С. А. Колунтаев. М., 2019; *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 2–3. М., 2003.
- 11 См., например: *Карнишина Н. Г.* Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014. № 1 (29). С. 69–76; *Морякова О. В.* Система

эмоциональных обобщений, гипербол и субъективизма, преимущественно описывают наиболее яркие случаи нарушения закона, в совокупности дающие лишь самое общее представление, в полной мере не раскрывая ни причин сложившейся ситуации, ни механизмов, позволявших более полувека процветать «неправосудию». До настоящего момента редкостью остаются публикации, в которых основу источниковой базы составляет делопроизводство дореформенных судов¹², запечатлевшее практику их работы и отражающее специфику судебного процесса, вызывавшую нарекания современников.

В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать особенности уголовного судопроизводства, в первую

- местного управления России при Николае I. М., 1998; Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004; Schattenberg S. Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt; New York, 2008.
- 12 См.: Бугров К. Д., Киселев М. А. Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII века? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 29–36; Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в.: (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016; Он же. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири, 1780–1869 гг. Челябинск, 2005; Панин Е. Е. Уездные суды Российской империи в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006; Сабанцев А. Н. Судебные учреждения Олонекской губернии (1784–1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2003; Тростянский А. Г. Судебная система Российской империи в 1850-х — начале 1880-х гг. (на примере Пензенской и Самарской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011; Теряева Е. В. Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 127–134; Чернов Г. А. Пензенская палата уголовного суда (1780–1869 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; Он же. Судебная практика Пензенской палаты уголовного суда в 1812–1815 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 29–43.

очередь связанные с действовавшей системой оценки доказательств. Материалы конкретных уголовных дел о должностных преступлениях, рассмотренные Вологодской палатой уголовного суда в первой половине XIX в., позволяют увидеть не только специфику формального следствия и розыскного процесса, но и сформировавшиеся на практике механизмы ухода от наказания и ответственности¹³.

В законодательстве дореформенного периода должностные преступления именовались «следственными делами»¹⁴, и для них предусматривался «особенный род судопроизводства», что, в частности, находило отражение в подсудности: «лица гражданского ведомства по преступлениям должности подлежат или: 1) суду уголовной палаты, или 2) суду Правительствующего Сената, или 3) в некоторых родах службы суду военному»¹⁵. Иными словами, служащих губернского и уездного звеньев общей системы управления, за исключением высших должностных лиц губернии¹⁶, предавали суду губернских уголовных палат. В связи с этим

13 Неспособность судов при действовавшей системе формальных доказательств привлекать виновных к ответственности отмечали как дореволюционные правоведы, так и современные исследователи. См., например: *Крестьянников Е. А.* Отмена системы формальных доказательств в дореволюционной России // *История государства и права.* 2010. № 21. С. 31–34.

14 По должностным преступлениям в делопроизводственной документации, в том числе в протоколах и журналах заседаний, делалась отметка «следственное дело».

15 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. СПб., 1842. С. 286.

16 К подсудности Сената относились преступления губернаторов, с 1827 г. еще и губернских предводителей дворянства, с 1828 г. — губернских прокуроров, с 1837 г. — председателей губернских палат и председателей палат в других равных местах по губерниям и областям (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). Т. 2. № 892. С. 168; Т. 3. № 2309. С. 847–848; Т. 12. Отд. 2. № 10712. С. 903). Случаи привлечения к ответственности таких должностных лиц были еди-

в ходе исследования поиск документального материала осуществлялся в фонде 177 (Вологодская палата уголовного суда) Государственного архива Вологодской области.

В первой половине XIX в. отсутствовал систематический сбор данных о состоянии преступности, а уголовная статистика еще только переживала период становления¹⁷. На местах данные о должностных преступлениях не обобщали ни в отчетной, ни в текущей документации. Соответственно, в архивных фондах местных учреждений почти невозможно отыскать статистические сводки или подробные ведомости о зарегистрированных и решенных уголовных делах. По этой причине первичное делопроизводство местных судов приобретает особую значимость. Поскольку в фонде Вологодской палаты уголовного суда отдельные подшивки материалов находятся лишь по небольшой части следственных дел (в основном за 1840–1850-е гг.), работа главным образом проводилась с достаточно хорошо сохранившимися протоколами и журналами суда¹⁸. Всего изучена 201 единица хранения¹⁹, благо-

нычны. Их удалось выявить и проанализировать благодаря материалам, сохранившимся в фондах центральных учреждений Российского государственного исторического архива (далее — РГИА).

- 17 Статистическая отчетность Министерства юстиции не позволяет оценить масштабы правонарушений. Ученые, обращавшие внимание на эти материалы, осветили присущие им значительные недостатки, связанные с несовершенством форм учета и предоставления данных в отчетах центральным учреждениям. В первой половине XIX в. формы учета и состав поступавших с мест сведений неоднократно менялись, а в определенные годы данные в общероссийских масштабах вовсе не обобщались. Подробнее см.: *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века // *Отечественная история*. 1998. № 1. С. 24–42; *Остроумов С. С.* Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М., 1961. С. 6–46.
- 18 Оказались утраченными две подшивки протоколов за 1805–1806 гг., которые в совокупности позволили бы выявить не более 5% от общего числа следственных дел.
- 19 Проведена работа с 94 книгами протоколов, 37 книгами журналов и 70 отдельными подшивками материалов следственных дел (Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 177. Оп. 1. Д. 1,

даря чему удалось выявить 877 следственных дел и 33 апелляции по ним, рассмотренные уголовной палатой за 1800—1855 гг.²⁰ На основе собранных материалов была создана электронная база данных, позволившая сделать статистические выкладки.

Во-первых, следственные дела часто включали несколько преступлений: в 328 из 877 дел в обвинение ставилось совершение двух и более преступных деяний²¹, и общее количество зарегистрированных должностных правонарушений насчитывает 1330 (то есть на треть больше, чем число следственных дел)²². Как правило, такие дела формировались либо на досудебной стадии, либо инициатором объединения дел в одно выступал сам суд. Большое количество следственных дел, рассмотренных по совокупности, отражает особенности и расследования должностных преступлений, и судопроизводства по ним. С одной стороны, процесс могли затягивать следователи,

4, 5, 7–10, 14–17, 19, 20, 25–27, 29–33, 36, 37, 39–41, 44, 45, 47–49, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 68, 69, 71, 73, 74, 77–79, 82, 83, 85, 86, 88, 90, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107–109, 111–113, 116, 117, 119–121, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 141, 142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 159, 160, 163, 166, 169, 172, 185, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284–287, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. Д. 1–5, 10, 12, 14–18, 25–27, 29–31, 36, 37, 40, 45–48, 57, 58, 64–66, 70, 71, 76, 77, 84, 85, 91–107, 134–139, 141–143, 145, 148, 150, 162, 176, 178, 179, 181, 207.

20 Учитывая хорошую сохранность протоколов и журналов, предположительно, удалось выявить не менее 95% от всех дел о должностных преступлениях, рассмотренных Вологодской уголовной палатой в первой половине XIX в.

21 В Своде законов уголовных совокупность преступлений, называвшаяся «стечением преступлений», относилась к «обстоятельствам, увеличивающим вину»: «Стечение преступлений... бывает или когда преступник учинил несколько раз одно и то же преступление, не быв за оное прежде наказан, или когда он в разные времена учинил разные преступления, не быв прежде за оные наказан; или же когда в одном деянии соединяются разные преступления» (Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 26–27).

22 Подробнее о динамике следственных дел и должностных преступлений, рассмотренных Вологодской палатой уголовного суда в первой половине XIX в., см.: Плех О. А. Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в.: дис. канд. ист. наук. М., 2016. С. 247–248, 398.

собирая доказательства и приводя в «совершенную известность» все обстоятельства дела, а обнаружение еще одного противоправного деяния бесспорно оправдывало длительные сроки следствия²³; с другой стороны, разбор каждого должностного преступления по отдельности должен был отражаться как неоднократное нахождение под судом и, соответственно, в каждом последующем случае учитываться какотягчающее обстоятельство, уменьшавшее шансы на оправдательные приговоры, а суд более чем лояльно относился к подсудимым из чиновничьей среды, поэтому и поощрял объединение дел. Конечно, сама по себе совокупность преступлений также представляла отягчающим фактором, однако судебная практика показывает, что случаи, когда доказывались все действия, вменявшиеся обвиняемому, являлись единичными.

Во-вторых, за весь рассматриваемый период на скамье подсудимых оказалось не менее 2350 служащих Вологодской губернии разных уровней и званий²⁴, причем половина из них приходится на 10% следственных дел, то есть обнаружены дела, по которым

- 23 Сроки досудебного производства законодательно не регламентировались. Предполагалось, что предварительное следствие должно осуществляться скорейшим образом и желательно по горячим следам. Если факт нарушения закона находил подтверждение, то возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие, которому полагалось уложиться в месячный срок и привести все «обстоятельства дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговора». Относительно должностных преступлений закон допускал вариации в порядке следствия: «Следствие над чиновниками в преступлении должности наряжается или прежде и отдельно от суда, и производится местами и лицами к тому назначенными, или же он передается суду прямо по первоначальному обозрению его вины, и в сем случае следствие производится самою уголовною палатою по тем обвинениям, кои против него ей представлены» (Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 204, 292).
- 24 Установить точное число невозможно, поскольку в нескольких протоколах следственных дел, где количество подсудимых было значительным и суд выносил оправдательный приговор, перечислялся только ряд фамилий.

под суд попадали почти все служащие одного или нескольких уездов. Такие массовые привлечения к ответственности должностных лиц происходили после сенаторских ревизий²⁵.

В-третьих, если обратиться к структуре должностной преступности²⁶, то можно увидеть, что в каждом четвертом деле фигурировало превышение власти или противозаконное бездействие, а в каждом шестом — лихоимство. При этом в первом случае раскрываемость и число обвинительных приговоров были довольно высокими (до 70% рассмотренных дел), что же касается наиболее тяжких преступлений — взяток, то по таким делам обычной практикой являлось оправдание подсудимых (до 95%).

В-четвертых, только в половине случаев подсудимые получили обвинительные приговоры с назначением наказания, еще в 15% дел правонарушения служащих хотя и были доказаны, но наказания им удалось избежать (либо по благосклонности суда, либо по амнистии). Каждое четвертое преступление осталось недоказанным, и подсуди-

25 К примеру, в 1830-х гг. после ревизии сенаторов А. М. Корнилова и В. Ф. Мертенса под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служащий Вологодской губернии.

26 Классификация должностных преступлений производилась с опорой на действовавшее законодательство, что позволило выделить следующие категории: 1) неисполнение указов и предписаний (3,8% от всех выявленных преступлений); 2) превышение власти и противозаконное бездействие (25,1%); 3) противозаконные действия при хранении и управлении имуществом и денежными суммами (17,2%); 4) подлоги по службе (5,8%); 5) неправосудие (0,7%); 6) мздоимство и лихоимство (16,5%); 7) нарушение порядка при определении к должности и увольнении от нее (0,9%); 8) нарушение порядка отношений между начальниками и подчиненными (3,2%); 9) медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности (17,1%); 10) преступления при следствии и суде (3,4%); 11) ложные донесения о должностных правонарушениях (2,6%); 12) иные преступления, связанные с нарушениями лесного, питейного и рекрутского законодательства, по межевым делам, при совершении крепостных актов и нотариальных действий (3,7%). Подробнее о классификации должностных преступлений и их разделении в зависимости от принятых судебных решений см.: Плех О. А. Указ. соч. С. 250, 255–266, 400.

мых полностью оправдали. Кроме того, в 102 приговорах суд оставил обвиняемых в «подозрении» (65 — «в подозрении», 37 — «в сильном подозрении»)²⁷. Эта уникальная разновидность судебного решения, как и представленные статистические показатели, являлась, по сути, детищем действовавшей системы оценки доказательств.

Сущность розыскного процесса и формальная теория доказательств довольно хорошо освещены в научной литературе²⁸, поэтому сейчас хотелось бы заострить внимание лишь на тех аспектах, которые позволяли дореформенному суду подвергать сомнению собранные доказательства и обосновывать оправдательные приговоры.

Первое — это принципы уголовного судопроизводства, действовавшие с петровского времени. В частности, в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» 1716 г. отмечалось: «Понеже к свидетельствованию явные и довольные требуются доказы, того ради судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказать опасаться, но толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть 10 винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить»²⁹. В Своде законов уголовных данный тезис получил развитие в статьях 1169 («Никто не должен быть присужден

27 Полученные показатели вступают в противоречие с устоявшимся в дореволюционной литературе представлением, что дореформенный суд оставлял в подозрении абсолютное большинство подсудимых и это не влекло для них никаких негативных последствий. Подробнее см.: *Крестьянников Е. А.* Указ. соч. С. 31.

28 См, например: *Брянская Е. В.* О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 15–20; *Зайцева С. А.* Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 158–170; *Зотов Д. В., Сыщикова Т. М.* Быть по сему!? (к 150-летию реформы концепции уголовно-процессуального доказывания) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 163–168; *Крестьянников Е. А.* Указ. соч. С. 31–34; *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 32–37.

29 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 5. № 3006. С. 403.

к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении») и 1176 («Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступление, по тому общему правилу, что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного»)³⁰. Проанализированные судебные протоколы показывают, что формула «лучше десять виновных освободить...» часто использовалась при рассмотрении тяжких преступлений³¹.

Этому способствовали и принципы оценки доказательств, обоснованные Екатериной II в «Наказе» Уложенной комиссии. В первую очередь речь идет о делении доказательств на «совершенные», исключавшие «уже все возможности к показанию невинности обвиняемого», и «несовершенные», «которые сей возможности не исключают»³². Развивая положения Воинских процессов Петра I, императрица особо подчеркивала, что «имоверность свидетеля тем меньшей силы, чем преступление тяжче и обстоятельства менее вероятны»³³. К моменту издания Свода законов уголовных этот принцип приобрел следующее звучание: «При исследовании силы доказательств наблюдать, что чем более тяжко обвинение, тем сильнее должны быть и доказательства»³⁴.

Данные принципы позволяли суду при наличии малейшего сомнения, если и не полностью оправдать подсудимого, то освободить от наказания, оставив его в подозрении «более или менее сильным», «судя по важности обвинения и улик»³⁵. Этот приговор с определенной долей условности можно рассматривать как разно-

30 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 229–230.

31 См., например: ГАВО. Ф.177. Оп. 1. Д. 15. Л. 1120.

32 Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб, 1907. С. 47.

33 Там же. С. 51–52.

34 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 230.

35 Там же.

видность оправдательного, но для обвиняемого он грозил нежелательными последствиями. Чаще в подозрении оставляли при наличии значительного количества несовершенных доказательств, допуская назначение наказания более мягкого, чем предусматривалось за рассматриваемое преступление. Из судебной практики по должностным преступлениям видно, что в основном суд ограничивался дисциплинарными взысканиями (подтверждения, выговоры и т. п.). В случае, когда подозрение было сильным, служащего могли уволить с запретом впредь назначать на государственные должности и участвовать в выборах, а если по делу открывался материальный ущерб, то приговаривали еще и к покрытию убытков, последовавших от противоправных действий.

С одной стороны, применительно к должностным преступлениям такой подход можно рассматривать как государственную гарантию служащих, что должно было положительно отражаться на системе управления³⁶. С другой стороны, местный суд нередко и явно злоупотреблял этим правом. Выявлено немало эпизодов, когда оставляли в подозрении при наличии многочисленных показаний свидетелей и письменных доказательств. Наиболее ярким примером служит дело, рассмотренное в 1819 г. и начавшееся с доноса крестьян Вельского уезда на земского исправника Е. П. Небольсина, получившего от поселян взятку «за то, чтобы избавил волость их от ямской повинности». Показания о сборе и передаче денег дали более 200 человек. Подсудимый признался,

36 При всех нарушениях порядка управления не являлись исключением ложные доносы недоброжелателей на служащих. Эта проблема осознавалась в судебском корпусе. Так, М. А. Дмитриев, служивший в 1828–1832 гг. в Московской уголовной палате, хоть и скептически относился к «оставлению в подозрении» (по его мнению, такой приговор не влек негативных последствий для подсудимого), но отмечал, что всегда обращал особенное внимание на следственные дела, потому как «при тайне, требуемой нашей службой, у нас так легко погубить и невинного человека, особливо в уголовной власти» (*Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 295, 323*).

что советовал крестьянам сделать «денежное положение за повинность» и взял от выборных «подписку о нечинении на них налогов и притеснений». Суд определил, что все эти обстоятельства вели «к невыгодному об нем в сем случае заключению», причем в 1814 г. исправник уже был дважды судим по делам о взятках и «по непризнанию и неизобличению в лихоимстве учинен свободным». Однако и в этот раз уголовная палата не наказала Небольсина по всей строгости закона. Поскольку он навлек на себя «явное подозрение» и исчерпывающе не оправдался, его лишили «прапорщичьего чина» и исключили из службы с «распубликованием»³⁷. Как видно, в отношении должностных лиц местный суд действовал крайне гуманно, неоднократно оставляя их в подозрении.

Кроме того, обвиняемым, на которых падало сильное подозрение, закон предоставлял возможность «восстановить невинность» путем принятия «очистительной присяги и этим изгладить подозрение на них лежащее». Выявлено только одно такое дело, ставшее прецедентным. Речь идет о подозреваемых в лихоимстве чиновниках, в 1804 г. осуществлявших рекрутский набор в Великом Устюге (всего 9 подсудимых, в том числе вице-губернатор действительный статский советник Н. Е. Чемесов). На допросах и очных ставках рекрутские отдатчики единогласно обвинили их в получении взяток, но уголовная палата посчитала это недостаточным и вынесла оправдательный приговор³⁸. После утверждения губернатором приговор поступил в 5-й департамент Сената, где вызвал разногласия и потому был направлен в общее собрание, почти единогласно высказавшееся за освобождение подсудимых. С этим положением не согласился только сенатор О. П. Козодавлев, полагавший, что всех, кроме Чемесова и казначея Наткина, следует оставить удаленными от должностей

37 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 88–90 об.

38 РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 540. Л. 2–2 об.

как чиновников, навлекших на себя подозрение. В свою очередь, министр юстиции П. В. Лопухин представил свое мнение, высказавшись за исключение обвиняемых из службы, поскольку против них свидетельствовало слишком много людей, а чиновники себя ничем не оправдали. Его предложение вызвало большие разногласия в общем собрании Сената (6 из 14 членов согласились с министром). Дело привлекло внимание императора, и материалы были направлены на рассмотрение в Государственный совет, большинством голосов поддержавший первоначальное решение общего собрания Сената³⁹. Итоги разбирательства нашли отражение в указе Сената от 22 июня 1809 г., разъяснявшем, в каких случаях «очистительная присяга может быть допускаема». Всех обвиняемых, кроме Наткина, «яко навлекших на себя подозрение», оставили отрешенными от должностей, но, «дабы открыть им способ к восстановлению их невинности», им предоставили возможность «принять, буде пожелают, очистительную присягу в Вологде, и тем окончательно изгладить подозрение на них лежащее»⁴⁰.

Сам факт оставления в подозрении должен был учитываться какотягчающее обстоятельство, но в выявленных материалах это не прослеживается. Скорее, он рассматривался как свидетельство

39 Архив Государственного совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). Ч. 2. СПб., 1878. Ст. 1097–1101.

40 Сенат определил: «Поскольку недостаток улик произошел здесь не столько от самого существа обвинения, сколько от обстоятельств, с коими сопряжены преступления сего рода, без свидетелей совершаемые; а на подобные случаи, где обвиняемый по соображению обстоятельств быв подозреваемым, с одной стороны, не имеет к оправданию себя никаких прямых доказательств, с другой же стороны, и к обвинению его нет также прямых и достоверных улик, учреждена законом очистительная присяга, которая по свойству и по строгим ее формам совершенно различна от присяги обыкновенной в дополнение доказательств, в судебных делах принимаемой, и дозволяется не прежде, как уже все другие средства, к уличению или оправданию обвиняемого законом установленные, будут употреблены безуспешно и открыть истины иначе невозможно» (Подробнее см.: ПСЗ-1. Т. 30. № 23716. С. 1016–1017).

о неблагонадежности чиновника. Лимита на оставление в подозрении не существовало, и вынесение такого приговора во второй или третий раз не являлось исключительным явлением, но все же рано или поздно таких «рецидивистов» из службы исключали⁴¹. В данном случае наглядным примером служит карьера Н. К. Бунакова, четырежды побывавшего под судом. В первый раз, занимая должность соляного пристава, он обвинялся во взятии с покупателей излишних денег за соль, но смог оправдаться, позвав одного «добросовестного» свидетеля, показавшего, что обвиняемый «солью удовлетворял... по равному количеству и в то время покупателям никакого притеснения не чинил»⁴². Во второй раз его обвиняли в «самовольном схвачении в присутствии градской полиции с секретарского стола представленной в оную правящим уездного стряпчего должность регистратором Ярцовым тетрадки и в изорвании оной, в коей заключалось преступление его, Бунакова, по должности» (записи, доказывавшие обсчитывание и обвес при продаже соли). Подсудимый не сознался, но вина доказывалась свидетелями. Суд обоснованно посчитал действия чиновника подозрительными, «что приступил он к сему из причины, побудившей его для сокрытия какого-либо содеянного им преступления, могущего ясно изобличить оную тетрадкою, и сие тем имовернее, что он и прежде сего судим был за излишнее взимание с покупателей за соль денег, но только что не доказан». Бунакова отпустили от должности с запретом впредь определять к подобным⁴³. В третий раз его оставили в подозрении по делу об открывшейся нехватке соли⁴⁴. Наконец, в 1814 г. Бунакова, уже пребывавшего в должности вельского уездного стряпчего, судили в четвертый раз

41 См., например: ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 96. Л. 1361–1413; Д. 116. Л. 1028–1044 об.; Д. 119. Л. 868–883 об.; Д. 125. Л. 586–589 об.; Д. 136. Л. 277–283 об.; Д. 142. Л. 1064–1072 об.; Д. 213. Л. 1472–1473 об.; Д. 169. Л. 1083–1084; Д. 185. Л. 1281–1291 об.

42 Там же. Д. 41. Л. 241.

43 Там же. Д. 44. Л. 287, 294; Ф. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–3.

44 Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 59. Л. 253 об.

по совокупности должностных преступлений, и теперь последовало исключение из службы с запретом впредь куда-либо назначать или выбирать⁴⁵.

Обосновывать оправдательные приговоры суду позволяли действовавшие правила оценки доказательств, в основном базировавшиеся на предписаниях Воинских процессов Петра I и «Наказа» Екатерины II: для обвинения требовалось одно совершенное или нескольких несовершенных доказательств, «совокупно взятых», если они «исключают возможность недоумевать о вине подсудимого»; одно несовершенное доказательство могло повлечь только оставление в подозрении⁴⁶. В законе также устанавливалась сила отдельных видов доказательств⁴⁷ и конкретизировалось, какие именно обстоятельства позволяли признавать доказательство совершенным или несовершенным.

Главным и самым совершенным доказательством являлось чистосердечное раскаяние: «Собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света»⁴⁸. При его отсутствии практически любое другое доказательство могло подвергаться сомнению по формальным признакам и признаваться несовершенным. Согласно судебной практике, в тех случаях, когда вина подсудимых являлась очевидной, они стремились признаваться, приводя все возможные доказательства отсутствия злого умысла, чтобы добиться снисхождения суда. В первую очередь это касалось таких категорий должностных преступлений, как: превышение власти и противозаконное бездействие; медленность, нерадение и несоблюдение порядка при исполнении должности. В совокупности эти преступ-

45 Там же. Л. 250, 253 об.

46 Подробнее см.: Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 229–230.

47 Выделялись следующие виды доказательств: признание, письменные доказательства, личный осмотр, свидетельство сведущих людей, свидетельство посторонних людей, оговор, повальный обыск, улики и признаки преступления. Там же. С. 231–235.

48 Там же. С. 231.

ления превышали 40% от всех рассмотренных уголовной палатой, и именно по ним вынесение обвинительного приговора было обычным явлением, что обуславливалось спецификой данных правонарушений. Превышение власти или противозаконное бездействие имели распространение среди служащих полиции и крестьянских выборных лиц: взыскание недоимок, расследование преступлений, контроль за несением земских повинностей нередко сопровождались притеснениями, побоями и иными злоупотреблениями. К медленности, нерадению и несоблюдению порядка при исполнении должности относились самовольные отлучки от должностей, появление на службе в пьяном виде, вынос из учреждений документов и их утрата, беспорядочное ведение делопроизводства, нерасторопность в исполнении обязанностей и т.д. Подобные нарушения имели распространение в уездных и городских органах управления. Ввиду того, что трудностей в доказывании и той и другой категории преступлений, как правило, не возникало, то подсудимые предпочитали раскаться, а суд не стремился назначать суровые наказания, ограничиваясь выговорами, штрафами и кратковременными арестами. Тех же, кто начинал «запираться» и уклоняться от следствия, могли уволить или исключить из службы.

К любопытным выводам позволяют прийти дела, где в обвинение ставились противозаконные действия при хранении и управлении вверенным по службе имуществом и денежными суммами. На растраты государство обращало особое внимание, ведь обычно речь шла о казенном имуществе. Эти преступления относились к тяжким, и раскрываемость по ним была довольно высокой (75%). Материалы судопроизводства позволили проследить определенные закономерности: когда обвиняемые осознавали, что суд признает их ответственными за утрату средств, и растрата не являлась значительной, то предпочитали вернуть деньги сразу же при обнаружении преступления⁴⁹. Тогда суд

49 Фактор времени имел значение, поскольку покрытие убытков уже после того, как дело попало в суд, не рассматривалось как смягчающее обстоятельство.

избегал суровых наказаний, уважая чистосердечное раскаяние и возмещение убытка⁵⁰.

Если же злоумышленник пребывал в уверенности, что явные доказательства его вины отсутствуют, а речь шла о крупных растратах, то он предпочитал не признаваться, и тогда его судьба зависела от стечения обстоятельств и собственной находчивости. Конечно, встречались и исключения из правил⁵¹. Уникальным примером представляется рассмотренное в 1820 г. дело о растрате в Яренском уездном казначействе. Под суд попали восемь служащих, но всю ответственность за совершавшиеся на протяжении 1811–1816 гг. преступления взял на себя уездный казначей Д. И. Богославский. Причем он не только сознался в растрате, но и изобличил себя в других противоправных деяниях (уничтожение документов, подлоги, нарушение правил учета и свидетельства денежных средств, взятки, регулярно подносимые уездному стряпчему, чтобы тот закрывал глаза на деяния подсудимого, и т.д.). Кроме того, служащий указал на асессора казенной палаты И. Ф. Дьяконова, который вел следствие и требовал с него «в подарок» 1000 руб. за помощь в сокрытии преступлений. По какой причине опытный чиновник Богославский сделал признание, остается загадкой, поскольку другие совершенные доказательства его вины отсутствовали и в случае запирательства он имел шанс избежать личной ответственности. Но его приговорили к лишению прав состояния и отдаче в солдаты (при негодности — к ссылке в Сибирь на поселение), а остальных, как ни в чем не признавшихся, освободили. Имущества осужденного не хватило на покрытие всей растроченной суммы (почти 24 тыс. руб.), поэтому взыскание остатка наложили на городничего, уездного стряпчего и членов уездного суда, обязывавшихся ежемесячно «свидетельствовать» хранившиеся в казначействе суммы, и на членов казенной палаты, допустивших

50 См., например: ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 821–837 об.; Д. 134. Л. 755–755 об.; Д. 185. Л. 1237–1239 об.

51 См., например: Там же. Д. 96. Л. 1045–1062 об.; Д. 227. Л. 229–247.

осужденного казначея к должности с «недостаточным поручительством»⁵².

Показательным выглядит дело и о крупной растрате в Вологодском приказе общественного призрения, открывшейся в 1818 г. Под судом оказались 14 должностных лиц, в том числе губернатор И. И. Винтер и губернский прокурор С. Д. Разнотовский. За два года было расхищено почти 44 тыс. руб. Вину признал казначей приказа В. И. Метелев, между прочим указавший, что не только он, но и другие чиновники присваивали деньги, в частности «более 20000 в разные времена перебрал у него губернатор Винтер». Однако, как и в деле Богославского, никого, кроме казначея, не наказали: Метелева лишили прав состояния и сослали в Сибирь на поселение. За продажу имущества осужденного удалось выручить лишь 1,5 тыс. руб. и получить с его должников еще 4 тыс. руб. Остальные деньги уголовная палата предписала взыскать с заседателей приказа и их имений, «расположив оное по пропорции окладного их жалования»⁵³.

Даже не признавшимися в растратах чиновникам совсем избежать ответственности в результате не получалось, поскольку виновными суд обычно считал служащих, являвшихся материально ответственными лицами. Они могли проявить изобретательность в попытках себя обелить, приводя самые немыслимые оправдания, которые, впрочем, учитывались как смягчающие обстоятельства. К примеру, дворянский заседатель Грязовецкого уездного суда Д. В. Нелидов объяснял растрату не стремлением присвоить деньги, а «по бываемой расстроенности в рассудке, незнанию точности своей обязанности по службе и недоумию». Врачебная управа засвидетельствовала помешательство в рассудке, и виновного вместо ссылки приговорили к лишению чинов и оставили на месте жительства «на пропитание» матери⁵⁴. Вельский уездный казначей

52 Там же. Д. 82. Л. 1355–1363.

53 Там же. Д. 107. Л. 269–272 об.

54 Там же. Д. 129. Л. 1029–1038.

И. Хамантов оправдывал недостачу тем, что он «по нетрезвой жизни бухгалтера и недостатку канцелярских служащих, занимаясь сам письмоводством, имел болезненные и частовременно случающиеся с ним припадки»⁵⁵.

Относительно дел, где имел место казенный ущерб, главной задачей становился не только поиск виновных, но и установление лиц, с каковых можно взыскать убытки. Следователи стремились выявить подозреваемых, в противном случае возмещение ущерба за нераскрытое преступление могло быть обращено на них самих с обоснованием, что они не справились со служебными обязанностями и позволили виновному избежать суда⁵⁶. Сами подозреваемые и должностные лица учреждений, где произошла растрата, во время следствия предпочитали указать на предполагаемых виновников и, как правило, в качестве таковых выставляли канцелярских служащих. Например, ответственность за открывшуюся в 1821 г. растрату в Вологодском губернском правлении (около 56 тыс. руб.) возложили на приходорасходчика А. Попова, и, несмотря на его утверждение, что основную часть денег «перебрали» другие служащие, наказанию больше никого не подвергли⁵⁷. Для суда главной целью являлось возмещение причиненного преступлением ущерба. Если не удавалось определить конкретного виновника, взыскание убытков налагалось на всех служащих, в обязанности которых входил надзор за сохранностью казны и имущества⁵⁸. Уход со службы и даже смерть не освобождали от материальной ответственности.

Совершенно иное поведение демонстрировали обвиняемые во взятках — самых труднодоказуемых должностных преступлений. Из всех рассмотренных уголовной палатой дел о лихоимстве лишь в 19 эпизодах выносились обвинительные приговоры

55 Там же. Д. 88. Л. 115–140.

56 Там же. Д. 119. Л. 516–523 об.

57 Там же. Д. 99. Л. 317–318 об.

58 См., например: Там же. Д. 39. Л. 322 об. — 341; Д. 41. Л. 149–159 об.; Д. 166. Л. 246–254 об.; Д. 199. Л. 610–612 об.

с назначением наказания, причем в подавляющем большинстве подсудимыми оказались выборные крестьяне, признавшие в незаконном сборе денег за свой труд или для лихоимственных дач чиновникам⁵⁹. Признания коронных чиновников во взятках следует относить к исключительным случаям. Среди судебных материалов обнаружено несколько весьма любопытных дел, когда в лихоимстве сознавались на допросах, проводимых сенаторами, ревизовавшими Вологодскую губернию. В частности, в 1814 г. канцелярский служитель Никольского земского суда П. Семенов сознался сенатору А. З. Хитрово в получении денег «за сочинение бумаг» и истреблении расходных книг нескольких волостных правлений, в которых «показаны были лихоимственные денежные дачи ему, Семенову, и прочим из мирских сумм»⁶⁰. Хотя после отъезда ревизора Семенов пытался оправдаться и заявлял, что никаких денег от крестьян не получал, суд, учитывая первоначальное признание, приговорил его к ссылке в Нерчинск на каторгу. Второй пример «раскаяния» пришелся на сенаторскую ревизию И. С. Горголи в 1827 г. Под суд попали почти все служащие удельного ведомства и другие чиновники Тотемского уезда (всего 82 человека). Расследуя жалобы удельных крестьян на незаконные поборы, сенатор лично допрашивал управляющего Вологодской удельной конторой В. Готовцева, его предшественника А. Егорова и помощника управляющего А. Данилова, добившись признательных показаний⁶¹. Уголовная палата приговорила их к ссылке в Сибирь на поселение, однако утверждение решения в Сенате затянулось, поскольку обвиняемые не оставляли попыток оправдать себя, направляя в столицу жалобы и просьбы⁶².

59 Там же. Д. 119. Л. 824–828; Д. 199. Л. 184–186 об., 246–257 об.; Д. 227. Л. 423–426 об.; Д. 256. Л. 432–433 об.; Д. 301. Л. 1296–1302 об.; Д. 302. Л. 524–532; Д. 303. Л. 182–188 об.; Д. 306. Л. 977–985.

60 Там же. Д. 71. Л. 509–512.

61 Там же. Д. 116. Л. 1028–1044 об.

62 См., например: РГИА. Ф. 515. Оп. 1. Д. 15. Л. 559–560 об.

В целом только по шести должностным преступлениям у суда не было сомнений в получении взяток и вымогательстве⁶³, и только в одном из них отсутствовало чистосердечное раскаяние. Речь идет о выборном крестьянине Яренского уезда А. Кобычеве, который помимо лихоимства обвинялся еще в «богохулении и порицании веры, произношении дерзких слов противу императорского величества, чинении обществу стеснения». Ни на допросах, ни на очных ставках и со «священнического увещания» он ни в чем не сознался, но суд посчитал, что свидетельских показаний крестьян вполне достаточно, и приговорил его к самому суровому наказанию из всех выявленных приговоров по должностным преступлениям: «наказать в городе Яренске публично чрез палача кнутом, дав ему оным тридцать пять ударов, и потом, поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в каторжную работу»⁶⁴. По всей видимости, это пример избирательного отношения к подсудимым. Сословное происхождение и столь серьезный «набор» правонарушений убедили суд в необходимости показательно наказывать крестьянина. Ничем иным подобный приговор объяснить нельзя, поскольку во всех других случаях, когда обвиняемые «запирались», их либо освобождали от ответственности, либо оставляли в подозрении, даже если на получение взятки указывали более сотни крестьян.

Таким образом, материалы следственных дел отражают, что для суда многочисленные свидетельства не являлись критической массой, позволявшей приравнивать совокупность несовершенных доказательств к одному совершенному (как предусматривалось законом). В приговорах часто отмечалось, что доносители, кроме одних своих и причастных к делу людей показаний, никаких ясных доказательств и законных свидетелей не предоставили. Следует упомянуть, что в законодательстве устанавливалось довольно много правил оценки свидетельских показаний:

63 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 71. Л. 509–512; Д. 79. Л. 927–939 об.; Д. 116. Л. 1028–1044 об.; Д. 134. Л. 1286–1290 об.; Д. 142. Л. 1278–1302 об.

64 Там же. Д. 172. Л. 206–208 об.

одного свидетеля было недостаточно; противоречивые показания или взятые без присяги теряли силу; доказательственная сила показаний зависела от социального положения лица (преимущество следовало отдавать мужчине перед женщиной, знатному перед незнатным, ученому перед неученым, духовному перед светским). Более того, даже при наличии совершенных доказательств за подсудимым сохранялось право опровергнуть их и доказать свою невиновность, в том числе предоставив свидетелей⁶⁵.

Закон одинаково сурово карал не только лихоимцев, но и лихоходателей. Ярким примером может служить упомянутое дело об уездном казначее Богославском, признавшемся в подкупе уездного стряпчего. Еще одно показательное дело рассматривалось уголовной палатой в 1844 г., когда под суд попали крестьянские выборные лица, передавшие «в подарок» тотемскому подлесничему 488 руб. «за отпуск крестьян с лесного пожара». Спрошенные на следствии крестьяне «единогласно» заявили, что подлесничий во время пожара требовал с них деньги «и без того не хотел их с оного отпустить до самой зимы, несмотря на то что пожар уже был потушен». Этих показаний оказалось недостаточно, чтобы уличить чиновника в лихоимстве, но вина выборных крестьян доказывалась «добровольным признанием». При назначении наказания суд учел смягчающие обстоятельства. В частности, в приговоре отмечалось: «За бездоказательное израсходование» денег, принимая во внимание, «что учинено это ими не по обдуманному умыслу, а по простоте и легкомыслию, быв к тому, как из показаний спрошенных по делу в большом количестве крестьян видно, вынуждены страхом притеснения», отрешить от должностей с запретом впредь избираться, взыскать с них потраченные деньги и сделать подтверждение, «чтоб они подобных на подарки денег делать на будущее время ни под каким видом не осмеливались

65 Свод законов Российской империи. Т. 15. Свод законов уголовных. С. 233–234.

под опасением неминуемого наказания плетью и ссылке в Сибирь на поселение»⁶⁶.

Подобных примеров, когда обвиняемые, не признаваясь в получении взятки, уходили от ответственности, а потерпевшие, которые под присягой заявляли о вымогательстве, оказывались обвиняемыми в лиходействе, выявлено довольно много. Это была парадоксальная ситуация: суд, признавая доказанным факт передачи взятки, отрицал факт ее получения чиновником. Разумеется, такой формат правосудия имел вполне определенные последствия. Во-первых, население опасалось жаловаться на взяточников, но еще верило в защиту верховной власти, о чем говорят многочисленные доносы ревизорам, побывавшим в губернии⁶⁷. Во-вторых, суд не стремился сурово наказывать жалобщиков, понимая несправедливость ситуации и опасаясь волнений среди населения. Именно поэтому, отмечая «многолюдство», «простоту», «легкомыслие», «неведение строгости законов» и т.п.⁶⁸, наказания крестьянам заменяли на «внушения», «чтобы подобных показаний, что законно доказать не могут, впредь делать не осмеливались под опасением неминуемого по законам наказания»⁶⁹. Правда, в отдельных случаях суд мог, «в пример и страх другим», карать жестоко⁷⁰. Главным образом это делалось в отношении отдельных доносчиков, упорно доказывавших правдивость своих слов.

66 ГАВО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 185. Л. 205–207 об.

67 См., например: Там же. Д. 69. Л. 381–389 об., 431–458, 717–730 об., 755–769; Д. 73. Л. 500–510 об., 512–532, 852–867 об., 932–939; Д. 74. Л. 395–405, 749–761 об.; Д. 78. Л. 86–95 об.; Д. 79. Л. 401–420, 471–518, 537–669 об.; Д. 83. Л. 899–964; Д. 92. Л. 261–289 об.; Д. 96. Л. 811–954 об.; Д. 134. Л. 1286–1290 об.; Д. 136. Л. 277–283 об.; Д. 142. Л. 1278–1302 об.; Д. 146. Л. 399–417 об.; Д. 160. Л. 136–141 об., 427–432 об.; Д. 213. Л. 1472–1473 об.

68 См., например: Там же. Д. 73. Л. 732–765; Д. 79. Л. 859–912; Д. 82. Л. 1088–1091 об.; Д. 117. Л. 419–443 об.; Д. 119. Л. 1056–1065 об.; Д. 125. Л. 586–589 об.; Д. 146. Л. 171–180; Д. 154. Л. 783–786; Д. 186. Л. 1281–1291 об.

69 Там же. Д. 227. Л. 384.

70 См., например: Там же. Д. 117. Л. 419–443 об.; Д. 130. Л. 1263–1269 об.; Д. 154. Л. 729–732 об.; Д. 169. Л. 125–131; Д. 185. Л. 1342–1343; Д. 306. Л. 1247–1252 об.

Изучение протоколов по делам о взятках позволяет проследить логику рассуждений суда при рассмотрении свидетельских показаний. Лица, организовывавшие сбор денег и/или непосредственно их передававшие, признавались прикосновенными к делу (заинтересованными), следовательно, слов данных людей не хватало, чтобы доказать вину должностного лица. Опрашиваемые крестьяне хотя и участвовали в сборе средств, но при передаче денег не присутствовали, а значит, только могли предполагать получение взятки. Даже малейшие расхождения в показаниях давали основание подвергнуть свидетельства сомнению. Кроме того, следователи зачастую не приводили к присяге опрашиваемых, а такие показания по закону теряли доказательственную силу. По всей видимости, нарушения в ходе следственных действий допускались не бесплатно. Можно привести весьма красноречивый пример, который нельзя объяснить ничем иным, как взяткой. В 1849 г. уголовная палата оправдала станowego пристава, поскольку следователь, исполняя поручение лишь дополнить дело недостающими сведениями, без ее санкции самостоятельно провел целый ряд следственных действий, позволивших подсудимому в итоге уйти от ответственности⁷¹. Ключевую роль в этом сыграло проведение нового допроса главного свидетеля. Суть его показаний не изменилась, но принять их в качестве доказательства не получилось, так как они, в отличие от предыдущих, были взяты без присяги. Учесть старые показания суд также не мог, поскольку новый допрос, по закону, отменял предыдущий. Подобный метод, неформально именовавшийся как передопрос, активно применялся следователями при стремлении развалить обвинение по делу⁷². Следует подчеркнуть, что недобросовестные расследования стали привлекать особое внимание суда только с 1840-х гг.⁷³, когда в приговорах уголовной палаты начали

71 Там же. Д. 256. Л. 1352 об.

72 См., например: Там же. Д. 186. Л. 1281–1291 об.

73 См., например: Там же. Д. 213. Л. 627–629 об.; Д. 256. Л. 1390–1392; Д. 285. Л. 325–331 об.; Д. 305. Л. 380–405; Д. 302. Л. 1333–1338.

появляться предписания «предоставить [действия следователя] на вид и определение для положения меры взыскания Вологодского губернского правления»⁷⁴, которое, со своей стороны, имело право отдавать под суд нерадивых чиновников.

Материалы следственных дел дают интересные примеры отношения суда к письменным доказательствам. Хотя законом они признавались совершенными, на практике находились возможности признать и их ничтожными, в особенности по делам о взятках. Так, в 1814 г. к ревизовавшему губернию сенатору Хитрово обратились представители многих городских и крестьянских обществ с жалобами на вымогательство должностных лиц, предоставив в качестве доказательств приходорасходные книги, где скрупулезно фиксировалось, кому, когда, за что и сколько было заплачено или сделано подарков. По результатам ревизии возбудили 25 дел по обвинению в лихоимстве, под судом оказалось 116 человек, из которых только одного, уже упомянутого канцелярского служителя Семенова, признали виновным, поскольку тот «учинил чистосердечное признание», а остальных оправдали, посчитав приходорасходную документацию недостаточным доказательством. Во-первых, еще надлежало подтвердить подлинность записей; во-вторых, следовало также убедить суд, что перечисленные суммы действительно передавались служащим, а не присваивались выборными крестьянами. Назначенный провести расследование по одному из указанных дел тотемский судья М. С. Плешанов рапортовал о непредоставлении крестьянами «ясных» доказательств кроме «черного регистра», «недельного и никакого внимания незаслуживающего», и весьма красноречиво высказался относительно доказательственной силы документа: «Слабоумные крестьяне, не имея ясного доказательства, думают уверить тою ничего не значащей бумагой, а ни чем другим, что они в доносе своем справедливы»⁷⁵.

74 Там же. Д. 242. Л. 39–39 об.

75 Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 424. Л. 20 об. — 21.

Письменные доказательства личного происхождения тоже довольно легко опровергались, даже в тех случаях, когда их подлинность не вызвала сомнений⁷⁶. К примеру, обвиняемый в растрате секретарь Вологодского земского суда Н. С. Попов пытался убедить суд, что основную часть хранившихся в суде средств присвоил земский исправник С. Г. Вахрушев, предоставив одну из записок последнего (о «присылке к нему 50 рублей»). Но уголовная палата не сочла бумагу доказательством, поскольку в ней не указывалось, «чтоб он просил у него денег из находящейся в земском суде суммы»⁷⁷.

Пытаясь уличить в вымогательстве канцелярского служителя Вологодской палаты гражданского суда П. Соболевского, крестьяне помещицы Т. Мориной предоставили его письмо с просьбой как можно скорее прислать 50 руб. серебром, чтобы решить в ее пользу производившееся в палате дело. Однако суд поверил оправданиям подсудимого, дескать, он писал «шуточно», «зная по родственному расположению скупость характера» Мориной, желая лишь подшутить над ней, вручив письмо при личной встрече⁷⁸.

В историографии дореформенный суд традиционно ассоциируется с коррупцией, беззаконием, волокитой, канцелярщиной. Как показывает проведенное исследование, эти суждения подтверждаются не только мемуарной литературой, на которую опираются историки, но и делопроизводственной документацией. Выявленные судебные материалы позволяют заключить, что заложенные в законодательстве принципы уголовного судопроизводства и правила оценки доказательств, долженствовавшие служить правосудию

76 См., например: Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 62. Л. 69–74; Д. 82. Л. 1422–1428; Д. 150. Л. 315–317 об.

77 Там же. Д. 166. Л. 253 об.

78 Там же. Д. 271. Л. 291.

и защищать невиновных от наказания, на практике имели двойные стандарты. Чиновникам они давали широкие возможности уходить от ответственности и не защищали тех, кто безвинно попал под суд, но не имел авторитетных покровителей или возможности «откупиться» (в наиболее уязвимом положении обыкновенно оказывались канцелярские служители и крестьянские выборные лица).

Примеры из судебной практики позволяют понять, почему так много нареканий современников вызывала неспособность дореформенного суда привлечь к ответственности за должностные преступления. Существовало немало способов обойти закон и обеспечить вынесение оправдательного приговора, в особенности если преследованию подвергались опытные служащие, хорошо знакомые с практикой работы местных учреждений. Оспаривая доказательства, подсудимые проявляли завидную изобретательность, а уголовная палата демонстрировала благосклонность, если не полностью оправдывая, то насколько возможно смягчая приговоры. Действовавшая формальная теория доказательств породила такую разновидность судебных решений, как оставление в подозрении. Это было уникальное явление изучаемой эпохи, представлявшее собой нечто промежуточное между обвинительным и оправдательным приговорами, когда, с одной стороны, подсудимых не наказывали по всей строгости закона, но, с другой, далеко не всегда полностью освобождали от ответственности, предписывая возместить ущерб и налагая дисциплинарные взыскания, вплоть до признания неблагонадежными и исключения из службы с запретом впредь назначать на должности от правительства и по выборам.

Нельзя сказать, что чиновников вовсе не наказывали. По каждому второму должностному преступлению выносился обвинительный приговор. Однако в основной своей массе это касалось таких правонарушений, по которым вина подсудимых являлась очевидной и трудностей в доказывании не возникало (например, дела о превышении власти или неисполнении должностных обязанностей). Совершенно иная динамика наблюдается

относительно наиболее тяжких преступлений, в первую очередь взятки — наименее доказуемых деяний, что, вероятно, и способствовало их процветанию.

Итоги проведенного исследования, пожалуй, позволяют говорить не про неспособность, а про нежелание дореформенного суда бороться с должностной преступностью. Расхожая фраза о строгости российских законов, которая смягчается необязательностью их исполнения, превосходно отражает характер проанализированных судебных процессов. Выводы о сплоченности служилой корпорации на местах будут слишком большим преувеличением, но то, что чиновники неохотно судили себе подобных, вполне очевидно, ведь, как точно подметил неоднократно цитируемый в статье М. А. Дмитриев, «он то судья, то под судом!»⁷⁹

Литература

1. *Блинов И. А.* Судебная реформа 20 ноября 1864 г.: историко-юридический очерк. Пг., 1914. 234 с.
2. *Брянская Е. В.* О развитии доказательств в уголовном процессе дореволюционной России // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4 (67). С. 15–20.
3. *Бугров К. Д., Киселев М. А.* Насколько регулярным было «регулярное государство» в России XVIII в.? Принципы работы по входящим делам в Екатеринбургском уездном суде (1785) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 29–36.
4. *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1969. 400 с.
5. *Воропанов В. А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М.: Юрлитинформ, 2016. 451 с.
6. *Воропанов В. А.* Судебная система Российской империи

79 *Дмитриев М. А.* Указ соч. С. 330.

на Урале и в Западной Сибири, 1780—1869 гг. Челябинск: Центр анализа и прогнозирования; УрАГС, 2005. 314 с.

7. *Гессен И. В.* Судебная реформа. СПб., 1905. 267 с.

8. *Джанишиев Г. А.* Основы судебной реформы: (К 25-летию нового суда): Историко-юридические этюды. М., 1891. XVI, 364, 52 с.

9. *Ерошкин Н. П.* Российское самодержавие: к 75-летию Историко-архивного института. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. 494 с.

10. *Ефремова Н. Н.* Становление и развитие судебного права в России XVIII — начала XX в. (историко-правовое исследование). М.: РУДН, 2007. 267 с.

11. *Ефремова Н. Н.* Судостроительство России в XVIII — первой половине XIX в.: (историко-правовое исследование). М.: Наука, 1993. 190 с.

12. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

13. *Зайцева С. А.* Генезис свободной оценки доказательств в российском уголовном процессе // Юридические науки и образование. 2018. № 56. С. 158—170.

14. *Зотов Д. В., Сыщикова Т. М.* Быть по сему!?! (к 150-летию реформы концепции уголовно-процессуального доказывания) // Судебная власть и уголовный процесс. 2014. № 3. С. 163—168.

15. История суда и правосудия в России. В 9 т. Т. 3: Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века) / отв. ред. С. А. Колунтаев. М.: Норма; ИНФРА-М, 2019. 671 с.

16. *Карнишина Н. Г.* Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. (к 150-летию принятия судебных уставов) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 69—76.

17. *Крестьянников Е. А.* Отмена системы формальных доказательств в дореволюционной России // История государства и права. 2010. № 21. С. 31—34.

18. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 2: Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. 847 с.

19. *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России: История. Документы. В 6 т. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М.: Мысль, 2003. 893 с.

20. *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24—42.

21. *Морякова О. В.* Система местного управления России при Николае I. М.: Изд-во Московского университета, 1998. 268 с.

22. *Остроумов С. С.* Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: [Б. и.], 1961. 303 с.

23. *Панин Е. Е.* Уездные суды Российской империи в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2006. 212 с.

24. *Плех О. А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 400 с.

25. *Сабанцев А. Н.* Судебные учреждения Олонецкой губернии (1784—1907 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2003. 183 с.

26. Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. Т. 1. М., 1915. XIII, 382 с.

27. *Теряева Е. В.* Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 2 (70). С. 127—134.

28. *Тростянский А. Г.* Судебная система Российской империи в 1850-х — начале 1880-х гг. (на примере Пензенской и Самарской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2011. 217 с.

29. *Уортман Р. С.* Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

30. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. XII, 566 с.

31. Фукс В. Я. Суд и полиция. В 2 ч. Ч. 1. М., 1889. II, 282, 232 с.
32. Чернов Г. А. Пензенская палата уголовного суда (1780—1869 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. 165 с.
33. Чернов Г. А. Судебная практика Пензенской палаты уголовного суда в 1812—1815 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 1 (61). С. 29—43.
34. Schattenberg S. Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt; New York: Campus, cop. 2008. 294 s.

References

1. Blinov, I. A. (1914) *Sudebnaya reforma 20noyabrya 1864g.: istoriko-yuridicheskii ocherk* [Judicial Reform of November 20, 1864: Historical and Legal Essay]. Petrograd.
2. Bryanskaya, E. V. (2014) “O razvitii dokazatel'stv v ugodnom protsesse dorevolutsionnoi Rossii” [“On the Development of Evidence in the Criminal Process of Pre-Revolutionary Russia”], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 4 (67), pp. 15—20.
3. Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016) “Naskol'ko regul'yarnym bylo 'regulyarnoe gosudarstvo' v Rossii XVIII v.? Printsipy raboty po vkhodyashchim delam v Ekaterinburgskom uездном суде (1785)” [“How Regular Was the ‘Regular State’ in Russia in the XVIII Century? Principles of Work on Incoming Cases in the Ekaterinburg District Court (1785)”], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, pp. 29—36.
4. Chernov, G. A. (2003) *Penzenskaya palata ugodnogo суда (1780—1869gg.)* [Penza Criminal Court Chamber (1780—1869)]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Penza.
5. Chernov, G. A. (2022) “Sudebnaya praktika Penzenskoi palaty ugodnogo суда v 1812—1815 gg.” [“Judicial Practice of the Penza Criminal Court Chamber in 1812—1815”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 1 (61), pp. 29—43.
6. Davydov, N. V., Polyanskii, N. N. (eds.) (1915) *Sudebnaya reforma. T. I* [Judicial reform. Vol. I]. Moscow.

7. Dzhashiev, G. A. (1891) *Osnovy sudebnoi reformy: (K 25-letiyu novogo suda): Istoriko-yuridicheskie etyudy [Fundamentals of Judicial Reform: (To the 25th Anniversary of the New Court): Historical and Legal Etudes]*. Moscow.

8. Efremova, N. N. (1993) *Sudoustroistvo Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v.: (istoriko-pravovoe issledovanie) [Judicial System of Russia in XVIII — First Half of the XIX Century: (Historical and Legal Study)]*. Moscow: Nauka.

9. Efremova, N. N. (2007) *Stanovlenie i razvitie sudebnogo prava v Rossii XVIII — nachala XX v. (istoriko-pravovoe issledovanie) [Formation and Development of Judicial Law in Russia XVIII — Early XX Century (Historical and Legal Study)]*. Moscow: RUDN.

10. Eroshkin, N. P. (2006) *Rossiiskoe samoderzhavie: k 75-letiyu Istoriko-arkhivnogo instituta [Russian Autocracy: to the 75th Anniversary of the Historical and Archival Institute]*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

11. Foinitskii, I. Ya. (1912) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 1 [Course of Criminal Procedure. Vol. 1]*. St. Petersburg.

12. Fuks, V. Ya. (1889) *Sud i politiya. Ch. 1 [Court and Police. P. 1]*. Moscow.

13. Gessen, I. V. (1905) *Sudebnaya reforma [The Judicial Reform]*. St. Petersburg.

14. Karnishina, N. G. (2014) “Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii nakanune provedeniya reformy 1864 g. (k 150-letiyu prinyatiya sudebnykh ustavov)” [“The Judicial System of the Russian Empire on the Eve of the Reform of 1864 (To the 150th Anniversary of the Adoption of Judicial Statutes)”], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 1 (29), pp. 69–76.

15. Koluntaev, S. A. (ed.) (2019) *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 3: Sudoustroistvo i sudoproizvodstvo v period stanovleniya i razvitiya absolyutizma (konets XVII — seredina XIX veka) [History of Court and Justice in Russia. Vol. 3: Judicial System and Legal Proceedings in the Period of Formation and Development of Absolutism (Late 17th–Mid-19th Century)]*. Moscow: Norma; INFRA-M.

16. Krest'yannikov, E. A. (2010) "Otmena sistemy formal'nykh dokazatel'stv v dorevolutsionnoi Rossii" ["Abolition of the System of Formal Evidence in Pre-Revolutionary Russia"], *Istoriya gosudarstva i prava*, 21, pp. 31–34.

17. Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin, G. Y. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: Istoriya. Dokumenty. T. 2: Period absolyutizma* [Judicial Power in Russia: History. Documents. Vol. 2: The Period of Absolutism]. Moscow: Mysl'.

18. Kutafin, O. E., Lebedev, V. M., Semigin, G. Y. (2003) *Sudebnaya vlast' v Rossii: Istoriya. Dokumenty. Vol. 3: Ot Svoda zakonov k sudebnoi reforme 1864 g.* [Judicial Power in Russia: History. Documents. T. 3: From the Code of Laws to the Judicial Reform of 1864]. Moscow: Mysl'.

19. Mironov, B. N. (1998) "Prestupnost' v Rossii v XIX — nachale XX veka" ["Crime in Russia in the XIX — Early XX Century"], *Otechestvennaya istoriya*, 1, pp. 24–42.

20. Moryakova, O. V. (1998) *Sistema mestnogo upravleniya Rossii pri Nikolae I* [The System of Local Governance in Russia Under Nicholas I]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

21. Ostroumov, S. S. (1961) *Ocherki po istorii ugolovnoi statistiki dorevolutsionnoi Rossii* [Essays on the History of Criminal Statistics of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow.

22. Panin, E. E. (2006) *Uezdnye sudy Rossiiskoi imperii v pervoi polovine XIX v.* [District Courts of the Russian Empire in the First Half of the XIX Century]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Saransk.

23. Plekh, O. A. (2016) *Mestnoe upravlenie v Vologodskoi gubernii v pervoi polovine XIX v.* [Local Government in the Vologda Province in the First Half of the XIX Century]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Moscow.

24. Sabantsev, A. N. (2003) *Sudebnye uchrezhdeniya Olonetskoi gubernii (1784–1907 gg.)* [Judicial Institutions of Olonets Province (1784–1907)]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Petrozavodsk.

25. Schattenberg, S. (2008) *Die korrupte Provinz?: Russische Beamte im 19. Jahrhundert.* Frankfurt; New York: Campus, cop.

26. Teryaeva, E. V. (2009) "Dolzhnostnye zloupotrebleniya provin-

tsial'nogo chinovnichestva v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. (po materialam Orlovskoi gubernii)" ["Official Abuses of Provincial Officialdom at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century (on the Materials of Orel Province)"], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2 (70), pp. 127–134.

27. Trostyanskii, A. G. (2011) *Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii v 1850-kh — nachale 1880-kh gg. (na primere Penzenskoi i Samarskoi gubernii)* [*The Judicial System of the Russian Empire in the 1850s — Early 1880s (On the Example of Penza and Samara Provinces)*]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Tambov.

28. Vilenskii, B. V. (1969) *Sudebnaya reforma i kontrreforma v Rossii* [*Judicial Reform and Counter-Reform in Russia*]. Saratov: Privolzhskoe kn. izd-vo.

29. Voropanov, V. A. (2005) *Sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii na Urale i v Zapadnoi Sibiri, 1780–1869 gg.* [*The Judicial System of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia, 1780–1869*]. Chelyabinsk: Tsentr analiza i prognozirovaniya; UrAGS.

30. Voropanov, V. A. (2016) *Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ya, Urala, Zapadnoi Sibiri i Kazakhstana)* [*Court and Justice in the Provinces of the Russian Empire in the Second Half of the XVIII Century: (On the Example of the Volga Region, the Urals, Western Siberia and Kazakhstan)*]. Moscow: Yurlitinform.

31. Wortman, R. S. (2004) *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoi Rossii* [*Rulers and Judges: the Development of Legal Consciousness in Imperial Russia*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

32. Zaionchkovskii, P. A. (1978) *Pravitel'svennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX v.* [*Governmental Apparatus of Autocratic Russia in the XIX Century*]. Moscow: Mysl'.

33. Zaitseva, S. A. (2018) "Genezis svobodnoi otsenki dokazatel'stv v rossiiskom ugovnom protsesse" ["Genesis of Free Evaluation of Evidence in the Russian Criminal Process"], *Yuridicheskie nauki i obrazovanie*, 56, pp. 158–170.

34. Zotov, D. V., Syshchikova, T. M. (2014) “Byt’ po semu!? (k 150-letiyu reformy kontseptsii ugovovno-protsessual’nogo dokazyvaniya)” [“To be According to This? (To the 150th Anniversary of the Reform of the Concept of Criminal Procedural Proof)”], *Sudebnaya vlast’ i ugovovnyi protsess*, 3, pp. 163–168.

Игорь Верняев

Территория исламского права в пореформенных общегражданских судах Российской империи¹

Верняев Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет.

i.verniaev@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу места исламского права в пореформенной системе общегражданских судов Российской империи. Исследование основывается на материалах судебной практики, прошениях, сенатских определениях, ведомственной переписке и рассматривает, каким образом нормы шариата — прежде всего, в области наследования и брачно-имущественных отношений — применялись в судах, изначально не предназначенных для религиозного судопроизводства. Автор показывает, что шариат в ряде важных его элементов не был вытеснен, но, напротив, институционализировался в судебной системе как легитимная правовая основа для мусульманских подданных. Модернизация и централизация судебной системы, унификация ее процессуальных правил, становление кассации парадоксальным образом сочетались с укреплением территорий партикулярного права, в том числе мусульманского. В отличие от устоявшегося в историографии взгляда на правовой плюрализм как на периферийное явление или инструмент административного приспособления, статья предлагает рассматривать его в качестве устойчивой и институцио-

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00268, проект «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268/>, реализуемый на базе НИУ «Высшая школа экономики».

нально закреплённой черты правопорядка позднеимперского государства. С методологической точки зрения работа опирается на достижения антропологии права и такого направления, как «право и общество», сочетая эти подходы с эмпирическим историческим анализом. Исламское право изучается не как замкнутая религиозная система, а как совокупность интерпретируемых норм, функционирующих в конкретных судебных и административных контекстах. Автор утверждает, что юридический плюрализм являлся не временной уступкой, а устойчивым элементом правопорядка позднеимперской России.

Ключевые слова: Российская империя, правовой плюрализм, пореформенная судебная система, мусульманское право.

The Domain of Islamic Law in the Post-Reform Ordinary Civil Courts of the Russian Empire

Verniaev Igor Ivanovich, PhD (History), Associate Professor, St. Petersburg State University.

i.verniaev@spbu.ru

Abstract: This article analyzes the place of Islamic law within the post-reform ordinary civil court system of the Russian Empire. Drawing on judicial case materials, petitions, Senate rulings, and interdepartmental correspondence, the study examines how *sharīʿa* norms — primarily in the areas of inheritance and marital-property relations — were applied in courts that were not originally designed for religious adjudication. The author demonstrates that in several of its key domains, Islamic law was not marginalized but rather institutionalized within the judicial system as a legitimate legal foundation for Muslim subjects. The modernization and centralization of the judiciary, along with the unification of procedural rules and the development of a system of appeals, paradoxically coincided with the consolidation of domains of particularistic law, including Muslim

legal norms. Challenging the prevailing historiographical view of legal pluralism as a peripheral phenomenon or an administrative compromise, the article argues that it should be understood as a stable and institutionally embedded feature of the late imperial legal order. Methodologically, the study builds on insights from legal anthropology and the “law and society” approach, combining these perspectives with empirical historical analysis. Islamic law is examined not as a closed religious system but as a set of interpretive norms operating within specific judicial and administrative contexts. The article contends that legal pluralism in the Russian Empire was not a temporary concession but a durable component of its legal regime.

Keywords: Russian Empire, legal pluralism, post-reform judiciary, Islamic law.

Российская империя на протяжении всего своего существования, начиная с преобразований Петра I, в стратегическом плане стремилась к унификации как правового пространства, так и судебных институтов. Однако фактически империи не удалось достичь ни того, ни другого. Исключительное региональное, социокультурное, этноконфессиональное разнообразие, а также дефицит ресурсов централизации и унификации служили препятствием для практической реализации не раз заявленных стратегических целей. Поэтому на разных этапах истории Российская империя была вынуждена или оставлять вне своего реального регулирования, или легализовывать разнообразные правовые порядки и соответствующие судебные институты многочисленных сообществ.

При этом правительство в своей политике управления судебно-правовым разнообразием всегда пыталось найти баланс между тем, что входило в поле централизованного управления и унификации, и тем, что оставалось вне сколько-нибудь существенного воздействия имперской власти. В наибольшей степени, хотя и это не в полной мере, империя централизовала и унифицировала сферу уголовного права. Напротив, сфера гражданского права оставалась в значительной степени разрозненной в региональном, этносоловном и конфессиональном отношении. В рамках гражданского права более всего унифицированной накануне падения монархии была сфера обязательственного права, в то время как сфера, связанная с семейно-брачными отношениями и наследованием, преимущественно оставалась в рамках действия разнообразных партикулярных правовых систем.

В связи с изложенным видением возникает вопрос: какое воздействие на баланс правовой централизации и унификации, с одной стороны, и сохранения и легализации правового разнообразия, с другой, оказало введение и постепенное распространение в регионах империи Судебных уставов 1864 г.? Сопровождалась ли судебная реформа и внедрение современных организационных

и судебно-процессуальных основ устройства судебной системы материально-правовой унификацией или, напротив, усилением и закреплением партикулярных правовых пространств?

Со всей четкостью такого рода вопрос не сформулирован в историографии. Сделаны лишь отдельные наблюдения, которые не сведены в обобщающую картину. Например, в основательном исследовании С. В. Кодана и С. А. Февралева шести региональных систем права в Российской империи особо не выделен пореформенный этап их эволюции, не изучено отдельно воздействие судебной реформы и, соответственно, определенные выводы на этот счет отсутствуют². В фундаментальной во многих отношениях монографии А. Н. Верещагина о кассационной деятельности Сената и сенатском вкладе в правотворчество также специально не рассмотрен вопрос, направлена ли была в пореформенный период эта активность на сворачивание сферы действия партикулярных правовых систем или, напротив, на ее укрепление³.

Одним из наиболее крупных обособленных правовых пространств Российской империи являлось пространство, регулируемое мусульманским правом. В последние десятилетия Российской империи совокупная доля мусульман составляла около 10%. Включение среднеазиатских владений, быстрый естественный прирост мусульманского населения и углубление воздействия мусульманской религии на различные сообщества объективно расширяло это пространство. Мусульманское право было действенным практическим и символическим ресурсом нормирования поведения миллионов людей и разрешения конфликтов между ними.

В статье на основании опубликованных и архивных источников, прежде всего на материалах судебных процессов, поставлен и предварительно исследован вопрос о месте мусульман-

2 *Кодан С. В., Февралева С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М., 2014. С. 231–243.

3 *Верещагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М., 2022.

ского права в пореформенных судах Российской империи. Это специально никем не изучалось. Так, в основательной монографии И. А. Мухаметзарипова проблема взаимодействия пореформенной судебной системы с мусульманским правом как особая не сформулирована, хотя и приводятся положения Свода законов и ведомственные публикации по мусульманскому праву, излагаются материалы ряда судебных процессов в судах разного уровня с участием мусульман и обращением к нормам шариата⁴. Д. М. Усманова, хорошо исследовав имперские проекты по систематизации исламского права, не сосредоточилась на вопросах его реального функционирования в пореформенной судебной системе. В то же время для нашей темы важны ее наблюдения и выводы о роли метрических книг в имперской легализации мусульманского права⁵. Р. Круз и Ш. Кирмзе ярко показали процессы взаимодействия мусульманских сообществ и имперской власти. Одной из ключевых сфер взаимодействия было судебно-правовое пространство. Взаимное проникновение затрагивало, среди прочего, освоение и систематизацию мусульманского права, совместно осуществляемую исламскими сообществами и государственными институтами⁶. Но и в данных работах не уделено специального внимания специфике взаимодействия пореформенной судебной системы и пространства шариата.

- 4 Мухаметзарипов И. А. Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX вв. Казань, 2012.
- 5 Усманова Д. М. Мусульманское право в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: изучение, применение, искоренение? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 170–182; Она же. Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) // *Ab Imperio*. 2015. № 2. С. 106–153.
- 6 Crews R. D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, 2006. P. 10–12, 176–191; Kirmse S. B. *The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late Tsarist Russia*. New York, 2019. P. 3–4, 13, 24–25, 30–31, 181–213, 276.

Составители Свода законов, обобщив законодательство последних десятилетий XVIII — первых десятилетий XIX в., включили в него несколько статей, затрагивавших вопросы мусульманского права. Но неопределенность в части его использования в общих судах сохранялась. Положения Свода в основном определяли право духовных судов рассматривать гражданские споры мусульман на основании мусульманских норм, а также пределы этой юрисдикции. Появление указанных статей было связано с институционализацией региональных духовных управлений мусульман. Компетенция духовных судов ограничивалась сферой религиозно-обрядовых практик, семейно-брачных отношений и наследования, института вакуфов. В случае же с самыми массовыми из названных категорий дел — спорами по семейно-брачным делам и наследованию — законодатель ограничил компетенцию мусульманских духовных судов тем, что обращение к ним допустил только при согласии обеих сторон конфликта. При том же условии взаимного согласия решение вступало в силу. Соответственно, оставался открытым вопрос, где и по каким законам судиться мусульманам по этим делам в случае, если хотя бы одна сторона была не согласна рассматривать их в духовном суде или оспаривала решение духовного суда. Означало ли первичное обращение мусульман с семейно-брачным или наследственным делом в общегражданский суд или перенос его туда после недовольства решением духовного суда то, что в общегражданском суде дело будет рассмотрено по общим имперским законам? Или суд общей юрисдикции использовал мусульманское право?

Обратим внимание на споры вокруг наследования, по которым дел было больше всего. Данный раздел в исламском праве относится к ведущим. В мусульманской традиции пророку Мухаммаду приписывается изречение, что наследственное право (*аль-Фараид*) является «половиной всех знаний»⁷. Это одна из наи-

7 Торнау Н. Мусульманское право. Вып. 1. О праве о наследстве по закону. СПб., 1866. С. 1.

более детализированных и систематизированных частей шариата. Нормы наследования основаны на Коране (главным образом, сура 4 — *ан-Ниса*), Сунне (священном предании) и иджме (согласии, единодушном мнении авторитетных лиц), то есть на ключевых источниках мусульманского права. Нормы наследования были направлены, в частности, на предотвращение излишней концентрации собственности в одних руках, способствовали ее более широкому распределению, эгалитаризации, а в итоге — укреплению мусульманских сообществ⁸.

В кратком изложении основные принципы мусульманского наследственного права сводятся к следующему. При открытии наследства из наследственной массы сначала выделяются средства на покрытие: 1) погребальных расходов; 2) долгов умершего. Его завещание (при наличии) исполняется с тем ограничением, что наследодатель может завещать не более 1/3 имущества. Оставшаяся часть распределяется между тремя категориями наследников «по закону», при этом мужчины получают вдвое больше женщин в равной родственной позиции:

1) *асхаб аль-фуруд*, или *фард* — наследники, чьи фиксированные доли установлены в Коране; с них начинается распределение наследственной массы между наследниками по закону:

— жена после умершего мужа получает 1/4 законного наследства, если у мужа-наследодателя нет нисходящих родственников (нисходящие родственники — *фуру'*, — то есть сын, дочь, внуки), или 1/8, если *фуру'* имеется; если жен несколько (брак был полигамный), то они делят полученные доли поровну;

— муж после умершей жены получает 1/2, если у наследодателя (умершей жены) нет *фуру'*, или 1/4, если *фуру'* есть;

— мать — 1/3, если у наследодателя нет *фуру'*, или 1/6 — если *фуру'* есть, двое или более братьев/сестер;

8 Zuleika A., Desinthy N. P. Islamic Inheritance Law (Faraid) and its economic implication // Tazkia Islamic Finance and Business Review. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 96, 109–110.

— отец — $1/6$, если у наследодателя есть *фуру'* мужского пола, или $1/6$ плюс конечная доля в качества представителя следующей категории наследников по закону — *асаба* (см. ниже), если у наследодателя *фуру'* только женского пола, или конечная доля как *асаба* при отсутствии *фуру'* любого пола;

— дочь — $1/2$, если она единственная в категории *фуру'*; если в категории *фуру'* две и более дочери, то они получают долю в $2/3$, которую делят поровну; таким образом, если есть хотя бы один сын, то дочь/дочери переходят из категории с фиксированными долями в категорию *асаба*;

— единственная сестра при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола и брата/братьев — $1/2$; две и более сестры при тех же условиях — $2/3$, разделяя это между собой поровну; если брат/братья есть, то сестра/сестры переходит в категорию *асаба*;

2) *асаба* — родственники по мужской линии (агнатические), наследующие оставшееся (конечные доли) после распределения фиксированных долей в первой категории наследников:

— сын/сыновья (поровну между собой); внуки, если нет сына/сыновей;

— дочь/дочери, если у наследодателя есть сын/сыновья, получая при этом в два раза меньше, чем сын/сыновья;

— отец — конечная доля плюс к доле в рамках *фард*, если *фуру'* только женского пола; или только конечная доля при отсутствии *фуру'* любого пола;

— брат/братья — при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола;

— две и более сестры при отсутствии у наследодателя восходящих и нисходящих родственников мужского пола и наличии брата/братьев наследодателя; получают при этом в два раза меньше брата/братьев;

3) *заву аль-архам* — более дальние родственники, связанные через женщин (например, дети дочерей, дети сестер, дяди и тети

по матери) и получающие наследство при отсутствии наследников из предыдущих категорий⁹.

Приведем пример расчета и распределения наследства в достаточно типичной ситуации. У наследодателя-мужчины остались жена, двое сыновей, дочь, мать, брат и сестра. Наследство последовательно распределяется: 1) на похоронные расходы и покрытие долгов; 2) из оставшегося до $1/3$ — по завещанию (при наличии); 3) наследникам идет на фиксированные доли (*фард*): жене — $1/8$ (у умершего есть дети); матери — $1/6$ (у умершего есть дети); наименьшее общее кратное для 8 и 6 — это 24, соответственно, преобразуя доли жены, получаем $1/8 = 3/24$, матери — $1/6 = 4/24$; итого фиксированные доли — $7/24$ наследства; 4) оставшиеся $17/24$ (*асаба*) — сыновьям и дочери; по правилу, что мужчина приобретает в два раза больше женщины, каждый сын получает по 2 части из этого, а дочь — 1 часть (всего 5 частей); 5) брат и сестра исключаются из наследования, так как у наследодателя есть сыновья. Итоговое распределение: жена — $3/24$ (12,5%), мать — $4/24$ (16,7%), сыновья — каждый по $6,8/24$ (по 28,3%), дочь — $3,4/24$ (14,2%).

Основанием для общих судов обращаться к исламскому наследственному праву являлись следующие статьи Свода законов Российской империи (номера приведены по изданию 1857 г.):

1) ст. 1338—1339 главы 5 «О разделе наследства», часть 1, X том («Свод законов гражданских»), и ст. 1143—1144 главы 1 «Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Таврического Магометанского Духовного правления» книги 5 «Об управлении духовных дел магометан», часть 1, XI том («Уставы иностранных исповеданий»), ст. 1472 главы 4 «О гражданском судопроизводстве в Закавказском крае», часть 2, X том («Законы о судопроизводстве и взысканиях гражданских»), устанавливавшие правовую основу

9 Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 1. О наследовании у мусульман суннитов / сост. П. В. Антаки. СПб., 1912. С. 1–109; Нургалеев Р. М. Наследственное право в исламе. Набережные Челны, 2016. С. 22–96.

наследования мусульман округов Оренбургского, Таврического магометанских духовных собраний, Шиитского и Суннитского духовных правлений Закавказского края, условия судебной юрисдикции мусульманского духовенства этих округов в отношении наследственных дел и дальнейшего их движения при неисполнении данных условий;

2) ст. 1161 главы 2 «О порядке наследования по закону» отделения 5 «О порядке наследования супругов», часть 1, X том («Свод законов гражданских»), отдельно от прочих наследственных мусульманских норм, которые эксплицитно не прописаны в имперском законодательстве, устанавливающая для мусульман долю вдовы (вдов при полигамии) в наследстве умершего мужа¹⁰.

Разберем эти статьи в плане порядка обращения общегражданских судов к мусульманскому праву. Ст. 1338 восходила к указу от 2 июня 1826 г., допускавшему наследование мусульман по мусульманскому праву¹¹. Но, в отличие от указа 1826 г., основанная на нем ст. 1338 начиналась с однозначного и категоричного утверждения: «Раздел имущества, оставшихся после Магометан, производится по их закону». Далее говорилось о том, что духовенство Оренбургского магометанского духовного собрания (далее — ОМДС) имеет право рассматривать и решать наследственные дела «по своему закону» только в том случае, если участники спора «будут просить об этом и примут беспрекословно объявленные им решения». Далее определенности в понимании статьи становится меньше. При нежелании хотя бы одной из сторон спора обращаться в духовный суд или несогласии с его решением рассмотрение этих дел «предоставляется обыкновенным судебным местам по установленному общими узаконениями порядку». Из содержания статьи оставалось неясным, имеется ли в виду под «общими узаконениями» только

10 Свод Законов Российской империи (далее — СЗРИ). Т. 10. Ч. 1. СПб., 1857. С. 227, 265; Т. 10. Ч. 2. С. 269; Т. 11. Ч. 1. С. 210–211.

11 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 2. Т. 1. № 386. С. 527–528.

процессуальный порядок или подразумевается, что и гражданское материальное право, на основе которого рассматривается и решается дело, должно быть общеимперским (то есть по общим положениям 1 части X тома Свода законов).

Не прибавляла ясности и следующая ст. 1339, где речь шла о спорах по наследству в мусульманских судах Таврического магометанского духовного собрания (далее — ТМДС). Там, как и в ст. 1338, говорилось, что в случае несогласия с решением духовного суда хотя бы одной стороны дело рассматривалось общими «судебными местами установленным для сего порядком». То есть материально-правовая база рассмотрения спора мусульман в общегражданском суде опять не формулировалась однозначно.

Неясность воспроизводилась и в содержащей «Уставы иностранных исповеданий» части 1 тома XI. Логически связанные статьи 1143 и 1144, где речь шла о судебной компетенции духовенства ТМДС, завершались утверждением, что недовольные постановлением духовного суда мусульмане «могли обращаться в общие судебные места с просьбой о рассмотрении и решении их дел по общим законам Империи». Остается вопрос: подразумевались ли под выражением «общие законы Империи» только процессуальные нормы («формы суда» в дореформенный период или правила по соответствующему судебному уставу 1864 г. в пореформенный период) или также и гражданское материальное право? И не ясно было, как это соотносилось с утверждением ст. 1338 о правосудии для мусульман по делам о наследовании «по их закону».

Более однозначно формулировалась ст. 1472 из раздела, посвященного гражданскому судопроизводству в Закавказском крае, в части 2 тома X Свода законов. Эта статья была относительно новая (появилась в издании 1857 г. Свода законов) и основывалась на сенатском указе от 3 июня 1854 г., детализирующем для Закавказского края положение о праве мусульман разрешать наследственные споры и конфликты между супругами, родите-

лями и детьми в духовных шариатских судах¹². В статье повторялось положение об обоюдном согласии сторон спора с решением духовного суда как необходимым условием его вступления в законную силу. В случае же несогласия та или иная сторона имела право подать иск в «обыкновенный» (то есть общегражданский, до реформы — уездный) суд, но не как апелляцию на решение духовного суда, а в качестве нового дела. При этом только судопроизводственные правила в таких процессах считались «общими», а само решение предусматривалось «на основании законов Магометанских». Соответственно, вполне однозначно материальным правом рассмотрения и решения семейных и наследственных споров закавказских мусульман в общегражданских судах признавался шариат. В случае необходимости поиска правовой основы рассмотрения и решения дела общий суд мог обращаться к закавказским духовным управлениям, суннитскому или шиитскому, для получения выписок из мусульманских правовых источников и разъяснений. Но эта определенность в отношении закавказских мусульман и их семейно-наследственных споров просуществовала недолго: в 1868 г. в закавказских губерниях вводились Судебные уставы 1864 г., и прежние законы о судопроизводстве в отношении Закавказья, включая ст. 1472, действовать перестали¹³. В последующих изданиях Свода их не было. Пореформенные суды закавказских губерний уже не могли опереться на положение, вполне однозначно обязывающее их использовать шариатские нормы в семейно-наследственных спорах мусульман.

Определенностью и длительностью действия, в отличие от рассмотренных, выделялась ст. 1161 части 1 тома X, в которой в отношении всех мусульман устанавливалось положение о так называемой «вдовьей доле», то есть «законной»/«указной» части

12 ПСЗ. Собрание 2. Т. 29. Ч. 1. № 28316. С. 559–560.

13 См.: Верняев И. И. Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256.

наследства умершего мужа, получаемой вдовой¹⁴. Норма восходила к сенатскому указу от 23 февраля 1805 г.¹⁵ и отличалась от общеимперской. Последняя формулировалась ст. 1148 и определяла, что вдова, вне зависимости от наличия или отсутствия детей, получала 1/7 часть из недвижимого и 1/4 из движимого наследства. Притом названная общеимперская норма об «указной доле» вдовы не ограничивала право наследодателя на свободное распоряжение по завещанию благоприобретенным (не родовым) имуществом. У мусульман, по ст. 1161, вдова (или вдовы, если семья полигамная) получала 1/8 часть из недвижимого и движимого вместе наследственного имущества мужа, если от этой брачной пары остались дети (если вдов несколько, каждая получала поровну из этой 1/8 части). Если детей не осталось, то вдова получала 1/4 часть законного наследства (если вдов несколько, то они также делили все поровну). Норма для мусульман формулировалась в Своде как часть имперского гражданского права, но по факту восходила к соответствующему шариатскому правилу, учтенному при разработке указа 1805 г.¹⁶

В настоящей работе не рассматривается вопрос о мусульманском праве в общих судах дореформенного периода. Уделено внимание лишь наблюдениям современников, как до введения Судебных уставов, так и в первые годы после этого, за судебной практикой общегражданских судов, которая, за исключением четко сформулированной в ст. 1161 «вдовой доли», не обращалась к нормам исламского права при решении наследственных споров мусульман. Разобранные выше ст. 1338–1339 и 1143–1144 трактовались судьями так: при переходе наследственного дела в общегражданский суд оно должно рассматриваться по общим законам не только в процессуальном, но и в содержательном, материально-правовом плане. Товарищ обер-прокурора в кассационном департаменте Се-

14 СЗРИ. 1857. Т. X. Ч. 1. С. 227.

15 ПСЗ. Собрание 1. Т. 28. № 21634. С. 842–843.

16 Торнау Н. Указ. соч. С. 165–167, 240.

ната Е. А. Пушкин констатировал, что фактическое использование положения Свода законов о применении шариата в общих судах началось только с 1870-х гг.¹⁷

По свидетельству мусульманского просветителя и публициста И. Гаспринского, ст. 1338 части 1 тома X Свода законов «понималась в том смысле, что если мусульмане не поделились добровольно на основании шариата и обращаются к гражданскому суду, то следует выделять части наследников из данного наследства по гражданским законам... Мемед или Али, обращаясь для выдела своей части к духовному суду мусульман, получает, например, 100 руб.; обращаясь для того же в гражданский суд, он мог получить 200 руб. Дело как бы зависело от его желания и воли, а не от права»¹⁸.

Неопределенность положений Свода законов в части материально-правовой основы решения наследственных дел мусульман в общегражданских судах приводила к тому, что такого рода споры доходили до сформированного уставами 1864 г. гражданского кассационного департамента Сената. Именно он в ряде кассационных дел в начале пореформенного периода создал прецеденты и дал базовые толкования, на которые опиралось имперское правосудие. В последующих прецедентных делах Сената использование мусульманских норм наследования конкретизировалось и уточнялось. Рассмотрим кратко ключевые дела, ставшие важными прецедентами для использования мусульманского наследственного права пореформенными общими судами Российской империи.

Ключевую роль сыграло рассмотрение тяжбы между Ходжаевой Ханум и ее братом Гаджи-Гасаном о наследстве их покойного отца в кассационном департаменте Сената в 1875 г. Дело началось

17 Пушкин Е. А. О применении магометанских законов при производстве дел о наследствах, оставшихся после магометан // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 4. С. 178.

18 Гаспринский И. Право наследования русских мусульман // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1884. 4 ноября.

в Эриванском окружном суде, присудившем дочери наследодателя долю в соответствии с мусульманской нормой — $1/4$ часть отцовского наследства, половину от доли брата. Но брат не согласился делить отцовское наследство по шариату и оспорил решение окружного суда в Тифлисской судебной палате. Он указывал, что после введения в Закавказье уставов 1864 г. ст. 1472, по которой как в духовных, так и в общегражданских судах наследство закавказских мусульман разделялось по шариату, отменилась. Соответственно, изъятия из общеимперской нормы уже отсутствовали, и спор должен был разрешаться на основании общего положения, сформулированного в ст. 1130 Законов гражданских. По этой общей норме при наличии сына наследодателя дочь получала $1/14$ часть недвижимой и $1/8$ часть движимой собственности. Тем самым при решении спора по шариату наследственная доля Ходжаеты Ханум оказывалась значительно более крупной. Все инстанции — Эриванский окружной суд, Тифлисская палата и кассационный департамент Сената — встали в деле на сторону дочери наследодателя, применив мусульманскую норму. Ходжаета Ханум при доказательстве в Сенате своей наследственной доли представила шариатское заключение губернского меджлиса. Сенат основал свое решение ст. 1338, по которой раздел имущества после смерти мусульман производился по их закону¹⁹. Это прошедшее все инстанции дело создало важный прецедент решения в общегражданских судах наследственных споров мусульман по мусульманскому праву.

Если в деле 1875 г. Сенат согласился с решениями окружного суда и судебной палаты в применении мусульманского права, то по другому производству 1876 г. он отменил решения названных инстанций, применивших общеимперские нормы. Видимо, практика нижестоящих общих судов оставалась неустойчивой. В судеб-

19 СЗРИ. 1857. Т. 10. Ч. 1. С. 220; Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями за 1875 г. № 647–891. Екатеринослав, 1912. № 693. С. 1333–1335.

ном деле 1876 г. одна группа наследников умершего в Петербурге известного востоковеда Мирзы Джафара Топчибашева предъявила в столичном окружном суде свои права на наследство по общеимперским законам, другая — по шариату. Окружной суд и Санкт-Петербургская судебная палата при апелляции решили дело по общеимперской норме. Палата обосновывала свое решение тем, что поскольку дело начато сразу в общем, а не духовном суде, то и решаться оно должно по общим, а не мусульманским законам. Но Сенат рассудил иначе: норма ст. 1338, по которой мусульмане должны разделять свое наследство по мусульманскому праву, действует вне зависимости от того, где начато судебное дело — в духовном или общем суде. Это решение создало важный прецедент, конкретизировав практическое применение ст. 1338²⁰.

Данная трактовка не осталась незамеченной мусульманами, и некоторые из них воспользовались возможностью отстаивать право на наследство по исламским нормам сразу в общих судах. Примером являлся иск 1878 г. в Эриванском окружном суде жителя Нахичевани Джагангира Ага оглы Кенгерлинского. Он отстаивал свое право на наследство Тути Бегумы — жены собственного брата. Ответчиком выступал Махмут Хан, брат Тути Бегумы, завладевший этим наследством и тоже считавший себя в своем праве. Тути Бегума унаследовала долю в земельной собственности своего отца, но умерла, не вступив по факту в пользование ею. Доля перешла к сыну, но тот тоже вскоре умер. Наследником стал муж Тути Бегумы Ханджар Аги, но и он скончался. Тогда, по мусульманским нормам, в наследство Тути Бегумы должен был вступить истец Джагангир — родной брат ее мужа. Брат Тути Бегумы Махмут Хан, завладевший этой собственностью, как ответчик по делу ссылался в суде на общие имперские нормы. Поскольку

20 Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената (начиная с 1866 г.) с подробным предметным, алфавитным и постатейным указателями за 1876 г. №44–291. Ека-
теринослав, 1912. №155. С.297–302.

окружной суд и Тифлисская судебная палата не сориентировались в деле и поддержали в решениях ответчика на основе общих норм, истцу пришлось обращаться в 1880 г. в Сенат и доказывать свое право на наследство жены брата, ссылаясь при этом на удостоверенные Закавказским шиитским духовным правлением нормы шариата, на ст. 1338 и на обсужденный выше сенатский прецедент 1876 г. (№ 155), уточнивший трактовку этой статьи²¹.

Хотя пореформенные гражданские суды постепенно осваивали нормы мусульманского наследственного права, процесс не обходился без ошибок и затруднений. Так, в судебном деле 1884 г. кассационному департаменту Сената вновь пришлось поправить нижестоящие суды в понимании и применении мусульманских норм. При этом характерно, что сенатская трактовка разошлась и с позицией духовного правления. Жительница Баку Бегум-Ханума-Киза оспорила в Бакинском окружном суде составленное в 1879 г. завещание ее умершего мужа, в котором тот все недвижимое имущество завещал внуку — сыну дочери от другой его жены. Бегум-Ханума-Киза доказывала, что в соответствии с мусульманскими нормами муж не имел права свободно распорядиться всем имуществом в пользу внука и она имеет право на 1/8 «вдовью долю». Ответчик, поверенный внука наследодателя, привел в качестве аргумента удостоверение Закавказского шиитского духовного правления. В соответствии с ним бездетная вдова по мусульманским нормам могла претендовать только на 1/8 часть из 2/3 движимого имущества и ценности построек, но не на само завещанное недвижимое имущество. Окружной суд согласился с аргументами ответчика и отверг иск. Апелляционное дело в Тифлисской судебной палате вдова также проиграла. Палата полагала, что ст. 1338 требует

21 О признании за Джаганширом Агой Навруз Агой оглы Кенгерлинским права собственности на 1/10 родового имения Мухмута хан Асан аги оглы при дер. Сураб, Султанбек и Кял-Джараджур Нихичеванского у. Эриванской губ. // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1364. Оп. 1. Д. 2569. Л. 1–26.

от судов применения мусульманских норм только в части наследования по закону, но не касается завещаний, в отношении которых действует общая норма свободного распоряжения завещателя. Согласно заключению Сената, ст. 1161 и 1338 относились к мусульманскому наследованию не только по закону, но и по завещанию. Напомним, наследодателю по исламским нормам позволялось завещать не более трети своего имущества, и это не отменяло обязательной доли законного наследника, каковым и являлась в данном деле истица, вдова наследодателя²².

Принципиальный вопрос о соотношении ст. 1161 о «вдовьей доле» мусульман и более общей ст. 1338 о применении мусульманского права наследования возник в деле 1905 г. о наследстве жителя Эривани Гаджи Мамедбекова. Вдова подала в Эриванский окружной суд иск о нарушении другими наследниками ее права на 1/8 «вдовью долю» из недвижимого имущества покойного мужа — построек и земли. Ответчики настаивали, что ст. 1161 определяла лишь размер доли вдовы, но по мусульманскому закону вдова имела право получить свою долю в виде стоимости имущества, но не в натуре. По их убеждению, норма ст. 1161 не отменяла применение уточняющих наследование вдовы шариатских правил, предписанных общим судам ст. 1338. Но и окружной суд, и судебная палата поддержали истицу. Ст. 1161, отметила в своем решении судебная палата, заменяла «правила наследования жен магометан по шариату, постановления которого об этом отличаются большим разнообразием и противоречием»²³.

Таким образом, ст. 1161 о «вдовьей доле» хотя и восходила к шариатским нормам, но по факту стала в решениях общих судов гражданской нормой для мусульман империи. Это был типичный

22 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1884 г. СПб., 1885. № 8. С. 38–42.

23 О праве наследства Ханум, дочери Молла Нагибек Султан Гусенбекова на движимое имущество в г. Эривани, принадлежавшее ее мужу Гаджи Наджаф Кули-беку Мамедбекову // РГИА. Ф. 1364. Оп. 5. Д. 394. Л. 1–14.

результат государственной кодификации, обобщающей и генерализирующей конфессиональную норму, но тем самым и лишаящей ее нюансов применения.

Мусульманская норма об ограничении свободного завешания $1/3$ наследственной массы со временем хорошо усваивалась пореформенными общими судами в регионах массового проживания мусульман. Судебные дела, связанные с ее нарушением, являлись весьма распространенными и, если не были осложнены особыми обстоятельствами, относительно уверенно разрешались гражданскими судами. Тифлисская судебная палата в 1898 г. констатировала: «Правило об $1/3$, которой наследодатель может распоряжаться свободно (“сульса”), при том, что остальные $2/3$ — только в согласии с законными наследниками — общеизвестно и неоднократно применялось палатой»²⁴. Приведем примеры судебных дел такого типа.

В 1896 г. Кербалай Усейнов обратился в Бакинский окружной суд с просьбой признать недействительным духовное завешание своего отца, отписавшего все имущество детям от второй жены. По-видимому, наследодатель руководствовался общими законами империи, позволявшими ему составить такое завешание на всю наследственную массу. Кербалай в своем иске ссылался на мусульманскую норму относительно максимального предела по завешанию и на ст. 1338. Окружной суд удовлетворил иск Кербалая, а судебная палата отвергла апелляцию ответчиков по делу — детей от второй жены. После кассационной жалобы ответчиков Сенат также встал на сторону Кербалая. Свидетельство ответчиков, что брак наследодателя с матерью истца был временный и впоследствии отец отказался признавать Кербалая сыном и наследником (по мусульманскому праву такое допустимо и законно в отношении детей от временных браков), не было принято

24 О признании недействительным духовного завешания Мамед Алиа Абдурахман оглы. 1898 г. // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–40.

судом во внимание, так как этому не нашлось документальных подтверждений²⁵.

В процессе сторонами конфликта применялась характерная риторика: обе просили суд быть более самостоятельным в погружении в особенности исламского права, не полагаясь только на заключения духовных правлений. Так, истец, вступая в спор о статусе постоянного и временного брака и о том, на ком лежит бремя доказательства по этому вопросу, призывал судебную палату, чтобы она сама разобралась в исламских законах, а не опиралась только на противоречивые свидетельства духовенства. Для этого он предоставил судьям все необходимые, по его мнению, выписки из авторитетных исламских книг, считая суд неправомочным отказываться от самостоятельного разбирательства и решения по делу, ссылаясь на незнание правовой основы или ее неясность. Не имело значения, настаивал Кербалай, что мусульманское право не кодифицировано в России и не опубликовано официально в качестве законодательного акта: «Русские суды обязаны толковать и обычаи, которые принимаются во внимание при решении дел торговых и крестьянских, хотя и обычаи тоже нигде не кодифицированы»²⁶. Такой же активности от суда требовали ответчики. На основании сборников исламского права, научных сочинений, шариатских разъяснений, считали они, суд обязан «поставить и разрешить вопрос о том, получает ли наследство по мусульманским законам такой законный сын, который родился от законного, но временного брака мусульманина и который отцом отрицался... В силу 1338 ст. X т. I ч. шариат действует на территории Российской империи, стало быть, это закон, и именно русский закон. И если суд признает шариат русским законом, то он должен разрешить данный вопрос мусульманского наследственного права самостоя-

25 О признании недействительным духовного завещания Мамед Алиа Абдурахман оглы // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–40.

26 Там же.

тельно»²⁷. Судебная практика кассационного Сената и других общегражданских пореформенных судов по факту приводила к тому, что шариат действительно становился одной из «русских» (в смысле имперских) правовых «территорий».

В более сложных делах о соотношении завещаний и наследования «по закону», сталкиваясь с разными толкованиями духовных правлений, гражданские суды волей-неволей были вынуждены самостоятельно погружаться в изучение источников мусульманского права. Так, в деле 1893—1900 гг. о наследстве тифлисского гражданина Алекпера Алиева суды проявили особенную активность в разборе шариатских норм. Дело было связано с тем, как должно распределяться наследство, когда завещание затрагивает доли, причитающиеся законным наследникам. Истцы — вдова и сын покойного — настаивали, что наследодатель не имел права в завещании выделить дополнительные доли другим наследникам по закону — семье своего покойного сына от другого брака. Они требовали отменить завещание как несоответствующее шариату и распределить всю наследственную массу по установленным в мусульманском праве нормам. Владикавказский окружной суд поддержал истцов. Но ответчики подали апелляцию в Тифлисскую судебную палату. Палата, запросив заключения духовных правлений, получила противоречивые толкования. Шиитское духовное правление и Бакинский губернский меджлис утверждали, что магометанин имеет право завещать 1/3 по своему усмотрению и посторонним, и наследникам, в том числе детям, а Суннитское правление настаивало, что *сульса* может быть завещана только постороннему, но не наследникам «по закону». В итоге палата обратилась к самостоятельному рассмотрению стихов Корана, переводное издание которого было представлено суду поверенным ответчиков. Вникнув в смысл имеющих отношение к делу коранических стихов, судьи пришли к заключению, что «мусульманин имеет право делать

27 Там же.

завещательные распоряжения в пользу как сторонних лиц, так и своих детей, и наследники, получив причитающееся им по завещанию, участвуют затем в определенной Кораном доле в остальном имуществе». Такое же толкование они обнаружили и в сочинении 1866 г. по мусульманскому праву Н. Торнау.

Сенат в кассационном разбирательстве по этому делу вновь проанализировал текст Корана, комментарии к нему, противоречивые заключения духовных правлений и констатировал, что норма, по которой мусульманин может завещать не более 1/3 имущества, является основополагающим общим правилом. Но в данном случае завещатель не выделил отдельно *сульсу*. Его распоряжение касалось всего имущества и привело к полному поглощению долей одних наследников за счет других, что нарушало шариат. Принималось решение, что истцам-наследникам должно быть обеспечено получение тех долей общей наследственной массы, которые полагались по закону (вдова — 1/8, сын — 7/20). Отменяя решение палаты, Сенат отметил, что она не только неправильно интерпретировала распоряжение наследодателя, но и недостаточно исследовала Коран и предания о Магомете²⁸.

Особенные затруднения для гражданских судов представляли дела, где права наследников по закону нарушались завещанием в пользу духовных публичных институтов — мечетей, медресе, вакуфов. В этих разбирательствах заинтересованной стороной выступали сами духовные правления, а также курировавшие их имперские ведомства, и суду приходилось проявлять и отстаивать самостоятельность. Приведем примеры такого рода.

Житель Шуши Мешади-Мирсаиб оглы оставил завещание в пользу мечети. В 1897 г. его вдова, сыновья и дочь предъявили в окружном суде иск против Елисаветпольского губернского меджлиса, ставшего распорядителем завещанной мечети. Истцы

28 О признании недействительным духовного завещания Амир-Алиева, составленного на имя дочери Ф. Амир-Алиевой помимо остальных наследников // РГИА. Ф. 1364. Оп. 3. Д. 623. Л. 1–25.

утверждали, что завещание нарушило правило *сильсы*, позволявшее мусульманину завещать не более 1/3. Меджлис как ответчик настаивал на полном соответствии завещания шариатским нормам: завещанное мечети подпадало под вакуфное право, в соответствии с которым мусульманин вправе завещать все свое движимое и недвижимое имущество в вакуф и наследники не могут оспаривать такое завещание. В качестве подтверждения своей позиции меджлис предоставил разъяснение от Шиитского духовного правления. Но окружной суд проявил самостоятельность и вопреки толкованию духовного правления поддержал позицию истцов, признав духовное завещание недействительным. В 1904 г. после апелляции Тифлисская судебная палата подтвердила право вдовы и ее детей, отвергнув притязания духовного правления. Характерно, что в своем обращении к гражданскому суду истцы призывали его быть активнее в самостоятельном толковании шариатских норм, не полагаясь только на разъяснения духовных правлений: «Сам по себе шариат есть совокупность религиозных и нравственных правил, которыми должен руководствоваться в жизни правоверный мусульманин. В шариате нет ничего категорического, нет точных норм и законов. Он весь состоит из изречений, мыслей, афоризмов, которые каждый волен толковать по-своему, почему в выдаваемых Духовным Правлением удостоверениях сплошь и рядом встречаются коренные противоречия и разноречия. Почему же в таком случае мы должны принимать как за непреложное толкование или “разъяснение”, которое в данном случае делает Духовное Правление, то есть заинтересованное в деле учреждение?»²⁹ Тем самым и стороны конфликтов, и сама организация пореформенного правосудия подталкивали по факту к формированию государственной кодифицированной версии шариата.

29 О признании недействительным завещания Мешади-Гусейна-Мешади-Мирсаиб оглы, отказавшего все свое имущество в пользу мечети гор. Шуши Елизаветпольской губ. // РГИА. 1364. Оп. 8. Д. 792. Л. 1–17.

В 1911 г. братья Баязитовы опротестовали в Казанском окружном суде завешание их умершего дяди Якупа Кадыкова, по которому тот передал значительную часть наследства мечетям при медресе в Казани. Истцы ссылались на то, что духовное завешание нарушает нормы шариата. Окружной суд удовлетворил иск Баязитовых, признав завешание недействительным³⁰.

В 1916 г. Хадичи Терегулова подала иск в Уфимский окружной суд о признании недействительным духовного завешания купца Абдулхаира Булгакова, оставившего 100 тыс. десятин земли мечети деревни Расмекеево. По утверждению Терегуловой, затрагивая долю законных наследников, завешание нарушало шариатскую норму. Этот аргумент наряду с выявлением формальных нарушений при составлении завешания позволил окружному суду и затем Казанской судебной палате поддержать иск Терегуловой и признать завешание недействительным³¹.

Али Асадуллаев, сын от первого брака бакинского нефтепромышленника Шамси Асадуллаева, подал иск в Бакинский окружной суд, потребовав признать недействительным духовное завешание своего отца, где говорилось о передаче значительных капиталов в пользу мечетей и медресе, а также второй жене, лютеранке Марии Асадуллаевой, и другим наследникам по закону. Али в иске утверждал, что в завешании превышено ограничение в 1/3 наследственной массы. При этом он не согласился с наследодателем и в общей оценке завещанного имущества. Среди ответчиков по иску выступали, в частности, министерства внутренних дел и народного просвещения, так как завещанные мечети и медресе находились в их административном ведении. Несмотря на то, что ответчиками в рассматриваемом деле являлись могущественные ведомства, Али

30 О разделе наследства магометан. 1912–1916 гг. // РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 557. Л. 1–3.

31 О признании недействительным духовного завешания купца Абдулхаира Хурамшина Булгакова, составленного в пользу прямых наследников в нарушение законов Шариата // РГИА. Ф. 1364. Оп. 12. Д. 1341. Л. 1–6 об.

в феврале 1917 г. на апелляционном заседании судебной палаты выиграл дело и завещание было признано недействительным³².

Не являвшимся, как правило, экспертами в исламском праве, судьям гражданских судов неизбежно приходилось опираться на разъяснения духовных правлений. На это указывал и закон. Но в шариатских разъяснениях нередко встречались противоречия. Более того, они могли изменяться по ходу процесса. Разное толкование предлагали и сами мусульмане, стороны судебных споров и их поверенные. Приведем следующий пример.

После смерти в 1906 г. бездетной мусульманки из села Назяр Елабужского уезда Вятской губернии Биби-Фатимы Муратовой (урожд. Шариповой) осталось значительное наследство в виде недвижимости и денежных капиталов. Ввиду отсутствия прямых наследников права на имущество Муратовой заявили ни много ни мало 13 групп/категорий родственников! Сарапульский окружной суд, куда поступили дела по претензиям на имущество Муратовой, обратился в ОМДС за шариатским разъяснением. Духовное собрание назвало единственными наследниками племянников Муратовой по женской линии дворян Еникеевых, сыновей ее умершей родной сестры, как ближайших боковых родственников в ситуации отсутствия прямых. Однако двоюродные братья наследодательницы, крестьяне Шариповы, обжаловали это решение. В результате ОМДС пересмотрело свое решение и в новом заключении разъяснило окружному суду, что в делах о наследовании после мусульман, если у наследодателя не осталось своих детей, все имущество наследуют ближайшие родственники по восходящей мужской линии, а за неимением таковых — родственники по боковым мужским линиям. В соответствии с этим все имущество Муратовой доставалось в качестве *асаба* двоюродным братьям по мужской линии Шариповым, а племянники Еникеевы хотя и ближе по родству, но, как родственники по женской линии из ка-

32 О разделе наследства магометан. Л. 183–209 об.

тегории *заву аль-архам* при наличии родственников по мужской линии, не наследовали. Окружной суд принял новое разъяснение духовного собрания и присудил наследство двоюродным братьям Муратовой. Еникеевы обжаловали решение как противоречившее шариату, к тому же указывая на факт их большей родственной близости: «...предпочтение родственникам по мужской линии могло быть только при равной степени родства, чего нет в данном случае». Но Казанская судебная палата и Департамент духовных дел иностранных исповеданий (далее — ДДДИИ) Министерства внутренних дел не поддерживали жалобы Еникеевых и подтвердили последнее решение ОМДС и Сарапульского окружного суда³³.

Решением проблемы противоречий и различий в трактовке мусульманских норм, с которой нередко сталкивались суды, могла стать их унификация. Движение в этом направлении, как мы уже видели, происходило. В судебных процессах последних лет империи все чаще встречались ссылки не только на заключения духовных правлений, но и на изданный в 1912 г. сборник мусульманского наследственного и семейного права, составленный П. В. Антаки³⁴. Сборник был подготовлен под эгидой ДДДИИ, его положения обсуждались и согласовывались региональными духовными правлениями мусульман. Фактически сборник хотя и не был законодательным актом, но являлся важным шагом в сторону кодификации мусульманского наследственного и семейного права, вызванным, в частности, потребностями активной судебной практики гражданских судов. После выхода издания оно сразу вошло в активный оборот в судебных процессах, но и его формулировки могли порождать споры.

33 Там же. Л. 1–100.

34 Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 1. О наследовании у мусульман суннитов / сост. П. В. Антаки. СПб., 1912; Сборник постановлений шариата по семейному и наследственному праву. Вып. 2. Об опеке, дарении и признании по учению Абу Ханифы / сост. П. В. Антаки. СПб., 1913.

После смерти в 1911 г. мусульманина дворянина из «литовских татар» Якова Лебедзя возник спор, как по шариату разделить его имущество между единственными наследниками — двумя племянницами (дочерями родной сестры) и двоюродным внуком (сыном третьей племянницы, которая умерла до Лебедзя). Полученные наследниками удостоверения от духовных правлений ТМДС и ОМДС противоречили друг другу: по первому наследство полагалось разделить только между племянницами; по второму — между всеми тремя наследниками. В силу противоречий между духовными ведомствами окружной суд, рассматривавший спор в 1914 г., запросил шариатскую экспертизу в ДДДИИ. Эксперт П. Антаки, опираясь на положения своего сборника, разъяснил, что законными наследниками являются только племянницы, поскольку наследники, находящиеся в ближайшей степени родства к умершему, имеют преимущество перед более отдаленными родственниками (в данном случае — двоюродный внук, который считается *заву аль-архамом*). ОМДС пересмотрело свое решение и согласилось с экспертом ДДДИИ: двоюродный внук, хотя являлся наследником по гражданскому праву (право представления), по шариату устранялся из раздела в силу меньшей близости родства³⁵.

После смерти в 1911 г. московского купца мусульманина Сале-ха Ерзина разгорелся конфликт вокруг его наследства. Претендентами были вдова, четверо сыновей, четыре дочери и внуки — дети старшего сына, умершего еще до смерти наследодателя. Спорили о том, имеют ли по шариату внуки (дети умершего сына) право на наследство при наличии других детей наследодателя. По общегражданскому праву империи (ст. 1135 части 1 тома X) внуки в этом случае наследовали по праву представления (то есть вместо умершего сына наследодателя). По суннитскому мусульманскому праву внуки умершего сына устранялись от наследства при наличии живых сыновей наследодателя. Но разным наследникам были выданы

35 О разделе наследства магометан. Л. 158–165 об.

противоречащие друг другу духовные удостоверения. Если ОМДС утверждало, что в этой ситуации внуки не получают обязательной доли, то Московский ахун признал право внуков на наследство, сославшись на изложенное в сочинении профессора А. К. Казем-Бека шиитское толкование, на некоторые мнения суннитских комментаторов и на сборник ДДДИИ. Однако сам департамент поддерживал позицию ОМДС, которая, по его мнению, «соответствовала шариату» и изданному им сборнику мусульманских законов. Окружной суд в итоге отказал внукам. Впрочем, опекун внуков намеревался подать апелляцию³⁶. Как видим, в деле активно задействовался сборник ДДДИИ 1912 г. в функции кодифицированного права, но и его формулировки вызвали спор.

В период мировой войны примененная в данном деле шариатская норма вызвала широкую дискуссию в мусульманской среде. Некоторые выступали за пересмотр ее толкования, мотивируя тем, что в текущий момент многие молодые мужчины, вносящие большой вклад в крестьянское или торгово-ремесленное семейное хозяйство своего отца, гибли на войне, а их малолетние дети (внуки дедов-домохозяев) не имели, по существовавшим трактовкам шариатских норм, обязательной доли в наследстве своих погибших отцов. Сторонники понимания военной ситуации говорили, что возможно и иное толкование. К дискуссиям подключались и государственные ведомства³⁷.

Участники судебных процессов пытались вовлекать гражданские суды не только в самостоятельную трактовку шариатских положений, но и в обсуждение внутренних групповых различий в мусульманском вероучении. Так, в 1902 г. Бакинский окружной суд, Тифлисская судебная палата и кассационный Сенат последовательно рассматривали спор о наследстве Зейнала Гусейнова, умершего несовершеннолетним и бездетным. Роди-

36 Там же. Л. 49–58.

37 Там же. Л. 216–223.

телей, деда и бабки по отцу наследодателя уже не было в живых, и на наследство претендовали в качестве истцов дед и бабушка по матери, а в качестве ответчиков — дядя и тетя по отцу. Окружной суд, сославшись на нормы шариата, присудил наследство деду и бабке покойного. В своей апелляции в судебную палату ответчики, не споря напрямую с основанным на шариате решением суда, обратили внимание на принадлежность истцов к секте бабистов, квалифицированных как *муртадды* — отрекшиеся от ислама — и не имеющих в качестве таковых права наследовать имущество правоверного мусульманина. Палата сначала приняла во внимание эту аргументацию ответчиков и запросила разъяснения у трех свидетелей-экспертов относительно того, следует ли признать бабистов муртаддами с вытекающими последствиями для наследования по шариату. Эксперты подтвердили, что бабисты — муртадды, лишавшиеся права наследовать мусульманину. Но истцы со своей стороны поставили под сомнение статус экспертов, ведь они должны были быть квалифицированы как *адиль*, то есть обладающие в соответствии с шариатом качествами справедливости и благочестия. Но этими разысканиями судебная палата уже отказалась заниматься, отметив, что гражданский суд не может входить в расследование того, не совершал ли свидетель больших грехов и не повторял ли малых, что несовместимо со статусом *адиля*. В итоге палата утвердила решение окружного суда, поддержав истцов. Сенат рассмотрел жалобу ответчиков и указал, что даже если бы истцы являлись бабистами, это не лишало бы их права на наследство мусульманина, по аналогии с тем, что, по имперской норме (ст. 1340 части 1 тома X Свода законов), не лишался наследства после мусульманина перешедший в христианство наследник. Соответственно иск деда и бабки наследодателя был поддержан³⁸.

38 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902. СПб., 1902. № 67. С. 202–209.

Как мы уже видели выше, мусульмане в зависимости от культурно-правового предпочтения, а также выгоды в конкретной наследственной ситуации могли апеллировать в судах или к общеимперским («русским»), или к исламским нормам. Приведем еще характерные примеры и оценку компетентного современника. После смерти крымского купца Амета Бекирова сельский хатын в 1878 г. произвел раздел его наследства по мусульманским нормам. Таврическое духовное правление подтвердило раздел и выдало документ — *яфту*, которая, однако, не успела пройти утверждение государственным нотариусом. На этом этапе вдова и дети покойного подали иск в Симферопольский окружной суд против его отца и матери. Истцы требовали признать недействительным произведенный раздел и рассмотреть их наследственные права в соответствии с общеимперскими нормами, которые в данном случае, в отличие от изложенных выше мусульманских норм, не предусматривали наследования в восходящей линии — отцом и матерью, соответственно увеличивая долю вдовы и ее детей. Окружной суд удовлетворил часть иска и признал раздел недействительным на том основании, что до нотариального утверждения одна из групп наследников выразила несогласие с решением по разделу духовного института. Однако Одесская судебная палата по жалобе родителей наследодателя отменила решение окружного суда на основании того, что истцы первоначально выражали согласие с *яфтой*. Сенат же в 1885 г. отменил решение палаты, признав право вдовы и ее детей выразить несогласие с разделом, и отправил дело в другой окружной суд³⁹. И хотя окончательные результаты этого дела нам неизвестны, из него видно, как та или иная сторона могла апеллировать к разным нормативным пространствам — общеимперскому или мусульманскому — в стремлении к наиболее выгодному решению.

39 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1885. СПб., 1886. № 17. С. 82–87.

В 1888 г. в Казани мировой суд рассматривал иск мусульманки Биби Апанаевой к своему брату Магомеду Закиру о разделе 500 руб. доходов с их наследственного имения. Истица, основываясь на нормах шариата, требовала треть этих доходов. Брат Магомед Закир, напротив, указывал на общее гражданское право (ст. 1130), по которому Биби полагалась только 1/14 часть. Мировой судья, допросив экспертов, подтвердивших, что Биби Апанаевой по шариату следует третья часть и что не руководствоваться шариатом было бы тяжким грехом, постановил удовлетворить требование истицы⁴⁰.

В 1887 г. газета «Переводчик» сообщала о судебном споре в Петропавловске Акмолинской области, возникшем между сонаследниками недавно умершего торговца. Дело привлекало внимание всего местного общества. Одни из наследников требовали свои доли по имперскому закону, другие — по шариату. В связи с этим корреспондент констатировал: «Примеры споров сонаследников-мусульман о долях наследства весьма нередки. Обыкновенно каждая сторона просит себе части по закону или шариату, смотря как выгодней»⁴¹.

Нормы шариата сталкивались в суде не только с общеимперским, но и с обычным правом наследования. И в таком случае шариат в сенатских прецедентах оказывался в приоритете. Например, в 1897 г. кассационным Сенатом рассматривалось дело кумыкской княгини Айбалы Айдемировой, оспаривавшей в окружном суде раздел земельного наследства своего отца: оно было распределено между двумя сыновьями и матерью наследодателя, а ей ничего не досталось. Иск Айбала основывала на мусульманском праве и ст. 1338. В окружном суде и на апелляционном процессе в Тифлисской судебной палате ответчики ссылались на обычное

40 Недавно у мирового судьи // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1888. 28 ноября.

41 Из Петропавловска // Переводчик = Терджиман: газета литературная, политическая и коммерческая. 1887. 30 мая.

право высшего сословия кумыков, по которому дочери покойного при наличии сыновей не наследуют недвижимость. Суды поддерживали ответчиков и отклонили иск Айбалы, указав на ст. 1454 части 2 тома X Свода законов, разрешавшую «иногородцам» в гражданских делах между собой разбираться на основе «древних обычаев и законов». Истица, по мнению судей, не доказала предпочтительность применения к делу правил шариата перед адатом. Айбала не согласилась с решением и подала кассационную жалобу в Сенат. Кассационный департамент отменил решение судебной палаты и признал приоритет шариата в наследственных делах мусульман в общих судах. Сенаторы обратили внимание на то, что по приводимой палатой ст. 1454 судопроизводство в Терской области действительно могло осуществляться на основе адата и шариата, но относилось это только к «народным судам». Кроме того, статьей не устанавливался приоритет адата над шариатом. А ст. 1338, легшая в основу иска Айбалы, формулировала именно общее правило для разделов наследства мусульман и споров об этом в общегражданских судах. «Так что предпочтительность шариата [перед обычным правом. — *И. В.*], — резюмировали сенаторы в своем решении, — установлена самим законом, и требовать от Айдемировой доказательств этого палата не могла»⁴². По указанным выше мусульманским нормам, истица как дочь наследодателя при наличии двух сыновей и матери должна была получить 1/6 часть разделяемого наследства (при этом мать — 1/6, сыновья каждый — по 1/3, с учетом правила, что мужчина получает в два раза больше женщины в равной родственной позиции).

В целом пока рано делать выводы относительно точного количества наследственных дел мусульман в пореформенных судах Российской империи. Можно только осторожно, на основании оценок современников, предположить, что таких дел было немало. Так,

42 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1897. СПб., 1897. № 35. С. 119–121.

закавказский мировой судья В. Н. Ефимов в 1886 г. констатировал, что судьи края, в том числе мировые, «ежегодно тысячами разбирают гражданские иски между мусульманами по семейному и наследственному правам». Разрешая эти споры, отмечал юрист, большинство судей руководствовалось нормами шариата⁴³. При этом такого рода судебные дела не ограничивались высшими стратами мусульманского общества. Напротив, в Закавказье по императорскому рескрипту 1846 г. наследственные споры представителей высших сословных групп мусульманского населения (ханы, беки, агалары) предписывалось рассматривать в общих судах по шариату только при условии обоюдного согласия сторон, а в противном случае к делу применялись общеимперские нормы⁴⁴.

Исследуя проблематику наследственного права, следует иметь в виду, что в начале XX в. его значение существенно возросло для широких масс населения. В результате как естественных процессов, так и государственной политики крестьянское общинное землевладение трансформировалось в семейное и личное. Надельная земля общины подлежала не наследованию, а распределению в соответствии с принятыми нормами земельных переделов. Переход надельной земли в семейную и личную собственность расширял сферу действия наследственного права, и в частности у крестьян-мусульман — сферу действия наследования по шариату. К таким же последствиям приводили покупки земли вне надельного владения. Судебные дела отражают противоречия этого перехода.

Так, в 1908 г. родные братья башкиры Шаймухаметовы из деревни Калтаево Уфимского уезда подали иск в волостной суд с требованием передать им четыре душевых надела земли их умер-

43 *Ефимов В. Н.* Заметки о мусульманском наследственном и семейственном праве // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1886. № 278. С. 297–300.

44 ПСЗ. Собрание 2. Т. 21. Отд. 2. № 20672. С. 617–619; Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1884. СПб., 1885. С. 38–42.

ших деда, дяди и двоюродных братьев, считая себя единственными и ближайшими наследниками перечисленных и указывая на отсутствие других наследников. Волостной суд отказал, поскольку по закону крестьянские наделные земли как находящиеся в пользовании сельского общества не подлежали наследованию. Уездный съезд отменил данное решение и передал наделы истцам. Однако и постановление съезда, в свою очередь, отменялось губернским присутствием, что повлекло его обжалование истцами в 1910 г. в Сенате⁴⁵. Дела о наследовании крестьян-собственников у мусульман составляют пробел в историографии и требуют отдельного тщательного исследования.

Развернувшаяся с конца XIX в. работа над новым Гражданским уложением активизировала вопрос о партикулярных правовых системах империи. По свидетельству Е. А. Пушкина, разрабатывавшая уложение комиссия намеревалась «сохранить за магометанами право на разрешение в судах их споров о наследстве на основании постановлений мусульманского права». Если в новом уложении, полагал юрист, окажется прежняя норма о шариате в гражданских судах, то потребуются кодификация мусульманских норм и соответствующая профессиональная подготовка имперских судей⁴⁶.

Другая, наряду с наследственной, правовая сфера, к которой обращались пореформенные общегражданские суды, сталкивавшиеся с мусульманскими нормами, относилась к практике брачных договоров мусульман и связанным с их исполнением имущественным спорам при разводе и смерти супруга. Условием заключения брака и основным предметом брачного договора в ис-

45 Об отмене постановления Уфимского губернского присутствия о неутверждении башкир Х. и Д. Шаймухаметовых в правах наследства на наделную землю отца их Ю. Шаймухаметова при деревне Калатаевой Уфимского уезда // РГИА. Ф. 1354. Оп. 5. Д. 1128. Л. 1–22.

46 *Пушкин Е. А.* О применении магометанских законов при производстве дел о наследствах, оставшихся после магометан (окончание) // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 5. С. 121.

ламе является *махр* — обязательный дар в виде имущества, денег, иных ценностей, который мужчина должен предоставить женщине (у мусульман Закавказья и сам договор, и *махр* назывались *кебин*; у мусульман Среднего Поволжья и др. — *мегр*, *калым*). Махр являлся неотъемлемым правом и гарантией относительной имущественной самостоятельности и состоятельности женщины. Махр мог быть выплачен сразу или с отсрочкой. В случае развода или смерти супруга невыплаченная часть махра рассматривалась как долг. Соответственно, при наследовании невыплаченная часть махра должна была выделяться в первую очередь, до раздела наследственной массы. Как видим, институт махра тесно связан также и с наследственными ситуациями, что подтверждают судебные дела.

Пореформенные суды унаследовали компетенцию в отношении имущественной стороны брачных отношений мусульман от судов дореформенного устройства. В соответствии со ст. 457 части 2 тома XVI Свода законов (Учреждение местных судебных установлений прежнего устройства и законы о судопроизводстве; раздел пятый «О судопроизводстве по особенным родам тяжб и исков»; отделение второе «О брачных делах лиц других, кроме православного, христианских и иноверных вероисповеданий») брачные дела мусульман в вероисповедной их составляющей находились в юрисдикции духовных судов, «но в отношении гражданских претензий, возникающих при расторжении браков», духовенство имело право разбирать дело только в случае согласия обеих сторон конфликта. В случае же несогласия на разбирательство имущественных споров при разводах в духовном суде или несогласии с его решением «действие духовной власти прекращается и дело получает ход гражданский»⁴⁷.

Эта норма подтверждалась ст. 60 «Положения об управлении закавказского мусульманского духовенства» 1872 г.: «Притязания по имуществам, при расторжении браков случающиеся, подлежат

47 СЗРИ. Т. 16. Ч. 2. СПб., 1890. Ст. 457. С. 383.

разбирательству общих гражданских судов, исключая лишь случаи, в коих обе спорящие стороны будут просить казья и на решение его объявят удовольствие»⁴⁸. Данная норма о переносе имущественных брачных споров мусульман в гражданские суды вошла и в Свод законов гражданских⁴⁹. Как видим, в отношении определения юрисдикции брачных имущественных споров законодатель применял тот же подход, что и в отношении наследственных дел мусульман.

Тем не менее между судебной властью и духовным ведомством в отношении решения конфликтов вокруг обязательств по брачным договорам возникали пререкания о сферах компетенции. Представители духовных властей стремились сохранить в своей юрисдикции все споры по брачным делам мусульман. Так, в 1883 г. Елисаветпольский губернский меджлис, указывая на трудности гражданских судов в разборе этих дел, выступил с инициативой о расширении своей компетенции и рассмотрении брачных имущественных споров только в духовных судах. Меджлис признавал гражданские суды неспособными понять написанные на арабском языке тексты мусульманского права и адекватно их применить, считая, что, поскольку имущественная сторона неотрывна от собственно брачно-духовной, мусульманские суды должны решать все имущественные споры между супругами-мусульманами. Меджлис критиковал светские суды, решавшие дела лишь на основании формальных условий брачного договора, не вникая при этом в конкретные обстоятельства брака, поведения и отношений супругов. В брачных договорах всегда говорилось о полной выдаче махра, но только духовный суд был способен учесть обстоятельства и нюансы, скорректировав это обязательство. Кроме того, брачные

48 Тифлис, 6 апреля 1883 года: о подчинении мусульманских брачных по имуществу дел суду духовному // Юридическое обозрение. Еженедельный журнал. 1883. № 106. С. 409–414.

49 Законы гражданские (Свод Законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / сост. В. В. Исаченко. Пг., 1916. Ст. 98(1). С. 23.

дела часто не допускали публичности, а гражданский суд по закону являлся гласным⁵⁰.

Возражая меджлису и отстаивая компетенцию гражданских судов, юридическая общественность Закавказья напоминала, что по всем таким спорным и сомнительным вопросам брачных дел гражданские суды, как правило, запрашивали шариатские заключения духовенства и учитывали их при вынесении решения. Подсудность имущественных брачных дел светским судам предлагалось сохранить, так как только они обеспечивали правильное правосудие и гарантии равенства супругов. При этом правоведы соглашались относительно силы и значения кебинных договоров, которые следовало обсуждать в суде на основании шариата, а не общих гражданских законов. Глава Закавказского шиитского духовного правления Шейх-Уль-Ислам, отвечая на предложение Елисаветпольского меджлиса о расширении компетенции духовных судов в отношении имущественных брачных споров, признал, что пока и сами мусульманские духовные лица по своему образованию не готовы разрешать эти важные дела⁵¹.

Судя по отзывам современников, пореформенная судебная практика в отношении брачных имущественных дел мусульман была довольно многочисленной (более точные цифровые оценки давать пока рано)⁵². Суды квалифицировали брачные имущественные споры мусульман в рамках гражданского права как споры по обязательствам (договорам). Но, конечно, в их основе лежало мусульманское право и соответствующие практики. Гражданская юридикация мусульманских брачных договоров и возможность их предъявления в судах укреплялась требованием к казиям заносить условия брачного договора (кебинного акта) в метрические книги, то есть официально фиксировать⁵³. Приведем примеры такого рода дел.

50 Тифлис, 6 апреля 1883 года. С. 409–414.

51 Там же.

52 Ефимов В. Н. Указ соч. С. 297–300.

53 Там же.

В 1885—1893 гг. рассматривалось дело вдовы Талышхановой, добивавшейся в гражданских судах своего права на «кебинные деньги». Ответчиками выступали наследники ее умершего мужа — дети от другого брака. В соответствии с брачным договором Талышханова должна была получить 1500 туманов персидской монеты Насредин Шаха (что эквивалентно 4,5 тыс. руб.). Бакинский окружной суд не поддержал иск вдовы, поскольку при внесении договора в метрическую книгу оказались нарушенными установленные имперской администрацией формальные требования (текст договора не был вписан полностью и дословно, указывалась только сумма кебина, причем не в российских деньгах; отсутствовали подписи муллы и свидетелей, а имелись только их личные печати). Вдова оспорила решение в Тифлисской судебной палате, принявшей во внимание, что по имперскому законодательству браки совершались по правилам веры и обычаев каждого народа. Закон предоставлял брачующимся мусульманам право заключать брачные договоры (ст. 1078 тома IX Закона о состояниях по продолжению 1890 г.) и не указывал при этом ни предметов, которых они могут касаться, ни правил или форм, по которым они должны составляться, из чего следовало, что под брачными договорами подразумевались сделки, заключаемые при совершении брака по правилам веры магометан (шариат) и существующих обычаев. Действительность брака и брачного договора Талышхановой подтверждалась удостоверениями Закавказского шиитского духовного правления, а недостатки в метрической записи не лишали брачный акт значения, ведь форма брачного договора определялась шариатом и обычаями, а не государственными предписаниями. Палата отменила решение окружного суда и удовлетворила иск Талышхановой, признав право вдовы на взыскание «кебинных денег»⁵⁴.

Аналогичное дело рассматривалось в Елисаветпольском окружном суде в 1897 г. Разведенная Салтанат Бебутова требовала

54 О взыскании Х. Талышхановой с наследников М. И. Талышханова 4500 руб. по брачному свидетельству // РГИА. Ф. 1364. Оп. 2. Д. 1677. Л. 1–11.

взыскать с ее бывшего мужа 12175 руб. на основании брачного договора от 1885 г. Окружной суд и потом судебная палата отказали Бебутовой на том основании, что кебинный акт не подписан, как предписывали общие нормы заключения гражданских договоров. При этом шушинский казый и Закавказское шиитское духовное правление свидетельствовали в суде об отсутствии необходимости по мусульманским обычаям ставить подписи брачующихся в таком акте. В кассационной жалобе в Сенат истица указала, что по шариату обязательная гражданская форма для кебина не нужна и требование подписей являлось вмешательством гражданских властей в брачные обряды мусульман в нарушение ст. 90 части 1 тома X Свода законов, согласно которой представители каждого народа имели право вступать в брак по своим обычаям. Сенат согласился с истицей и отменил решение Тифлисской палаты, признав кебинный акт, оформленный духовным ведомством по мусульманским обычаям, действительным даже без подписей⁵⁵. Тем самым суд высшей инстанции не стал из-за формальностей фиксации отменять действие норм шариата в отношениях по кебинному договору.

Суды признавали обязательства по кебинному договору, то есть *махр*, в делах по наследству умерших женщин. Мировой суд Мамадышского уезда Казанской губернии в 1887 г. рассмотрел иск крестьянина деревни Сартык Гизетуллы Усыкина. Он требовал с зятя и его отца деньги («калым», в соответствии с местной терминологией) по заключенному при выходе дочери замуж брачному договору. Дочь умерла бездетной, и по шариатским нормам *махр* как ее имущество подлежал наследованию также и родителями в качестве ближайших родственников по прямой линии. Мировой суд, получив соответствующее шариатское разъяснение от ОМДС, удовлетворил иск⁵⁶.

55 Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1900. СПб., 1900. № 14. С. 54–56.

56 Дело крестьянина д. Сартык Кабык-Куперской волости Гизетуллы Усыкина с кр-на д. Малые Суны Шакиры Зарифова 75 руб. 25 коп.

Другая важнейшая часть мусульманского права, также частично вошедшая в имперское судебное-правовое пространство, в том числе пореформенное, — это нормы о вакуфах, то есть категории собственности, обеспечивавшей существование ключевой общественной инфраструктуры мусульманских сообществ, — культовых, социально-благотворительных и общественных образовательно-социализирующих институций. Но данная область права требует особого рассмотрения и в настоящей статье подробно не разбирается.

Итак, ислам предоставлял богатый правовой и символический ресурс для разрешения большого спектра гражданских споров. Судебная реформа 1864 г. ознаменовала новый важный этап в имперской интеграции элементов мусульманского права — наследственного, семейного и вакуфного. Причем все перечисленные элементы являлись очень значимыми не только для частной, но и для публично-институциональной сферы жизни мусульманских сообществ. В результате правотворческой деятельности гражданского кассационного департамента Сената середины 1870-х гг. мусульманское наследственное право стало материально-правовой основой пореформенных общих судов Российской империи при решении всех наследственных споров мусульман, что произошло благодаря модернистской судебной-процессуальной и организационной унификации, осуществленной реформой 1864 г., парадоксальным образом способствовавшей частичному укреплению партикулярного материального гражданского права. Помимо элементов мусульманского права это касалось и ряда региональных гражданско-правовых систем, например бессарабской⁵⁷.

В то же время сами мусульманские сообщества, как мы видели, были неоднородны. Те или иные участники судебных

по раздельному акту // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 72. Оп. 3. Д. 199. Л. 1–3.

57 См.: Верняев И. И. Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX — начала XX в.: адаптация к разнообразию // Русин. 2023. № 74. С. 109–132.

процессов, мусульмане, для отстаивания своих интересов апеллировали в гражданских судах к общеимперским, шариатским или обычно-правовым нормам. Но в пореформенный период под влиянием сенатских толкований Свода законов гражданские суды в наследственных делах мусульман отдавали приоритет мусульманскому праву.

Отметим достаточно высокий уровень доверия мусульман к реформированным в 1864 г. судам. Наследственные дела и споры по брачным договорам касались близких родственников, но многие мусульмане были готовы положиться в их разрешении на имперские суды, вынося на публичную сцену сугубо личные и внутригрупповые отношения. Гражданские суды в этих делах привлекали авторитетом, четкостью процедуры, независимостью, беспристрастностью и обязательностью исполнения решений. При этом гражданские суды действовали в тесной связке с духовными правлениями мусульман. В ряде случаев они следовали в фарватере их разъяснений, но иногда проявляли самостоятельность. Более того, к судебной самостоятельности нередко подталкивали и сами мусульмане, участвовавшие в процессах.

Мусульманское право проникло в пореформенную судебную практику разными путями и на разных основаниях. Так, имевшая шариатское происхождение норма «вдовьей доли» при наследовании, включенная в Свод законов отдельной статьей, стала, по сути, нормой имперского гражданского права для мусульман. Брачные договоры («кебинные акты») и определяемый ими *махр* («брачный дар» мужа жене, «кебинные деньги»), также имеющие шариатскую основу и происхождение, по факту вписались в имперские нормы договорного права. Другие, помимо «вдовьей доли», нормы исламского наследственного права применялись с опорой на шариатские толкования духовных правлений, самостоятельное обращение судов к источникам мусульманского права, сенатские прецеденты, а в конце имперского периода — во все большей степени на подготовленный на основе консенсуса между имперскими ведомствами,

духовными правлениями и академической общественностью сборник мусульманского семейно-наследственного права.

Существовавшие законодательство и судебная практика предусматривали необходимость обращения судов для разъяснения мусульманских норм к тому или иному духовному правлению в зависимости от принадлежности сторон к соответствующему направлению в исламе, суннитскому или шиитскому, и региональной привязки. Это позволяет говорить о признании различий внутри ислама и об институционализированном механизме их принятия имперской судебной системой. Получать удостоверения духовных правлений с отвечавшими определенным правовым школам толкованиями исламских норм применительно к конкретному судебному делу могли и сами участники процессов. Однако суды иногда сталкивались с противоречиями и разночтениями в таких толкованиях. Поэтому применение мусульманских норм в пореформенных общегражданских судах с кассационной инстанцией во главе неизбежно сопровождалось процессами их систематизации и унификации, что позволяло принимать решения более единообразно и предсказуемо для участников судебных дел. Но в кодификационном процессе были и свои издержки, так как терялись отдельные правовые нюансы исламского права и детали конкретных обстоятельств дела и отношений вовлеченных лиц.

В пореформенный период общегражданские суды неизбежно сталкивались с правовым плюрализмом, отражавшим многослойное культурное, этноконфессиональное и региональное разнообразие страны. Несмотря на стремление к централизации и унификации судебной системы, общегражданским судам приходилось разрешать споры, затрагивавшие различные правовые порядки, в том числе и нормы исламского права. Мусульманское право не только сохраняло свое значение, но и продолжало развиваться в условиях имперской правовой системы, находя свое место в рамках взаимодействия с общегражданскими судами.

Литература

1. *Верецагин А. Н.* Кассационный Сенат (1866–1917). Очерки устройства и деятельности верховного суда Российской Империи. М.: Издательская группа «ЗАКОН», 2022. 616 с.
2. *Верняев И. И.* Правосудие Российской империи в Бессарабии конца XIX — начала XX в.: адаптация к разнообразию // Русин. 2023. № 74. С. 109–132.
3. *Верняев И. И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256.
4. *Кодан С. В., Февралев С. А.* Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII — начало XX в.). М.: Юрлитинформ, 2014. 281 с.
5. *Мухаметзарипов И. А.* Функционирование шариата в округе Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в конце XVIII — начале XX вв. Казань: Яз, 2012. 292 с.
6. *Нургалеев Р. М.* Наследственное право в исламе. Набережные Челны: Ислам Нуры, 2016. 132 с.
7. *Усманова Д. М.* Мусульманские метрические книги в Российской империи: между законом, государством и общиной (вторая половина XIX — первая четверть XX вв.) // Ab Imperio. 2015. № 2. С. 106–153.
8. *Усманова Д. М.* Мусульманское право в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.: изучение, применение, искоренение? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. № 4 (27). С. 170–182.
9. *Crews R. D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard University Press, 2006. 463 p.
10. *Kirmse S. B.* The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late Tsarist Russia. New York: Cambridge University Press, 2019. 341 p.
11. *Zuleika A., Desinthya N. P.* Islamic Inheritance Law (Faraid)

and its economic implication // *Tazkia Islamic Finance and Business Review*. 2013. Vol. 8. No. 1. P. 97–118.

References

1. Crews, R. D. (2006) *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Kirmse, S. B. (2019) *The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. New York: Cambridge University Press
3. Kodan, S. V., Fevraleev, S. A. (2014) *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.)* [Local Law of National Regions in the Russian Empire (The Second Half of the 17th — 20th Century)]. Moscow: Yurlitinform.
4. Mukhametzaripov, I. A. (2012) *Funktsionirovanie shariata v okruge Orenburgskogo Magometanskogo Dukhovnogo Sobraniya v kontse XVIII — nachale XX vv.* [The Functioning of Sharia in the Orenburg District of the Mohammedan Spiritual Assembly in the Late 18th — Early 20th Centuries]. Kazan': Yaz.
5. Nurgaleev, R. M. (2016) *Nasledstvennoe pravo v islame* [Inheritance Law in Islam]. Naberezhnye Chelny: Islam Nury.
6. Usmanova, D. M. (2014) “Musul'manskoe pravo v Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.: izuchenie, primeneniye, iskoreneniye?” [“Muslim Law in the Russian Empire at the Turn of the 19th — 20th Centuries: Study, Application, Eradication?”], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya”*, 4 (27), pp. 170–182.
7. Usmanova, D. M. (2015) “Musul'manskiiye metricheskie knigi v Rossiiskoi imperii: mezhdu zakonom, gosudarstvom i obshchينو (vtoraya polovina XIX — pervaya chetvert' XX vv.)” [“Muslim Metric Books in the Russian Empire: Between the Law, the State and the Community (The Second Half of the 19th — the First Quarter of the 20th Centuries)”], *Ab Imperio*, 2, pp. 106–153.
8. Vereshchagin, A. N. (2022) *Kassatsionnyi Senat (1866–1917). Ocherki ustroistva i deyatelnosti verkhovnogo suda Rossiiskoi Imperii* [The

Cassation Senate (1866 — 1917). Essays on the Structure and Activities of the Supreme Court of the Russian Empire]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "ZAKON".

9. Vernyaev, I. I. (2019) "Adaptatsiya mirovoi yustitsii Rossiiskoi imperii na Yuzhnom Kavkaze" ["Adaptation of the Global Justice of the Russian Empire in the South Caucasus"], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 4, pp. 1240–1256.

10. Vernyaev, I. I. (2023) "Pravosudie Rossiiskoi imperii v Bessarabii kontsa XIX — nachala XX v.: adaptatsiya k raznoobraziyu" ["Justice of the Russian Empire in Bessarabia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Adaptation to Diversity"], *Rusin*, 74, pp. 109–132

11. Zuleika, A., Desintha, N. P. (2013) "Islamic Inheritance Law (Faraid) and Its Economic Implication", *Tazkia Islamic Finance and Business Review*, 8 (1), pp. 97–118.

Евгений Крестьянников

«Кубки власти» Петра Вологодского: карьерные ступени юриста в условиях революций и Гражданской войны (1917–1919). Часть I¹

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ekrestyannikov@hse.ru

Аннотация: Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война выдвигали на сцену истории новых лидеров. Ярким примером достижения в тот исторический момент ведущих постов является восхождение по карьерной лестнице сибирского юриста Петра Васильевича Вологодского, ставшего премьер-министром антибольшевистских правительств. Первая часть статьи посвящена рассмотрению работы Вологодского в руководстве Томской губернии и округе Омской судебной палаты. В отличие от предшествующей историографии, обращавшейся преимущественно к изучению общественно-политических обстоятельств служебного взлета Петра Васильевича, в статье в качестве главного основания выдвижения Вологодского выступает его юридическая деятельность. Авторитетному адвокату в постимперское время представилась возможность участвовать в строительстве новой государственности. В оказавшейся многотрудной работе правовед применял профессиональные навыки и зарекомендовал себя деятельным начальником, заботившимся о подчиненных. В роли главы юстиции региона

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

чиновник занимался хорошо знакомым и любимым делом, достигнув серьезного уровня на служебной лестнице, что, в свою очередь, открывало ему еще более яркие карьерные перспективы. Представленное исследование (Ч. 1) существенно дополняет биографию П. В. Вологодского и вносит вклад в изучение революционной кадровой политики. Планируется, что Ч. 2 работы представит карьерное возвышение и деятельность юриста в период противостояния Белого движения и советской власти.

Ключевые слова: Революция, кадры, государственный аппарат, адвокатура, юридическая деятельность, Петр Вологодский, Сибирь.

**Petr Vologodskii "Cups of Power":
Career Steps of a Lawyer at the Time of Revolutions
and Civil War (1917–1919).
Part I**

Krest'yannikov Evgenii Adol'fovich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).

ekrestyannikov@hse.ru

Abstract: 1917 revolution and the following Civil War brought new leaders to the stage of history. A prominent example of a leading positions achievement at such historical moment is the rise of a Siberian lawyer Petr Vologodskii, who became a prime minister of Anti-Bolshevik governments. The first part of the article deals with Vologodskii's positions in the Tomsk province and Omsk Judicial Chamber district. Unlike previous historiography that turned mainly to study socio-political circumstances of his career rise, the author of the article argues that Vologodskii's legal activity can be considered as a main factor of his career advancement. After the overthrow of autocracy, a reputable lawyer was given an opportunity to

participate in a new statehood creation. In the difficult work it turned out to be, the lawyer applied his professional skills and proved himself to be an active chief who took care of the managed. As the region's head of justice Vologodskii did what he mastered and loved and reached administrative hierarchy level that opened further even brighter career perspectives. The research significantly complements the biography of Petr Vologodskii and contributes our understanding of revolutionary cadre policy. It is planned that Part 2 of the research will present the career advancement and activities of a lawyer during the period of confrontation between the White movement and the Soviet government.

Key words: Revolution, personnel, state apparatus, advocacy, legal activity, Petr Vologodskii, Siberia.

Вскоре после революционных событий на собрании московских адвокатов 12 марта 1917 г. известный присяжный поверенный Н. В. Тесленко, приветствуя заметное участие адвокатуры в деятельности постимперских государственных структур, одновременно пророчески предупреждал в своей речи о тяготах и возможных последствиях неожиданно возложенного на плечи коллег бремени: «Мы счастливы, что из рядов наших товарищей по сословию вышли некоторые носители власти, призванной теперь строить новую жизнь, но мы должны сказать: товарищи, вы подносите к устам *кубок власти* (курсив мой. — *Прим. авт.*); пейте из него, но помните, что на дне есть много горечи»².

Именно в этот момент в сибирском Томске начиналось восхождение адвоката Петра Васильевича Вологодского, снова и снова бравшего в свои руки «кубок власти». Он является одним из немногих уроженцев Сибири, достигших высших постов в органах отечественной государственности. После свержения так называемой «первой советской власти» в период Гражданской войны Вологодский возглавлял омские антибольшевистские правительства (1918–1919 гг.), но его продвижение из адвокатуры к достигнутым впоследствии карьерным высотам современниками либо мало объяснялось, либо преподносилось как воля случая. В июне 1921 г. сам Петр Васильевич, к тому времени уже бывший премьер-министр, так оценил собственную репутацию человека малозначительного и заносчивого: «В большевистской и примыкающей к ней печати были высказаны мысли вроде того, что Вологодский, вынесенный случайно политической волной, на гребень этих волн, возомнил, что он и в самом деле великий исторический человек»³.

2 Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 70. Л. 2, 6 об.

3 *Вологодский П. В.* Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 326.

Панорама карьерных виражей

Скончался Петр Васильевич век назад (19 октября 1925 г.), и спустя время его личность безусловно представляется выдающейся и исторической, прежде всего благодаря головокружительному карьерному взлету. С 5 марта 1917 г. Вологодский являлся одним из руководителей Томской губернии, в середине июля 1917 г. стал старшим председателем Омской судебной палаты (далее — ОСП), в конце января 1918 г. был избран министром иностранных дел Временного правительства автономной Сибири (далее — ВПАС), а 30 июня того же года — председателем Временного Сибирского правительства (далее — ВСП). Он оставался во главе и следующих правительств, а в декабре 1918 г. — что важно для карьеры юриста — стал сенатором.

Современные исследователи, однако, специально мало объясняют такой феноменальный успех. Ведущий современный биограф сибиряка Е. А. Казакова отмечает лишь, что «общественно-политическая деятельность П. В. Вологодского в дореволюционный период и заслуженная им на этом поприще репутация, а также личные качества, несомненно, предопределили его последующее выдвижение на общероссийскую политическую арену»⁴. М. В. Шиловский, другой знаток биографии героя статьи, заочное избрание Вологодского в январе 1918 г. министром иностранных дел называет «странным». По мнению историка, в предшествующие месяцы Петр Васильевич был не слишком заметным политиком, а вот занял пост премьер-министра он как самый уважаемый и авторитетный деятель в квинтете организаторов ВСП благодаря некоторым ситуативным преимуществам перед другими членами правительства (в частности, проживал в Омске, где начинал формироваться антибольшевистский центр власти, но сохранял влияние и связи в политически значительном Томске) и уязвимостям

4 Казакова Е. А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 108.

последних (так, Г. Б. Патушинский являлся евреем, Вл. М. Крутовский в отличие от остальных был не юристом, а врачом, что мешало увидеть в нем в начале государственного строительства руководителя высшего ранга)⁵.

Сам П. В. Вологодский объяснял, как оказался в председательском кресле, указывая на слабости других основателей ВСП. В 1921 г. откликаясь на публикацию в эмигрантской китайской прессе И. К. Окулича, знакомого ему по дореволюционной томской жизни, а теперь обвинявшего бывшего премьер-министра в политическом предательстве и авантюризме, Петр Васильевич писал в редакцию «Русского эха»: «Когда поднялся вопрос, кому быть председателем этого правительства, то все остановились на моем имени, ибо И. А. Михайлов был слишком молод для этой роли (ему было тогда всего 27 лет), М. Б. Шатилов слишком мало известен и скромен, Г. Б. Патушинский слишком нервен, и я оказался человеком, наиболее удовлетворяющим требованиям представительства вновь образованного Правительства»⁶.

Между тем дореволюционный путь Петра Васильевича создал ему образ признанного регионального политического лидера с определенным управленческим заделом. Он имел опыт почти пятнадцатилетнего пребывания гласным в Томской городской думе⁷ и даже выбирался в 1907 г. депутатом во II Государственную думу⁸. Неудивительно поэтому, что его востребованность росла

5 *Шиловский М. В.* Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 72–74.

6 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 2297. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 6.

7 См.: *Казакова Е. А.* Указ. соч. С. 107.

8 В парламенте П. В. Вологодский оказался по результатам выборов 9 мая 1907 г., прошедших на заседании Томского губернского избирательного собрания, однако не успел потрудиться депутатом. В сохранившихся автобиографических сведениях этот эпизод жизни Петр Васильевич отразил следующим образом: «При созыве II Государственной думы П. В. согласился баллотироваться в члены Государственной думы и был избран таковым. Но вследствие запоздания выборов

с изменением обстановки — он становился объективно сильной кандидатурой на руководящие посты в революционном 1917 г.

Петру Васильевичу были свойственны революционность и оппозиционность по отношению к ушедшим властям — царской и советской. В 1905 г. П. В. Вологодский своей антиправительственной активностью привлек внимание жандармской службы, в документах которой его аттестовали своего рода «центром, из которого исходила и руководилась вся революционная деятельность» в Томске. Юрист оказался в ряду опасных врагов режима, жандармы были уверены, что именно к Вологодскому тянулись многие нити революционного заговора, а его квартира являлась пристанищем для революционеров. В жандармских сводках подчеркивалась и чрезвычайная скрытность налаженной им работы: «Вологодский личность крайне осторожная в своих действиях, а потому явно ничем себя не зарекомендовал»⁹. О предельной осмотрительности как свойственной Петру Васильевичу черте пишет Е. А. Казакова. Доскональное знание законов и осторожность в публичном поведении не позволяли правоохрнительным органам доказать его вину. Факты участия в антиправительственных акциях начала XX в. юрист иногда объяснял властям тем, что «просто прогуливался» или «присутствовал из любопытства», и сверх этого инкриминировать ему было нечего¹⁰.

П. В. Вологодский оказался компромиссной фигурой для формирования новой власти. Сыграли свою роль принадлежность к си-

в Томской губернии и трудности быстро ликвидировать дела своей широкой адвокатской практики П. В. не застал заседаний II Государственной думы. По дороге в Петербург он около Омска прочитал агентскую телеграмму, что Государственная дума уже распущена, и П. В. возвратился в г. Томск» (ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 2. Л. 10–10 об.; Д. 16. Л. 8).

9 Там же. Д. 18. Л. 1–1 об.; Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 3. Оп. 70. Д. 453. Л. 18 об., 33–38; Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 351. Л. 1.

10 Казакова Е. А. Указ. соч. С. 107.

бирскому областничеству¹¹, близость к лидерам этого идейного течения, а также отсутствие в революционное время очевидной партийности. С ведущим областником Н. М. Ядринцевым Петр Васильевич познакомился во второй половине 1880-х гг., еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета. Знакомство быстро переросло в сотрудничество — они вместе уехали в Иркутск для того, чтобы наладить выпуск знаменитого ядринцевского «Восточного обозрения»¹². «И быть может первые семена той страстной любви, которую, я смело об этом говорю, я питаю к Сибири, были заложены во мне Николаем Михайловичем», — сказал Петр Васильевич о роли, сыгранной в его судьбе лидером областничества, на вечере памяти 20 июня 1918 г. по поводу 25-летия кончины последнего¹³.

Вологодский тесно сотрудничал и с другим лидером областничества Г. Н. Потаниным — их знакомство состоялось, вероятно, также в 1880-х гг.¹⁴ Когда в 1902 г. Потанин переехал в Томск, он первоначально проживал в доме Петра Васильевича¹⁵. В 1905 г. Потанин и Вологодский выступили организаторами и участника-

- 11 Все члены образованного 30 июня 1918 г. ВСП являлись областниками. См., например: *Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в.: Энциклопедический словарь* / под ред. М. В. Шиловского. Новосибирск, 2019. С. 63–64, 153–155, 186–187, 234–235, 377–378.
- 12 *Вологодский П. В.* Из истории моей жизни // *Русское обозрение*. 1920. № 1. С. 129–135; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 8–12.
- 13 ГА РФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
- 14 Имя Петра Васильевича упоминалось в письме Г. Н. Потанину от А. В. Андрианова 11 марта 1889 г., а из воспоминаний самого П. В. Вологодского о столичном этапе его жизни можно понять, что Вологодский и Потанин были лично знакомы во второй половине 1880-х — начале 1890-х гг. См.: *Адрианов А. В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г. Н. Потанину / сост., публ. Н. В. Васенькин. Томск, 2007. С. 113; *Вологодский П. В.* Из истории моей жизни. С. 131; ЦГИА СПб., ф. 2297. Оп. 1. Д. 3. Л. 85.
- 15 *Шиловский М. В.* Первый премьер-министр Сибири // *Сибирская старина*. Краеведческий альманах. 1993. № 3. С. 2.

ми антиправительственного митинга-собрания 12 января. Именно от этого, выражаясь словами прокурора Томского окружного суда А. Г. Беляева, «противозаконного сборища»¹⁶ можно отсчитывать начало протестной эскалации в городе. Жандармы подозревали, что в 1905 г. именно Потанин и Вологодский сформировали «Томскую группу сибирских сепаратистов»¹⁷.

Петра Васильевича считали «преданным учеником и последователем» Г. Н. Потанина¹⁸, ставшего после падения монархии влиятельнейшим политиком Сибири. По предположению М. В. Шиловского, в январе 1918 г. должность министра иностранных дел ВПАС Вологодский получил как креатура областников. Историк допускает причастность к этому назначению непосредственно Потанина¹⁹. Н. С. Ларьков получение П. В. Вологодским постов в 1918 г. также напрямую связывает с выдвижением его кандидатуры «Потанинским кружком» — неформальным объединением представителей сибирской интеллигенции, сформировавшимся в начале XX в. вокруг Г. Н. Потанина и имевшим просветительские цели, но существенно повысившим свою политическую активность после падения монархии²⁰.

Вместе с тем возвышение П. В. Вологодского было прямо связано и с участием последнего в событиях, надолго остававшихся в памяти современников. К примеру, героизируя прошлое премьер-министра, его официальные биографы времен Гражданской войны обязательно напоминали о томском погроме 1905 г. — од-

16 Исторический архив Омской области (далее — ИсаОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 55. Л. 1–1 об.

17 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

18 См.: От редакции // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. 1915. Тетрадь 1 (ноябрь). С. 1.

19 Шиловский М. В. Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. С. 72.

20 Ларьков Н. С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–173, 175.

ном из самых кровавых в годы Первой русской революции²¹. Петр Васильевич пережил трагедию от начала до конца, пострадав физически в результате избиения казаками и чудом не лишившись имущества. Впоследствии он оказывал влияние на расследование совершенных преступлений и был обвинителем на процессе о погроме в августе 1909 г. в Томском окружном суде²².

Находившемуся на пике карьеры П. В. Вологодскому официальная журналистика приписывала талант ладить с соотечественниками: «Люди, которым приходилось соприкасаться с Петром Васильевичем, всегда уносили от него впечатление личного обаяния и обезоруживающей доброты»²³. Современниками, даже из числа недоброжелателей, и историками отмечалось стремление политика-юриста занимать позицию, способную привести к сотрудничеству представителей, казалось бы, непримиримых сторон. Об этом качестве Вологодского, правда, в негативном ключе, писал И. К. Окулич, вспоминая, что Петр Васильевич был «одинаково готовым идти в роли председателя совета министров с социалистами и монархистами»²⁴.

Историк В. А. Дробченко называет премьер-министра «мастером политического компромисса», но никогда не поступавшегося своими жизненными принципами²⁵. П. В. Вологодского также характеризуют как «гибкого лидера», известного в Сибири и способного «объединить вокруг себя кабинет». Выбор потанинского окружения пал на его персону потому, что для многих он являлся своим; к тому же

21 О погроме в Томске см.: *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2019.

22 См. подробно: *Крестьянников Е. А.* К «истории человеческих жертвоприношений»: П. В. Вологодский и томский погром 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 115–127.

23 Носители государственной власти. Председатель совета министров Российского правительства Петр Васильевич Вологодский // Вестник Томской губернии. 1918. 27 декабря.

24 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 410. Л. 34.

25 *Дробченко В. А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 2010. С. 59.

в полгода советской власти Петр Васильевич заслужил репутацию ее непримиримого врага, но в то же время избежал участия в антибольшевистском подполье²⁶, то есть всегда оставался у всех на виду.

Разбирая общественно-политические обстоятельства, способствовавшие выдвижению П. В. Вологодского, и его личные свойства, помогавшие в пути наверх, исследователи обращают существенно меньше внимания на другие факторы — профессионализм Вологодского, его опыт деятельности присяжным поверенным, наконец, принадлежность вообще к судейскому сообществу. Речь идет о высококлассном, уважаемом юристе (подтверждением служит членство в Томском юридическом обществе, причем в значимой должности казначея), многолетнем лидере адвокатуры и удачливом адвокате, регулярно одерживавшем победы в зале суда, при этом готовом отозваться на социальный запрос (руководил Томской юридической консультацией)²⁷. Как кажется, профессиональные успехи и репутация стали для Вологодского пропуском в революционную власть.

Во главе губернии

В первые дни марта 1917 г. на местах страна переживала ломку государственных институтов прежней власти и строительство но-

26 Вульф Д. Г., Ларьков Н. С., Ляндрес С. М. П. В. Вологодский и его дневник // *Вологодский П. В. Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.)*. Рязань, 2006. С. 22–23.

27 См. серию моих статей в «Вестнике Томского государственного университета»: *Крестьянников Е. А.* П. В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 416. С. 113–118; *Он же.* П. В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 152–159; *Он же.* П. В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 422. С. 113–122; *Он же.* «Свободная профессия» П. В. Вологодского: адвокатские траектории томского юриста // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 433. С. 78–86.

вых. Член Государственного совета профессор Е. Л. Зубашев, прибывший в Томск 20 марта в качестве губернского комиссара Временного правительства²⁸, застал уже сложившиеся революционные органы администрации. Произошедшие к моменту его прибытия перемены в региональном управлении он описал в рапорте министру внутренних дел: «Вслед за совершившимся государственным переворотом, в начале марта, во всех городах губернии были образованы из представителей различных общественных организаций временные комитеты общественной безопасности и порядка, ограничившие на первых порах свою деятельность только данным городом. 5 марта, по распоряжению томского комитета, губернатор был арестован, а для исполнения его обязанностей из состава комитета был избран комиссариат в числе трех лиц. Как актом образования комиссариата, так и непосредственными своими распоряжениями, томский комитет начал распространять свою деятельность на всю губернию и фактически стал органом губернским»²⁹.

П. В. Вологодский являлся непосредственным участником этих событий. Вместе с неперменным членом губернского управления по крестьянским делам А. А. Бароком и помощником заведующего переселением района М. А. Воскобойниковым он составил триумvirат в комиссариате³⁰ и получил к отстраняемому томскому губернатору В. Н. Дудинскому «беспрепятственный доступ»³¹. Вологодский, по сути, провел в отношении Дудинского следственные действия — здесь он применил навыки, которыми отлично владел еще со времен службы на судебных и прокурор-

28 Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г.: в 2 ч. Ч. 1: Март — август 1917 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск, 2013. С. 114.

29 ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 11. Л. 34.

30 От Томского временного комитета общественного порядка и безопасности // Утро Сибири. 1917. 7 марта.

31 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 16. Л. 9, 11.

ских должностях до вступления в 1897 г. в ряды адвокатуры³². Ходили слухи, что в доме губернатора имелся большой запас винтовок, револьверов и патронов, но Дудинский отрицал это, указывая, что для хранения вооружения были выбраны подвальные помещения губернского управления. Петр Васильевич немедленно отправился в управление, потребовал у служащих всю переписку по поводу оружия, допросил экзекутора здания и курьеров, убедившись в правдивости разъяснений В. Н. Дудинского³³.

Тот факт, что П. В. Вологодский взобрался на эту первую карьерную ступень в обновлявшейся власти благодаря профессии, объясняет новосибирский исследователь С. А. Красильников: Петр Васильевич как адвокат, да еще и «на пике своей популярности публичного общественного деятеля», вошел в состав комитета общественного порядка и безопасности, «где играл одну из ключевых ролей в организации новых органов власти и управления на региональном, губернском уровне»³⁴.

Развитие ситуации соответствовало общему резкому повышению значения адвокатуры в управлении революционной Россией. В литературе отмечается, что в один момент «государство стало самым крупным пользователем профессиональных знаний присяжных поверенных», и адвокаты не только делали карьеру в системе правосудия — массово становились сенаторами, судьями и прокурорами, но и занимали должности в госаппарате вне юсти-

- 32 Карьера П. В. Вологодского в органах правосудия началась с зачисления в штат Томского губернского суда 15 сентября 1887 г. Затем он служил заседателем Барнаульского окружного суда, городским и уездным судьей в Верном, товарищем семипалатинского областного прокурора, даже исполняя обязанности последнего (ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 2. Д. 115. Л. 34 об. — 37 об.; ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 550. Л. 20 об.).
- 33 Первые шаги комиссариата по управлению Томской губернии // Сибирская жизнь. 1917. 8 марта.
- 34 Красильников С. А., Пыстина Л. И., Ус Л. Б., Ушакова С. Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX в.: статус и корпоративные ценности. Новосибирск, 2007. С. 201–202.

ции³⁵. На возраставший запрос властей на привлечение поверенных к работе последние отвечали согласием, и Томск в этом отношении не являлся исключением. В первые же дни после революции адвокаты города на своем собрании выразили готовность сотрудничать с новыми органами власти³⁶. Это произошло даже раньше, чем в Петрограде, где 5 марта в Литейном театре на собрании адвокатуры, по словам хроникера газеты «Право», «обсуждались вопросы об участии членов сословия в различных организациях, деятельность которых направлена к восстановлению нормальной жизни и порядка в столице. Постановлено принять самое деятельное участие в местных комиссариатах»³⁷.

Взятый П. В. Вологодским «кубок власти», видимо, оказался для него слишком полным и весомым. «Меня *состарило* (курсив мой. — *Прим. авт.*) трехмесячное пребывание в Томском комиссариате по управлению губернией. Нас было трое в этом комиссариате, но, в сущности, всю тяжесть напряженной до чрезвычайности работы я нес почти единолично», — вспоминал Петр Васильевич в 1924 г.³⁸ Наверняка увеличила объем работы Вологодского и быстро последовавшая ротация состава триумвирата — только сам Петр Васильевич оставался несменяем долгое время. М. А. Воскобойников же по своей основной службе получил назначение заведующим переселенческим делом Сочинского округа и в конце марта покинул город, А. А. Барока пришлось заменить из-за болезни³⁹.

5 апреля П. В. Вологодский вместе со сменившими последних М. П. Марковым и П. И. Троицким постановил разделить обя-

35 См.: Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М., 1993. С. 27.

36 Предложение местной адвокатуры // Утро Сибири. 1917. 5 марта.

37 Хроника // Право. 1917. 21 марта.

38 Вологодский П. В. Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). С. 440.

39 Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1917. 15 марта; ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1443. Л. 4.

занности по комиссариату. Петр Васильевич возглавил второе, тюремное и строительное отделения губернского управления⁴⁰, и в таком распределении угадывается его профессиональное прошлое. Еще в 1895 г. Главное тюремное управление (далее — ГТУ) вошло в состав Министерства юстиции⁴¹, то есть пенитенциарная система подчинялась министерству, отвечавшему за правосудие. Существенно, что специалисты-правоведы в дореволюционной России легко меняли ведомства, работая то в администрации, то в пенитенциарных учреждениях или суде. Например, А. В. Витте, соратник П. В. Вологодского по профессиональной и революционной деятельности в Томске, на рубеже XIX — XX вв. был сначала прокурором, затем тюремным инспектором, потом председателем Томского окружного суда⁴², а предшественник В. Н. Дудинского на посту томского губернатора юрист П. К. Гран в 1913 г. и вовсе возглавил ГТУ⁴³.

Руководство вторым отделением П. В. Вологодскому как юристу подходило больше, нежели доставшиеся М. П. Маркову третье и врачебное отделения и П. И. Троицкому — первое, крестьянское, ветеринарное отделения, беженский комитет и воинское присутствие⁴⁴. Когда в конце XIX в. была проведена реформа, вследствие которой все руководство сибирскими губерниями оказалось сосредоточено в одном органе — губернском управлении, вопрос законодательного определения направлений работы его отделений решен не был⁴⁵. Это сделали последующие положения.

40 ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2. Л. 192.

41 Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание 3. Т. 15. СПб., 1899. № 12272. С. 719–720.

42 Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 245. Оп. 5. Д. 67. Л. 6 об. — 8; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2224. Л. 154–157.

43 См.: Яковенко А. В., Гахов В. Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 194.

44 ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 2. Л. 192.

45 ПСЗ. Собрание 3. Т. 15. СПб., 1899. № 11757. С. 358–362.

В соответствии с одним из них второе отделение подразделялось на инспекторскую часть, заведовавшую назначением чиновников местного аппарата Министерства внутренних дел, представлением их к чином, орденам и пенсиям, выдачей им денежных наград и т. д., а также секретную часть, занимавшуюся доставкой в столицу сведений «о настроении населения», перепиской о принятии особых мер в отношении лиц, придерживавшихся антиправительственных взглядов, разрешением издания периодической печати, рассмотрением дел о тяжких преступлениях и передачей их в военный суд, выявлением серьезных происшествий, перепиской по законодательным предположениям, распоряжениями о розыске лиц и многим другим⁴⁶.

Постановление триумвирата из П. В. Вологодского, М. П. Маркова и П. И. Троицкого от 5 апреля 1917 г. определяло, что «доклады по вышеуказанным отделам делаются непосредственно соответствующему члену комиссариата, и распоряжения комиссариата подписываются одним из членов комиссариата, ведающим соответствующим отделом». Очевидно, таким образом была закреплена ранее используемая практика. В архиве сохранились предписания Вологодского, позволяющие прийти к заключению о полном соответствии некоторых направлений его работы юридическому профилю. Так, в одном случае, 12 марта того же года, Петр Васильевич циркуляром, адресованным уездным исполнительным и волостным комитетам, приказывал выполнять распоряжение Временного правительства об отмене действия царского положения о чрезвычайной охране и впредь направлять дела об «изготовлении или продаже крепких напитков» на рассмотрение мировых судей⁴⁷.

П. В. Вологодский в качестве юриста и правозащитника отметился в разбирательстве по жалобе учительницы М. Кукор-

46 РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 12. Л. 56–75.

47 ГАТО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Д. 2. Л. 192.

цевой в адрес председателя Госдумы М. В. Родзянко и министра юстиции А. Ф. Керенского. При аресте правоохранителями Колыванского сельского комитета мужа Кукорцевой — волостного писаря — она также была задержана, поскольку встала на защиту супруга, а когда незваные гости задели любимую кошку, сказала им: «Не троньте ее, она лучше вас!» Сельскую жительницу под усиленным конвоем провели на глазах односельчан через все село в волостную каталажку, где ей пришлось остаться на холоде и без еды. Обращаясь к Родзянко и Керенскому, Кукорцева восклицала: «докуда будет продолжаться этот позор, докуда будет издевательство, бесправие. Защитите, чтобы мне счастливо умереть, веруя [в] дарованную свободу, как счастье, а не позор России». Член комиссариата Петр Васильевич 19 апреля потребовал от колыванских властей провести по жалобе расследование, восстановив справедливость и нарушенные права просительницы⁴⁸.

20 апреля П. В. Вологодский на открывшейся первой сессии демократического Томского губернского народного собрания был избран председателем президиума⁴⁹. Е. Л. Зубашев впоследствии написал мемуары «Моя командировка в Сибирь», отразившие деятельность Петра Васильевича в данной должности. Поскольку в указанном революционном органе власти была всегда «атмосфера накаленная», председательствующий «не выдержал и на четвертый день сбежал, заболел»⁵⁰. Профессор имел в виду, что в народном собрании наблюдался высокий уровень политической конфликтности, от которой и решил отстраниться Вологодский. Но его следующая карьерная ступень означала возврат прямо к любимой, как он признавался в своем дневнике, юридической деятельности⁵¹.

48 Там же. Д. 4. Л. 130–130 об.

49 Томское губернное народное собрание. (20 апреля 1917 г.) // Сибирская жизнь. 1917. 22 апреля.

50 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 362. Л. 9.

51 *Вологодский П. В.* Указ. соч. С. 58.

В конкурентной среде

От назначения Петра Васильевича старшим председателем ОСП в июле 1917 г. можно проводить прямую линию к будущему председательствованию в правительствах: во-первых, должность потребовала переезда в Омск, где юриста и застал антибольшевистский переворот, свершившийся в результате мятежа чехословацкого корпуса в мае 1918 г.; во-вторых, полученное место являлось существенно более важным по сравнению со службой в комиссариате отдельной губернии, поскольку означало реализацию контроля над огромной территорией (округ палаты охватывал Тобольскую, Томскую и только что выделенную из нее Алтайскую губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области); в-третьих, ломка имперских управленческих и правоохранительных органов после революции практически не затронула структуру судебной власти, а в условиях независимости юстиции значимость последней серьезно возрастала, превращая должности в этой системе в карьерный трамплин.

Обстоятельства назначения и деятельность П. В. Вологодского во главе судебного ведомства региона в историографии исследованы мало. Существующие трактовки зачастую репродуцируют версию газеты «Сибирская жизнь», к которой Вологодский был близок⁵². Вероятно, представленная в периодическом издании картина единодушно поддержанного судебским сообществом избрания создавалась в угоду герою статьи, а может быть, даже диктовалась им самим. Примечательно, что текст газеты во многом напоминает изложение истории самим Вологодским уже в начале 1920-х гг. Бывший премьер утверждал, что должность удалось

52 См.: Казакова Е. А. Указ. соч. С. 117. Летом 1917 г. председательствовал в редакционном комитете «Сибирской жизни» Г. Н. Потанин, а Вологодский с давних пор являлся постоянным и ценным сотрудником этой газеты. См.: К проводам П. В. Вологодского // Сибирская жизнь. 1917. 29 августа; Жиякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX — начало XX в.): становление и развитие. Томск, 2011. С. 238.

получить «согласно выраженному мнению всей адвокатуры Омского судебного округа, к которому присоединились и чины судебной магистратуры и прокуратуры»⁵³.

Очевидно, путь к столь значительной должности был не столь простым и триумфальным. По крайней мере, известно, что кандидатура Вологодского не являлась единственной. При этом в начале марта 1917 г. самым значимым оказался вопрос об отстранении работавших до Февральской революции председателя ОСП В. В. Едличко и прокурора палаты А. К. Висковатова (находились при должностях с 1912 и 1914 гг. соответственно). Интересно, что Вологодский работал под непосредственным руководством последнего в первой половине 1890-х гг., когда находился на посту товарища семипалатинского областного прокурора. Едличко и Висковатов были арестованы Омским коалиционным комитетом (далее — ОКК), однако, поскольку в их отношении не выдвигалось обвинения в совершении уголовных преступлений, затем по требованию Министерства юстиции были освобождены⁵⁴.

К Висковатову — человеку профессиональному, непубличному и, по характеристике П. В. Вологодского, замкнутому и необщительному⁵⁵ — у новых властей претензий не нашлось. В. В. Едличко также был далек от политической активности, но в сложившейся ситуации он оказался фигурой неприемлемой — деятели ОКК считали его одним из «вреднейших» «слуг реакции», который, пользуясь связями с одиозным царским министром юстиции И. Г. Щегловитовым, раньше «терроризировал целый округ», ущемляя достоинство представителей судейского корпуса⁵⁶.

Вокруг Вячеслава Вячеславовича сложился образ врага корпорации поверенных. Когда в 1912 г. он впервые в должности стар-

53 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об.

54 РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 154. Л. 1, 249–251, 255–256, 260–261; Оп. 544. Д. 2205. Л. 1, 61, 90, 97, 111, 206.

55 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 53.

56 РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 154. Л. 249, 257.

шего председателя ОСП посетил Томск, адвокаты едва ли не всем составом (по бытовавшей в судейском сообществе традиции) пожаловали к нему представиться. Прием оказался крайне холодным, Едличко упрекал местную адвокатуру в многочисленных промахах, чем вызвал досаду и сожаления среди гостей⁵⁷. Как только В. В. Едличко покинул должность, адвокаты перестали стесняться прямых обвинений. «Не скоро еще изгладятся в памяти его грубые, хамские окрики во время отправления им “правосудия” и на судей, и на защитников, и на свидетелей, и на подсудимого. Он всячески старался убить веру в торжество правды и существование в России правосудия, требовал писать обвинительные приговоры при отсутствии к тому достаточных данных, гнал неугодных судей и добросовестно исполнял приказания центрального ведомства по части низведения судебных установлений на степень послушного орудия полицейской власти. Сыск и собиранье негласных сведений о лицах судебного ведомства в округе палаты процветали при нем», — писал о бывшем руководителе ОСП присяжный поверенный И. А. Самойлов⁵⁸.

Когда волна эмоций схлынула, оказалось, что опыт В. В. Едличко может быть полезен Временному правительству. 2 июня правоведа назначили членом совета министра юстиции⁵⁹. «Сибирская жизнь», ориентированная на Потанина и Вологодского, преподнесла это как сенсационную новость⁶⁰. Однако в момент господства, по выражению современников, революционной «диктатуры адвокатуры»⁶¹, у В. В. Едличко просто отсутствовали шансы на сохранение служебного места в Сибири. Могло получиться очень символично, если бы на смену «реакционеру» царской поры

57 Корреспонденции (От наших корреспондентов) // Красноярский вестник. 1912. 18 августа.

58 ИсаОО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

59 РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 154. Л. 266–267.

60 Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1917. 27 июня.

61 См.: Юристы и революция: Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М., 2017. С. 64.

пришел революционер эпохи радикальных перемен П. В. Вологодский, но этого не случилось, хотя имя адвоката в качестве кандидата в начальники ОСП в переписке по поводу назначений фигурировало с конца марта 1917 г., то есть с самого начала обсуждения кандидатур, инициированного А. Ф. Керенским.

Министр юстиции поручил Е. Л. Зубашеву по пути в Томск встретиться на железнодорожной станции Омска с членами ОСП и передать им некоторые предписания. Судебные чиновники прямо на вокзале уведомялись, «что Едличко не будет восстановлен на прежний пост, что вместо него будет назначено то лицо, которое будет избрано судебными деятелями этого округа». В соответствии с велением времени предлагалось провести выборы в крайне демократическом формате с участием в них не только чинов судебной палаты, но и чиновников окружных судов, мировых судей и всей присяжной адвокатуры⁶². За встречей последовала попытка адвокатов перехватить инициативу — после получения министерских инструкций они провели в своем кругу опросы относительно кандидатур на вакантную должность. При этом омский совет присяжных поверенных, объединявший всю адвокатуру округа ОСП, в духе адвокатской диктатуры убеждал А. Ф. Керенского, «что в интересах пользы дела ни на одну из этих должностей не должен быть назначен никто из членов магистратуры или прокуратуры, тем более принадлежащих к составу округа Омской судебной палаты»⁶³.

В двадцатых числах марта 1917 г. П. В. Вологодский выдвигался на должности председателя и прокурора ОСП вместе с коллегами по ремеслу Б. М. Ганом, В. А. Колосовым, Г. М. Котляровым и др. Наибольшие шансы у него были в Барнауле, где члены адвокатуры единодушно прочили Петра Васильевича в прокуроры палаты, а ее председателем хотели видеть А. В. Витте или А. П. Морозова⁶⁴, не принадлежавших к адвокатской корпорации. В начале апреля

62 ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 362. Л. 2–3.

63 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6125. Л. 1–1 об.

64 ЦГИА. СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 6–7.

в послании омского совета присяжных поверенных А. Ф. Керенскому в качестве будущего председателя и прокурора назывались имена омичей В. А. Колосова и Г. М. Котлярова соответственно. Оба являлись членами этого же совета, однако в письме указывалось на их чрезвычайную занятость, потому в качестве замены предлагались также член совета П. В. Вологодский и еще один томич Б. М. Ган. Видимо, на каком-то этапе обсуждения Петру Васильевичу было сделано некое предложение (об этом сообщала летом 1917 г. «Сибирская жизнь»), но он отказался. Этот отказ был также зафиксирован в упомянутом послании министру юстиции⁶⁵. Адвокатура Томска, конечно, уважавшая своего лидера П. В. Вологодского, в условиях его отказа от баллотировки тем временем поддерживала омичей В. А. Колосова и Г. М. Котлярова. Показательно, что члены Томского окружного суда также видели на посту прокурора ОСП Г. М. Котлярова, но, наперекор адвокатскому диктату, на должности главы палаты все же предпочитали судью: ими выдвигался многоопытный и авторитетный председатель Тобольского окружного суда П. Е. Маковецкий⁶⁶.

Министерство юстиции, впрочем, поступило по-своему. 8 апреля старшим председателем ОСП назначили Котляревского, а прокурорскую должность получил А. В. Витте⁶⁷. О первом, до назначения занимавшем должность председателя департамента этой же палаты, известно немного. В начале 1916 г. он даже еще не значился чиновником палаты⁶⁸, около 8 марта 1917 г. вступил в управление ею, сообщив в столицу, что судебная власть перешла

65 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 6125. Л. 1–1 об.

66 Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1917. 11 апреля. Шестидесятилетний Петр Емельянович имел более 40 лет стажа, был во главе юстиции Тобольской губернии с 1903 г., но до этого неоднократно исполнял обязанности прокурора ОСП (ГА РФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 485. Л. 1 об. — 5 об.).

67 Указы и приказы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 21.

68 Список чинам ведомства Министерства юстиции 1916 г., исправленный по 1 января. Часть II. (Губернские учреждения). Пг., 1916. С. 759–761.

в его руки после ареста В. В. Едличко и им сделано «распоряжение по округу о непрерывном отправлении дела правосудия»⁶⁹. Через два месяца Котляревский был отправлен в отпуск⁷⁰, а 14 июля назначен членом совета министра юстиции и товарищем обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената⁷¹.

В случае с назначением А. В. Витте могло произойти недопонимание. В первые дни жизни России без царя он, управляющий Новониколаевским отделением Московского народного банка, послал А. Ф. Керенскому телеграмму с просьбой пересмотреть его отстранение царскими властями от должности главы судебного ведомства Томской губернии в январе 1906 г. Витте указывал, что в этом отношении речь шла о нарушении принципа судебской несменяемости. Телеграмма заканчивалась словами: «Ныне снова готов служить делу истинного правосудия»⁷². Когда Альфонсу Васильевичу сообщили о назначении на должность прокурора ОСП, юрист написал в Министерство юстиции 29 апреля 1917 г.: «По домашним обстоятельствам я, к сожалению, лишен возможности принять предложенную должность..., а потому прошу меня от означенной должности уволить»⁷³. 3 мая увольнение состоялось⁷⁴.

А. В. Витте являлся давним товарищем П. В. Вологодского; начало их пока заочному знакомству было положено в декабре 1896 г. письмом Альфонса Васильевича с просьбой об оказании содействия по вопросу организации в Томске приюта для малолетних осужденных преступников⁷⁵. В революцию 1917 г. последний входил без занятий юридической практикой больше десяти лет, но возглавить округ ОСП безусловно заслуживал. Начальники по разным судеб-

69 РГИА. Ф. 1405. Оп. 516. Д. 154. Л. 251.

70 Приказы // Сенатские ведомости. 1917. 18 июня.

71 Указы Временного правительства // Сенатские ведомости. 1917. 28 июля.

72 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2224. Л. 208.

73 Там же. Л. 213–214.

74 Указы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 5–6. С. 76.

75 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 22–23 об.

ным должностям характеризовали его личные и профессиональные качества исключительно положительно⁷⁶. К тому же этот блестящий юрист-практик был еще и прекрасным правоведом-теоретиком. Активный сотрудник Томского юридического общества⁷⁷, член правительственной комиссии по разработке нового уголовного уложения⁷⁸, редактор официального издания «Тюремный вестник»⁷⁹, один из руководителей (член комитета) Русской группы Международного союза криминалистов⁸⁰, докладчик на девятом съезде этого союза в Санкт-Петербурге⁸¹ — вот лишь некоторые вехи деятельности выдающегося и незаслуженно забытого юриста А. В. Витте.

1905 год сделал его революционером. Вместе с П. В. Вологодским он подписался под антиправительственным проектом сибирской автономии и спасал пострадавших от царских правоохранителей накануне знаменитого октябрьского томского погрома; в дни этой бойни Альфонс Васильевич находился на волоске от расправы, а по ее итогам тогдашний председатель окружного суда пытался направить расследование преступлений по неуголному властям пути. В результате А. В. Витте оказался вне закона, преследовался охранкой, в сводках которой значился как «Тяжелый»⁸².

76 ГАИО. Ф. 245. Оп. 5. Д. 67. Л. 2–2 об.

77 См.: *Некрылов С. А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. С. 103–104, 114–115, 119.

78 ИсАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 26. Л. 7 об.

79 Имя А. В. Витте значилось в качестве редактора «Тюремного вестника» с мартовского выпуска 1899 г. по январский номер 1902 г.

80 Международный союз криминалистов. Русская группа. СПб., 1902. С. 571.

81 IX съезд Международного союза криминалистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1902. С. 13–57.

82 За два дня до погрома возле здания Томского окружного суда на Соляной площади полиция и казаки избивали митинговавших учащихся средних учебных заведений города. Чтобы прекратить насилие, Альфонс Васильевич взял под защиту молодежь и лично сопроводил в безопасное место. 20 октября 1905 г., когда погром набирал силу, А. В. Витте вышел в составе группы чиновников к погромщикам с целью уговорить отказаться от дальнейших расправ. Однако агрессивно настроен-

Итак, обоих — Альфонса Васильевича и Петра Васильевича — в 1917 г. одинаково поднимала наверх революционная волна, но только второй взялся за «кубок власти».

Начальник судебных инстанций региона

К лету 1917 г. ОСП оказалась фактически обезглавленной. Как рассказывал корреспонденту «Сибирской жизни» сам Вологодский, в начале июня министр юстиции предложил омскому совету присяжных поверенных «указать, кого бы адвокатура со своей стороны желала видеть на посту старшего председателя судебной палаты». На собраниях поверенных в Омске, Томске и Новониколаевске было решено рекомендовать Петра Васильевича⁸³. Исполнявший обязанности министра юстиции А. А. Демьянов 27 июня «изъявил согласие на назначение» вместо Котляревского П. В. Вологодского, а на следующий день в адрес томского юриста директором второго департамента Министерства юстиции адвокатом М. В. Беренштамом была отправлена телеграмма: «Министр предлагает Вам должность старшего председателя. Телеграфируйте ответ». Вологодский согласился на предложенный пост и учтиво сказал спасибо министерским руководителям «за доверие»⁸⁴.

ная толпа угрожала переговорщикам самосудом, при этом выкрикивая имя юриста. После погрома он в качестве главы юстиции региона, движимый верой в судебскую независимость, старался задать следствию беспристрастное направление, а поскольку неизбежно виновные в трагедии обнаруживались и среди представителей власти, это означало обострение отношений с государственным аппаратом. 11 января 1906 г. по повелению самого Николая II Альфонс Васильевич был уволен с запрещением впредь занимать должности в судебном ведомстве. См. подробно: *Krestiannikov E. A.* Политика, криминал и правосудие в томском погроме 1905 года // *Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique*. 2025. Vol. 66. No. 1-2. P. 236–237, 241, 246–249, 252, 258.

83 Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1917. 7 июля.

84 РГИА. Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2403. Л. 2–3, 5.

Указ об определении П. В. Вологодского старшим председателем ОСП последовал 14 июля⁸⁵, но из официального источника — телеграммы второго департамента Министерства юстиции — юрист узнал о будущем месте службы лишь спустя две недели⁸⁶. Назначение стало заметным событием в провинциальной жизни. 5 августа в томской гостинице «Россия» состоялся банкет местных поверенных по поводу намечавшегося отъезда Петра Васильевича. Мероприятие было многолюдным, в адрес отъезжавшего звучали хвалебные и благодарственные речи. В ответ новый начальник юстиции региона поблагодарил коллег, уверив их, что не собирается порывать с адвокатурой, а на новом посту будет стремиться к укреплению солидарности между судебной магистратурой, прокуратурой и адвокатами. Через пять дней в той же «России» в честь главы омского судебного округа Томское общественное собрание организовало прощальный обед, где было принято постановление повесить на стене здания, в котором размещалось собрание, портрет Вологодского⁸⁷.

Уже в первых пожеланиях успехов на новом поприще юридической деятельности звучала мысль о сложности предстоящей П. В. Вологодскому работы. Так, одним из первых поздравил старшего председателя ОСП судебный комиссар Новониколаевска А. А. Шиша, давний сослуживец по адвокатуре и ученик (под патронатом Петра Васильевича числился помощником присяжного поверенного⁸⁸). В день получения известия о назначении патрона руководителем судебного округа он написал в адресованном ему в письме: «Думаю, Вам удастся вычистить Авгиевы конюшни омской палаты, если, конечно, Вас на время покинет ваша обычная мягкость и добродушие»⁸⁹.

85 Указы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 7-8. С. 77.

86 ИсаОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 60а. Л. 11.

87 Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1917. 11, 13 августа.

88 ИсаОО. Ф. 25 Оп. 2. Д. 382. Л. 20 об.

89 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

18 августа в зале проведения уголовных процессов Томского окружного суда состоялось первое официальное выступление главы ОСП П. В. Вологодского перед судебским сообществом, где он, по сути, изложил собственную программу развития юстиции. Старший председатель палаты призвал собравшихся членов окружного суда, мировых судей, нотариусов, судебных следователей и приставов, представителей прокуратуры и адвокатуры «служить одному великому делу — делу правосудия». Вместе с тем Петр Васильевич сказал: «Я признаю громадную ответственность, с какой связано вступление мое на пост главы судебного ведомства всего обширного округа Омской судебной палаты. Вы знаете, что я не искал этой должности и неохотно ее принял, не почему-либо другому, а единственно потому, что не был уверен в своих силах, в своей способности справиться с той трудной задачей, какая выпадает на мою долю». Участникам этой встречи бывший адвокат предложил рассказать о своих нуждах и выслушал пожелания канцелярских служащих суда. Так формировался образ начальника, заботящегося о нуждах подчиненных⁹⁰.

Единомышленники из окружения Г. Н. Потанина собрались для проводов Вологодского 24 августа в помещении редакции «Сибирской жизни». Здесь зачитали приветствие редакционного комитета газеты в адрес чиновника. В нем выражалось сожаление по поводу отъезда в Омск «одного из старейших, видных и полезных общественных деятелей». «Кому неизвестно, как Вы были всегда перегружены общественной работой? Всем известно также, что бескорыстие в Вашей общественной деятельности нередко граничило с самоотвержением и личными жертвами. Это помнят томичи по выступлениям и работе Вашей и в страдные дни революции 1905 г. в Томске, и в тяжелые, ответственные дни настоящей

90 Выступление П. В. Вологодского в качестве старшего председателя судебной палаты // Сибирская жизнь. 1917. 20 августа; ИсАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 60а. Л. 11.

великой революции», — говорилось в тексте, отдававшем дань уважения Петру Васильевичу⁹¹.

Через несколько дней Вологодский покинул Томск, а 29 августа в Омске вместе с прокурором ОСП В. А. Колосовым он посетил общее собрание присяжных поверенных⁹². Еще через два дня Петр Васильевич приступил к исполнению обязанностей старшего председателя⁹³. Очередной «кубок власти» оказался не менее тяжелым — Вологодскому пришлось управлять проблемной сферой с множеством нерешенных вопросов⁹⁴, число которых с началом мировой войны, и особенно в 1917 г., увеличивалось: острее, чем раньше, ощущался кадровый дефицит, вызванный в том числе смещением неугодных новой власти судебных чиновников, вспомогательный судейский персонал устраивал забастовки, рост цен снижал реальные доходы судей; в это же время революционное правительство инициировало проведение судебных преобразований, например, устанавливая на местах административные суды⁹⁵.

Еще при В. В. Едличко обострились многие кризисные явления в юстиции региона. Так, накануне революции председатели окружных судов Западной Сибири обращались к старшему председателю ОСП с просьбами прислать кого-то на место мобилизованных сотрудников. Других чиновников, однако, найти не получалось. «В распоряжении Омской судебной палаты старших кандидатов, которых можно было бы командировать, в настоящее время просто нет», — отвечал председатель. Из-за возраставшей враждебности населения судейские работники стремились покинуть сельскую местность. Например, из шести мировых судей в Змеиногор-

91 К проводам П. В. Вологодского; ГА РФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

92 (Из газет) // Сибирская жизнь. 1917. 8 сентября.

93 ИсАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 60а. Л. 8.

94 О дореволюционной истории развития юстиции региона см.: Крестьянников Е. А. Правосудие в Западной Сибири (XIX — начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень, 2018.

95 Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. С. 196–201.

ском уезде Томской губернии работать осталось лишь двое. Быстро развивавшаяся идея «народного суда» находила воплощение в пространстве самосудов, носивших иногда крайне зверский характер⁹⁶.

П. В. Вологодский оказался деятельным руководителем. Для выяснения потребностей судебных учреждений и служащих он совершил командировки в Семипалатинскую область, Тобольскую и Алтайскую губернии, лишний раз убедившись в бедственном положении подчиненных. По его оценке, мировые судьи пребывали «в крайне тяжелом их материальном положении» и «влачили полуголодное существование». Нищета еще сильнее ударила по канцелярским служащим. Из писем А. А. Шиша Петр Васильевич знал об угрожавшей остановкой судопроизводства ситуации в Новониколаевске, где канцеляристы требовали повышения жалования, в противном случае обещали устроить забастовку и в конце концов выполнили обещание. 5 сентября председатель ОСП направил в Министерство юстиции проект увеличения штатов и окладов судебных работников Западной Сибири с ожиданием, что такое представление не станет «гласом вопиющего в пустыне»⁹⁷.

Жертвы большевистского эксперимента

Установление в Петрограде советской власти, враждебной дореволюционной системе правосудия, обозначило перспективу абсолютной безысходности. 5 декабря 1917 г. председатель Семипалатинского окружного суда Ф. К. Станкевич жаловался председателю ОСП на «небывалое еще» состояние подчиненного ему учреждения: «Медленность, с которой открываются сметные кредиты, в связи с захватом большевиками государственной власти, дает основание полагать, что кредиты на 1918 г. будут разрешены с большим опозданием, в частности, что на получение сверх сметных

96 ИсаОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 22. Л. 60–60 об., 69–72, 104–104 об.

97 Там же. Д. 317. Л. 54–54 об., 60–61, 70–74, 77–77 об.

кредитов нет надежды. Между тем как в них имеется настойчивая, срочная потребность». Глава юстиции Семипалатинской области указывал, что для изыскания средств на оплату здания судебного присутствия приходилось сдавать в аренду часть помещений суда на условиях оплаты арендатором доставкой каменного угля⁹⁸.

«Декрет о суде» Совета народных комиссаров 22 ноября 1917 г., прерывая полувековую историю развития независимых суда и судейской корпорации, предписывал «упразднить доныне существующие общие судебные установления»⁹⁹. Начинался большевистский «эксперимент» над правосудием¹⁰⁰, и отношение к нему П. В. Вологодского было самым негативным. По его мнению, большевики «объявили разрушительный поход против судов», являвшийся «лишь отдельным штрихом в деле упразднения здравого смысла», после чего «страна вступила в полосу бессудья». Воспитанный в духе Судебных уставов 1864 г., юрист не признавал классовый советский суд, казавшийся «самосудом» и грозивший правосудию «гибелью и несчастьем»¹⁰¹.

К ликвидации омских дореволюционных органов юстиции советская власть приступила 16 декабря 1917 г. Посетившие ОСП и окружной суд товарищи предъявили ноябрьский декрет и предписали служащим впредь оставаться на своих местах, продолжая работу до последующих распоряжений. В ответ последовал саботаж, выразившийся в отказе от сдачи дел, имущества и денежных средств; прозвучал призыв к персоналу покинуть рабочие места¹⁰². На сопротивлявшихся обрушилась кара советского революционного правосудия. В Омске на первом заседании местного ревтрибу-

98 Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

99 Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 124.

100 См.: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 17–25.

101 ГА РФ. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 2. Л. 17–21.

102 Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 1. Первый Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции. М., 1918. С. 20; ГА РФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 74. Л. 16.

нала 28 декабря за неподчинение рабоче-крестьянскому правительству приговаривались к лишению общественного доверия или всех избирательных прав, права выступления на митингах и собраниях несколько лиц вспомогательного судебного персонала и руководящие работники: председатель здешнего окружного суда М. А. Подгоричани-Петрович, член ОСП Н. П. Белобородов, исполнявший обязанности старшего председателя, и В. А. Колосов¹⁰³. 22 декабря 1917 г. вооруженные представители совдепов пришли закрывать Барнаульский окружной суд. Судебные инстанции Томска продержались дольше: насильственное прекращение их работы датируется 25 марта следующего года¹⁰⁴.

Руководитель юстиции Западной Сибири П. В. Вологодский оказался в стороне от переживаемой системой правосудия трагедии. Возможно, это объясняется свойственной ему осторожностью. Он ощутил на себе репрессии 20 января 1918 г., когда в его омской квартире по поручению следственной комиссии Омского революционного трибунала был проведен обыск¹⁰⁵, а сам Вологодский, как утверждает историками, на некоторое время подвергся аресту¹⁰⁶.

В целом 1917 год кардинально изменил жизнь героя статьи. После двадцатилетия адвокатской практики он побыл администратором и вернулся к работе судебного чиновника, однако на сей раз не царского, а служившего делу революции. Октябрьский переворот прервал эту деятельность, обозначив бесперспективность развития адвокатуры в стране, а значит, сделал невозможным возврат к ремеслу, в котором П. В. Вологодский когда-то весьма преуспел. В профессиональном росте юриста явно наметилась остановка. Посколь-

103 Революционный трибунал // Омский вестник. 1917. 30 декабря.

104 См.: *Крестьянников Е. А.* Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 1. С. 207; ГА РФ. Ф. Р-4369. Оп. 4. Д. 303. Л. 2–2 об.

105 ЦГИА СПб. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

106 См.: *Вульф Д. Г., Ларьков Н. С., Ляндрес С. М.* Указ. соч. С. 18; *Казакова Е. А.* Указ. соч. С. 107.

ку причина такого положения вещей крылась в политике совдепов, судьба лишний раз подталкивала стать их непримиримым врагом.

Литература

1. Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 241 с.
2. Вульф Д. Г., Ларьков Н. С., Ляндрес С. М. П. В. Вологодский и его дневник // *Вологодский П. В.* Во власти и изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918—1925 гг.). Рязань: Частный издатель П. А. Трибунский, 2006. С. 8—55.
3. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск: Издательство Томского университета, 2010. 550 с.
4. Жиякова Н. В. Журналистика города Томска (XIX — начало XX в.): становление и развитие. Томск: Издательство Томского университета, 2011. 446 с.
5. Казакова Е. А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863—1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.
6. Красильников С. А., Пыстина Л. И., Ус Л. Б., Ушакова С. Н. Интеллигенция Сибири в первой трети XX в.: статус и корпоративные ценности. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 310 с.
7. Крестьянников Е. А. К «истории человеческих жертвоприношений»: П. В. Вологодский и томский погром 1905 г. // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 472. С. 115—127.
8. Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 422. С. 113—122.
9. Крестьянников Е. А. П. В. Вологодский и присяжные поверенные в Сибири // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 152—159.

10. *Крестьянников Е. А.* П. В. Вологодский на пути к адвокатуре: окружение, интересы и деятельность юриста на начальном этапе профессиональной карьеры // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 113—118.

11. *Крестьянников Е. А.* Правосудие в Западной Сибири (XIX — начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018. 240 с.

12. *Крестьянников Е. А.* «Свободная профессия» П. В. Вологодского: адвокатские траектории томского юриста // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 78—86.

13. *Крестьянников Е. А.* Томский судья Александр Левберг: грани пособничества большевикам в начале Гражданской войны // Quaestio Rossica. Т. 9. 2021. № 1. С. 203—217.

14. *Ларьков Н. С.* «Потанинский кружок» в Сибири в 1917—1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172—181.

15. *Некрылов С. А.* Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 258 с.

16. Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX — начале XX в.: Энциклопедический словарь / под ред. М. В. Шиловского. Новосибирск: Параллель, 2019. 398 с.

17. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880—1919 гг. Т. 2: Март 1917 — май 1918 г.: в 2 ч. Ч. 1: Март — август 1917 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 416 с.

18. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: РОСС-ПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 464 с.

19. *Хаски Ю.* Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917—1939. М.: Институт государства и права РАН, 1993. 184 с.

20. *Шиловский М. В.* Первый премьер-министр Сибири // Сибирская старина. Краеведческий альманах. 1993. № 3. С. 2—4.

21. *Шиловский М. В.* Судьбы, связанные с Сибирью: биографические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 376 с.

22. *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск: Параллель, 2019. 160 с.

23. Юристы и революция: Pro et Contra / авт. и сост. С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М.: Кучково поле, 2017. 552 с.

24. *Яковенко А. В., Гахов В. Д.* Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск: Издательство «Ветер», 2012. 224 с.

25. *Krestiannikov E. A.* Политика, криминал и правосудие в томском погроме 1905 года // *Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique*. 2025. Vol. 66. No. 1-2. P. 231–260.

References

1. Buzmakova, O. G. (2004) *Sudebnaya vlast' v Sibiri v kon-tse XIX — nachale XX vv.* [Judicial Power in Siberia in the Late 19th — Early 20th Centuries]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Tomsk.

2. Drobchenko, V. A. (2010) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii (mart 1917 — noyabr' 1918 g.)* [Public and Political Life of Tomsk Province (March 1917 — November 1918)]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

3. Kazakova, E. A. (2008) *P. V. Vologodskii: lichnost' i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' (1863–1920 gg.)* [P. V. Vologodsky: Personality and Socio-Political Activity (1863–1920)]: dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Tomsk.

4. Khaski, Yu. (1993) *Rossiiskie advokaty i sovetskoe gosudarstvo. Proiskhozhdenie i razvitie sovetskoi advokatury. 1917–1939* [Russian Lawyers and the Soviet State. Origin and Development of the Soviet Advocacy. 1917–1939]. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN.

5. Krasil'nikov, S. A., Pystina, L. I., Us, L. B., Ushakova, S. N.

(2007) *Intelligentsiya Sibiri v pervoi treti XX v.: status i korporativnye tsennosti* [Intellectuals of Siberia in the First Third of the XX Century: Status and Corporate Values]. Novosibirsk: ID “Sova”.

6. Krest'yannikov, E. A. (2017) “P. V. Vologodskii i delo yuridicheskoi pomoshchi v Sibiri” [“P. V. Volgodsky and the Cause of Legal Aid in Siberia”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 422, pp. 113–122.

7. Krest'yannikov, E. A. (2017) “P. V. Vologodskii i prisyazhnye poverennye v Sibiri” [“P. V. Vologodsky and Attorneys in Siberia”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 419, pp. 152–159.

8. Krest'yannikov, E. A. (2017) “P. V. Vologodskii na puti k advokature: okruzhenie, interesy i deyatelnost' yurista na nachal'nom etape professional'noi kar'ery” [“P. V. Vologodsky on the Way to the Advocacy: the Entourage, Interests and Activities of the Lawyer at the Initial Stage of His Professional Career”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 416, pp. 113–118.

9. Krest'yannikov, E. A. (2018) “‘Svobodnaya professiya’ P. V. Vologodskogo: advokatskie traektorii tomskogo yurista” [“Free Profession’ P. V. Volgodsky: Advocacy Trajectories of the Tomsk Lawyer”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 433, pp. 78–86.

10. Krest'yannikov, E. A. (2018) *Pravosudie v Zapadnoi Sibiri (XIX — nachalo XX v.): reformy, chinovniki, uchrezhdeniya* [Justice in Western Siberia (19th — Early 20th Century): Reforms, Officials, Institutions]. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta.

11. Krest'yannikov, E. A. (2021) “K ‘istorii chelovecheskikh zhertvoprinoshenii’: P. V. Vologodskii i tomskii pogrom 1905 g.” [“To the ‘History of Human Sacrifices’: P. V. Vologodsky and the Tomsk Pogrom of 1905”], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 472, pp. 115–127.

12. Krest'yannikov, E. A. (2021) “Tomskii sud'ya Aleksandr Levberg: grani posobnichestva bol'shevikam v nachale Grazhdanskoi voiny” [“Tomsk Judge Alexander Levberg: Facets of Complicity with the Bolsheviks at the Beginning of the Civil War”], *Quaestio Rossica*, 9 (1), pp. 203–217.

13. Krestiannikov, E. A. (2025) "Politika, kriminal i pravosudie v tomskom pogrome 1905 goda" ["Politics, Crime and Justice in the Tomsk Pogrom of 1905"], *Cahiers d'histoire russe, est-européenne, caucasienne et centrasiatique*, 66 (1–2), pp. 231–260.

14. Lar'kov, N. S. (2020) "'Potaninskii kruzhok' v Sibiri v 1917–1919 gg.: ot prosvetitel'stva k khozhdeniyu vo vlast'" ["'Potanin Circle' in Siberia in 1917–1919: from Enlightenment to Going to Power"], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 456, pp. 172–181.

15. Nekrylov, S. A. (2013) *Nauchnye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyi period* [Scientific Societies in Tomsk University in the Pre-Revolutionary Period]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

16. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri v kontse XIX — nachale XX v.: Entsiklopedicheskii slovar'* [Social and Political Life of Siberia in the Late XIX — Early XX century: Encyclopedic Dictionary] (2019) / ed. by M. V. Shilovskii. Novosibirsk: Parallel'.

17. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoi gubernii v 1880–1919 gg. T. 2: Mart 1917 — mai 1918 g.: v 2 ch. Ch. 1: Mart — avgust 1917 g.* [Social and Political Life of Tomsk Province in 1880–1919. Vol. 2: March 1917 — May 1918: in 2 p. P. 1: March — August 1917] (2013) / sost. E. I. Chernyak, V. A. Drobchenko. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

18. Shilovskii, M. V. (1993) "Pervyi prem'er-ministr Sibiri" ["The First Prime Minister of Siberia"], in *Sibirskaya starina. Kraevedcheskii al'manakh*, 3, pp. 2–4.

19. Shilovskii, M. V. (2007) *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: biograficheskie ocherki* [Fates Connected with Siberia: Biographical Sketches]. Novosibirsk: ID "Sova".

20. Shilovskii, M. V. (2019) *Tomskii pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentarii, interpretatsiya* [Tomsk Pogrom of October 20–22, 1905: Chronicle, Commentary, Interpretation]. Tomsk: Parallel'.

21. Solomon, P. (2008) *Sovetskaya yustitsiya pri Staline* [Soviet Justice Under Stalin]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina.

22. Vul'f, D. G., Lar'kov, N. S., Lyandres, S. M. (2006) "P. V. Vologodskii i ego dnevnik" ["P. V. Vologodsky and His Diary"], in *Vologodskii P. V. Vo vlasti i izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [Vologodsky P. V. In power and exile: Diary of the Prime Minister of the Anti-Bolshevik Governments and Emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan': Chastnyi izdatel' P. A. Tribunskii, pp. 8–55.

23. Yakovenko, A. V., Gakhov, V. D. (2012) *Tomskie gubernatory: biobibliograficheskii ukazatel'* [Tomsk Governors: Biobibliographical Index]. Tomsk: Izdatel'stvo "Veter".

24. *Yuristy i revolyutsiya: Pro et Contra* [Jurists and Revolution: Pro et Contra] (2017) / avt. i sost. S. M. Shakhrai, K. P. Krakovskii. Moscow: Kuchkovo pole.

25. Zhilyakova, N. V. (2011) *Zhurnalistika goroda Tomska (XIX — nachalo XX v.): stanovlenie i razvitie* [Journalism of the City of Tomsk (19th — Early 20th Century): Formation and Development]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta.

Круглый стол

О методологии изучения истории права в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики»¹

Материалы

31 марта 2025 г. в Школе исторических наук Факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики» (далее — ШИН) прошел круглый стол на тему «Современная история права: методология исследований». Мероприятие было посвящено подходам к изучению истории правовых идей и институций, которые могут претендовать на статус современных, а также применимости к истории права теоретических концептов, используемых в современных социальных и гуманитарных науках. Участники последовательно отвечали на вопросы о сильных и слабых ролевых позициях историка и юриста в ходе проведения исследования в области истории права, об эффективности традиционных методов исследований и их предметной области.

Ведущими круглого стола выступили руководитель ШИН, к.и.н., доцент Г. О. Бабкова, профессор ШИН, д.и.н., д.ю.н. А. С. Туманова, профессор ШИН, д.и.н. К. А. Соловьев и доцент Департамента истории Санкт-Петербургской школы гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ, к.и.н., PhD Т. Ю. Борисова.

В дискуссии приняли участие специалисты в области исторических, юридических и философских наук: ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор Департамента политики и управления Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, д.ф.н. А. Н. Медушевский, заслуженный юрист Российской Федерации, ведущий на-

1 Обзор подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 г.

учный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права РАН, д.ю.н. С. В. Кодан, профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Факультета права НИУ ВШЭ, д.ю.н. Д. Ю. Полдников, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д.ю.н. К. П. Краковский, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н. И. И. Верняев, ведущий научный сотрудник Института региональных исторических исследований, профессор ШИН, д.и.н. Е. А. Крестьянников, профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, д.ю.н. Н. С. Нижник, научный сотрудник ШИН, PhD М. Меллина, главный редактор журнала «Закон», PhD А. Н. Верещагин, заместитель главного редактора журнала «Российская юстиция», к.ю.н. Е. А. Поворова, старший преподаватель ШИН, академический руководитель образовательной программы «История» М. С. Петрова, доцент кафедры теории и истории государства и права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), к.ю.н., к.и.н. М. Б. Аверин. В круглом столе также участвовали научный руководитель ШИН, ординарный профессор д.и.н. А. Б. Каменский, доцент ШИН, к.и.н. Е. В. Акельев, старший преподаватель ШИН к.и.н. А. О. Видничук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) к.ю.н. А. П. Сопова. Приводим краткий обзор выступлений участников.

Бабкова Г. О. — вступительное слово: Идея круглого стола, который собрал вместе представителей исторического и юридического сообществ, занимающихся вопросами истории государства и права, возникла в 2024 г. в процессе подготовки «Серовских чтений». Это мероприятие, ежегодно организуемое ШИН в память об одном из лучших знатоков истории отечественного

суда и следствия первой четверти XVIII в. — Дмитрию Олеговиче Серове.

Почему это начинание показалось нам важным? Много лет назад я принимала участие в «Кутафинских чтениях», где представляла доклад о проектах Екатерины II по обновлению уголовного права и процесса. В докладе среди прочего шла речь о проекте «Уголовного уложения» 1770-х гг. Это один из крупнейших екатерининских проектов, в котором для обозначения уголовно наказуемых деяний императрица использовала словосочетание «уголовное преступление». С точки зрения современного юридического языка это грубая терминологическая ошибка, и именно так она была воспринята коллегами-юристами, слушавшими доклад. Мне казалось важным и достаточным оперировать терминами эпохи, то есть XVIII в.; для участвовавших в чтениях правоведов первостепенной виделась современная юридическая терминология. В итоге диалога не получилось, а он очень нужен. Ведь историки могут привнести свое знание источников и исторического контекста; юристы — взгляд на норму с точки зрения современного состояния права и его терминологического аппарата.

Благодаря Анастасии Сергеевне Тумановой родилась идея круглого стола. Здесь собрались специалисты высокого уровня — историки и юристы, занимающиеся историей права или, к примеру, историей преступности XVIII–XIX вв. Круглый стол мы проведем в формате дискуссий по определенным проблемам, которые, как нам кажется, помогут найти точки соприкосновения и обозначить возможные темы и сюжеты для дальнейших исследований.

Туманова А. С.: Позволю себе несколько общих размышлений, проясняющих идею круглого стола. Мы, то есть историки и юристы, изучающие историю права, собрались здесь для диалога. Почему нам кажется важным подобный диалог?

Мир, в котором мы живем, стремительно меняется. Гуманитарное знание не стоит на месте. XX в. принес целый ряд новых

подходов. Нам, как историкам империи, близка, например, «новая имперская история». Новые пути исследований с точки зрения принятия во внимание культурных различий дает антропологический подход. Влиятельным направлением следует признать лингвистические исследования, смещающие внимание исследователя на язык и его воздействие на восприятие историком реальности. В рамках истории права актуальны концепции «правовой традиции» и «правовой культуры», правового этоса и правового дуализма. Существуют социальная история права, производная от направления «право и общество», а также культурная история права. Научный руководитель ШИН профессор А. Б. Каменский предлагает смотреть на историю права сквозь призму правовых и социальных институтов — историю суда, следствия, заниматься изучением не закона, но практик, правосудия и правоприменения. Такая традиция существует и в рамках изучения истории права юристами. Так, авторитетный правовед С. В. Кодан работает в предметных полях истории понятий, юридического источниковедения, юридической историографии, то есть расширяет пространство традиционных правовых исследований.

Магистральный вопрос нашего обсуждения мне видится следующим: должны ли исследования в области истории права включаться в методологический контекст современных социогуманитарных подходов или же нет? Так, Макс Вебер говорил мюнхенским студентам столетие назад, в 1918 г., что наука вступила в стадию специализации, какой не знали прежде, и отдельный исследователь может создать что-либо завершённое лишь при условии строжайшей специализации.

Если история права будет открыта для междисциплинарных методологических построений, то возникает вопрос: как она сможет вобрать в себя эти концепты? Может ли история права служить полем для междисциплинарных исследований?

На нашем круглом столе собрались как историки, так и юристы, у нас присутствуют два редактора крупных юридических изда-

ний. Представляется, что нам важно «инвентаризировать» наши подходы, обсудить лаборатории наших исследований. Диалог представителей двух сообществ видится крайне важным.

Давайте поговорим о том, каким должно быть сегодня историко-правовое исследование и какими мы видим его главные черты. Возможно, что в рамках разговора нам следует указать на некие исследования, которые кажутся нам пионерскими, на подходы, которые востребованы. Это могут быть исследования, оказавшие на нас влияние.

Заседание 1.

Вопросы для обсуждения: История права: это история или право? Каковы сильные и слабые ролевые позиции историка и юриста в ходе проведения историко-правового исследования?

Туманова А. С.: Первый вопрос, который мы задаем участникам круглого стола, состоит в том, как современному исследователю следует понимать историю права? Очевидно, что это междисциплинарная область. Является ли она в большей мере историей или в большей степени правом? И позвольте мне также задать производный вопрос о нашем понимании истории права, о том, какими нам видятся сильные и слабые ролевые позиции профессионального историка и профессионального юриста, занимающихся историко-правовыми исследованиями?

Петрова М. С.: Очень актуальный вопрос. Галина Олеговна [Бабкова] уже упомянула вопрос терминологии. Четыре года подряд в ходе написания бакалаврского диплома я знала, что есть исторические источники. Однако, обучаясь на магистерской программе факультета права «История, теория и философия права», я узнала и об *источниках права*. Это уже иное понятие, включающее в себя правовой обычай, нормативно-правовой акт, судебный прецедент и др. Очевидно, что существует коллизия двух дисциплинарных

полей. И вопрос терминологии здесь ключевой. Найти единое понимание сложно. Говорю из своего исследовательского опыта: есть история права и есть... история права. Консенсуса между двумя подходами достичь трудно.

Медушевский А. Н.: Вопрос поставлен очень странно. Найти единый метод для историко-правовых исследований, как мне кажется, невозможно. Это междисциплинарная область исследований, и поэтому важно понять, чем мы руководствуемся. Я решаю этот вопрос с позиции когнитивной психологии. Доминирующим направлением современного гуманитарного знания является именно психология, в особенности нейронауки, которые позволяют анализировать сам процесс познания. Когнитивные науки — когнитивная история, когнитивное правоведение — заняты вопросом, как мы конструируем реальность, как воспринимаем, перерабатываем и интерпретируем информацию. Важен интегративный взгляд на гуманитарные науки. С этих позиций можно использовать разные методы в зависимости от целей и задач исследования. Историко-правовые исследования могут быть реализованы с использованием разных подходов: исторических, правовых, социологических. Критерием научности здесь является доказательность. Мы говорим о междисциплинарной области, где есть возможность реализовать все поставленные задачи: соединить исторический метод (рассматривать эволюцию процессов во времени), юридические подходы (нормативизм и пр.), социологические, если нас интересует функционирование нормы в социальной среде, — и решать более конкретные вопросы.

Для исследований в области истории права большое значение имеют такие понятия, как преобразование и изменение права. Преобразование — скорее исторический подход, изменение права — это изменение в тексте закона, которым занимаются юристы. Переходя от преобразования к изменению правовых норм, мы можем получить ответ, почему эта норма должна была быть изменена в конкретном обществе, в конкретное время и каковы социальные

последствия этих процессов. Таким образом, соединение исторического и юридического подходов продуктивно как для анализа социальных явлений, так и для их синтеза, и позволяет осуществлять прогнозирование, если его понимать как доказательное изучение устойчивых социальных тенденций.

Верняев И. И.: Междисциплинарные границы нужно преодолевать, но не ломать. Так, я долгое время принадлежал к сообществу антропологов. А антропология за последние десятилетия прошла большой путь. Бронислав Малиновский предложил холистский взгляд — все сферы общественной жизни функционально взаимосвязаны. Схож и марксистский подход. Современная антропология исходит из относительной самостоятельности социальных доменов. Юридическая антропология долгое время была нормативистской. Затем доминирующим стал процессуалистский подход. Сейчас популярен легалистский подход: правовая сфера — относительно автономный домен. Юридические антропологи пытаются анализировать, как это делают юристы, категориальную реальность как самостоятельный ресурс. Историкам это кажется странным, поскольку здесь не учитывается контекст. Но домен права имеет собственную логику, и ее нужно понимать. Границы дисциплин надо преодолевать с уважением, не подходить к этому механически.

Кодан С. В.: Мы вышли на очень интересную проблему: у нас квартира одна, но просматриваются элементы *коммунальной* квартиры. Возникает вопрос: как делить пространство? Я считаю, что это не столько одна наука, сколько одно исследовательское пространство. Мы говорим о междисциплинарности, но она уже заложена в самой истории. Важно сохранять специфику каждой дисциплины. Говорить только об истории права недостаточно — это историко-правовая сфера общественной деятельности. А. Н. Медушевский поставил проблему проекции — что мы исследуем и для чего. Здесь перекликаются моменты предметности исследования и его методологии. Набор методов конкретного исследования,

конечно, предполагает понимание познавательного пространства. Мы иногда сгушаем краски, когда говорим о междисциплинарной разрозненности. Вопрос не только в том, как искать общее методологическое единство, — у профессиональных историков и юристов возникает проблема поиска единого языка.

Второй момент — методология, а именно система подходов. Методологическая система создает общее пространство. По долгу службы я занимаюсь рассмотрением диссертаций. Часто юристы плохо подготовлены для исторических исследований, не умеют работать с источниками. Другая проблема — это соотношение «исторические источники и источники права». Юристы говорят об источниках как о форме права. Но с точки зрения источниковедения это отдельная сфера. Основное непонимание состоит не столько в междисциплинарности, сколько в борьбе за «чистоту науки» — особенно со стороны юристов, когда считается, что использование методов других наук размывает дисциплину. Но есть проблемы, на мой взгляд, и со стороны историков. В их исследованиях просматривается серьезная непроработка политико-юридических сюжетов.

История государства и права, если ее развивать в классическом варианте, должна преодолеть дискретность, которая сложилась в советское время между дореволюционной и современной наукой, не забывая при этом, что нужно сохранять то ценное, что было накоплено в советский период историко-юридических исследований. Исследователям необходимо выходить на достаточно широкие контексты, а это не всегда происходит. Наша междисциплинарность нередко выражается в том, что мы рассматриваем государство и право как примитивные схемы. Широкий контекст был удачно представлен Б. Н. Мироновым — его «Социальная история России» включает в себя и юридический аспект. То, что мы здесь собрались для обсуждения общего пространства, — феномен времени. Нельзя изучать историю России без историко-правовых сюжетов и наоборот — историю госу-

дарства и права без современных наработок в области всеобщей и отечественной истории.

Туманова А. С.: Предмет истории права зависит еще и от того, как мы понимаем право. Применительно к праву существует несколько подходов. Право определяется как социальный институт, интегрированный в систему других институтов и зависимый от них. И право же определяется как реализованная в законе воля правителя. Второй подход, отождествляющий право с законом, предполагает, что на юридических факультетах готовят законоведов, а историк права исследуют преимущественно законодательство. На мой взгляд, это неверный подход, поскольку право не сводится к закону.

Краковский К. П.: В истории русского права произошла метаморфоза. Раньше, до 1917 г., на юрфаках существовало две фундаментальные дисциплины — римское право и история русского права, которые формировали основу юридического образования. Это было обусловлено единством Полного собрания законов Российской империи (далее — ПСЗ) и Сводом законов Российской империи (под каждой статьей Свода законов была ссылка на исторический правовой источник) и значением именно римского права как классического права для общества товаропроизводителей. Отмена «старого права» и ликвидация рынка после октября 1917 г., как и последующая ликвидация юридических факультетов с заменой их суррогатными формами — правовыми отделениями факультетов общественных наук, привели к утрате значения этих фундаментальных дисциплин. Восстановление последних в учебных планах юрфаков через десятилетия не означало восстановления их значения. Таким образом, история права пребывает сейчас в форме междисциплинарной области знаний.

Туманова А. С.: Мы стремимся к объединению сообществ — к сотрудничеству. И мы можем быть полезны друг другу. П. Ю. Уваров писал, что историки делятся на тех, кто работает с источниками и кто нет. И такая ситуация не только у историков. У правоведов,

занимающихся историей права, аналогичные проблемы. Так, существует негласное правило, что если ты занимаешься крупной темой, к примеру историей систематизации права в тот или иной период, то ты не обязан обращаться к архивным источникам — достаточно законодательных документов. Видимо, как для историка, так и для историка права обращение к архивному источнику — железная необходимость.

Полдников Д. Ю.: Предлагаю задать себе принципиальный вопрос: зачем мы занимаемся историей права? Ради самой науки или ради общества? Мы собрались здесь потому, что нам интересна история права, это наше общее пространство. Но кроме узкого научного сообщества есть более широкий мир: университет, город, страна. Если заниматься историей права ради науки, то наша цель — истина. Мы пытаемся восстановить ход событий, найти причины изучаемых явлений, то есть описать и объяснить. Но если цель историка права — работа на благо общества, то необходимо с помощью истории права формировать профессиональные компетенции историка и юриста. Общество меняется — знание тоже. Мы должны искать ответы на такие вопросы: можно ли реконструировать прошлое? Если да — что это дает современности? Сегодня история права особенно востребована. Мы находимся в условиях острого геополитического конфликта. Чтобы выстоять в нем, нужно сохранить свою коллективную идентичность, укорененную в нашем общем прошлом. И здесь историко-правовые исследования особенно важны.

Соловьев К. А.: Хочу начать с двух образов, возникших в ходе нашего обсуждения. Первый — заблудший странник в дремучем лесу: не так важно, какие методы вы используете, но если вы заблудились в лесу и все же вышли из него — значит, вы все сделали правильно. Второй — коммунальная квартира, в которой делится не только плита, но и в действительности все остальное. Сложно придумать историческое исследование, которое не было бы историей права: будь то изучение государства, власти, социальных прак-

тик, сословной дифференциации, общественной мысли. Какие бы мы практики ни взяли, мы выходим на правовые сюжеты. Это снимает проблему противопоставления: мы занимаемся общим делом, но в то же самое время мы разные, и это хорошо. У нас разный угол зрения. Ведь разные не только историки и юристы, внутри этих групп тоже много различий.

Читая диссертации, я часто вижу: это тексты из разных вселенных. Историки не всегда считают юридическую составляющую, не всегда им хватает зоркости, чтобы увидеть институты за частными случаями. Но и юристам стоит поучиться. Диссертации в области юридических наук часто отличает отсутствие элементарных навыков источниковедческого и историографического анализа. Часто в исследованиях нет ссылок на канонические тексты.

Бабкова Г. О.: В рамках разгоревшейся дискуссии хотелось бы отметить два момента. Если история права предполагает построение прогностических моделей, то вне зависимости от того, как будут эволюционировать методы, важно иметь верифицированную источниковую базу. Только она может сделать любую модель обоснованной. И в этой связи встает очень важный вопрос. Чему мы учим в рамках привычных дисциплин по истории государства и права? Содержат ли учебные материалы эту самую базу, хотя бы в самых общих чертах?

С сожалением приходится констатировать, что далеко не всегда. Приведу пример, касающийся смягчения санкций применительно к малолетним преступникам, который обычно датируется 1744 г. Его связывают с гуманистическими веяниями царствования Елизаветы Петровны, упуская из виду важнейший сущностный момент. Данный указ не имел юридической силы, поскольку так и не был введен в действие Елизаветой, хотя пять раз передавался ей на утверждение. Без подписи он фигурирует и в ПСЗ.

Этот факт подтверждает необходимость выхода за пределы легалистской и нормативистской парадигм и обращения к конкрет-

ным практикам законотворчества и правоприменения. Их можно изучать только методами источниковедения и через налаживание диалога между историками и юристами.

Туманова А. С.: Продолжу метафору коммунальной квартиры. В ней живут и историки, и юристы — и у каждого свои приборы, привычки, свои правила. В сообществе историков права, готовящих диссертационные исследования, необязательно оглядываться на историков, ссылаться на их работы, учитывать их подходы. В историческом сообществе такое тоже зачастую сохраняется. То есть получается, что наши сообщества существуют и движутся обособленно. Историки больше внимания уделяют современной социогуманитарной методологии, правоведы — существенно меньше. Они в большей степени используют традиционные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и пр. Мы говорим о развитии историко-правовых исследований в условиях разнонаправленных подходов.

Заседание 2.

Вопрос для обсуждения: Какова предметная область истории права и насколько она географически обусловлена?

Соловьев К. А.: Когда мы говорим о праве, то разговор часто уходит в понятийную сферу. Насколько можно рассуждать об общих проблемах права в разных регионах? Как обстоит дело с правом в Китае, Индии, исламском мире? Является ли право универсальной категорией?

С. В. Кодан говорил, что у юриста есть преимущество — строгий понятийный аппарат. Это преимущество или недостаток? Может быть, неясность в понятиях — это тоже своеобразный ресурс? Это позволяет проблематизировать то, что, как кажется, не нуждается в пояснении.

Медушевский А. Н.: Остановлюсь на нескольких вопросах, раскрывающих проблемную область истории и права, исходя из изме-

нений современной науки, существующей в условиях глобализации. Первый момент — определение предметной области зависит от того, что мы понимаем под правом. Единства здесь нет, существуют как минимум три школы: естественное право, понимающее право как справедливость; нормативизм, трактующий право как закон; реализм, понимающий под правом то, что судья говорит в каждом конкретном деле. Если мы конструируем историю права, то выбираем один из этих подходов. Между ними возможен синтез на метауровне, который в настоящее время представлен когнитивной лингвистикой — она показывает, что существуют разные способы говорить о праве: дескриптивный и прескриптивный. С позиции правовой науки мы конструируем разные области, в том числе разные области исследования истории права.

Второй момент — существует географическое разделение правовых школ: романо-германская, англосаксонская, социалистическая, исламская, китайская и т.д. Если принять подход, что конструирование правовых традиций зависит от целей исследования, то количество правовых цивилизаций можно трактовать по-разному.

Третий момент — чтобы добиться доказательности исследования, нужно говорить о сравнении сравнимого, и это предполагает ввод промежуточного звена и ясных критериев сопоставления. Без этого сравнение будет бессмысленным. Проблема критериев крайне важна. Сам подход к сравнению правовых явлений изменяется в связи с глобализацией. Раньше правовые традиции считались устойчивыми явлениями, теперь — конструируемыми. Например, Э. Хобсбаум ввел понятие «изобретенная традиция». Это не обращение к прошлому, а современная политическая конструкция. Возьмем вопрос: крепостное право — это традиция или ее изобретение? Сам предмет исследования определяет уровень обобщения. Таким образом, возникает вопрос: можем ли мы сравнивать абстрактные понятия?

Еще один важный момент — географический, который нуждается в пересмотре в связи с попыткой выработки универсаль-

ных стандартов права — концепцией глобального конституционализма. Существует два подхода: первый — все есть единый процесс правовых традиций, второй — процесс интеграции уступает процессу фрагментации и диверсификации. Это не только теоретическая, но и практическая проблема. Возникают конфликты между национальными судами и международными институтами. Идем ли мы к регионализации, к пересмотру Потсдамско-Ялтинской системы? Исходя из этого, важно посмотреть на предмет правовых исследований в международном контексте и в контексте автономии национально-правовых систем.

Закончить хочу определением важности концепции ментальной географии — важно не то, где живет человек, а то, кем он себя считает. Ментальная география модифицирует наше представление о предмете историко-правовых исследований и заставляет нас подумать о создании нового языка. Фундаментальное представление состоит в том, что нужно отказаться от попытки выразить особенности отдельных правовых культур понятиями, взятыми из языка правовых систем других стран. Это вопросы герменевтики, когнитивной лингвистики и вопросы диалога. В этом контексте предметом истории права является история зон встречи цивилизаций. Мы стоим перед проблемой понимания процесса культурного взаимодействия, которое должно опираться на знание истории.

Петрова М. С.: Слово «традиция» в юридическом контексте часто понимается как нечто общеобязательное, общегосударственное — как постоянное повторение. Когда мы говорим о правовой традиции, важно учитывать и повторение, и официальное толкование. Что же такое правовая традиция? Историки, как правило, остаются в рамках темпоральной парадигмы. Юристы же выходят за ее пределы и обращаются к современности.

Полдников Д. Ю.: Готовя авторский учебник по сравнительной истории зарубежного права, я выбрал его стержневым понятием правовую традицию как аналитическую модель изменений разных исторических типов права. На мой взгляд, это наиболее подходя-

щее обозначение предмета изучения. В целом история права — это осмысление его изменчивости в зависимости от социокультурного контекста эпохи и представлений самих исследователей. Универсальные аксиомы для человечества (максимы естественного разума) обнаружить крайне сложно. Основы такого понимания заложила немецкая историческая школа права XIX в.

В основе аналитической модели правовой традиции лежит функциональный подход к изучению права через его воздействие на общество. Это дает возможность описывать и сравнивать такое разное право, как римское и китайское, по основным компонентам их традиции. Нельзя представить себе традиции, во-первых, без их носителей, во-вторых, без формального выражения в источниках права, а значит, и без приемов толкования и применения норм права. Такой подход не бесспорен и подвержен критике функционализма за пренебрежение культурной спецификой разных обществ. Но именно он позволяет сориентировать будущих специалистов-правоведов на значение опыта прошлого для современности.

История права предстает социокультурным пространством, в котором раскрывается идея права в самых разных исторических типах. Право, сосуществующее с государством и без него, право устное и писанное, право позитивное и религиозно-традиционное. Изучение традиций, несомненно, позволяет описывать и объяснять устойчивое правовое многообразие мира.

Впрочем, наряду с преемственностью, изучающим историю права необходимо осмысливать и объяснять изменение традиций с помощью рецепции, правовой экспансии, аккультурации, то есть взаимовлияния правовых культур.

Меллина М.: Хочу привести пример из личного опыта. Я обучался истории права как в Италии, так и во Франции. В истории права в Италии практически отсутствует изучение XX в. У нас сильна традиция изучения римского права. Когда я учился в аспирантуре во Франции, то заметил совсем другой подход — связь истории

права с политической мыслью. Там мы изучаем не только законодательство, но и людей, которые размышляли о праве, участвовали в его создании. Почему так? Потому что существует французская традиция, идущая от Руссо, Монтескье и Вольтера.

В Италии исследование в основном ограничивается периодом до Французской революции. Это связано с тем, что итальянское государство молодое и большее внимание уделяется региональной истории права. В итоге складываются разные нарративы — государственности и региональности. И это важная разница: история права — это не только предмет для студентов. Все, что происходит в университете, связано с развитием науки и влиянием на формирование научных школ.

Курсы тоже отличаются: в Италии основной акцент делается на Средневековье и раннее Новое время (до Французской революции), во Франции — наоборот, на период после Французской революции. Формально Италия и Франция входят в одну правовую традицию, но подходы здесь разные. Все это влияет на будущих исследователей.

Возникает вопрос: что такое история права? Это история законодательства или история традиции? Само слово «традиция» звучит в научном контексте не совсем корректно. Во Франции используется другой термин — *la culture juridique*.

Соловьев К. А.: Марко Меллина, Вы говорили о европейской правовой традиции изучения истории права. А как насчет Востока? Исламского мира? России? Эти темы присутствовали в ходе вашего обучения?

Меллина М.: Нет, мы вообще ничего не знаем о России. В учебных курсах есть история права Франции и Германии, но не России. Понятие «европейская правовая традиция» — это искусственная конструкция. Национальные традиции гораздо более осмыслены. Даже в пределах одной страны, например Италии, север и юг развивались по-разному. Очень сложно говорить о чем-то едином, даже в рамках «региональных традиций».

Краковский К. П.: Что мешает формированию правовых традиций? На мой взгляд, разрывы преемственности. Мы наблюдаем обрывы правовых практик и традиций в России. Хотя создаются правовые доктрины, ориентированные на сохранение традиционных ценностей. У нас провозглашены 17 таких пунктов — ценностей (в их числе высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным и пр.), среди которых две, имеющие правовую природу. Речь о правах и свободах человека и праве на достоинство личности. Но их «традиционность» для юридического быта Отечества весьма спорна. Права и свободы человека были закреплены, как известно, в российском законодательстве только в начале XX в. В советский период права были закреплены в конституциях, но не отстаивались и не соблюдались в реальной жизни. Запад же стремится сохранять наработанные традиции.

Соловьев К. А.: Если опыт прерывается, можно ли вообще говорить о традиции? Ведь большинство традиций, о которых мы вспоминаем, на деле являются «изобретенными».

Краковский К. П.: Я бы не говорил об изобретении, скорее — о наработке. Сошлюсь на М. Ф. Владимирского-Буданова. Этот видный дореволюционный историк права выделял обычное право и право государства. В предложенной им типологии форм права поначалу превалировало первое, потом обе формы находились в равновесии, и, наконец, с XVIII в. произошло превалирование второго, то есть закон по существу вытеснил обычай. Это живая цепь развития.

Кодан С. В.: Если говорить о региональности, то мы действительно существуем в общем пространстве. Важно понимать: в каждой системе возникают свои потребности. Возникает вопрос: как традиция удерживает все, что было накоплено, и насколько допустима дискретность? Сравнивать прерванные явления можно, но только если институт имеет устойчивую социально-политическую основу. Сейчас модно искать многовековую «историю института», но это не всегда дает нужный результат. В советское время часто все отри-

цалось. Но традиция сохраняется — в том числе через личностный фактор. Научная ментальность дореволюционной школы продолжала жить. Это интересно с точки зрения формирования и функционирования традиции.

Еще один важный момент — единство терминологии. Пока не будет понятийного единства, мы не сможем продуктивно работать. Важно вырабатывать не только термины, но и понятия, а также разрабатывать вопрос адаптации этих понятий. Отсутствие общего языка — это тупиковая ветвь развития междисциплинарности.

Соловьев К. А.: Все конференции начинаются с идеи выработать общий язык и, как правило, на этом же заканчиваются. Возможно ли все-таки такой язык выработать?

Кодан С. В.: Единый язык, конечно, невозможен. Но мы можем создать единое понятийное пространство, чтобы было понятно, как рассматривать одно и то же явление в разных проекциях. Речь не о терминах, а о системе понятий и о понимании, о чем идет речь.

Борисова Т. Ю.: В чем суть беспокойства по поводу «общего языка»? Есть наука и есть не-наука. Цель научного исследования — это решение определенной задачи, которая ставится в рамках конкретной дисциплины, вклад в исследование какой-либо научной проблемы. Эти проблемы могут быть разными у правоведов, историков права и просто историков, и понимание разницы исследовательских задач — залог уважительного отношения к тому, как другие научные направления работают с правовой проблематикой. Мы подошли к очень важной теме — использованию исторических понятий о праве. Внимание к языку, терминологии и ее использованию в разных контекстах — то, что потенциально объединяет нас всех.

Туманова А. С.: Выскажусь о правовой традиции и ее преемственности. Об этом только что говорил Константин Петрович [Краковский]. Западная традиция права, как писал Гарольд

Берман в книге «Вера и закон: примирение права и религии», характеризуется преемственностью. Там существует достаточно четкое разграничение между правовыми институтами и институтами иного, неправового типа. Право — не единственный регулятор. Есть также мораль, политика. А распоряжение правовыми институтами вручается там людям, составляющим группу так называемых законников (юристов). Когда профессиональное знание привлекается к формированию традиции, это важно. Право — не метаинститут. Это только один из социальных регуляторов, наряду с другими. Мне кажется, что необходимо иметь несколько определений права: во-первых, сугубо прикладное, как юридического документа, и более широкое, исследовательское, как социального института, изменчивого в пространстве и во времени.

Заседание 3.

Вопросы для обсуждения: Насколько эффективно «работают» традиционные методы историко-правовых исследований в современных условиях? Непрерывность изучения истории права в России; преемственность дореволюционного и советского периодов.

Борисова Т. Ю.: Насколько эффективно работают «традиционные» методы? Какова непрерывность изучения права в России? Возможно, стоит начать с уточнения: что такое «традиционные методы»? Также встает вопрос: что мы понимаем под «традицией» и какова ее преемственность? Анастасия Сергеевна [Туманова] поставила важный вопрос об экспертной оценке и роли экспертного сообщества. Действительно, кто отвечает за критерии научности в историко-правовых трудах? Кто формулирует и предъявляет требования к научному исследованию? Еще один важный момент — с какого момента следует начинать рассматривать историю права в России как особую сферу научного знания?

Медушевский А. Н.: Под традиционными методами можно понимать историографический мейнстрим, академическую школу в историографии, так называемую государственную школу русской историографии. Это классическая школа с эволюционистским подходом, философской базой которой была гегелевская философия права. Эта школа сыграла большую роль в развитии исторической науки. По сути, она создала социологию русской истории, выявив ключевые факторы русской государственности.

Эта концепция работает до сих пор. Доказательства в том, что современная наука не предложила революционных решений в отношении ключевых тем: петровских реформ, реформ Александра II, столыпинской модернизации. Мы по-прежнему воспринимаем их так же, как и дореволюционные историки. Что изменилось? Нововведения касались расширения источниковой базы, уточнения фактических данных, появления новых методов. Здесь возникает вопрос о соотношении классической историографии и новых методов. Произошел отказ от эволюционизма как линейной модели (Спенсер, Маркс, Конт). XX в. показал, что история — это не одна линия развития. Возник интерес к культурной антропологии, что привело к отходу от эволюционизма. Появились новые темы: цифровые методы, трансгуманизм, права животных, гендерные вопросы, технологии, проблемы памяти и забвения, авторские и конституционные права. Таким образом, классическая наука работает, но она работает применительно к классическим проблемам, новых проблем она не объясняет, и здесь возможна комбинация методов.

Второй вопрос о преемственности — пограничный вопрос. Между дореволюционным и советским периодами — разрыв или связь? Постсоветский период вообще выпадает. Советская эпоха — это продолжение или аномалия? Если считать ее аномалией, можно вернуться к концепции государственной школы. Здесь бы я хотел говорить о концепции непрерывности, которая включает и преемственность, и разрывы. Разрыв — это не отмена

преемственности, а ее форма. Например, устойчивость таких трендов, как роль государства и церкви, природа власти. Сегодня важно говорить не только о методах, но и о постановке вопросов. Классическая историография в том числе выработала ряд ответов, актуальных для современности.

Борисова Т. Ю.: Декларируемый разрыв и реальная практика часто не совпадают. Это нам напоминает идею Алексиса де Токвиля: революция — это одновременно переворот и продолжение. Преемственность — очень важная тема. Анастасия Сергеевна, вы занимались государственной школой. Можете рассказать о ее значении?

Туманова А. С.: Когда мы поставили вопрос о традиционных методах в истории права, то имели в виду формально-юридический, сравнительно-правовой и иные методы. Но часто они используются шаблонно. Может, стоит отказаться от этого «джентльменского набора»?

Государственная школа сыграла важную роль: она предложила развернутую концепцию объяснения роли государства в истории России, взаимоотношений государства и общества и др. Между тем подходы к осмыслению исторического процесса не стоят на месте. Сегодня, например, весьма важен институциональный подход. Он позволяет изучать общество и право как сложные институциональные структуры, выявлять природу и механизмы общественных связей, встраивать социальные институты в конкретный исторический контекст культуры, традиций, представлений, в котором они существовали.

Возьмем, к примеру, юридическое образование как социальный институт. Подготовка юристов была, по сути, подготовкой государственных служащих, но в ходе этого формировалось образованное интеллектуальное сообщество. Складывались печатные издания (газеты и журналы), различные юридические ассоциации, они плотно взаимодействовали и обретали статус важных публичных институций. Эволюционировали не только законы, но и язык, логика принятия решений.

Преемственность — сложный вопрос. Соединять советский и имперский периоды трудно: разные архивные фонды и различные языки. Но для некоторых исследований это необходимо. Например, изучая формирование в России начала прошлого века институций гражданского общества, важно понять, было ли гражданское общество в советской России и являлась ли советская публика публикой? Какие стратегии использовали общественники, чтобы встроиться в советскую систему? Преемственность нужна там, где она позволяет прояснить суть явления и процесса.

Верняев И. И.: Интересно соотношение этатистской составляющей права и параллельных нормативных систем. В эволюционистской модели они противопоставляются. Но более гибкий подход применим и к имперскому, и к советскому периоду. Пример — исламское право после реформ: этатистская правовая система и религиозное право существовали параллельно. Также и с общиной. Она создавалась в значительной мере сверху, но постепенно становилась институтом общинного права, а затем — основой законодательства 1861 г. В советское время происходило то же самое. Этатизм сохранялся, но параллельно развивались ассоциации и их корпоративные нормы. Это не вытеснение одной правовой составляющей другой, а более сложная взаимосвязь.

Возьмем, к примеру, разработку Устава об управлении инородцев 1822 г. Один из родовых лидеров вводит земледелие, русскую одежду и пр., и здесь возникает конфликт с сообществом. М. М. Сперанский как генерал-губернатор Сибири должен был решать проблему. При разрешении конфликта он имел возможность ближе узнать местное общество. Устав опирался на существующие практики, адаптировался к обычному праву. До конца XIX в. система реально работала. Буряты, когда речь зашла о ее ликвидации, уже защищали эту модель.

Борисова Т. Ю.: Соглашусь, что сосуществование разных нормативных порядков — это очень важная тема.

Верещагин А. Н.: Истоки обсуждаемой проблемы — в подмене вопроса о методе вопросом об объяснительных подходах. Классические методы — историко-хронологический, проблемно-исторический и другие — никто не отменял. Но в ходе нашей дискуссии мы все больше говорили именно о парадигмах. Государственная школа — это не метод, а объяснительная парадигма. Вопрос о ее применимости — это не методологический, а историографический вопрос. Может ли историко-юридическая школа объяснить то, что было после нее? Где граница ее объяснительных возможностей?

Относительно разрыва — нужно понимать, что методология тесно связана с терминологией. Наша базовая терминология — это термин «дореволюционный». Что это значит — «дореволюционный»? Это тысяча лет, объединенных одним ярлыком. Внутри этого периода масса совершенно разных явлений. Без революции у нас не было бы даже одного слова, чтобы описать весь этот период.

Когда мы говорим о разрыве, мы на самом деле обсуждаем преемственность. Фактов много, общество большое, связи сложные. Так что же такое «разрыв»? Каков его эталон? Пока у нас нет четкого понятия «разрыва», обсуждать его — значит топтаться на месте.

Бабкова Г. О.: Вопрос о методах — это историографический вопрос. Государственную школу можно и нужно изучать вне ее собственного нарратива, то есть рассматривать в контексте историографии. И только разобравшись с этим контекстом, мы можем использовать ее понятийный аппарат.

Разрыв в методах — это историографическая лакуна. Нам важно понять, на кого ссылались советские историки? Кто формировал их представления о праве? Только так может быть дан ответ на вопрос о преемственности или разрыве в историографических подходах. В качестве примера можно обратиться к наследию Сергея Мартиновича Троицкого — классика советской историографии. Если в его фундаментальной работе «Русский абсолютизм и дворянство» заменить концепт абсолютистского государства на по-

пулярный ныне концепт современного государства, получится почти современное исследование, поскольку для Троицкого, во-первых, была важна историография дореволюционного периода, а во-вторых, он был хорошо знаком с классическими работами М. Вебера.

Государственная школа вычистила из права сюжеты, связанные с правоприменением. Право стало пониматься как норма, а не как живая правовая реальность. Зачем изучать реальность, если можно изучать поле норм? Во многом это произошло под влиянием философии истории и философии права Гегеля. В итоге, как, например, в исследованиях Б. Н. Чичерина, изучение правовых реалий превратилось в поиск доказательств правильности и состоятельности «умозрительных» (так их называл П. Н. Милюков) философских конструкций.

Мы должны идти к истории людей, которые творят право, к их мыслям, решениям, действиям. А для этого в том числе нужно заниматься историографией, чтобы понять, почему в предшествующий период вектор интереса был иным.

Кодан С. В.: Очень большая проблема в истории права — наличие дисциплин, которые развиваются очень медленно, например юридическое науковедение. Это проблема юридической историографии, ее нет в диссертациях. Это проблема недостатка методологии конкретной исследовательской деятельности. Традиционные методы — не то, что нас должно интересовать само по себе. Важно, что эти методы позволяют раскрыть. Нас должна интересовать содержательная сторона.

Другая важная проблема — преодоление разрыва, методика работы с дискретностью. Как анализировать советскую литературу по истории государства и права, которая очень специфична? Интересная методика была предложена Сергеем Сергеевичем Алексеевым. Здесь обозначена проблема, как используется дореволюционная литература. Есть немало работ советских историков, хотя и без ссылок, но фактически адаптировавших труды дореволюционных исследователей.

Последний момент — при изучении советского периода мы часто являемся заложниками классического подхода. В советское время в классическом понимании не было ни государства, ни партии. Это была очень своеобразная идеографическая партийно-государственная модель, а мы по-прежнему каким-то образом от этого уходим, не показываем, каким образом идеология и политика работали в государственно-правовом механизме. Вот эти вот вопросы, мне кажется, что мы сегодня их обозначили. И такие наши встречи необходимы.

Туманова А. С.: По моему мнению, перспективным направлением для современных исследований является социальная история права. Она ведет речь о праве как о социальном институте, о взаимном влиянии права и общества друг на друга. Социальная история права переносит акцент с традиционного для правовой истории «внешнего» изучения правовых институтов, осуществляемого через анализ норм, на исследование их функционирования в конкретном социально-культурном контексте. Она исследует разнообразные социальные явления, влияющие как на содержание закона, так и на практики правоприменения, на судебные процессы, юридические корпорации. Социальный историк права изучает три базовых элемента правовой системы: юридические элиты и механизмы их функционирования, институты, а также правовую культуру, то есть мировоззренческие установки, способы мышления и поведения элит.

Петрова М. С.: Проблема преемственности и непрерывности изучения истории права — это вопрос историографический. И он даст ответы на многие методологические вопросы. Методология — это не только формальные схемы, но и новшества, возникшие, например, после лингвистического поворота. Цифровая гуманитаристика обычно не ассоциируется с историей права. Она пришла в экономическую историю, а не к нам. Но правовая составляющая может быть предметом исследований Big Data. Существует огромное количество архивного материала, который никто

не обрабатывает. Но с помощью нейросетей, автоматического анализа, распознавания текстов — можно работать. Мы в ШИН этим занимаемся.

Например, можно начать с малого — описи архивных документов. «Прогнать» ее через нейросеть уже реально. Большие данные начинаются с малого. Есть нейросети, которые учатся расшифровывать текст. Есть лингвистические модели. Хотим мы того или нет — мы уже работаем с Big Data.

Полдников Д. Ю.: А о каких именно моделях идет речь? Какие есть результаты?

Петрова М. С.: Используются инструменты анализа текста — Python, FineReader. Например, проект по указу Екатерины II об ускорении уголовного судопроизводства: мы собрали базу данных и выставили отсечки по скорости делопроизводства. В итоге выявили, что медианный срок разбора имущественных составлял примерно около месяца. Это были не тяжкие преступления, а дела о кражах. *Получилось, что система права работала иначе, чем это представлено в историографии.* Это была гипотеза, которую решили проверить через расчеты. Ручной подсчет по датам, включая високосные годы, практически невозможен.

Верняев И. И.: Количественные методы иногда дают значимые результаты. Например, был ли эффективен пореформенный суд? Мнения разные. Мы посчитали количество гражданских дел в 1885 г. и соотнесли с численностью населения. Например, в Бессарабской губернии получилось более 30 гражданских дел на 1000 человек. Это значит — на 200 семей приходится около 30 дел в год. Это массовое явление. Причем с тенденцией к росту. Такие простые подсчеты ставят важные вопросы и помогают на них отвечать. Но готовы ли архивы к массовым оцифровкам?

Петрова М. С.: Существует, конечно, проблема высокой стоимости и затратности подобных исследований. Будут ли эти затраты окупаться? К примеру, оцифровка ревизских сказок окупается — их используют в генеалогии. В Тверском архиве уже все

сканируют и выкладывают в открытый доступ. Вопрос в грантах и финансировании.

Бабкова Г. О.: Вопрос еще в вычитке и перепроверках. Мы решаем это вручную — федеральные архивы не дают доступа к сканам. Все приходится делать вручную. И нужно помнить, что опись дела не равна самому делу. Это отдельная большая источниковедческая работа.

Краковский К. П.: Позволю себе метафору из советского фильма «Москва слезам не верит». Один из его героев сказал: «Скоро будет одно сплошное телевидение». Мы сидим, обсуждаем вопросы источниковедения, а скоро всех заменят алгоритмы и «сплошной искусственный интеллект». Воспитанное на источниковедении поколение исчезает.

Бабкова Г. О.: Согласна. *Москва слезам не верит* — абсолютно точно сказано. Без источниковедения все превращается в схоластику. Пример с Пикассо: прежде чем писать «Авиньонских девиц», он должен был научиться рисовать.

Подведение итогов

Бабкова Г. О.: У нас состоялся содержательный разговор, в ходе которого был обозначен целый ряд проблемных точек и зон соприкосновения. Общая позиция сводится к следующему:

1. Работа с понятиями — необходимо выстраивать поля взаимодействия через уточнение и согласование ключевых категорий. Один из возможных проектов — создание словаря *исторических юридических понятий*.

2. Историография — существует насущная необходимость в серьезной историографической работе. Это важнейшее поле междисциплинарного взаимодействия. Может быть, нам стоит выстроить *полный список работ*, аналогичный тому, что существует в проектах по истории понятий.

3. Источниковедение и методология — обсуждение должно касаться как традиционных, так и нетрадиционных методов. Са-

мым фундаментальным остается классическое источниковедение. Его необходимо поддерживать и распространять. Без него ни в истории, ни в истории права невозможно построение верифицируемых научных моделей.

Важно расширять источниковую базу, включая в нее новые проекты, в том числе издательские, в которых уже участвуют многие из нас. Это создаст по-настоящему надежную, проверяемую основу для будущих исследований.

Туманова А. С.: С самого начала мы ставили вопрос: возможен ли диалог между историками и юристами, занимающимися историей права? Ответ — да, диалог возможен, и сегодня он состоялся. Мы выяснили, что читаем одни и те же книги, озабочены одними и теми же процессами. Очень важно, что мы разбираемся в объяснительных схемах. Юридическая школа дала сильный импульс к концептуализации. Современные методы — история понятий, антропологический подход, цифровые инструменты — важны, и мы не должны себя ограничивать.

Всем хочется пожелать заниматься исследованиями. Не существует двух сообществ. Есть научные исследования и есть ненаучные исследования. А стандарты научности универсальны для всех.

Кодан С. В.: Мы профессионально обозначили не только точки соприкосновения, но и важнейшие проблемы, которыми стоит заниматься дальше. Важно сделать такие встречи регулярными и тематическими, и, например, посвятить следующие обсуждения истории понятий или внешней истории государства и права.

Верещагин А. Н.: Рефлексия над методологией — это зрелость науки. У нас сложилась традиция писать в научных работах раздел «Методология». Это явление советского времени. В дореволюционной науке такого не было. Сама по себе методологическая рефлексия — вещь нужная, но при этом хотелось бы видеть больше качественных исследований, наполненных фактами. Сегодня многие важные темы остаются неосвещенными. Разрыв в научной традиции столь велик, что часто неизвестны даже элементарные

вещи. Может быть, нужно просто оглядеть все поле историко-правовых исследований и посмотреть, где какие пробелы есть. Чтобы рефлексия была плодотворной, нужно думать о том, что дает нам метод и действительно ли он влияет на качество результата. Метод — не результат сам по себе, а лишь инструмент. И важно понять: приносит ли он практический результат?

Бабкова Г. О.: В защиту методологии: любой рецензируемый журнал требует методологической рамки исследования. Если мы говорим об истории науки, методология — это не теория ради теории, а способ верификации инструмента. Исследование должно быть повторяемо и объяснимо.

Нижник Н. С.: Мне удалось дистанционно прикоснуться к живой дискуссии. Большое спасибо за возможность поставить важные вопросы. Полностью поддерживаю предложение Галины Олеговны по созданию словаря юридических понятий. Ни одно современное гуманитарное исследование не может быть убедительным без количественных аргументов.

Борисова Т. Ю.: Когда читаешь литературу, обращаешь внимание: все ходят по проторенным дорожкам. Стоит чуть свернуть — и сразу ничего нет. Самое важное — ставить новые вопросы и привносить новое знание. А дальше встает вопрос: куда нести? В свой кружок? Историкам права нужно выходить из зоны комфорта привычных аудиторий специалистов.

Полдников Д. Ю.: Подобные встречи дают возможность поставить новые вопросы к источникам. Есть смысл подумать о расширении круга участников за пределы столичных научных центров и даже пригласить коллег из Китая, Индии, других регионов, чтобы расширить методологическую рефлексию до глобального контекста.

Аверин М. Б.: Если посмотреть работы юристов в порядке самокритики, то можно встретить специфику особого рода. Берется материал без ссылок у дореволюционных юристов или у историков, не историков права. Почему-то считается, что, если есть

работы по истории по данной тематике, нужно еще обязательно сделать работу по истории права. Такое исследование будет базироваться на работах по истории, но на них нужно сделать поменьше ссылок и добавить побольше юридической догматики. Но вот в чем проблема: если так подходить к исследованию, не зная источников, — а нас, историков права, не учат источниковедению, — тогда возникает вопрос: как можно дать правильную юридическую оценку, если исследователь не владеет источниками, воспринимая их с чужих слов? С другой стороны, историки не владеют юридической догматикой. В таком случае возникают разнообразные перлы, например «думская монархия» вместо монархии дуалистической. Эти проблемы необходимо преодолевать.

Соловьев К. А.: Замечательно, что мы начали говорить и не договорили. Это лучший признак того, что есть, что обсуждать, и наш разговор получился по-настоящему живой и интересный. Ошибочно думать, что все источники по истории права давно освоены. Отнюдь. Мы не все прочитали. Корпус источников XIX в. чрезвычайно изменчив. Огромное количество материалов так и не введено в научный оборот, многое по-настоящему не исследовано. А вопрос методологии — это всегда вопрос чтения текста. Нас, обсуждающих все эти вопросы, пока не так много. Но помните слова Вершинина из чеховских «Трех сестер»? «Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собой разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы..., но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной...».

Обзор круглого стола составлен Г. О. Бабковой, А. С. Тумановой, Т. В. Кроз.

Бабкова Галина Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, руководитель Школы исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

gbabkova@hse.ru

Кроз Татьяна Владимировна, магистрант программы «История современного мира», Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

tvkroz@edu.hse.ru

Туманова Анастасия Сергеевна, доктор исторических и юридических наук, профессор, Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

atumanova@hse.ru

Марина Ленчиненко

Libri theologici в библиотеке Муравьевых: к характеристике богословских интересов русского дворянства

Ленчиненко Марина Владиславовна, заведующий Сектором частных собраний Отдела редких книг и рукописей, Научная библиотека Московского государственного университета.

lenchmar@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению чтения богословской литературы в домашней библиотеке семьи Муравьевых: Муравьева Михаила Никитича (1757–1807), поэта, одного из воспитателей великих князей Александра и Константина, первого попечителя Московского университета, и его сына — декабриста Никиты Муравьева (1795–1843). Предпринята попытка проследить, как отличалось чтение «отцов и детей», в чем разница в обращении к данной литературе у столь незаурядных людей разных поколений: екатерининского дворянина и молодого офицера поколения первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Муравьев М. Н., Муравьев Никита, богословская литература, маргиналии, декабристы, дворянская библиотека.

Libri Theologici in the Muravyov Library: on Russian Nobility Theological Interest Characteristics

Lenchinenko Manina Vladislavovna, Head of Private Collections Sector at Rare Books and Manuscripts, Scientific Library of Moscow State University.

lenchmar@rambler.ru

Abstract: The article presents the findings of the research that deals with theological literature reading practices at the home library of the Muravyov family: Mikhail Nikitich Muravyov (1757–1807), a poet, one of the tutors of the Grand Dukes Alexander and Konstantin, the first trustee of Moscow University, and his son, the Decembrist Nikita Muravyov (1795–1843). The author attempts to trace back and distinguish reading patterns of “fathers and sons” and analyze the difference in the attitude to this literature that were characteristic to such extraordinary people: a nobleman of the time of Catherine the Great and a young officer that belonged to the generation of the first quarter of the 19th century.

Keywords: Mouravyov M. N., Mouravyov Nikita, theological literature, marginalia, Decembrists, noble book collections.

Обращаясь к составу богословской литературы в домашней библиотеке Муравьевых¹, невольно испытываешь некоторое недоумение от количества иностранных книг: их существенно больше, чем отечественных православных изданий. Подобная диспропорция, без сомнения, вписывается в мощный социокультурный процесс секуляризации, набравший силу во второй половине XVIII в., однако заставляет задуматься о характере религиозности образованных слоев русского общества второй половины XVIII — первой четверти XIX в. и изменениях, которые могли произойти в этом отношении при переходе от одного поколения к другому.

Насколько отличалось обращение к богословской литературе просвещенного дворянина екатерининского времени, каким, несомненно, являлся поэт, учитель великих князей Михаил Муравьев (1757—1807), от чтения этой же литературы следующим поколением молодых бунтарей, к которым принадлежал его сын Никита Муравьев (1795—1843), один из идеологов будущего так называемого Северного общества декабристов, автор Конституции?

Судить о чтении богословской литературы можно не только по сохранившемуся составу книг, но прежде всего по маргиналиям, оставленным на страницах изданий. Характер такого вида источников, который относится к разряду автокоммуникативных, наиболее аутентичен личности, поскольку не предусматривает никакого стороннего наблюдателя и обращен только к тексту и собственным мыслям и чувствам владельцев книг.

Однако фиксирование помет сопряжено с рядом трудностей, поскольку не всегда удастся определить, кому принадле-

1 Комплекс богословских книг был сформирован каталогизаторами библиотеки Московского университета в середине XIX в. (владельческая расстановка книг нигде не зафиксирована). Мы приняли их подход, хотя и с некоторыми оговорками. Например, они включили в полемическое богословие «Письма» Паскаля (*Pascal B. Les provinciales ou Lettres de Louis de Montalte*. Т. 1—2. Paris, 1815), которые мы бы сегодня отнесли к разделу «Философия».

жали те или иные пометы. Книги Муравьевых с 1844 г. хранятся в стенах учебной библиотеки Московского университета, и за это время количество разного рода помет заметно пополнилось. Так, четырехтомное цюрихское издание Ветхого Завета 1730—1732 гг.² несет на себе множество подчеркиваний и немного комментариев на полях. Характер этих комментариев очевиден: их автор сравнивал греческий текст «Александрийского кодекса» с церковнославянским переводом Ветхого Завета в составе Елизаветинской Библии³. Поскольку тома Ветхого Завета отмечены суперэкслибрисом Никиты Муравьева, то велик соблазн приписать эту работу с текстом именно ему, тем более что карандаш, которым делались пометы, был остро заточен и разбивка на листы, соответствующая русскому изданию, была аккуратно зафиксирована, что весьма характерно для Никиты — человека военного, занимавшегося топографией. Однако пометы на полях со ссылками на К. Тишендорфа (1815—1874), протестантского богослова, который в свое время обнаружил и привез в Петербург Синайский кодекс Библии, а также на католического богослова И. Г. Рейнкенса (1821—1896), заставили нас отказаться от этой мысли, поскольку их труды начали активно публиковаться в Европе уже после смерти Никиты Муравьева, последовавшей в 1843 г. По-видимому, указанные пометы принадлежат кому-то из профессоров университета.

Необходимо также отметить, что комплекс книг, который мы определяем как «Библиотека Муравьевых», был выделен из семейного книжного собрания Екатериной Федоровной Муравьевой, женой Михаила Никитича Муравьева и матерью Никиты, когда она в 1844 г. решила преподнести этот дар Московскому университету, передав издания, вышедшие до 1825 г. включительно. Лишь два из-

2 Vetus Testamentum ex versione Septuaginta interpretum olim ad codicis ms. Alexandrini... / a Joanne Ernesto Grabe... Tiguri Helvetiorum, 1730—1732.

3 Библия, сиречь книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1751.

дания выходят за эту временную черту: «Историческое рассуждение о постах православной, восточной католической церкви» 1837 г. и книга 1826 г. о женском здоровье на французском языке⁴. Естественно предположить, что этот отбор был совершен с учетом того, что старший сын, Никита Муравьев, продолжал находиться в статусе государственного преступника. Экземпляры книг, на которых в свое время он делал черновые наброски к проекту Конституции, остались в доме⁵. Путем отбора книг этому собранию была придана некая «благонамеренность». Отметим, однако, что и в переданной библиотеке было немало изданий с пометами будущего декабриста. Вероятно, какая-то часть книг богословского содержания, собранная в свое время мужем и сыном, которую мы бы ожидали увидеть в переданном университету собрании, осталась в доме Екатерины Федоровны. Не исключено, что существовал и значительный пласт православной литературы, в том числе и собранный самой Екатериной Федоровной, который Муравьева оставила себе, тем более что в доме подрастали внуки, дочери Никиты. Это значит, что выводы о характере богословских интересов владельцев данного книжного собрания следует делать с известной осторожностью.

Итак, 6% от общего числа названий, хранящихся на сегодняшний день в библиотеке Муравьевых (118 от 2060), — это богословие, из них 35 книг на русском языке. Отмечается явное преобладание книг на латыни — 50 сочинений, 9 — на немецком языке, 6 — на французском и 4 — на английском.

Состав этой литературы можно разделить на несколько частей:

I. В собрании насчитывается 11 изданий *текстов Св. Писания*, из них 6 — на греческом языке, 2 — на церковнославянском, по од-

4 Алексий (Соловьев). Историческое рассуждение о постах православной, восточной, католической церкви. М., 1837; *Heimann H.* Avis aux dames ou Recherches sur les causes de l'affaiblissement de leur santé et sur les moyens d'y remédier ... Moscou, 1826.

5 Многие из этих книг поступили в 1929 г. в РГБ. См.: *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Т. 49. М., 1990. С. 8.

ному изданию на русском, латинском и английском языках. Два греческих издания относятся к XVI в., остальные — к XVII и XVIII вв. Явное преобладание текстов Библии на греческом языке можно воспринимать как следование заветам М. В. Ломоносова, чей талант Михаил Никитич Муравьев высоко ценил и многие взгляды которого разделял. В том числе мнение о том, что богатство русского языка «больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия Божия»⁶.

II. 28 изданий, *помогающих в изучении Библии*, из них только 3 русских издания — это «Церковный словарь...» протоиерея московского Архангельского собора Петра Алексеева и Дополнение к нему⁷, «Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия...» митрополита Филарета⁸. Иностранные издания представлены главным образом немецкими авторами, и не только богословами, но также филологами и историками. Это комментарии на отдельные книги Библии, критические разборы относительно достоверности, целостности текстов, правила их толкования, то есть герменевтика, лексиконы, отдельные темы (например, зоология в библейских текстах). Из них 9 немецких и голландских изданий XVI в.

III. *Богослужебная литература* представлена 12 изданиями, из них 5 нотных богослужебных русских книг (два Обихода, Окто-

6 Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 585.

7 Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений словенских древних, також иноязычных без перевода положенных в священном писании и других церковных книгах. [М.], 1773; Алексеев П. А. Дополнение к церковному словарю... [М.], 1776.

8 Филарет (Дроздов). Записки, руководствующие к основательному разумению книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие. Ч. 1-3. 2-е изд., испр. СПб., 1819.

их, Ирмологион и Праздники), издание Н. З. Хитрово⁹, «Евангелия чтомая во святой и великий четверток и пяток»¹⁰, страницы которой закапаны воском, службы Димитрию Ростовскому, Стефану Пермскому и акафист Иоанну Богослову. Сюда же входит издание «Missale Romanum», включающее декреты Тридентского собора и нотную запись католической литургии¹¹, а также венецианское издание богородичных католических служб¹².

IV. *Учебная богословская литература* составлена из текстов отцов церкви и проповедников XVIII–XIX вв., решений соборов католической церкви, катехизисов, литературы для детей и т. п. Количественная характеристика распределилась следующим образом: 18 русских книг (в том числе переводных) и 35 иностранных, среди которых преобладают немецкие и голландские издания, но есть также книги на польском и латышском языках. Нравственное богословие представлено 5 иностранными и 2 русскими изданиями.

V. *Полемическое богословие* включает не только борьбу с безбожниками и инаковерующими, но и споры внутри западной христианской церкви, из которых 3 книги напечатаны в защиту авторитета папы римского. Всего таких изданий насчитывается 11. Православная полемика обозначена всего двумя московскими изданиями одного и того же перевода «Истинного благочестия...» Гуго Гроция¹³.

9 Хитрово Н. З. Показатель в какие дни, какое должно читать святое Евангелие, для занимающихся чтением святого Евангелия на русском наречии. М., 1820.

10 Библия. Новый Завет. Евангелия чтомая во святой и великий четверток и пяток. [М.], 1794, XI.

11 Missale Romanum: ex decreto Sacrosancti Concilii Tridentini restitutum, S. Pii Pontif. Maximi jussu editum, Clementis VIII. et Urbani VIII. auctoritate recognitum, in quo missae novissimae sanctorum accurate sunt dispositae. Campidonae, 1823.

12 Officium Beatae Mariae Virginis, S. Pii V pontificis maximi jussu editum, et Urbano VIII. Venetiis, 1720.

13 Гроций Г. Истинное благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и махометан. [М.], 1768; Гроций Г. Истинное

Отметим, что в 1798 г. Михаил Никитич Муравьев начал составлять опись своих книг (это была вторая его попытка). И в ней наблюдается практически тоже соотношение — 5% от общего количества книг (18 названий из 361). Репертуар: одно издание Библии, две Псалтыри, Часослов, «Беседы» Иоанна Златоуста и Макария Египетского, отдельные службы. Учебная литература представлена книгой (перевод с немецкого) Я. Ф. Феддерсена¹⁴. Это единственный пример житийной литературы, которая в православной традиции всегда рассматривалась как важный воспитательный компонент (к 1798 г. маленькому Никите шел третий год). В нашем собрании эта книга не сохранилась. Агиография вообще представлена лишь житием Стефана Пермского (в составе конволюта)¹⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что книги раздела «Богословие» намного реже несут на себе владельческие признаки, чем книги других разделов, в которых собраны античная литература, история, учебная, военная литература и т. п. Никита Муравьев отметил суперэкслибрисом «НМ» всего 3 издания. Это «Слова и речи...» Феофана Прокоповича¹⁶, Ветхий Завет, о котором упоминалось выше, и Греко-английский лексикон¹⁷. От отца помеченной осталась только одна книга¹⁸, входившая в состав учебной литературы, по которой обучались одновременно и философии,

благочестие христианское доказано против безбожников, язычников, жидов и махометан. М., 1801.

14 Феддерсен Я. Ф. Житие Иисуса Христа, сочиненное для детей Иаковым Фридериком Феддерсеном. СПб., 1785.

15 Алексеев И. П. Служба с акафистом и житие Стефана епископа Пермского. М., 1799.

16 Феофан (Прокопович). Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новгорода... Слова и речи поучительныя, похвальные и поздравительныя собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя. Ч. 1-4. СПб., 1760–1774.

17 Parkhurst J. A. Greek and English lexicon to the New Testament... London, 1817.

18 Hoffman J. A. Zwey Bucher von der Zufriedenheit nach den Gruden der Vernunft und des Glaubens. Hamburg, 1760.

и немецкому языку гимназисты при Московском университете¹⁹. Сохранились изрисованные форзацы с именами ее владельцев: «*Благородный ученик Александр Заборовский*», Сергей Кузьмин, Михаил Муравьев, латинские палиндромы с ошибками: «*Roma tibi subito motibus ibit amor*» (дословно: «Рим, тебе внезапно порывами пойдет любовь»). Но это все детские игры, хотя, возможно, Михаил Никитич использовал книгу, занимаясь домашним образованием старшего сына Никиты.

На книгах XVI–XVII вв. много владельческих записей, но они принадлежат их бывшим владельцам и содержат важную информацию о цене книги, времени и месте ее приобретения, а также многочисленные пометы в текстах. Однако просмотр этих помет позволяет утверждать, что новых владельцев, то есть Муравьевых, тексты этих книг мало волновали. Возникает ощущение, что такие издания представляли иной интерес, возможно, библиофильский, когда книга привлекательна именно временем выхода (у Муравьевых более 70 названий книг XVI в., треть их них — богословская) или переплетом, который превращает том в артефакт культуры Северного Возрождения и Реформации. Например, толкование Лютером Книги Бытия²⁰ заключено в переплет с условными портретами Вергилия и Цицерона; конволют из восьми изданий²¹, пять из которых богословские, — в переплете с изображениями Мартина Лютера, Филиппа Меланхтона, Эразма Роттердамского, Яна Гуса. Неожиданно среди этих текстов на вpletенном чистом листе обнаруживаем начало молитвы некоего раба грешного. При этом запись не только на церковнославянском, но и выполнена с некоторой имитацией кирилличес-

19 Способ учения. [М., 1771.] Л. [3].

20 *Luther M.* In I. Lib. Mose Enarrationes Reverendi Patris D. D. Martini Lutheri. Francofurti, 1545.

21 *Kirchner T.* Oratio in funere D. D. Elizabethae Electorissae Rhēni Palatinae... Heydelbergae, 1582.

ского шрифта²². Скорее всего, она принадлежит кому-то из семьи Муравьевых.

Обращение к частным библиотекам других владельцев второй половины XVIII — начала XIX в. (например, кн. М. М. Щербатова²³ или сына Екатерины II А. Г. Бобринского²⁴, семьи Тургеневых²⁵, чье собрание далеко не полностью представлено сегодня на полках университетской библиотеки) показывает, что они также активно наполнялись иностранными лексиконами, философскими трактатами по богословию, журналами для священнослужителей и т. п., то есть литературой, необходимой для понимания библейских текстов при самостоятельном их изучении. Но это же сопоставление показывает, что отличие библиотек по составу определяется не только взглядами владельца, но и его социальной принадлежностью. Для аристократических библиотек характерны большие (в количественном отношении) собрания, что, естественно, определялось доходами семейства (собрание Юсуповых — около 30 тыс., книг; М. М. Щербатова — 15 тыс. томов и т. д.). Вероятно, и анализировать их сложнее, потому что приобреталось не только то, что было необходимо для чтения, но и то, что могло когда-нибудь заинтересовать или просто для пополнения коллекции. По-видимому, библиотеки «дворянской служилой интеллигенции» точнее

- 22 Начало третьей молитвы ко Пресвятому Духу: «Господи, Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, умилюсердися и помилуй мя грешного раба Твоего, и отпусти ми...».
- 23 Berelowitch W. La bibliothèque en langues occidentales de Michail Chtcherbatov: premières approches // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières / отв. ред. С. Я. Карп. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II = Espace culturel de l'Europe à l'époque de Catherine II. М., 2006. С. 282–283.
- 24 Петина Л. Собрание книг графа А. Г. Бобринского в замке Оберпален: Из истории поместных библиотек Эстонии XVIII века // Альманах библиофила. Вып. 29. М., 2005. С. 27.
- 25 На сегодняшний день выявлена лишь незначительная часть книг семейного собрания Тургеневых, купленных в свое время у А. И. Тургенева. При дальнейшем описании книги были «распылены» в общем фонде библиотеки Московского университета.

соответствуют непосредственным интересам владельцев. По-разному в таких собраниях представлено и богословие.

Так, в библиотеке М. М. Щербатова богословская литература на иностранных языках составляет 5% и представлена в основном справочной литературой. В русской же части его собрания, судя по описи 1791 г., богословие занимает второе место²⁶. В библиотеке князя было несколько изданий Библии, Псалтыри, Пролога, Миней четых, а также различные издания житийной и святоотеческой литературы. Имелись в его библиотеке и труды крупнейших церковных писателей XVIII в.: Феофана Прокоповича, Дмитрия Ростовского, Платона (Левшина)²⁷. Очевидно, их наличие можно рассматривать как дань русской культуре. Реальная жизнь требовала от аристократии соблюдения традиций, в том числе в вопросах воспитания. Один из таких примеров — воспитание сирот Голицыных. В плане образования, составленном для них опекунами А. М. Голицыным и Н. Б. Юсуповым, на первом месте стоят церковнославянский язык и Закон Божий; эти уроки должны быть подкреплены посещениями церкви и исполнением религиозных обрядов, то есть в основе своей образование остается вполне традиционным, верным допетровским обычаям²⁸. Соответственно это требовало наличия в библиотеке определенного количества русских православных изданий.

На этом фоне показательно собрание Муравьевых, где православная литература представлена скудно. Можно предположить, что она не дошла до нас, как не доходят самые читаемые книги в силу их физического состояния. Но можно предположить и дру-

26 Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. Вып. 3. М., 2000. С. 121.

27 Там же. С. 122.

28 К такому выводу приходит в своих исследованиях В. Берелович; см.: Берелович В. Образовательные стратегии русских аристократов: Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 325.

гое. В этой семье особой надобности в православной литературе для чтения не испытывали. Это объясняется системой взглядов главы семьи — Михаила Никитича Муравьева. Его юношеские этические представления формировались в пору сближения с Н. И. Новиковым, в кружке которого развивались идеи самопознания и самосовершенствования. Пройдя эту школу нравственного воспитания, в дальнейшем он не участвовал в масонской деятельности²⁹. В Словаре А. И. Серкова о русском масонстве против фамилии Муравьева стоит знак вопроса: это означает его кандидатство в посвящение, но отсутствие данных о вступлении в масонскую ложу³⁰. Библиотека также свидетельствует о весьма сдержанном отношении владельца к масонству. В описях можно обнаружить художественную и нравоучительную литературу, почитаемую в масонских кругах: «Басни и рассказы» Христиана Геллерта³¹, сочинения Э. Рамзея «Новая Киропедия»³² и «История виконта де Тюренна»³³, тексты Ф. Фенелона «Зрелище природы о существе Божиим»³⁴, «Странствования Телемака»³⁵ и «О воспитании девиц»³⁶, «Галантерейную лавку» Р. Додсли³⁷ и его же «Учитель, или Общая система

- 29 Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 129.
- 30 Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 565.
- 31 C. F. Gellert's sämtliche Fabeln und Erzählungen: in drey Büchern. Leipzig, 1795.
- 32 Ramsay A. M. A New Cyropaedia; Or The Travels Of Cyrus. Edinburgh, [1727].
- 33 Ramsay A. M. Histoire du Vicomte de Turenne, Maréchal Général des Armées du Roi. T. 1–4. Paris, 1773.
- 34 Зрелище природы о существе Божиим, Взятое из сочинения г. Фенелона. [М.], 1766.
- 35 Фенелон Ф. Похождение Телемака, сына Улиссова... См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. Т. 3. М., 1966. № 7356, 7708–7710, 7712–7715.
- 36 Фенелон Ф. О воспитании девиц... СПб., 1763.
- 37 Додсли Р. Галантерейная лавка: Комедия. [СПб.], 1799.

воспитания...» на немецком³⁸ (с владельческой записью Михаила Никитича 1769 г.), «Инки» и «Велизарий» Мармонтеля³⁹, христианский эпос Ф. Г. Клопштока «Messias»⁴⁰, два экземпляра «Отрывков из сочинений г. Эккартсгаузена»⁴¹ в переводе А. Ф. Лабзина и некоторых других авторов, которых брали на вооружение в своих нравственных поисках масоны. Однако присутствие литературы, непосредственно касающейся их деятельности, или апологетических сочинений ни в самой библиотеке, ни в ее описях не прослеживается. Это резко контрастирует с собранием семьи Тургеневых, опись которой 1831 г. выявляет целый пласт литературы, позволяющий без каких-либо натяжек называть это собрание масонской библиотекой⁴².

Исследователи творчества Михаила Никитича Муравьева находят серьезные расхождения его взглядов, как и у большинства писателей-сентименталистов, с программными положениями масонов⁴³. Однако масонской установке на необходимость «успевать и упражняться в добродетели», чтобы возродить в себе «внутреннего человека», поэт и просветитель следовал всю свою жизнь и, судя по единодушным восторженным отзывам его современников, много в этом преуспел. Он, как и большинство его единомыш-

38 Dodsley R. Der Lehrmeister oder ein allgemeines System der Erziehung... Т. 1-2. Leipzig: Heinsiusf, 1765–1767.

39 Мармонтель Ж. Ф. Инки, или Разрушение Перуанской империи... [М.], 1778; Мармонтель Ж. Ф. Велизер. [М.], 1768.

40 В библиотеке сохранились два издания его сочинений: Klopstock F. G. Der Messia. Wien, 1775; Klopstock F. G. Werke. Vol. 3. Messias. Bd. 1–4. Leipzig, 1799–1800.

41 Эккартсгаузен К. Отрывки из сочинений г. Эккартсгаузена. СПб., 1803.

42 Опись зафиксировала 79 названий, из которых на полках сейчас находится 64. Работа с этой библиотекой позволила существенно расширить репертуар авторов и произведений, воспринятых русской культурной традицией. (Данильян И. В. Масонская библиотека И. П. Тургенева (опыт реконструкции по описи 1831 г.). // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов библиотеки Московского университета. М., 1997. С. 81–101).

43 Кочеткова Н. Д. Указ. соч.; Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 7.

ленников, исповедовал серьезные эстетические взгляды, разделяя идею единства доброго и прекрасного⁴⁴. Но иногда влияние эстетического начала перевешивало. Так, в письме к отцу накануне собственного дня рождения (Муравьеву исполнялось 20 лет), собираясь в церковь, он размышлял: «Где я буду у обедни? И этот вопрос важен. Вознесенская не нравится мне своей архитектурой. Подворье Псковское далеко. Быть у Вознесенья, ежели не в полковой»⁴⁵.

Чуждость Муравьева взглядам масонов, их отказ от «умствований» во имя веры во многом определили его уход от бывших наставников — Н. И. Новикова и М. М. Хераскова⁴⁶. Он не участвовал в новиковском Дружеском ученом обществе, хотя первоначальная программа общества не могла не импонировать его взглядам: распространение просвещения путем печатания полезных книг (что требовало их перевода на русский язык — работа, всегда интересовавшая Михаила Никитича), привлечение иностранных учителей и воспитание собственных российских просветителей (то, чем с таким успехом Муравьев будет заниматься на посту попечителя Московского университета с 1803 по 1807 г.) и т. п. Но в Собрании, старающемся о переводе иностранных книг, он выбрал для перевода на русский язык «Тускуланские беседы» Цицерона, над которыми трудился уже в 1776 г.⁴⁷ Весьма показателен выбор именно этой книги. Она вполне соответствовала взглядам масонов: не бояться смерти, облегчать телесную боль, искать утешения в душевной скорби, бороться со страстями и, наконец, воспринимать добродетель как единственный источник счастья. Примечательно, что перевод так и остался незавершенным, но в библиотеке сохра-

44 Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 125).

45 Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 303.

46 Кулакова Л. И. Указ. соч. С. 7.

47 Письма русских писателей... С. 374; Семенников В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. СПб., 1913. С. 87; Ленчиненко М. В., Любжин А. И. Михаил Никитич Муравьев в работе над «Тускуланскими беседами» Цицерона // Труды Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 3. М., 2017. С. 162–331.

нилось издание философских трудов Цицерона с многочисленными следами начатой работы⁴⁸.

Сейчас в библиотеке хранится 10 различных изданий произведений Цицерона — от собраний сочинений до отдельных работ, — и только об одном из них мы можем с точностью сказать, что оно не могло принадлежать Михаилу Никитичу, поскольку вышло после его смерти: это трактат «De re publica»⁴⁹ — характерное приобретение его сына, правда, так и оставшееся с неразрезанными листами. Среди изданий западного богословия можно обнаружить книги авторов, оказавшихся в сфере влияния Цицерона. Это сочинения творившего в III в. Лактанция⁵⁰ (пометы на книге отсутствуют). Его называли «христианским Цицероном», поскольку он подражал его стилю, а также заимствовал много материалов из его сочинений⁵¹. Это и надгробные речи знаменитого французского проповедника, историка и богослова Ж. Боссюэ, составленные по образцу Цицероновой «Ротреяна»⁵² (книга без помет, но кто-то загнул уголок с. 205 с текстом речи на смерть Генриэтты Марии Английской, где оратор высказывает суждение об английской революции).

Такой подбор литературы в библиотеке Муравьевых не случаен. Развитие идей или их черпание из античных источников в различных сферах, особенно в литературе, глубоко волновали Михаила Никитича Муравьева. Античная культура для него, да и для всех русских сентименталистов, «сделалась ... тем, чем натура была

48 Cicero M. T. Marci Tullii Ciceronis De Philosophia... P. 1—2. Lugdvni, 1562.

49 Cicero M. T. De re publica quae supersunt M. Tulli Ciceronis. Ex primaria editione Angeli Maii de Ciceron. Paris, 1823.

50 Lactantius L. C. F. Lucii Caecilii Lactantii Firmiani Opera Omnia. Gottinae, 1736.

51 Зелинский Ф. Ф. Цицерон в истории европейской культуры // Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. Т. 4. М., 1995. С. 28—29.

52 Bossuet J. B. Recueil des oraisons funèbres prononcées par messire Jacques-Bénigne Bossue... Paris, 1774.

для древних»⁵³. Стремление к античному первоисточнику было свойственно ему всегда. Обращаясь к его письмам, когда их автору было 20 лет, мы видим четко выраженные приоритеты между античными философами и французскими просветителями: «Я у дядюшки будучи, читал “Персидские письма” г. Монтескье. Прекрасные, но философа осьмого на десять века. А то тогда ж читал я дядюшке первый разговор Сократов о бессмертии души, в день его смерти, что в “Утреннем свете”. Нет ничего божественнее»⁵⁴.

Не менее характерно прочтение молодым Муравьевым 4-й эклоги Вергилия. Его не интересует толкование буколики, которая со времени Средневековья стала восприниматься как еще одно, помимо ветхозаветного, пророчество о явлении Христа, исходящее теперь уже из Древнего Рима. Для Муравьева это всего лишь ожидание римлянами рождения младенца в доме Октавиана (или Антония), которое принесет конец гражданским войнам и всеобщее благоденствие. Поэтому он отслеживает, как поэты, используя приемы Вергилия, чествуют рождение детей в царствующих домах в современном ему XVIII в. Поля буколики покрыты цитатами из оды Ж.-Б. Руссо на день рождения герцога Бретонского, и как вывод сделана запись: «Знаменитейший Руссо много извлек из этой эклоги в своей Оды...». Скрытые цитаты из 4-й буколики Вергилия он выявляет и у М. В. Ломоносова в оде на рождение будущего императора Павла I⁵⁵.

Судя по читательскому интересу молодого Михаила Никитича, решение религиозно-философских вопросов он искал за пределами богословских текстов, что еще раз подтверждает

53 Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 93.

54 Письма русских писателей... С. 313.

55 *Vergilius, Publius Maro*. P. Vergilii Maronis Opera, quae quidam extant, omnia: cum veris in Bucolica, Georgica & Aeneida commentarijs Tib. Donati & Seruij Honorati, summa cura ac fide a Georgio Fabricio Chemnicense emendatis... Basileae, [1575]. Стлб. 45–50; Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И. М. Н. Муравьев — читатель «Энеиды» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 28, № 1. СПб., 2024. С. 92–114.

такое масштабное явление XVIII в., как секуляризация русской культуры.

Опираясь на некий уцелевший отрывок среди набросков, Н. М. Дружинин сделал наблюдение над попытками М. Н. Муравьева «примирить показания Библии и выводы научных исследований: разделение на эпохи он начинает с “Адама или творения”, в ветхозаветном Моисее видит “самого древнего из историков, самого возвышенного из философов и самого мудрого из законодателей”, а рамки ветхозаветных периодов заполняет культурной историей Финикии, Египта и Палестины»⁵⁶.

Работа с книгами богословской тематики позволяет подойти еще к одной теме — отношения между светской культурой и русской православной церковью. Книги сохранили следы диалога этих двух сфер.

Единственная рукописная книга богословского содержания, дошедшая до нас в составе домашней библиотеки Муравьевых и отмеченная в описи, — это «Церкви восточныя православное учение» иеромонаха Макария. По просьбе графа И. И. Воронцова Макарий преподавал его детям «веру христианскую и закон». Результатом этих занятий стало сочинение, в котором «не только все догматы веры содержатся, но и другия сумнительныя вопросы, о коих разногласие между нами и другими церковниками имеется, не пропущены» — так определил свою задачу автор. А появилась эта рукопись у Муравьева в 1778 г.⁵⁷ как дар Диомида Карманова⁵⁸

56 Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 64.

57 В этом же 1778 году она была опубликована. См.: *Макарий (Петрович)*. Церкви восточныя православное учение, Содержащее все, что христианину, своего спасения ищущему, знать и делать надлежит; Собранное из Священнаго писания, святых отец и систем богословских, и порядочно расположенное для пользы и употребления юношеству иеромонахом Макарием. СПб., 1778.

58 Карманов Диомид (годы жизни не установлены) в дарственной записи на рукописи говорит о себе как об исполняющем должность публичного нотариуса в Тверском магистрате; археолог-любитель, знаток Тверского края; в «Тверских епархиальных ведомостях» опубликованы его

«в знак признательности за оказанные благодеяния и отличную благосклонность». Под «благодеянием», по всей видимости, имелась в виду некая протекция Муравьева, оказанная Карманову для принятия его в состав Вольного Российского собрания при Московском университете в качестве корреспондента⁵⁹. Подаренная рукопись примечательна двумя фактами: во-первых, показательно, какими дарами обмениваются между собой члены Собрания. Во-вторых, любопытны фрагменты рукописи, которые привлекли внимание Муравьева. Это главы «О человеке» и «О грехе», в которых особо выделены рассуждения о человеческом естестве, его слабости и самовластии. В тексте эти фрагменты отмечены крестиками или характерной пометой для церковнославянских книг «зри». Этот прием соответствия маргиналий читаемому тексту характерен для старшего Муравьева: латинские тексты испещрены записями на латыни, немецкие — на немецком и т. п.

На сохранившейся в библиотеке книге А. Дриссена «Размышления о Святом Откровении»⁶⁰ сохранилась владельческая записка 1795 г. И. И. Бедринского, в то время священника петербургской церкви Вознесения, возможно, той самой, в которую 20-летний Муравьев собирался в день своего рождения. На форзаце бывший ее владелец аккуратно вывел фразу из 41-го псалма на латин-

письма к старообрядцам. М. Н. Муравьев вывел его в образе идеального судьи в своем сочинении «Обитатель предместия» (*Муравьев М. Н. Полное собрание сочинений. Ч. 1. СПб., 1819. С. 106*). Опубликован также черновик письма Муравьева к Карманову 1776 г. с предложением написать о тверских достопримечательностях для издания Н. И. Новикова «Сокровище Российских древностей». Из письма следует, что рукопись Карманова, посвященная истории Твери, была передана Муравьевым Новикову (см.: *Летописи русской литературы и древности. Т. 4. Отд. 3 [Смесь]. М., 1862. С. 69–70*).

59 Письмо М. Н. Муравьева к отцу от 26 октября 1777 г. // Письма русских писателей... С. 308. М. Н. Муравьев был принят в Собрание в декабре 1776 г., Карманов — в сентябре 1777 г.

60 *Driessen A. Meditationes in Sacram Apocalypsin. — Trajecti ad Rhenum (Utrecht): Water, 1717.*

ском и русском языках: «*Abyssus abyssum inclamat — Бездна бездну призывает*». Любопытен в данном случае глагол «inclamat» (возможно, это перевод самого И. И. Бедринского), несущий оттенок крика, вопля, в то время как в классическом переводе используется глагол «invocat», более спокойный, требующий к себе обязательного дополнения в творительном падеже. И действительно, в синодальном переводе фраза звучит следующим образом: «Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих...».

Пути Муравьева и Бедринского пересеклись в стенах Российской академии. Как ученый и ревностный поборник просвещения, Михаил Никитич единогласно был избран ее членом в 1804 г., а Бедринский стал им спустя два года благодаря катехизическим поучениям и переводам иностранных книг с латинского и французского языков. Весьма вероятно, что за криптонимом «И. Б...ский» скрывается имя Ивана Бедринского, который вполне мог быть автором прочувственной «Биографии Михайлы Никитича Муравьева», опубликованной в журнале «Галатея»⁶¹.

Муравьеву не раз поручали рассматривать сочинения, представляемые на соискание академических премий. Так, он дал свое заключение по поводу слова «князи» в тексте псалма (23:7): «Возьмите врата князи ваша». Сопоставив греческий, латинский, французский и польский варианты перевода, он высказал свое мнение в письме секретарю Академии П. И. Соколову: «не относится ни сколько к простонародному слову *князь* или *князек*, означающему верхний брус ворот... Греческий перевод представляет нам сии слова: ...возвысьте врата, начальствующие, ваши, и возвысьтеся врата вечныя, и внидет царь славы»⁶².

Весьма характерны выделенные фрагменты в издании 4-й (и 7-й) гомилии Иоанна Златоуста⁶³, которые могли быть отчеркну-

61 Галатея. 1830. Ч. XIII, № 13. С. 49–70.

62 Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885. С. 267.

63 Ioannes Chrysostomus. ... Homiliae IV. Ex Omnibus Eius Operibus Selectae Graece Et Latine... Editae A Christ. Frid. Matthaei Professore Vitembergensi.

ты именно Михаилом Никитичем. Сам текст беседы чист, внимание привлекли комментарии и рассуждения публикатора Хр. Маттеи о красоте выстраивания речи Иоанном Златоустом, о прочувствовании его греческой дикции, о сравнении с Плутархом и Демосфеном, о том, когда и с чего следует начать преподавание Посланий Иоанна Златоуста, и т.д. Можно предположить, что чтение этой публикации сыграло свою роль в приглашении в 1803 г. Хр. Маттеи занять кафедру греческого языка и древностей, когда Муравьев был назначен попечителем Московского университета.

Лингвистический подход Муравьева к текстам Св. Писания можно дополнить уточнениями, носящими чисто издательский или библиографический характер: на парижском издании Нового Завета на греческом языке⁶⁴, в конце Евангелия от Матфея он оставляет запись на латыни и греческом, суть которой сводится к тому, что неплохо бы обозначить количество стихов и глав и в данном Евангелии, если уж издатель Робер Этьен поместил таковую статистику в конце Евангелий от Луки и Марка: «*Haec addenda fuerunt. Τὸ κατὰ Ματθαῖον εὐαγγέλιον (sic!) ἐγράφη ἐν στίχοις βιβλίδ' [2514], κεφαλαίοις τρε' [355]*».

Упомянутый уже «Церковный словарь...» Петра Алексева сохранил на форзаце следующую запись Михаила Никитича Муравьева, которую можно датировать серединой 1770-х гг.: «*Во всякой нации рассуждает, чувствует, имеет вкус. Платья разности не делает разности в умах и чувствах, бритая голова и пришибленные плеча столько же совместны с здравым разумом как плоскенькая шляпа и высокой тулей*»⁶⁵. Запись черновая, литературно необработанная, выполненная, очевидно, наспех, чтобы не потерять мысль. Тем не менее она поддается толкованию. Прежде всего, обратим внимание на тезис «всякая нация имеет свой вкус». На-

Misenae, Erbsteinus; Lispisae, 1792.

64 Τῆς Καινῆς Διαθήκης ἅπαντα = Novum Iesu Christi D. N. Testamentum. Lutetiae Parisiorum [Paris], 1550. С. 57.

65 Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование... [М]., 1773.

блюдения Н. Д. Кочетковой показывают, как развитие этой мысли, характерной для эпохи Просвещения, приводит Муравьева к выведению корреляции между литературой и национальным вкусом: «Индивидуальности писателей способствуют установлению вкуса литературы какой-нибудь земли». Это новое понятие «вкус народный» возникает у него в результате его размышлений о судьбе отечественной словесности. Муравьев видит огромную заслугу Ломоносова в том, что он основал «школу последователей, которые зачали от времени его и, конечно, составят впредь непрерывную цепь стихотворцев российских», «они имеют в сохранении своем вкус народный»⁶⁶.

Продолжение записи *«Разные платья не делают разности в умах»*, видимо, надо понимать следующим образом: надев что-то необычное, ты не становишься другим, но продолжаешь оставаться самим собой. Только усилия разума помогут узнать нечто новое, постичь иной вкус. Мысль о воспитании, «упражнении» вкуса волновала Михаила Никитича Муравьева. В свое время она обсуждалась в новиковском кружке⁶⁷, позднее в своих «Опытах истории, писмен и нравоучения»⁶⁸ Муравьев подчеркнет первостепенную роль разума, управляющего вкусом.

Думается, что данная запись не случайно появилась именно на «Церковном словаре...», где под одной крышкой переплета собрано многообразие определений с отсылками к греческой, римской, иудейской, персидской и иным культурам, постижение которых так упоительно для Муравьева-читателя. Труд протоиерея Петра Алексеява стал первым серьезным русским изданием такого рода, которое легло в основу для составления последующих словарей. Автора с его неуживчивым характером всегда отличали независимость во взглядах, готовность отстаивать свою точку зрения, как он это делал в спорах с митрополитом Платоном по поводу мо-

66 Кочеткова Н. Д. Указ. соч. С. 97.

67 Там же. С. 96.

68 Муравьев М. Н. Опыты истории, писмен и нравоучения. [СПб.], 1796.

нашествия и того особого положения, которое оно занимало среди русского духовенства. Он много трудился на литературном поприще, оставив ряд оригинальных и переводных сочинений. С Муравьевым Петра Алексеева связывали давние отношения. Именно он произносил слово на погребение матери Михаила Никитича, которому было тогда 11 лет⁶⁹. Возможно, именно он учил гимназиста Муравьева Закону Божьему и катехизису, поскольку известно, что с 1759 по 1801 г. Петр Алексеев преподавал этот предмет в гимназии при Московском университете. Оба, Михаил Никитич Муравьев и протоиерей Петр Алексеев, являлись членами Вольного Российского собрания и Российской академии. В 1801 г. последний подарил Муравьеву второе издание своего перевода Гуго Гроция «Истинное благочестие...» с дарственной надписью: «*в знак особенного почтения*».

Этими примерами мы практически исчерпываем объем зафиксированных обращений Михаила Никитича Муравьева к богословскому разделу его библиотеки. Если досконально перечислять все книги, на которых остались его пометы, то к перечисленному можно добавить только одно издание — «Христианское государство» Ф. Зеккендорфа⁷⁰. Это полемическое сочинение лютеранского толка в трех книгах, в котором автор отстаивает позиции христианства. На заднем форзаце Михаил Никитич записал переводы слова «епископ»: «*Επίσκοπος, superintendent, Надзиратель Священства*».

Таким образом, можно сказать, что диалог Михаила Никитича Муравьева — читателя с авторами-богословами находился в интеллектуальной плоскости, там, где у него возникал интерес

69 Алексеев П. А. Слово на погребение супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сары Петровны, говоренное Большого Успенского собора ключарем иереем Петром Алексеевым декабря 14 дня, 1768 года. М., [1768].

70 Seckendorff V. L. Herrn Veit Ludwigs von Seckendorff Christen-Stat In Drey Bücher abgetheilet... Leipzig, 1685.

к работе со словом, к переводу, к тем или иным философским рассуждениям. Характерные строки из письма к сестре: «Я нынче у Меллисины⁷¹ опять говорил по итальянски с греческим архимандритом»⁷². Расставленные акценты очевидны — удалось поговорить на языке.

Необходимо отметить, что в исторических набросках для занятий с внуками Екатерины II Муравьев опускает религиозные моменты в описаниях войн между христианами и мусульманами, католиками и православными. За всеми столкновениями лежит рациональное объяснение: государственные интересы, рост империй, личные качества того или иного правителя, талант военачальника и т. п. Возможно, это была не только позиция Муравьева, но и задача, поставленная самой императрицей Екатериной II. Однако и в его поэтическом творчестве мы скорее обнаружим обращение к античным богам, чем христианскую молитвенную лирику. На этом фоне выделяется стихотворение «Божье присутствие», восхваляющее Господа. Неизвестно, когда оно было написано, но ему созвучна цитата из «Стансов Богу» Я. Б. Княжнина 1780 г., которую Муравьев выписал в одну из своих тетрадей:

Ты был, ты есть, ты вечно будешь
То небо и земля твердят
Я есмь меня не позабудешь
Мои все чувства то гласят⁷³.

В юности Муравьев принес дань русской литературной традиции XVIII в. перелагать псалмы на язык поэзии. Старательный ученический почерк указывает на начало 1770-х гг., В. А. Западов же

71 Иван Иванович Мелиссино (1718–1795), будучи куратором Московского университета, в 1771 г. основал Вольное Российское собрание для обогащения русского языка сочинениями и переводами.

72 Письма русских писателей... С. 262.

73 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 499. Д. 30. Л. 2 об. — 3.

ограничил эти опыты более конкретно — 1770 г.⁷⁴ Муравьеву в это время 13 лет. Юный поэт избрал интересный ход: каждому стиху псалма строго соответствует четверостишие переводчика. Таким образом он потрудился над 1-м и 2-м псалмами (переложение 2-го псалма не дописано), дав им двойное название: «Ода» и «Переложение псалма». Что же касается псалмов 69 и 96, то последний также не был дописан, а в переложении 69-го псалма он вначале продолжает строго следовать оригиналу, но в последней части как будто вновь повторяет тему и усиливает молитву⁷⁵. Похоже, что этими опытами исчерпывается обращение к священным текстам.

Библиотека довольно убедительно показывает, что становление взглядов Михаила Никитича Муравьева шло параллельно русскому богословию, в какие-то моменты они пересекались, потом расходились снова, но отторжения не было. Некоторая доля пренебрежения к интеллектуальному богословию звучит в его оценке поэта В. П. Петрова: «Лет двенадцать назад толковал он Катехизис; ныне, кажется, он способен толковать Лукреция»⁷⁶. И это при том, что Русская православная церковь проявляла немалые усилия и гибкость по налаживанию контактов с ученым и культурным миром России второй половины XVIII в. Весьма показательна в этом отношении реакция митрополита Платона (Левшина) на сомнительные места в русском переводе сочинения Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа» А. Поленова. Места эти касались православной церкви. Митрополит отметил их как «неосновательные», «соблазнительные» «для людей не вдаль просвещенных», а то и просто выдуманные «по известной папистов к Греческой церкви ненависти». Он не стал требовать

74 Западов В. А. Муравьев Михаил Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 305.

75 ОР РНБ. Ф. 499. Д. 34. Л. 24–24 об., 26.

76 Фоменко И. Ю. М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 — начала 1780-х годов // Рукописи. Редкие издания. Архивы. С. 125.

какой-либо правки текста Монтескье, но посоветовал «для предупреждения всяких толков» проявить осторожность и благоразумие. В результате русскому изданию «Размышлений» было предпослано небольшое предисловие переводчика⁷⁷. Один из духовных лидеров московского масонства И. В. Лопухин рассказывал о своих отношениях с Платоном: «...часто бывал у преосвященного Платона, которого отличным благорасположением я всегда пользовался. Он очень в разговорах восставал против нашего общества, однако ж расставались мы всегда приятелями»⁷⁸.

Труды митрополита Платона, Евгения Булгариса и некоторых других современных Муравьеву богословов пополняли домашнюю библиотеку, но, судя по отсутствию помет, не вызывали отклика. Вряд ли Михаилу Никитичу могли быть близки позиции митрополита Платона, который противопоставлял житийную литературу обычной истории, где рассказывается о том, «как некоторые неприступные взяли грады, как множество победили и пленением народов, какие великолепные создвигли здания». По мнению Платона, эти свидетельства человеческой гордыни должны быть «преданы вечному забвению: ибо вся она слава бывает соединена с оскорблением человечества, отягощением и изнурением бедных смертных» и, следовательно, не является «полезной». «Полезнее писать историю добродетели»; именно «история добродетели и составляет предмет жития»⁷⁹.

При отсутствии житийной литературы, кроме жития Стефана Пермского, для нас очевидно, что в этой семье предпочитали воспитывать детей на античных образцах. В домашней библиотеке можно найти практически любого древнегреческого или древнеримского автора в нескольких изданиях. Весьма показательна

77 Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. С. 282.

78 Виноградов В. П. Платон и Филарет. Митрополиты Московские // Богословский вестник. 1913. № 2. С. 317.

79 Платон (Левшин). Поучительные слова... Т. 10. М., 1782. С. 5–6 (отд. паг.).

запись 11-летнего Никиты на томе Марка Юстина: «Сию книгу пожаловал мне Папинька в 1807 году в июле месяце»⁸⁰. В июле 1807 г. Михаил Никитич умер. В продолжение наших наблюдений можно сказать, что это не просто памятная запись осиротевшего ребенка, но и своеобразное отцовское завещание. Завещана книга римского историка об Александре Македонском. Можно вспомнить еще один известный эпизод с описанием поведения шестилетнего Никиты на детском балу. Мать, Екатерина Федоровна, спрашивает сына, почему он не танцует, на что мальчик по-французски осведомляется: «Матушка, разве Аристид и Катон танцевали?»⁸¹

Ориентиры на античную гражданственность в воспитательном процессе не были особенностью данной семьи. В послесловии к публикации небольшого сочинения иеромонаха Симона Кохановского «Похвала истории» С. И. Николаев отмечает распространение в России «новой нравственной поведенческой парадигмы, прежней по форме, а по сути принципиально секуляризированной, — место христианских подвижников и православных идеалов занимают античные герои и римские добродетели»⁸².

Распространению этого явления не мог не способствовать относительно низкий уровень образованности русского духовенства. Ровесник Никиты Муравьева М. А. Дмитриев (чья библиотека также хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ), вспоминая о своем детстве, так описывает библиотеку деда: «О катехизисе никто и не думал, чтоб он был нужен; да и книги не было, и законоучителя не было. Два священника, бывшие в нашем селе, были неученые и служили по навыку: они и сами не имели никакого понятия о догматах. У деда была довольно большая библиотека, состоявшая из истории, путешествий,

80 *Justinus, M. J.* Justini in Historias Trogi Pompei epitomarum... Argentorati, 1631.

81 Цит. по: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 63.

82 Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). [Вып. 1]. СПб., 1992. С. 286.

романов и сочинений русских авторов; но в ней не было ни одной духовной книги. Библии нельзя было достать, и я не видывал ее до издания Библейского общества: тогда и дед мой купил себе Библию, но не читал ее. Псалтирь считали только годным читаться по умершим. Но сочинения г. де Вольтера в трех томах и его сказки были переведены по-русски и были у моего деда. Чего было ожидать от такого воспитания?»⁸³

Очевидным образом сработала общая установка на то, что духовенству отводилась второстепенная роль как в общественной, так и в политической жизни страны⁸⁴.

О влиянии домашнего образования в семье Муравьевых можно судить по записке Никиты «Некоторые мысли о воспитании и словесности»: «Частное воспитание должно быть обращено к цели гражданства». И далее: «...должно приохочивать детей к чтению древней истории, обильной великими примерами бескорыстия, душевного величия, любви к Отечеству и самоотвержения»⁸⁵. При этом православное воспитание не могло не сказываться на детях Муравьевых, но ощущалось скорее как привычная атмосфера, как данность, пока что неосознанная. Иначе как можно трактовать удивительную помету, оставленную Никитой в «Истории» Геродота: православным крестом на полях он отмечает известие о гибели царя Леонида в сражении при Фермопилах (VIII, 21)⁸⁶. Это своеобразный пример вполне естественного включения героев античной истории в православное сознание молодого человека начала XIX в.

83 Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 42.

84 Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 642–644.

85 Литературное наследство. Т. 59: Декабристы-литераторы. М., 1954. С. 570.

86 *Herodotus*. Ἡροδότου Ἀλικαρνασσοῦς Ἱστοριῶν Λόγοι Θ', ἐπιγραφόμενοι Μοῦσαι. Textus Wesselingianus passim refectus argumentorumque ac temporum notation. Editionem Frid. Volg. Reizii morte interruptam continuavit God. Henr. Schäfer. Accedunt Index rerum historiae chronologia et glossae: necnon editionis Wesselingianae cum edit. Reisii et Schäferi collatio. T. 2. Oxonia, 1814. С. 214.

Однако пометы фиксируют и вполне осознанное понимание роли православия. Иногда они носят эмоциональный характер, что исключает какое-либо иное толкование взглядов Никиты Муравьева в этом вопросе. В оглавлении одного из томов И. И. Голикова о деяниях Петра Великого, где есть раздел «Со введением Христианского закона никакого не получили Россияне просвещения», он выносит приговор мнению автора: «*дуракъ! — враль!*»⁸⁷

Говоря об отношении к роли православия, необходимо обратиться к текстам конституций, варианты которых Муравьев предлагал для обсуждения в обществе своих единомышленников. В этих проектах церковь обозначалась как одна из составляющих частей гражданского общества, которая пользуется его правами, то есть черное и белое духовенство могут быть избирателями или избранными, их право собственности на земли навсегда остается за ними, государство выплачивает им жалованье, и они освобождаются от постоя и подвод⁸⁸. При этом провозглашалась свобода вероисповедания, в том числе и для раскольников, но «раскол, основанный на разврате или на действиях противуестественных, преследуется присутственными местами на основании общих постановлений»⁸⁹.

Взгляды Никиты Муравьева на взаимоотношения церкви и светской власти в управлении государством, судя по его пометам в книгах, выстраивались непосредственно по ходу чтения в диапазоне от недоумения до «это любопытно». Одна из его маргиналий явно вызвана опасением роста церковной власти. В письме парижского публициста Ж. Фьева об организации управления во французских деревнях в период первой Реставрации (пись-

87 Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 3. М., 1790. С. XXIX.

88 Конституция, обнаруженная в бумагах князя С. Трубецкого. Гл. II, п. 12 и гл. III, п. 24, 33. В других редакциях Конституции Н. Муравьева повторены те же позиции в отношении церкви.

89 Конституция, обнаруженная в бумагах И. Пущина. Гл. IX, п. 98.

мо от 19 июня 1814 г.) высказано предположение, что для многих деревень, пожалуй, слишком иметь двух представителей власти (имелись в виду священник и мэ́р) и, поскольку воинская повинность отменена, было бы хорошо, если бы священник мог быть мэром своей деревни («Pour bien des villages, c'est peut-être trop que deux autorités; et, la conscription étant abolie, il seroit bon que le Curé pût être Maire de son village»). Напротив этой фразы Муравьев оставил помету: «*Théocratie!*»⁹⁰ Эту эмоциональную запись с подчеркиванием и восклицательным знаком можно оценить, как непонимание Муравьевым-читателем тезиса, предложенного автором письма. Исходя из контекста, Фье́ве имел в виду не полновластную роль церкви как таковую, а временное использование ее в послевоенном мироустройстве с тем, чтобы с ее помощью возродить прежние порядки в жизни общества. Но в этом же письме Муравьев оставляет на полях помету: «*C'est curieux*»⁹¹ — напротив тезиса о необходимости включения священников в магистраты, поскольку их служба в госучреждении тогда бы оплачивалась, а это важно, поскольку, замечает Фье́ве, бедное духовенство близко к тому, чтобы быть демократом («clergé pauvre est tout pres d'être démocrate»), а значит, революционные настроения не только не затихали, но наоборот — поддерживались при виде несчастного разоренного кюре и соответствующих его проповедей. Муравьев подчеркнул вывод Фье́ве о союзе монархии и католической церкви на основе имеющейся у обеих сторон собственности и внутренней структуры самой католической церкви. При этом изменится и сам дух христианства: отступив от присущего ему демократизма, он станет благоволять монархии («c'est par l'organisation du Clergé catholique, et les biens qu'il possède, que l'esprit du christianisme devient favorable à la Monarchie»)⁹².

90 Теократия! (фр.). *Fiévée J. Correspondance politique et administrative, commencée au mois de mai 1814...* 5-е ed. Part 1. Paris, 1816. P. 84.

91 Это любопытно (фр.).

92 Ibid. Part 2. Paris, 1818. P. 2.

Не исключено, что именно эти наблюдения Фьеве подвели Муравьева к идее включить в текст Конституции пункт о выплачивании жалования духовенству и сохранении церковной собственности. Возможно, за столь пристальным чтением французского публициста стояло желание утвердиться в правильном подходе к роли церкви как своего рода умиряющего института, который поможет удержать общество от социальных потрясений в то время, когда лучшие силы дворянства будут заниматься реформами. К мнению Ж. Фьеве имело смысл прислушаться: он начинал как апологет революции, а закончил как роялист, в своем же творчестве прошел путь от сочинительства антирелигиозной оперы до переписки с Наполеоном I и Людовиком XVIII.

Заметка на полях тома Монтескье также доказывает, насколько убежден был Никита Муравьев в необходимости существования церкви как важного общественного института. Он поспорил с французским философом, когда тот утверждал, что беспредельные материальные приобретения духовенства «кажутся народам столь безрассудными, что тот, кто захотел бы защищать их, покажется слабоумным»⁹³. «*He pravda*», — записал Муравьев на полях.

Но если вопросы существования церкви в гражданском обществе для Никиты Муравьева были решены, то оставались другие, лежащие в иной плоскости, нежели административно-управленческая. Несовпадение или прямое противоречие моральных законов, которые Муравьев особо выделяет для себя в Св. Писании и в текстах отцов церкви, юридическим нормам в современном ему обществе вызывали непонимание. В положениях для действующей армии, где описывается обряд смертной казни, он дважды восклицательным знаком отмечает слово *Евангелие*: «Когда войско выстроится, один из Священников во всем погребательном облачении, с Крестом и Евангелием [!] в руках, окруженный конвоем, провожает преступника мимо всей линии на средину

93 Монтескье, Шарль Луи де. О существе законов. Ч. 4. СПб., 1814. С. 55.

оной». Рядом Муравьев оставляет помету: «*Убийство хотя и законное и Евангелие!*»⁹⁴ Возможно, объяснение этому противоречию он нашел в письмах ученого и теолога Блеза Паскаля, когда отчеркнул для себя окончание 12-го письма. В этом фрагменте содержится рассуждение о борьбе между насилием в человеческом обществе и божественной истиной, а вернее, о невозможности этой борьбы, поскольку они лежат в разных плоскостях⁹⁵. Может быть, поэтому в следующем, 95-м параграфе, где продолжается подробное описание приведения смертного приговора в исполнение, Муравьев одобряет последнее благословение священника приговоренному, оставив помету: «*хорошо!*»⁹⁶

То, что Никиту Муравьева, как человека военного, дослужившегося до чина капитана Гвардейского Генерального штаба, волновало убийство человека по приговору или во время войны, показывают выделенные им фрагменты в сборнике, состоящем из текстов отцов церкви⁹⁷. Характерно, что Муравьеву легче искать ответы на мучительные для него вопросы, обращаясь к подборке текстов на французском языке, чем читать русские переводы Блаженного Августина, Иоанна Златоуста и др. Здесь, очевидно, он находит некоторое успокоение от перекладывания вины на командование, тем более что в сборнике подобран специальный раздел, посвященный этой теме: «*Qu'un homme de guerre peut servir sous un Prince, lors même que ce prince fait une guerre injuste*»⁹⁸. Военные могут служить под начальством князя, когда он ведет несправедливую войну. И добродетельный человек может воевать под командованием нечестивого короля, если то, что ему приказывают,

94 Учреждение для управления Большой действующей армии. Ч. 2. § 91. СПб., 1815. С. 162.

95 *Pascal B. Les provinciales, ou Lettres de Louis de Montalte. Vol. 2. Paris, 1815. P. 23–24.*

96 Учреждение для управления Большой действующей армии. § 95. С. 163.

97 *Tableau de la doctrine des pères et docteurs de l'église. T. 1–2. Lyon, 1785.*

98 Военный может служить под началом принца, даже если этот принц ведет несправедливую войну (фр.).

не противоречит заповедям Божиим. Неправедность командования делает виновным короля, в то время как долг подчиняться делает солдата невиновным⁹⁹. Эту же установку Муравьев замечает в статье «О терпимости» в «Сионском вестнике»: «Не подданным судить, справедливо ли предпринята война? За то отвечает Царь Богу; совесть же частного человека связана только обетом повиновения»¹⁰⁰.

Но и сама война как одна из форм деятельности не чужда церкви. Насколько однозначно воспринимал эту позицию Муравьев, неизвестно, но он подчеркнул в беседе Иоанна Златоуста о добродетелях священства тезис: «Любой епископ — воин Христов (Lieutenant de Dieu) и воевать он должен не только в своем городе, но и повсюду»¹⁰¹.

В этом сборнике Никиту Муравьева привлекли самые разные положения, высказанные отцами церкви, но чаще всего здесь выделены высказывания о милостыне и нажитом богатстве. Видимо, и эта тема волновала его как человека, происходящего из весьма состоятельной семьи.

Необходимо отметить, что чтение Никитой Муравьевым богословской литературы в поисках ответов на этот и другие вопросы отличается от отцовского чтения бóльшим количеством помет. И если следы чтения отца приходится собирать по крупiciцам, то в данном случае наоборот: обширные отчеркивания, пометы на полях и в тексте мы вынуждены компоновать и давать в виде обзора.

Как мы уже отмечали, состав хранящегося в Научной библиотеке МГУ книжного собрания ограничен событиями на Сенатской площади. В письмах матери и жене за 1826 г. из Петро-

99 Tableau de la doctrine des pères et docteurs de l'église. Т. 1. Р. 416. Уголки листа загнуты, на полях отчеркивание.

100 Сионский вестник. 1817. Декабрь. С. 409–410. Отчеркнуто на внешнем поле.

101 Tableau de la doctrine des pères et docteurs de l'église. Т. 2. Р. 34.

павловской крепости Никита Муравьев просит прислать ему Библию, когда на то последовало царское позволение. Он пишет семье, что сравнивает Ветхий и Новый Заветы, читает псалмы и сопоставляет «каждый славянский стих с русским переводом»¹⁰². Судя по тому, в какое состояние приводит его чтение Св. Писания, это молитвенное чтение раскаявшегося человека, который пишет о своей вине перед родными. По всей вероятности, издание Библии, которое ему передали в камеру, он взял с собой на каторгу, а те экземпляры, которые хранятся сейчас в университетской библиотеке, читались им задолго до трагических событий декабря 1825 г. Делать подобного рода выводы позволяют наблюдения над оставленными пометами.

Так, в Ветхом Завете внимательно прочитаны только те части, которые сегодня относятся к так называемым историческим книгам и в которых просматривается становление государственности Израиля. Книга Судей Израилевых, Книги Царств и Паралипоменон испещрены подчеркиваниями и пометами самого разного толка¹⁰³. При этом очевидно отношение к текстам Ветхого Завета как к историческому источнику по военному делу, как к образцу для выстраивания древней истории Руси, когда Муравьев-читатель отмечает сходные детали в поведении ветхозаветных героев и героев русских былин. Он внимателен к семейным историям царских домов, которые проецируются на судьбу всего народа. Особое недоумение вызвала у него династическая связь Саула и Давида: на церковнославянском Давид назван сыном Саула (2 Цар. 5, 4)¹⁰⁴. Однако он не берет во внимание присутствие Бога ни в войне Гедеона с мadianитянами, которую он особенно внимательно про-

102 Никита Муравьев. Письма декабриста. 1813–1826. М., 2000. С. 226. Письмо от 29 января 1826 г.

103 Библия: сиречь Книги Священнаго Писания Ветхаго и Новаго завета. Т. 1. М., 1806.

104 Подробнее см.: *Ленчиненко М. В.* Историософия в маргиналиях: полемика на книгах из библиотеки Муравьевых // Карамзинский сборник. Вып. 5-6. Остафьево, 2016. С. 200–215.

читал, судя по пометам, ни в моментах избрания царей, ни в отношениях Давида с Богом и т. п., хотя, судя по пометам в других изданиях, его волновала природа царской власти, например в речах Феофана Прокоповича. Его слова, произнесенные по случаю того или иного православного праздника, интереса не вызвали, в отличие от речей, посвященных оценке деятельности Петра I и Екатерины I, особенно в тех местах, где утверждается божественное происхождение их власти¹⁰⁵.

Известно, как менялось отношение Никиты Муравьева к фигуре императора в процессе работы над составлением Конституции: сначала допускалось убийство царя, затем сохранение власти императора как верховного чиновника российского правительства, и, наконец, появился тезис из последнего варианта документа (правда, написанного уже в каземате): «Лице Императора священо и неприкосновенно».

Поиски истоков царской власти не отменяли критического отношения к ней, причем критику Муравьев черпает в Новом Завете. В свое время Н. М. Дружинин отметил обращение Никиты Муравьева к текстам Евангелия во время его работы над «Любопытным разговором»¹⁰⁶, который предназначался для агитационной работы с солдатами¹⁰⁷. Для этого Муравьевым была избрана форма катехизиса, с одной стороны, понятная простому народу, с другой — он воспользовался аналогичным примером из опыта войны испанцев против Наполеона в 1808–1809 гг.¹⁰⁸ Приведенные Муравьевым цитаты прямо совпадают с отмеченными им фрагментами в Евангелиях:

«Вопрос. Отчего же говорят: Несть бо власть аще не от Бога?

105 Феофан Прокопович. Слова и речи... Ч. 1-2. СПб., 1760–1761.

106 Н. М. Дружинин датирует этот документ серединой 1820 г. (*Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев*. С. 105).

107 Там же. С. 106.

108 *Муравьев Н. М. Любопытный разговор* // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. В 3-х т. Т. 1. М., 1951. С. 330–332.

Ответ: Злая власть не может быть от Бога. Всякое древо доброе добры плоды творит...всякое же древо, не приносящее плодов добрых. Будет посечено и ввергнуто в огонь. Хищным волкам в одеждах овчьих, пророчествующим во имя Господне, мы напомним слова Спасителя: Николи же знах вас: отъидите от Меня делающие беззакония».

В данном ответе не только слова Спасителя являются прямой цитатой, но и ряд других выражений, которые были выделены Муравьевым в Евангелии от Матфея (7:15–23)¹⁰⁹.

Заметим, что подобного рода наблюдения ценны для работы с библиотекой, поскольку позволяют датировать обращение к текстам и оставленные в них пометы. Стоит обратить внимание на еще один фрагмент из «Любопытного разговора», который демонстрирует связь помет в книгах и прямое их цитирование:

«Вопрос: Почему же самовластие не терпит законов?»

Ответ: Потому, что государь властен делать все, что захочет. Сегодня ему вздумается одно, завтра другое, а до пользы нашей ему дела мало, оттого и пословица: близь царя, близь смерти».

Эта пословица отмечена четырьмя крестами на полях в сборнике А. Барсова¹¹⁰.

В отличие от чтения Ветхого Завета, Новый Завет воспринимается Муравьевым как божественное послание, в котором он ищет поддержки. Довольно настойчиво он подчеркивает одни и те же фрагменты в Евангелиях от Матфея и Иоанна: «...От избытка бо сердца глаголют уста его»; молитва о благих дарах Божиих («просите и дастся вам...»); «кто не со Мною, тот против...». Сложно сгруппировать его пометы, но, зная, к чему готовился этот человек, нельзя не отметить особо выделенные в рамочку слова апостола Павла: «Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делай-

109 Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. СПб., 1816. На церковнославянском языке. Издание Российского Библейского общества.

110 Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц. М., 1787. С. 7.

тесью рабами человеков» (1 Кор. 7:22–23)¹¹¹. В отчеркнутых фрагментах просматривается интерес к теме вождя и толпы, и один из самых красноречивых моментов, выделенных им в Евангелии от Матфея, следующий: «Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; Итак молитесь Господина жатвы, чтобы послал делателей на жатву Свою» (Мф. 9:35–38). Не рассматривался ли Никитой Муравьевым этот призыв как призыв, обращенный к нему и его единомышленникам? Но при этом Никита Муравьев отслеживает эпизоды, когда Христос избегает окружающих его. Этих моментов, замеченных Муравьевым в Евангелии от Матфея, три (он пересчитал их, отметив цифрами с круглыми скобками): творящие беззакония (7:23), попытка фарисеев погубить его (12:14), скорбь при известии о гибели Иоанна Крестителя (13:14).

В поисках морального оправдания или поддержки задуманным проектам реформирования общества Никита Муравьев обращался не только к текстам Св. Писания, но и к современным авторам. Таковым стал А. Стурдза и его сочинение «Рассуждение об учении и духе православной церкви», вышедшее на французском языке¹¹². В Музее А. С. Пушкина в Москве хранится экземпляр этой книги, на корешке которого суперэкслибрис Никиты Муравьева и семейный герб Муравьевых. На титульном листе владелец записал: «Отъ Жуковского. 1817 ^г Сентябрь 11го»¹¹³. Возможно, именно Василий Андреевич Жуковский посоветовал Муравь-

111 Этот же стих из Послания Н. Муравьев выписал в тетрадь на греческом, латыни и на церковнославянском языках, обозначив его как «любопытное место в Новом Завете» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 90. Л. 55.

112 *Stourdza A. Considerations sur l'Esprit et la doctrine de l'Eglise orthodoxe.* Weimar, 1816. По всей видимости, автор продумывал сочинение в период деятельности Венского конгресса, в котором А. С. Стурдза принимал участие в составе русской делегации, будучи секретарем И. Каподистрии.

113 Автографы современников Пушкина на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: Аннотированный каталог. М., 1988. С. 174–175.

еву внимательно отнестись к этому сочинению¹¹⁴. Однако в нашем собрании хранится другой экземпляр этой книги, судя по суперэкслибрису «А. М.», принадлежавший младшему брату Никиты Муравьева — Александру¹¹⁵. Об этом экземпляре читаем в письме Никиты к матери из Москвы от 4 октября 1817 г.: «На днях случилось мне пробежать у Алекс[андра] новую книгу, которую Розен ему дал почитать — “Sur l’Esprit et la doctrine de l’Eglise orthodoxe” par Stourdza», я вам советую ее прочесть. Весьма любопытная книга, я ее искал у здешних книгопродавцев, но не нашел»¹¹⁶. Никита не просто ее «пробежал», но кое-что отчеркнул на полях. В письме к матери он выделил описание ада, каким его обрисовал автор, подчеркнув, что «мучения состоят в отдалении лучей света и в разлагающем действии мрака...». Ужас мучений при отсутствии света — тема, на которую он обратил внимание и которую хотел донести в письме к матери, возможно, стала семейной темой, заданной в свое время отцом. На страницах «Илиады» на греческом языке¹¹⁷ сохранилась каллиграфически выполненная запись перевода Михаила Никитича Муравьева:

Но отче Зевс, избавь от тьмы сынов Ахейских
Соделай светлоту, очами зрети дай.
При свете и губи, коль то тебе угодно (II. XVII, 645-647).

- 114 Много позднее, в 1849 г., В. А. Жуковский напишет, что прочел книгу Стурдзы с «великим наслаждением», и назовет автора «нашим Платоном христианским». См.: Неизданные письма В. А. Жуковского // Русский архив. 1900. Кн. 3. № 9. С. 53.
- 115 В семейной библиотеке Муравьевых попадают книги Александра, но на сегодняшний день это единственная книга, помеченная его суперэкслибрисом. На остальных, в основном это учебная литература, сохранились его владельческие надписи.
- 116 *Никита Муравьев*. Письма декабриста. С. 99.
- 117 Homerus. ... = Opus utrumque Homeri Iliados et Odysseæ, diligenti opera Jacobi Micynli & Joachimi Camerarii recognitum. Adjecta etiam est ejusdem Batrachomyomachia... Porphyrii philosophi Homeriarum quæstionum liber. Ejusdem, de nympharum antro in Odyssea opusculum. Basileae, 1551. P. 305.

Для себя же Никита подчеркнул места иного характера. Особо выделено рассуждение о пагубности репрессивной власти, доверенной одному человеку, что неизбежно приводит к росту произвола и бедствий («L'autorité répressive confiée à un seul homme a dû nécessairement multiplier les actes de rigueur arbitraire et les calamités»)¹¹⁸. Этот тезис вполне соответствует настроениям тайных обществ будущих декабристов. Но при этом его волнует, насколько может быть оправдана цель реформирования общества на предмет ограничения самовласти? В книге о Православной церкви, о расприх в христианской среде он ищет ответы на социальные вопросы, связанные с навязыванием решений меньшинства всему обществу. Можно ли брать на себя функцию изменять жизнь общества, когда другие к этому не расположены?

За выделенной строкой: «Не судите, да не судимы будете» — он подчеркивает размышление Стурдзы об этой евангельской заповеди, на которой основывается веротерпимость. Этим должно руководствоваться государство, этому должен следовать каждый человек. Но если частное лицо позволяет себе поносить культы или мнения единственно по той причине, что они не его; если он делает это из желания господствовать, то он виновен. Если из желания пропагандировать свое учение, которое он считает лучшим, — он безрассуден. В первом случае он присваивает себе право, которое ему отнюдь не принадлежит¹¹⁹.

Но, кажется, Муравьев находит у Стурдзы решение своего вопроса. Это воспитание единомыслия в обществе на основе обращения к его традициям¹²⁰. Такой подход импонировал взглядам молодого реформатора, который держался точки зрения на просвещение народа как на обязательный этап, с которого нужно начинать выстраивать новый миропорядок.

118 Stourdza, A. Ibid. P. 212. Репрессивная власть, доверенная одному человеку, неизбежно должна будет повлечь за собой многочисленные акты произвола и бедствий (фр.).

119 Ibid. P. 207.

120 Ibid. P. 206.

Можно сказать, что интеллектуальный диалог с церковью продолжался, но, в отличие от отца, Никита Муравьев вел его значительно более активно, особенно в отношении политических вопросов, но что еще интереснее — обращался к богословским текстам в решении моральных проблем.

Работа с семейной библиотекой Муравьевых позволяет сделать некоторые выводы. Относительная свобода от канонического богословия для человека с такой системой взглядов, как у Михаила Никитича Муравьева, достаточно закономерна. Бог в творчестве, в постижении античной культуры и в соответствии ей, отсюда и роль самостоятельной личности, не требующей одобрения или разрешения на действия, когда речь идет о глубоком внутреннем становлении. Как следствие этой внутренней работы — желание просвещения и активная деятельность на посту попечителя Московского университета. Перед Никитой Муравьевым стояли другие задачи, сформированные не без некоторого отцовского влияния. Его цель — реформировать Российскую империю — требовала огромных усилий, отсюда создание общества, должность ритора в масонской ложе, то, чего сторонился отец. Правда, и сын недолго пребывал в ложе «Трех добродетелей». Активное чтение «Сионского вестника» отмечается только в номерах за 1817 г., между тем как номера за 1818 г. далеко не все разрезаны. Но и это чтение показывает, что один из идеологов будущих декабристов искал в богословии морального оправдания своим планам.

Литература

1. *Алехина Л. А.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах отдела рукописей // ГБЛ. Записки Отдела рукописей. Т. 49. М.: Книга, 1990. 269 с.
2. *Беликов А. Е., Ленчиненко М. В., Любжин А. И.* М. Н. Муравьев — читатель «Энеиды» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Т. 28, № 1. СПб.: изд-во Института лингвистических исследований РАН, 2024. С. 92–114.

3. *Берелович В.* Образовательные стратегии русских аристократов: Воспитание сирот Голицыных (1782–1790) // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. 356 с.
4. *Виноградов В.* Платон и Филарет. Митрополиты Московские. // Богословский вестник. 1913. № 2. С. 311–347.
5. *Данильян И. В.* Массонская библиотека И. П. Тургенева (опыт реконструкции по описи 1831 г.) // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов библиотеки Московского университета. М.: Археографический центр, 1997. С. 81–101.
6. *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 749 с.
7. *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. 402 с.
8. *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
9. *Западов В. А.* Муравьев Михаил Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К — П. СПб.: Наука, 1999. 507 с.
10. *Зелинский Ф. Ф.* Цицерон в истории европейской культуры // *Зелинский Ф. Ф.* Из жизни идей. Т. 4. М.: Ладомир, 1995. С. VI, 194 с.
11. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма: (Эстетические и художественные искания). СПб.: Наука, 1994. 279 с.
12. *Кулакова Л. И.* Поэзия М. Н. Муравьева // *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1967. (Б-ка поэта. Большая серия). 387 с.
13. *Ленчиненко М. В.* Историософия в маргиналиях: полемика на книгах из библиотеки Муравьевых // Карамзинский сборник. Вып. 5–6. Остафьево, 2016. С. 200–215.
14. *Ленчиненко М. В., Любжин А. И.* Михаил Никитич Муравьев в работе над «Тускуланскими беседами» Цицерона // Труды Научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 3. М.: Науч. б-ка МГУ, 2017. С. 162–331.
15. Литература и история: (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). [Вып. 1]. СПб.: Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1992. 360 с.

16. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство-СПб., 1994. 832 с.

17. Петина Л. Собрание книг графа А. Г. Бобринского в замке Оберпален: Из истории поместных библиотек Эстонии XVIII века // Альманах библиофила. Вып. 29. М., 2005. С. 9–36.

18. Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 281–286.

19. Самарин А. Ю. Русские печатные книги в библиотеке князя М. М. Щербатова // Проблемы источниковедения истории книги. Вып. 3. 2000. С. 117–137.

20. Семенников В. П. Собрание старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. СПб., 1913. 98 с.

21. Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.

22. Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Вып. 7. СПб., 1885. 648 с.

23. Фоменко И. Ю. М. Н. Муравьев о чтении: из рабочих тетрадей конца 1770 — начала 1780-х годов // Рукописи. Редкие издания. Архивы: Из фондов библиотеки Московского университета. М.: Археографический центр, 1997. С. 102–126.

24. Berelowitch W. La bibliothèque en langues occidentales de Michaïl Chtcherbatov: premières approches // Век Просвещения = Le Siècle des Lumières / отв. ред. С. Я. Карп. Вып. I. Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II = Espace culturel de l'Europe à l'époque de Catherine II. М.: Наука, 2006. С. 282–293.

References

1. Alekhina, L. A. (1990) “Arkhirnye materialy M. N. Murav’eva v fondakh otdela rukopisei” [“Archival Materials of M. N. Muravyov in the Funds of the Manuscripts Department”], in *GBL. Zapiski Otdela rukopisei. T. 49* [*GBL. Notes of the Department of Manuscripts. Vol. 49*]. Moscow: Kniga.

2. Belikov, A. E., Lenchenko, M. V., Lyubzhin, A. I. (2024) “M. N. Murav’ev — Chitatel’ ‘Eneidy’” [“M. N. Muravyev — reader of

‘Aeneid’”], in *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya. T. 28 (1)* [*Indo-European Linguistics and Classical Philology. Vol. 28 (1)*]. St. Petersburg: izd-vo Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN, pp. 92–114.

3. Berelovich, V. (2004) “Obrazovatel’nye strategii russkikh aristokratov: Vospitanie sirot Golitsynykh (1782–1790)” [“Educational Strategies of Russian Aristocrats: Education of the Golitsyn Orphans (1782–1790)”], in *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [*European Enlightenment and Civilization of Russia*]. Moscow: Nauka.

4. Berelowitch, W. (2006) “La bibliothèque en langues occidentales de Michail Chtcherbatov: premières approches”, in S. Ya. Karp (ed.). *Vek Prosveshcheniya = Le Siècle des Lumières. Vyp. I. Prostranstvo evropeiskoi kul’tury v epokhu Ekateriny II = Espace culturel de l’Europe à l’époque de Catherine II*. Moscow: Nauka, pp. 282–293.

5. Danil’yan, I. V. (1997) “Masonskaya biblioteka I. P. Turgeneva (opyt rekonstruktsii po opisi 1831 g.)” [“Masonic Library of I. P. Turgenev (The Experience of Reconstruction on the Inventory of 1831)”], in *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy: Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [*Manuscripts. Rare editions. Archives: from the Funds of the Moscow University Library*]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, pp. 81–101.

6. Dmitriev, M. A. (1998) *Glavy iz vospominanii moei zhizni* [Chapters from the Memoirs of My Life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

7. Druzhinin, N. M. (1933) *Dekabrist Nikita Murav’ev* [Decembrist Nikita Muravyev]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl’no-poselentsev.

8. Fomenko, I. Yu. (1997) “M. N. Murav’ev o chtenii: iz rabochikh tetradei kontsa 1770 — nachala 1780-kh godov” [“Muravyev on Reading: From the Workbooks of the End of 1770 — Early 1780s”], in *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy: Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [*Manuscripts. Rare editions. Archives: From the Funds of the Moscow University Library*]. Moscow: Arkheograficheskii tsentr, pp. 102–126.

9. Kochetkova, N. D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma: (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian Sentimentalism: (Aesthetic and Artistic Searches)]. St. Peterburg: Nauka.

10. Kulakova, L. I. (1967) “Poeziya M. N. Murav’eva” [“Poetry of M. N. Muravyev”], in *Murav’ev M. N. Stikhotvoreniya* [Muravyev M. N. Poems]. Leningrad: Sov. pisatel’. Leningr. otd-nie.

11. Lenchenko, M. V. (2016) “Istoriosofiya v marginaliyakh: polemika na knigakh iz biblioteki Murav’evykh” [“Historiosophy in Marginalia: Polemics on Books from the Library of Muravyevs”], in *Karamzinskii sbornik. Vyp. 5-6* [Karamzin Collection. P. 5–6]. Ostaf’evo, pp. 200–215.

12. Lenchenko, M. V., Lyubzhin, A. I. (2017) “Mikhail Nikitich Murav’ev v rabote nad ‘Tuskulanskimi besedami’ Tsitserona” [“Mikhail Nikitich Muravyev in the Work on ‘Tusculan Conversations’ by Cicero”], in *Trudy Nauchnoi biblioteki MGU imeni M. V. Lomonosova. Vyp. 3* [Proceedings of the Scientific Library of Moscow State University named after M. V. Lomonosov. P. 3]. Moscow: Nauch. b-ka MGU, pp. 162–331.

13. *Literatura i istoriya: (Istoricheskii protsess v tvorcheskoy soznaniy russkikh pisatelei i myslitelei XVIII–XX vv.). Vyp. 1.* [Literature and history: (Historical process in the creative consciousness of Russian writers and thinkers of the XVIII–XX centuries). P. 1]. (1992). St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburg. otd-nie.

14. Lotman Yu. M. (1994) *Besedy o russkoy kul’ture* [Talks about Russian Culture]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

15. Petina, L. (2005) “Sobranie knig grafa A. G. Bobrinskogo v zamke Oberpalen: Iz istorii pomestnykh bibliotek Estonii XVIII veka” [“Collection of Books of Count A. G. Bobrinsky in the Castle Oberpalen: From the History of Estonian Local Libraries of the XVIII century”], in *Al’manakh bibliofila. Vyp. 29* [Bibliophile’s Almanac. P. 29]. Moscow, pp. 9–36.

16. Plavinskaya, N. Yu. (2004) “Kak perevodili Montes’k’e v Rossii?” [“How Was Montesquieu Translated in Russia?”], in *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian Civilization]. Moscow: Nauka, pp. 281–286.

17. Samarin, A. Yu. (2000) “Russkie pechatnye knigi v biblioteke knyazya M. M. Shcherbatova” [“Russian Printed Books in the Library of Prince M. M. Shcherbatov”], in *Problemy istochnikovedeniya istorii knigi. Vyp. 3* [Problems of Source Study of the History of the Book. P. 3], pp. 117–137.

18. Semennikov, V. P. (1913) *Sobranie starayushcheesya o perevode inostrannykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoi II* [*Sobranie Diligent About the Translation of Foreign Books, Established by Catherine II*]. St. Peterburg.
19. Serkov, A. I. (2001) *Russkoe masonstvo. 1731–2000: Entsiklopedicheskii slovar'* [*Russian Freemasonry. 1731–2000: Encyclopedic Dictionary*]. Moscow: ROSSPEN.
20. Sukhomlinov, M. I. (1885) *Istoriya Rossiiskoi Akademii. Vyp. 7* [*History of the Russian Academy. P. 7*]. St. Peterburg.
21. Vinogradov, V. (1913) “Platon i Filaret. Mitropolity Moskovskie” [“Platon and Filaret. Metropolitans of Moscow”], *Bogoslovskii vestnik*, 2, pp. 311–347.
22. Zapadov, V. A. (1999) “Murav'ev Mikhail Nikitich” [“Muravyev Mikhail Nikitich”], in *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. Vyp. 2: K — P* [*Dictionary of Russian Writers of the XVIII Century. P. 2: K — P*]. St. Petersburg: Nauka.
23. Zelinskii, F. F. (1995) “Tsitseron v istorii evropeiskoi kul'tury” [“Cicero in the History of European Culture”], in *Iz zhizni idei. T. 4* [*From the Life of Ideas. Vol. 4*]. Moscow: Ladomir.
24. Zhivov, V. M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [*Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture*]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Галина Егорова

«Вся жизнь его была беспокойной»: Николай Петров и судьбы русского духовенства в XX веке¹

Егорова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

gsegorova@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу биографии священника Николая Петрова в контексте событий XX в. Реконструкция его жизненного пути стала возможной благодаря обнаруженному в архиве письму его жены Надежды Яковецкой. Датированное 1970 г. письмо рассматривается как ценный источник для понимания судеб русского духовенства после 1917 г. В биографии «маленького человека» — выходца из сельской интеллигенции, принявшего сан в 1922 г., — отразились все события той эпохи: раскулачивание, лагеря, попытки мимикрировать под новую среду после освобождения, возвращение к служению в период Великой Отечественной войны и, наконец, сближение с апостатами в эпоху хрущевской антирелигиозной кампании. Текст письма Надежды Яковецкой обладает большой ценностью для изучения социальной истории церкви, демонстрируя женский взгляд на эпоху гонений на духовенство. Источник сообщает ценные сведения для изучения исто-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Екатерине Болтуновой, рецензентам и редакторам журнала «Территория» за ценные идеи и вклад в создание этой статьи, а также признательность Екатерине Мельниковой и Ивану Тымчуку за помощь в подготовке публикации.

рии повседневности духовенства XX в., а также взаимоотношений внутри церковной среды (система поддержки, конфликты, клановость).

Ключевые слова: Русская православная церковь, эго-документ, репрессии, раскулачивание, апостасия, XX век, Николай Петров, Надежда Яковецкая, Александр Осипов.

“His Whole Life was turbulent”: Nikolai Petrov and the Fate of the Russian Clergy in the XXth Century

Egorova Galina Sergeevna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

gsegorova@hse.ru

Abstract. This article presents a microhistorical study of a provincial Russian Orthodox priest Nikolai Petrov's life, through the lens of his wife Nadezhda Yakovetskaya's memoir. Dated 1970, her letter is a valuable source for understanding the fate of Russian clergy after 1917. The biography of Petrov as “an ordinary man” from rural intelligentsia, reflects all the pivotal events of his era: dekulakization, Gulag imprisonment, attempts to adapt to the new environment after release, return to ministry during the Great Patriotic War, and rapprochement with apostates during Khrushchev's anti-religious campaign. Nadezhda Yakovetskaya's memoir provides unique insights into the social history of Russian Orthodoxy. It reveals the gendered perspective of clerical families' experiences, the everyday life of persecuted clergy, along with institutional church history by demonstrating intra-ecclesial dynamics (including patronage systems and regional clan structures).

Keywords: Russian Orthodox Church, ego document, repression, dekulakization, apostasy, 20th century, Nikolai Petrov, Nadezhda Yakovetskaya, Alexander Osipov.

В августе 2000 г., на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви (далее — РПЦ), вошедшем в историю масштабной канонизацией новомучеников и исповедников XX в., патриарх Московский и всея Руси Алексий II охарактеризовал уходящее столетие как «драматическое», подчеркнув, что церковь пережила в нем беспрецедентные гонения. Однако, по его словам, именно эти гонения стали «горнилом», в котором «Церковь Русская очистилась от греховной расслабленности», а подвиг мучеников и исповедников стал «твердым основанием» современного церковного возрождения².

Одним из центральных решений собора было прославление в лике святых более 1200 новомучеников и исповедников российских, а также канонизация семьи императора Николая II. Фигура новомученика заняла важное место в постсоветском церковном нарративе: пострадавшие за веру были представлены как пример каноничной христианской жертвенности и символ обновления церковной жизни в постсоветский период³.

Академические исследования этого периода также проявляли интерес к истории государственно-церковных отношений первых десятилетий советской власти⁴, истории новомучеников⁵ и церков-

2 Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Архиерейском Соборе 2000 года. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/421863.html> (дата обращения: 10.05.2025).

3 Там же.

4 Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43–45; Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994; Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост.: О. Ю. Васильева. М., 1996; Фирсов С. Л. Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. № 1. С. 205–208; Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010.

5 См., например: Васильева О. Ю. Образ новомучеников в истории России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4. С. 21–82; Емельянов К. С. Канонизация святых русской церкви как объект социологического исследования: дис. ... канд.

ного сопротивления⁶. В истории церкви принято обращать внимание на историю подвигов, в то время как история компромиссов, уступок и других форм адаптации к антирелигиозной политике государства на примере судеб «маленьких людей» остается исследованной фрагментарно. Внимание к биографиям клириков и мирян становится особенно актуальным в контексте современных микроисторических исследований⁷. Грегори Фриз, американский историк, специализирующийся на истории Русской церкви имперского периода, призывает «отойти от “национальной макроистории” ... и перейти ... к исследованию самих приходов, и прежде всего деятельности и самосознания клириков и прихожан»⁸. Изучение жизни провинциальных священников позволяет существенно расширить наши представления о социальной истории Церкви, рассматривая ее не только в институциональном аспекте, но, прежде всего, как сообщество.

Настоящее исследование фокусируется на реконструкции биографии священника Николая Михайловича Петрова на основе воспоминаний его жены Надежды Андреевны Яковецкой. Письмо Н. А. Яковецкой, датированное 1970 годом, было обнаружено в архиве Александра Осипова (1911–1967)⁹ — протоиерея, магистра

социол. наук. М., 2005; Семенов-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века: история персонификации. М., 2010.

- 6 Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008; Православное церковное сопротивление в СССР: биографический справочник 1927–1988 гг. / авт.-сост., ред. М. В. Шкаровский; авт.-сост. Д. П. Анашкин. М., 2013.
- 7 Относительно истории Русской церкви такой подход применяется в основном к имперскому периоду. См. подробнее: Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. Очерки. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005; Freeze G. L. Rediscovering the Orthodox Past: The Microhistorical Approach to Religious Practice in Imperial Russia in Tapestry of Russian Christianity / ed. By Nicholas Lupinin, Donald Ostrowski, and Jennifer Spock. Columbus, 2016. P. 435–488.
- 8 Фриз Г. Л. На пути к глобальной микроистории православного прихода // Российская история. 2024. № 4. С. 83.
- 9 Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1152.

богословия, профессора Ленинградской духовной академии и семинарии, который в 1959 г. публично отрекся от религии и сделал атеизм своей профессией. После отречения Осипов получил более тысячи писем от людей со всего Советского Союза, которые осуждали его поведение, пытались образумить, понять мотивы, делились с ним сомнениями в вере и высказывали поддержку¹⁰. Постепенно вокруг Осипова сложился круг людей, отказавшихся от веры, — апостатов, — переписка с которыми сформировала достаточно устойчивое сообщество, общение внутри которого не прекратилось даже после смерти бывшего протоиерея в 1967 г. Посредником в этой переписке стала вдова А. Осипова — В. П. Химинус. Каким же образом в архив известного атеиста могло попасть письмо жены священника Н. А. Яковецкой с рассказом о жизни ее мужа, который публично от веры не отрекался?

Священник Николай Петров (1894—1970) прожил необычную, насыщенную событиями жизнь. «Маленький человек», выходец из среды крестьянской интеллигенции Русского Севера, он успел получить образование в Новгородской духовной семинарии и Военно-хозяйственной академии, воевал с С. В. Петлюрой в составе Красной армии, принял сан в период обострения антирелигиозных гонений, был раскулачен и отбывал наказание в Свирлаге. Вернувшись на свободу, обнаружил, что потерял дом, жену и социальный статус. Благодаря новой гражданской жене Петров смог устроиться на завод в Ленинграде, а с началом Великой Отечественной войны возобновил священническое служение, которое продолжалось до его выхода на пенсию в 1954 г.

Письмо Н. А. Яковецкой написано в 1970 г., после смерти мужа. В архиве А. А. Осипова удалось обнаружить десять писем, которые Николай Петров отправил ему в период с 1960 по 1965 г. Судя по переписке, у священника на пенсии и бывшего богослова

10 Подробнее см.: *Egorova G. The USSR's "Atheist-in-Chief" and the Public Space in the Soviet 1960s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2024. Vol. 25. № 4. P. 757–781.*

нашлось много общего, и они тесно общались. Неизвестно, с какой целью было написано публикуемое ниже письмо — возможно, по просьбе В. П. Химинус или сама Надежда Андреевна изъявила желание поделиться сложной судьбой мужа, сохранив таким образом память о нем. В любом случае ее воспоминания представляют собой ценный эго-документ, свидетельствующий о непростых судьбах русского духовенства и интеллигенции в XX в.

Текст: автор и герой

Публикуемое ниже письмо, озаглавленное «О жизни Николая Михайловича Петрова», — непростой в содержательном отношении текст, совмещающий в себе черты биографии, автобиографии и житийной литературы. Хотя главная линия повествования отведена мужу, Н. А. Яковецкая предстает в письме равноправным свидетелем и участником событий.

Об авторе из текста мы знаем немного. Нам неизвестны ни год ее рождения, ни социальное происхождение, ни полная биография. Однако текст позволяет реконструировать ключевые этапы ее жизни. Надежда Яковецкая родилась в конце XIX в.¹¹ в Устюженском уезде Новгородской губернии, в 1910 г. окончила Устюженскую женскую гимназию, с 1911 г. работала учительницей, затем — заведующей земской школой. Яковецкая познакомилась с Николаем Петровым в период его учебы в семинарии, а летом 1917 г. вышла за него замуж. В первые годы брака она финансово поддерживала мужа, пока он учился в Ленинградском университете и Военно-хозяйственной академии (1917–1920).

После окончания Гражданской войны супруги вернулись на родину мужа — в село Никифорово Устюженского уезда Новгородской губернии, где Николай стал священником в 1922 г. Служение продолжалось до 1929 г., когда Николай Петров был аресто-

11 Предположительно, в 1895 г., если принять во внимание, что в 1950 г. она вышла на пенсию.

ван. После ареста мужа и конфискации имущества Н. А. Яковецкая была вынуждена переехать в Ленинград к сестре. Здесь она начала новую жизнь: работала счетоводом на льнозаводе в Псковской области, а с 1934 г. — на Ленинградском почтамте. После освобождения Петрова из лагерей в 1936 г. супруги не смогли воссоединиться из-за нежелания Надежды возвращаться в колхоз. В тексте она описывает свое решение, отсылая к идентичности городской интеллигентской среды: «Что я там могу работать? Здесь я в своей стихии: карты, перья, чернила, книги, бумага»¹². Пока Николай Петров скитался, Надежда не знала о его судьбе. Она продолжала работать в Главпочтамте, пока не вышла на пенсию в 1950 г. В том же году, после смерти гражданской жены Петрова, по инициативе его сестры Н. А. Яковецкая вернулась к мужу. После выхода Петрова на пенсию в 1954 г. и до его смерти в 1970 г. они жили вместе в поселке Саблино, в 54 км от Ленинграда.

Таким образом, Надежда Яковецкая фактически «прожила» несколько жизней: читатель видит провинциальную «женщину-интеллигентку», сельскую учительницу, которую революция 1917 года поставила в совершенно новые условия; жену полкового квартирмейстера, кочующего по фронтам Гражданской войны; супругу гонимого священника, тихую служащую ленинградских предприятий и пенсионерку. Смена этих социальных ролей не влекла за собой радикальную трансформацию идентичности, наоборот, переезд в Ленинград рассматривался как возвращение к утерянной сущности. Вероятно, поэтому в тексте нельзя обнаружить покаянных элементов, доказывающих обретение новой советской идентичности, характерных для советских автобиографий довоенного периода¹³.

12 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2200. Л. 8. Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены.

13 О сходстве советских автобиографий с ритуалом исповеди см.: *Халфин И.* Автобиография большевизма: между спасением и падением. М., 2023. О массовой практике составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми см.: Зарецкий Ю. Моя жизнь для Государства: Массовая практика составления делопроизводственных автобиогра-

Мемуары Яковецкой представляют собой своеобразную «светскую агиографию»¹⁴, где образ священника Николая Петрова выстраивается через призму страдальческого пути: пребывание в лагере, скитания, неустройство, конфликты с церковным начальством. Использование символических деталей — кончина мужа почти одновременно с патриархом Алексием I (бывшим семинарским наставником и дальнейшим протектором) и погребение в Вербное воскресенье — наполняет повествование ощущением высшего смысла. Автор скрупулезно фиксирует географию служения и круг общения мужа, состоящий почти исключительно из представителей бывшего духовного сословия. Характерно использование разных форм обращения: официально-сдержанное «Н[иколай] Мих[айлович]» и «Петров» в бытовых описаниях сменяется уважительным «батюшка» в контексте его служения и подвигов. При этом от каноничного жития эти воспоминания отличаются отсутствием «чудес», молитвенных и других подвигов и посмертного почитания. Более того, Яковецкая сознательно включает в повествование сложные, компрометирующие эпизоды его биографии (история с гражданским браком Петрова в 1930—1940-х гг.).

При этом жизнь Надежды Яковецкой вплетена в основное повествование, а сам текст раскрывает ее женский взгляд на эпоху и события. В ее мемуарах можно заметить характерные особенности женских автодокументальных текстов: присутствие «чужого слова» (читателя может удивить как обилие орфографических и пунктуационных ошибок в тексте учительницы, так и неожиданное появлением «громких» слов и стилистических приемов, явно позаимствованных из внешней среды: «Сестры зимой работали на *ниве просвещения*

фий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 3. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21144/ (дата обращения: 10.05.2025).

- 14 О трансформациях в конструировании себя индивидом при изменении социальных условий см.: Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / под редакцией Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М., 2019.

(здесь и далее курсив мой. — *Прим. авт.*), а летом работали на земной ниве», «На фабрике инкогнито подвизался не один Н[иколай] Мих[айлович]»), выражение «Я» через символическое пространство, с которым автор себя отождествляет («кругом карты, перья, чернила, книги, бумага»), эмоциональная составляющая («вот и сидит хозяйка в своей избушке как зачумленная», «Я в 50 году вышла на пенсию и вот *опять* замужем за своим мужем»)¹⁵.

«Вселенная» Николая Петрова

Первая, «дореволюционная» часть жизни священника Николая Михайловича Петрова была связана с Русским Севером. Он родился в упоминавшемся выше селе Никифорово Новгородской губернии (впоследствии эти земли стали частью Череповецкой, Петроградской и Вологодской областей). Его малая родина — типичное северное село с патриархальным укладом и древней историей, уходящей в начало XVII в. В селе была церковь Параскевы Пятницы, построенная в 1751 г., школа, лавка и больница¹⁶. В начале XX в. в Никифорово проживали 359 человек¹⁷.

Семья Петровых представляла собой достаточно типичный пример социальной мобильности в крестьянской среде позднеимперского периода. Отец, Михаил Петрович, выходец из кре-

15 Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С. 399–400.

16 Примечательно, что Яковецкая относит к сельской интеллигенции местного священника: «Из интел[л]лигенции тех лет были уже в Никифорове кроме, кроме батюшки служившего весь век при церкви до старости; начальник почтового отделения; фельдшер больницы, разбогатевший местный купец (была торговля всевозможными товарами и в Никифорове и лавка в городе)».

17 Список населенных мест Новгородской губернии / сост. под ред. Новгородск. губ. стат. ком. В. А. Подобедова. Новгород, 1907–1912. Вып. 1–11. URL: <https://familio.org/knowledge-base/catalogs/novgorod1912?page-group=1&page-records=1&title=Никифорофо> (дата обращения: 30.06.2025).

стьян, стал преподавателем в Соминском двухклассном училище (сейчас — Ленинградская область). Мать, Александра Ивановна, была неграмотна и вела все домашнее хозяйство. В семье было семь детей, где Николай был единственным сыном, занимавшим особое положение как наследник фамилии. В дальнейшем именно сестры станут главной опорой и поддержкой Петрова в трудный период возвращения из лагерей, помогут обрести новый дом, жену и работу.

Кроме старших сестер-учительниц, детский мир Николая формировали религиозная бабушка, местный священник, семья которого демонстрировала профессиональную преемственность, сын купца — ближайший друг детства и учитель древних языков Устюженского духовного училища Виктор Савич Кедринский, разглядевший в мальчике способности и прививший любовь к латыни.

Духовное образование Петров получил сначала в Устюжне (уездном центре с населением около 5000 человек), затем в Новгородской семинарии (где он познакомился с будущим патриархом Алексием I). Круг знакомств, сформировавшийся в этот период, был очень значим для Петрова — со многими выпускниками семинарии он общался вплоть до конца жизни. Но главным событием, безусловно, стало знакомство семинариста с молодой заведующей земской школой Надеждой Яковецкой, которая летом 1917 г. стала его женой. В дальнейшем их жизненные пути то соединялись, то расходились под влиянием внешних обстоятельств, однако для исследователя важно то, что сравнительное изучение их биографий позволяет увидеть разные стратегии выживания в условиях гонений.

Изначально будущее рисовалось молодой семье вполне благоприятным. Окончив семинарию по первому разряду, Петров вернулся в Устюженское духовное училище в качестве воспитателя, а вскоре поступил в Ленинградский государственный университет, решив связать жизнь с медицинским факультетом,

однако постреволюционная ситуация внесла свои коррективы. В конце 1918 г., как единственный сын в семье, он был переведен из университета в Ленинграде в Военно-хозяйственную академию в Москве, которая осуществляла подготовку специалистов-организаторов тыла и руководителей служб снабжения армий по ускоренной программе, что было вызвано нуждами военного времени. После окончания академии Петров с женой присоединился к Красной армии в качестве квартирмейстера, отвечая за продовольственное и вещевое снабжение полка.

В целом в биографии Петрова войны выступают своеобразными точками бифуркации, меняющими ход жизни и возвращающими к истинному призванию — священству. В 1922 г., после Гражданской войны, Петров решает принять сан, в 1941 г. возвращается к служению после долгого перерыва.

Сложно сказать, было ли обращение к духовному сану в 1922 г. велением сердца или решением, принятым под давлением обстоятельств. Вполне возможно, что для Петрова, прошедшего через хаос Гражданской войны и службу в Красной армии, рукоположение стало попыткой обрести стабильность в разрушенном мире. То, что он становится священником в родном селе, может быть истолковано как стремление вернуться к корням, к спокойной, дореволюционной жизни. Яковецкая отмечает, что Петров после возвращения к служению каждый раз видит изменения в церковной жизни («Батюшка Петров в родном селе, а жизнь то батюшек на приходе изменилась» (1920-х гг.); «в церковной деятельности новое влияние, новые порядки» (в 1940-х гг.)), что говорит об определенных ожиданиях с его стороны.

Николай Петров принял священный сан в начале 1920-х г. в условиях нарастающих гонений на Церковь: на 1922 г. пришлось масштабная кампания по изъятию церковных ценностей. Дальнейшее положение семьи Петровых в 1920-е гг. отражает системное разрушение экономических основ существования духовенства: клирики были вынуждены перейти на натуральное содер-

жание от прихожан ($\frac{1}{2}$ пуда зерна со двора), которое не выполнялось в полном объеме и стремительно сокращалось год от года. С 1928 г., несмотря на частичную поддержку общины и ведение подсобного хозяйства, священник последовательно сталкивался с десоциализацией и нивелированием своего статуса. Николай Петров был уроженцем этого села, его отец и сестры имели уважаемую профессию учителя, однако для местного сообщества статус священника помещал его в пограничное состояние между «своим» (уроженцем) и «чужим» (лишенцем).

В конце декабря 1929 г. семья священника подверглась раскулачиванию¹⁸: Николая Михайловича арестовали, забрали документы и поместили под арест в Устюжне. Сельский сход решил распродать все его имущество, включая корову, предметы мебели, посуду. Жена священника смогла остаться в пустой избе чуть больше месяца — в феврале их дом приобрел знакомый житель села. Надежда перебралась в Ленинград к сестре, которая делила комнату с мужем, и устроилась на работу. Николай Михайлович был приговорен к пятилетнему заключению в Свирлаге, узниками которого в тот период были многие представители интеллигенции и духовенства, в том числе священномученики архиепископ Августин (Беляев), архиепископ Феодор Волоколамский, новомученица княжна Кира Ивановна Оболенская, причисленные РПЦ к лику святых.

Николаю Петрову повезло выжить — его взял к себе писарем начальник лагеря¹⁹. В 1936 г. он вернулся к жене в Ленинград. При-

18 Важно отметить, что география повествования охватывает регионы Русского Севера, а именно территории современных Вологодской, Новгородской и Ленинградской областей, не являвшихся приоритетными для проведения коллективизации. Тем не менее семья Петровых подверглась раскулачиванию уже в конце 1929 г.

19 Важно заметить, что в отличие от части сельского духовенства, избравшего путь публичного отречения в период коллективизации, Николай Петров сохранил верность своим убеждениям и достойно перенес гонения. Об отречениях периода коллективизации см. коллекцию

ютить репрессированного священника в однокомнатной квартире было негде, кроме того, это представляло опасность, и после отказа он был вынужден вернуться в колхоз в одиночку, откуда в письмах сообщал жене, что *«сидит в сарае и смотря на бывший наш домик плачет»*²⁰. В родном селе он жил в сарае, чтобы не привлекать внимание к семье сестер, регулярно писал письма жене, в которых слезно просил ее вернуться. В 1937 г. Надежда отказалась вернуться в колхоз, после чего переписка прекратилась. Петров с помощью сестры нашел новую жену (в тексте Яковецкой она фигурирует как Ю. И., счетовод в сельсовете) и устроился работать на бумажную фабрику имени М. Горького в Ленинграде.

Таким образом, сравнительный анализ судебных супругов из духовной среды позволяет сделать вывод о гендерных особенностях социализации после репрессий: женская биография демонстрирует стратегии компромисса и приспособления, тогда как мужская — траекторию системного исключения и маргинализации.

Великая Отечественная война стала вторым событием, которое вернуло Петрова к служению²¹, правда, сначала в условиях оккупации. Он системно оказывал помощь фронту: с колокольни наблюдал за полетом фашистских самолетов, поддерживал партизан. Война помогла Петрову выйти из маргинального положения репрессированного священника, легитимировать свой статус через участие в патриотической деятельности и восстановить социальные связи и контакты с церковной иерархией — в 1945 г.

писем-отречений, отправленных в газету «Безбожник» в 1929–1931 гг., хранящуюся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 5407. Оп. 2. Д. 399).

20 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2200. Л. 7.

21 Интересно, что Яковецкая отмечает, что «когда прекратилось, по указу правительства, преследование духовных лиц, то оказалось на фабрике их шесть человек (три священника, два диакона и учитель)» (Там же. Л. 9), что свидетельствует как о масштабах репрессий против духовенства в 1930-е гг., так и о формировании особой стратегии выживания через мимирию.

патриарх наградил его наперсным крестом. При этом возобновление служения совпало с новыми формами контроля и ограничений, к которым Петров оказался не готов.

**Конец жизни:
церковная кастовость, сближение с апостатами
и сомнения в вере**

В 1954 г. Николай Михайлович вышел на пенсию, купил домик в поселке Саблино Ленинградской области, где и обосновался с 1955 г. Казалось, у него было все, чтобы мирно встретить старость: покой, пенсия и помощница-жена. Однако со второй половины 1950-х гг. в СССР развернулась масштабная антирелигиозная кампания, которая, вопреки ожиданиям, не обошла стороной даже заштатного, то есть не числившегося в штате прихода, священника²², по сути, пенсионера.

6 декабря 1959 г. в «Правде» вышла статья с отречением Александра Осипова²³, а 13 января 1960 г. свое письмо ему направил Николай Петров. Удивительно, но 65-летний священник, который носил сан 38 лет, пережил лагеря и служение на оккупированной территории в годы войны, поддержал отречение богослова: *«от души приветствую Ваше честное выступление, опубликованное в “Московской Правде”, аплодирую Вам за Ваши умные, правдивые ответы корреспонденту “Известий”, горячо благодарю Вас и сочувствую Вам»*²⁴. Петров уверял Осипова: *«в церковной среде у Вас имеются единомышленники, разделяющие Ваши убеждения и Ваше настроение, недовольные церковной ситуацией, нездоровой*

- 22 Статус мог быть присвоен по различным причинам, включая состояние здоровья, возраст, канонические и иные вопросы. При выводе за штат священник мог быть оставлен с правом или без права служения.
- 23 Осипов А. Отказ от религии — единственно правильный путь. Письмо в редакцию // Правда. 1959. 6 декабря. С. 4.
- 24 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1643. Л. 2.

церковной атмосферой и церковным руководством»²⁵. В заключение письма Петров просил бывшего богослова о личной встрече. Ответное письмо Осипова не сохранилось, но после январского письма между ними завязалась длительная переписка²⁶, которая прервалась в январе 1964 г. — сначала в связи с лечением катаракты Николая Михайловича, а затем из-за болезни и смерти Осипова. В своих письмах Петров делился впечатлениями от статей, книг и выступлений бывшего богослова, поддерживая и соглашаясь с «умной правдой о мерзостях духовной кастовой среды, которую я переживал еще, будучи учеником духовного училища. Эту подлость я терпел и тогда, когда состоял активным служителем “Матери церкви”»²⁷.

Такое поведение отошедшего от дел священника удивительно в условиях, когда церковное сообщество отреагировало на отречение Осипова однозначно отрицательно²⁸. Очевидно, ответ

25 Там же.

26 Там же.

27 Там же. Л. 5.

28 См. «Открытое письмо» священника Василия Заводчикова А. А. Осипову в публикации Прилуцкий А. М., Фирсов С. Л. «Они вышли от нас, но не были наши». К истории отречения бывшего богослова Александра Осипова // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 119. С. 173–187. В архиве А. Осипова сохранилось более 1000 писем, полученных после его разрыва с РПЦ. Большая часть адресантов (в том числе из числа людей, декларировавших свой атеизм) отнеслась к его отречению с непониманием и осуждением, рассматривая апостасию исключительно как способ получить социальные и материальные дивиденды: «Ведь Иуда Искариот предал Христа за 30 серебряников. Но он раскаялся и удавился. Уж вы то этого не сделаете!» (ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2006. Л. 2 об.). Авторы часто помещали его в один ряд с общеизвестными предателями: «На ряду с Иродом, Иудой, Юльяном Отступником, Ипатием Потеем, Лжедмитрием, Власовым и многими другими телезрители ставят и Ваше имя Предателя» (Там же. Д. 2030. Л. 1). Адресанты также часто именовали Осипова «крысой»: «Поклонником культа сберегательной книжки я Вас не считаю. Вы слишком хитры для этого — Вы собирали золото — это вернее! Пока было выгодно Вы работали в академии, а теперь, когда

кроется в глубинном разочаровании Петрова в устройстве церковной системы. Его письма полны обиды на негласную иерархию внутри духовенства, в которой он, по его словам, занимал низкое положение: *«Я, как и Вы, не из кастового духовенства. Так как я не подхалим и чуждый всякого низкопоклонства и непресмыкающийся перед “князьями церкви”, то поэтому и нахожусь сейчас вне ограды “матери церкви”»*²⁹.

В публикуемых воспоминаниях Надежды Яковецкой нет упоминаний о духовном кризисе мужа и сближении с апостатами в 1960-х гг. При этом, говоря о его служении в 1940-х гг., она упоминает «новые порядки» в Церкви, «холодные ветра» и «грозовые тучи» со стороны Ленинграда, которые «дойдя до Москвы обращались в спокойную, ясную погоду», подразумевая гонения на Петрова от ленинградского начальства и защиту со стороны патриарха. Яковецкая упоминает о конфликте между Николаем Петровым и митрополитом Григорием, причиной которого стало существование «кастовости» в окружении митрополита: «Ведь кругом митрополита были служители если не бывшие товарищи, друзья, то дети их, знакомые выходцы из религиозной духовной касты, а Петров выходец из крестьян»³⁰. Подобные претензии, касающиеся разделения на «своих» (выходцев из церковной среды) и «чужих» (выходцев из крестьян или других социальных слоев), могли бы дать исследователю основания для рассуждений о существовании неформальной кастовости в среде советского духовенства, истоки которой можно обнаружить в имперском периоде, когда духовное сословие в России действительно было замкнутой

академия не сегодня-завтра закроется — Вы, как крыса, убежали с корабля» (Там же. Д. 1177. Л. 1 об.). См. подробнее: Egorova, G. The USSR's "Atheist-in-Chief" and the Public Space in the Soviet 1960s.

29 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 1643. Л. 3. В письмах Петров пишет о «М/матери церкви» то со строчной, то с прописной буквы.

30 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2200. Л. 10.

группой³¹. Однако анализ ситуации показывает неоднозначность конфликта.

Митрополит Григорий (Николай Кириллович Чуков) был крупной фигурой в истории Церкви советского периода: сподвижник патриархов Сергия (Страгородского) и Алексия I (Симанского), постоянный член Священного синода, председатель Учебного комитета, инициатор восстановления ленинградских духовных школ и «церковный дипломат». Благодаря его усилиям была восстановлена система духовного образования в СССР. Он активно участвовал в международной деятельности РПЦ в послевоенный период, представляя Московский патриархат в Болгарии, Финляндии, на Ближнем Востоке и в США, где его миссии часто пересекались с интересами советской внешней политики. Удивительно, но даже «апостол атеизма» Александр Осипов оставил о митрополите Григории положительные воспоминания³².

31 К примеру, говоря о формировании кастовости православного духовенства в Российской империи, американский историк Лори Манчестер выделила несколько факторов, среди которых: восприятие приходской общины не как совокупности традиционных сословных групп, а «как сочетания двух компонентов — клира и мирян»; отсутствие у духовенства широких родственных связей в среде других сословий и «различные юридические ограничения. ... на протяжении долгого времени выход из духовного сословия был крайне затруднен. Священник-вдовец не мог жениться повторно, если же он оставлял духовную службу, то в течение пяти лет не имел права избирать светскую профессию, да и потом ему был доступен лишь ограниченный круг низших должностей» (*Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М., 2015. С. 28–29*).

32 В воспоминаниях Осипова, опубликованных спустя два года после его смерти в журнале «Наука и религия», митрополит Григорий представлен как «мыслитель и педагог. Администратор и руководитель. У него был быстрый и острый, логически отточенный ум, умение понимать реальную обстановку»; «Он был четок и требователен. Говорить с ним “вообще” было нельзя»; «Решал быстро, четко. Охотно выслушивал хорошо подготовленное и мотивированное мнение. Допускал даже оспаривание» // *Кашиеваров А. Н. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) в памяти современников // Вест-*

Биография митрополита Григория, как кажется, опровергает его прямую принадлежность к «духовной аристократии» — он был сыном предпринимателей, выходцев из крестьянской среды. Его жизненный путь являет собой классический пример вертикальной мобильности в рамках церковной системы. Вполне естественно, что талантливый управленец ценил образованных людей и стремился окружить себя представителями династического духовенства, способными сохранить преемственность с дореволюционными традициями. Петров, судя по тексту, интерпретировал ситуацию в категориях социального антагонизма (крестьянин vs духовная элита), но реальный конфликт, вероятно, лежал в иной плоскости.

По воспоминаниям А. Осипова, Чуков «в управлении ... был крут порой до невероятности»: почти ежегодно митрополит совершал перемещение священников с прихода на приход³³. Провинциальное образование и, возможно, особенности биографии сельского священника Петрова (в частности, незаконное сожительство с Ю. И. при живой жене) могли вызывать вопросы у руководства епархии. Кроме этого, очевиден культурно-образовательный разрыв между участниками конфликта: Чуков — выпускник академии, богослов, интеллектуал, который мог видеть некомпетентность Петрова, а последнему было проще объяснить свое отстранение «кастовостью».

Переписка Н. М. Петрова и А. А. Осипова привносит дополнительную информацию в историю конфликта. В архиве А. Осипова сохранились два письма, которые Петров написал «митрополиту Сергию»³⁴, секретарю митрополита Григория. Письма

ник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2024. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mitropolit-leningradskiy-i-novgorodskiy-grigoriy-chukov-v-pamyati-sovremennikov> (дата обращения: 28.06.2025).

33 Там же.

34 Сергей Владимирович Румянцев (1903–1977) — протоиерей РПЦ, многолетний настоятель Преображенского собора в Ленинграде. В 1920–1940-х гг. — участник обновленческого раскола, епископ обновленческой церкви. 1 октя-

можно датировать 1958 г.³⁵, но неизвестно, были ли они отправлены адресату. Первое письмо носит агрессивно-обвинительный характер: Петров указывает на причастность митрополита Григория и его секретаря Сергия к своему увольнению, подчеркивает абсурдность доносов о его «пьянстве, своеволии и интригах». Среди причин его отставки фигурировали также особенности его поведения («выпиваю за одним столом с “чепеушниками”, ... когда то угрожал кулаками митрополиту Григорию и др. невозможные вещи»³⁶). Однако больше всего Петрова оскорбило непризнание его верности Церкви: «Если бы Вы верили в Бога и знали все то, что я пережил в жизни за свое служение Церкви, то Вы бы так со мной не поступили»³⁷.

Во втором письме Петров просил о восстановлении в священническом служении. Он с достоинством подчеркивал свою неизменную приверженность вере, несмотря на все испытания и потрясения, выпавшие на его долю: «За все это время, несмотря на сильные потрясения, сопряженные с моей церковной жизнью, я никогда — ни при каких обстоятельствах — не допускал ни отступления от веры Христовой, ни отречения от Церкви, ни отказа от религии»³⁸.

В качестве места возможного назначения заштатный священник, который всю жизнь служил в деревенских церквях и храмах небольших городов, предлагал «Александро-Невский собор»³⁹, указывая на бытовые и логистические соображения.

бря 1943 г. был награжден правительственной наградой — медалью «За оборону Ленинграда». В 1944 г. присоединился к РПЦ, в 1946 г. возведен в сан протоиерея. С 1953 по 1964 г. — секретарь Ленинградского митрополита.

35 В письме Николай Петров сообщает: «Мне сейчас 64 года»; отталкиваясь от даты его рождения — декабрь 1894 г., — можно предположить, что письмо написано в 1958 г. (ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2841. Л. 2 об.)

36 Там же. Л. 1.

37 Там же. Л. 1 об.

38 Там же. Л. 2 об.

39 Вероятно, имелся в виду Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.

Петров подчеркнул, что его стремление вернуться к служению продиктовано не материальными нуждами — в этом он, по его словам, не испытывал недостатка, — оно было обусловлено исключительно искренним желанием продолжать пастырское служение ради веры и долга⁴⁰. Просьбу священника, который уже четыре года находился за штатом, служить в одном из главных соборов Ленинграда можно рассматривать как своего рода вызов системе.

Петров, как священник «из низов», чувствовал себя аутсайдером и болезненно переживал свое существование «вне касты». В этой связи очень интересно то, как Надежда Яковецкая на протяжении воспоминаний подчеркивает его связь с патриархом Алексием I, фигура которого была для Петрова чрезвычайно важна и присутствовала в наиболее важные периоды его жизни. Патриарх был для него наставником и учителем в семинарии, защитником от нападок митрополита Григория. Для Петрова очень значима и аудиенция у патриарха в конце войны, и награждение наперсным крестом. И, даже потеряв память в последние годы жизни, Петров «часто спрашивал жив ли патриарх и служит ли. За день до смерти, едва ворочая языком тоже спросил»⁴¹. Яковецкая подчеркивает синхронность смерти «учителя и ученика»: «учитель пережил ученика ровно на полсуток. В далекие прошлые годы жили, когда то, вместе и вот умирали вместе»⁴².

Акцент на «присутствии» патриарха в жизни Николая Петрова подчеркивает, что, даже имея друзей в церковной среде, он очень страдал от ощущения того, что не включен в церковную кастовую систему. Петрову казалось, что церковь, несмотря на декларируемое единство, воспроизводит неравенство, которое коснулось его самого. Ресентимент стал причиной его сбли-

40 Там же.

41 ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2200. Л. 12.

42 Там же.

жения с Осиповым и сообществом апостатов и в целом — причиной религиозных сомнений: в 1960 г. Петров перестал выписывать официальное издание РПЦ «Журнал Московской Патриархии», а вместо него начал приобретать литературу атеистического содержания (в частности, с 1960 г. и до своей смерти выписывал журнал «Наука и религия»).

Микроисторический подход все еще не нашел широкого применения в исследованиях по истории Русской церкви, хотя он позволяет не только увидеть «калейдоскопическое разнообразие форм и деталей церковной жизни на местах»⁴³, но и обнаружить системные закономерности и предложить новые интерпретационные модели для понимания важных процессов в истории РПЦ.

Жизнь священника Николая Петрова демонстрирует парадоксальный путь — от мученичества, попыток социальной адаптации и восстановления в служении до сближения с апостатами. Мы предполагаем, что такое поведение нельзя сводить к слабости веры или объяснять личными обидами. Речь идет о глубоком кризисе идентичности, возникшем в послевоенный период. Преследования 1930-х гг., при всей их жестокости, не только не сломили верных Церкви людей, но и выступали фактором консолидации и сопротивления верующих, тогда как процесс институционального возрождения Церкви в послевоенный период парадоксальным образом оказался психологически не менее сложным для части духовенства, чем предшествующие репрессии.

Создание новых управленческих структур (прежде всего, Совета по делам РПЦ) сопровождалось формированием новой системы взаимоотношений Церкви как с государственными

43 Фриз Г. Л. Указ. соч. С. 87.

органами в центре и на местах, так и внутри самой церковной организации. Вполне объяснимо, что в этот период церковного ренессанса священнослужители, прошедшие лагеря, ожидали признания их верности и стойкости. Однако карьерный рост клириков, присоединившихся некогда к обновленческому движению, вызывал у них недоумение и вопросы, а также создавал ощущение, что их подвиг и верность Церкви нивелировались. Им казалось, что в новой церковной реальности приоритет отдавался не духовным заслугам, а лояльности церковно-государственной системе и формированию «клановости». Этот кризис усиливала двойная маргинализация: для советского социума священники давно были «чужими», но ощущение себя «лишним» в церковной среде стало невыносимым испытанием.

Хотя индивидуальный опыт Петрова нельзя механически экстраполировать на все духовенство, массовая апостасия периода хрущевской антирелигиозной кампании (историки фиксируют около 200 случаев отречения за период с конца 1950-х по начало 1960-х гг.)⁴⁴ позволяет сделать предположение о распространении подобных настроений. Состав сообщества апостатов, сформировавшегося вокруг А. А. Осипова, где наряду с молодыми семинаристами, чью нестойкость можно объяснить недостаточной духовной зрелостью, встречались и опытные пастыри, прошедшие суровые испытания 1920-1930-х гг., ставит под сомнение упрощенные трактовки их отречений как поступка карьеристского или конъюнктурного. Учитывая вышесказанное, советская апостасия, как и критические настроения части духовенства в СССР, предстает сложным социальным феноменом, заслуживающим дальнейшего изучения на основе микроисторического подхода.

44 Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь. XX век. М., 2015. С. 475.

Приложение.

Письмо Н. А. Яковецкой А. А. Осипову (1970 г.) «О жизни Николая Михайловича Петрова»⁴⁵

Родина его селение Никифорово, Устюж[е]нского уезда, Новгородской губ. Местность эта была переименована, «Череповецкой», «Петроградской», теперь Вологодской⁴⁶.

День рождения его 3 декабря-1894 г.⁴⁷ День смерти 16 апреля 1970 г. Вся жизнь его была беспокойной. Попал он в полосу войн, концом царской власти и рождением настоящего социалистического государства. Родственники Н[иколая] Мих[айловича] были хлеборобы-крестьяне, а его семья выбивалась из сетей крестьянства. Все началось с того, что его отец, Михаил Петрович, оканчивая церковно-приходскую школу, показал недюжинные способности к учению. По просьбе экзаменаторов (каких батюшек не знаю), был отправлен на дальнейшее учение в Учительскую семинарию. Окончив ее был назначен учителем в Соминское двухклассное училище⁴⁸, где и сеял свет науки до самой своей старости.

45 Публикация подготовлена в соответствии с действующими Методическими рекомендациями по публикации архивных документов (2022 г.). Текст воспроизводится с сохранением авторской орфографии и пунктуации, языковых особенностей (устаревшие формы слов, индивидуальные речевые характеристики), оригинальной структуры (абзацы, разбивка текста). Проведена частичная унификация — раскрыты сокращения (в квадратных скобках). Все особенности оригинала, включая явные описки, отмечены пометой «Так в тексте».

46 С 1727 по 1918 гг. Устюженский уезд входил в состав Новгородской губернии. После 1918 г. он был передан в Череповецкую губернию, а с 1927 г. стал частью Череповецкого округа Ленинградской области. 23 сентября 1937 г. Устюженский район был включен в состав Вологодской области, где находится и по сей день.

47 Так в тексте.

48 Двухклассные начальные училища — учебные заведения Российской империи с пяти- или шестилетним сроком обучения, появившиеся в 1870-х гг. Они создавались в крупных селах, на важных железнодорожных станциях и в некоторых уездных городах. Первый класс (три года) соответствовал курсу начальной школы. Второй класс (четвер-

Итак значит Н[иколай] Мих[айлович] был сын учителя. Он был один сын, а всего детей в семье было пять сестер старше его и одна младше. Четыре старшие сестры окончили прогимназию⁴⁹, а две гимназию. Старшие были учительницами в сельских церковно-приходских школах, а две младшие в земских. Одна так и прослужила сорок лет в Круглицкой школе Устюж[е]нского р-на (заслужив орден Ленина⁵⁰). Другая в Быковской школе Пестовского р-на, Новгородской обл[.] (тоже получила орден Ленина). Рос Н[иколай] Мих[айлович] балованным ребенком как-же «девок много, а сын один». Старшая сестра была замужем за учителем и ее сын и дочка были чуть помоложе Н[иколая] Мих[айловича]. Сестры зимой работали на ниве просвещения, а летом работали на земной ниве: жали, косили. Хозяйства был какой то крестьянский надел еще со времени освобождения крестьян от крепостного права.

Вся семья жила в своем двух-комнатном доме плюс прихожая и кухня. Держали то две, а то и одну корову да + 1-2 овцы. Пашню кто то из своих родных пахал, а все остальное делали сами. Мама-ша, Александра Ивановна, была неграмотная, но разсудительная, хозяйственная, умная. Все семейные дела вела она. Муж зимой далеко от дома, а летом около дома и все больше один на амбарушке⁵¹

тый и пятый годы) предполагал изучение русского языка, арифметики, а также элементарных сведений по естествознанию, физике, геометрии, истории и черчению. Лучшие ученики имели право поступить в учительские семинарии.

- 49 В дореволюционной России неполное среднее общеобразовательное учебное заведение для мальчиков и девочек, соответствующее четырем классам гимназии. С 1864 г. открывались в населенных пунктах, где не было гимназий. С 1866 г. прогимназии получили право принимать экзамены на звание приходского учителя, а также на первый классный чин.
- 50 Высшая государственная награда СССР. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 февраля 1948 г., орден Ленина вручался учителю, имеющему непрерывный стаж педагогической работы 30 лет.
- 51 Разговорное слово, означающее амбар — холодное строение для склада разного рода хозяйственных вещей, чаще всего для хранения зернового хлеба и муки.

готовит орудия производства: косы, вилы, грабли и т[ому] под[обное]. Видимо на свежем воздухе, да без видимых надоевших за зиму ребят, чувствовал себя хорошо. Папа признавал только сына, так что сынок с самого детства был на особом положении. Напр. кушали вдвоем и что повкуснее приготовлено и в определенные установленные часы. Остальные все вместе и когда было более свободное время. Главным воспитателем Н[иколая] Мих[айловича] была бабушка, с которой и спал, да кот товарищ по разным забавам. Из инте[л]лигенции тех лет были уже в Никифорове кроме, кроме⁵² батюшки служившего весь век при церкви до старости; начальник почтового отделения; фельдшер больницы, разбогатевший местный купец (была торговля всевозможными товарами и в Никифорове и лавка в городе). Сын этого купца (тоже один) был другом, приятелем Н[иколая] Мих[айловича] во все годы до революции. Другом настоящим, понимающим и выручающим безвозмездно[.] У Н[иколая] Мих[айловича] характер твердый, упрямый, в задуманном решительный и так как все хвалили его за способности, то и много о себе думающий. Бабушка религиозная, верующая, водила с собой и внука в церковь. Все там его интересовало, так не похожее на домашнюю обстановку. Жизнь старого батюшки тоже была завидным примером: много детей, а все ученые, а двое тоже батюшки. Внуки этого батюшки учились в духовном училище что тоже было предметом зависти. Петров учится в школе в своем селе. На выпускном экзамене в школе батюшки экзаменаторы были восхищены ответами Петрова по знанию священных историй. Решили просить администрацию Устюж[е]нского Духовного училища принять на учебу. В то время в Дух[овном] училище преподавал греческий и латинский языки некто старый Виктор Савич Кедринский⁵³. Он был одинок. Скопил за годы учительства некую толику денег (может пенсия какая была — не знаю того времени)

52 Так в тексте.

53 Идентифицировать личность не удалось.

и завещал эти деньги на обучение лучшего по учебе ученика именно этих предметов. Итак Ник[олай] Мих[айлович] был принят в Дух[овное] училище на стипендию старого учителя. После уже будучи священником он вспоминал как ему греческий и латинский иногда мешали заниматься другими предметами. Товарищи его многие ноль внимания уделяли на эти предметы, за что получали реплики от Вик[тора] Савича: «вот дураки, болваны кувыркаются, лазят по лестницам, хотят приобрести способности обезьян, а греческому языку не хотят учиться». За то душу отводил, на каждом уроке, спрашивая Петрова. И вот Петров хотел или не хотел, а должен был знать каждый урок. Хорошо окончил Дух[овное] училище поступил в Новгородскую Духовную семинарию. В 1916 году окончил ее. Ректором Дух[овной] семинарии, в то время, был Алексей будущий патриарх Всея Руси⁵⁴. Петров своими знаниями восхитил о. ректора и он оказывается запомнил его. Петров окончил по первому разряду⁵⁵. На дальнейшем жизненном пути они встречались и Алексей уже будучи патриархом оказывал ему свое благоволение. Я уроженка не Никифоровских мест. С Ник[олаем] Мих[айловичем] знакома стала когда он учился уже в Дух[овном] училище. Я в 1910 году окончила Устюженскую женскую гимназию и с 1 янв. 1911 года была учительницей, а Н[иколай] Мих[айлович] окончил Дух[овную] Сем[инарию] в 1916 г. В 1917 году в июне месяце мы поженились, а дожив до окт[ября] уже была революция. Я писала летом своему училищному начальству, что у меня другая фамилия, а никого уже из моего царского начальства оказывается не было и вот я осталась со своей природной фамилией. Была учительницей, заведующей земской школы, которая была

54 Алексей I (в миру Сергей Владимирович Симанский) (1877–1970) — патриарх Московский и всея Руси, предстоятель Русской православной церкви (далее — РПЦ) в 1945–1970 гг.

55 В Российской империи выпускники семинарии делились по успеваемости на два разряда. Окончившие курс по первому разряду получали звание «студент семинарии» и имели право поступить в высшее учебное заведение — духовную академию — без вступительных экзаменов.

первой открытой школой в Растороповской волости, Устюж[е]нского уезда. Кругом были церковно-приходские школы. Итак осенью 1917 г. я отправилась на место своего учительства в Сидоровскую школу, Растороповской волости, Устюж[е]нского уезда, а Н[иколай] Мих[айлович] сначала был гувернером⁵⁶ в Устюж[е]нском Духовн[ом] училище, а потом поступил в Ленинградский Государственный Университет. Его желанием был медицинский факультет, где можно применить знакомство с латинским языком. В конце 1918 года из Университета попал в Военно-хозяйственную академию, открытую в Москве по инициативе тов. Сталина. Туда из высших учебных заведений и взяли сынков одиночек⁵⁷, которых при царизме на военную службу не брали. В 1920 году окончил ее. В то время советское государство со всех сторон было окружено белыми бандами всевозможных названий (Петлюра⁵⁸, Деникин⁵⁹, Колчак⁶⁰ и т.д.)[...] Территория Сов[етского] Союза была разбита на 11 участков⁶¹ и на любой из них предоставлялась возможность,

56 Воспитатель в казенных и частных учебных заведениях, следящий и за порядком.

57 В Российской империи не призывали в армию единственного кормильца семьи (сына у вдовы или у одинокой матери либо последнего сына в семье, от которого зависело ее выживание), чтобы не оставить семью без средств к существованию. Им давались отсрочки или освобождение от воинской повинности.

58 Симон Васильевич Петлюра (1879–1926) — председатель Директории Украинской народной республики в 1919–1920 гг., главный атаман войска и флота Украинской народной республики.

59 Антон Иванович Деникин (1872–1947) — главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920), заместитель верховного главнокомандующего Русской армии адмирала Колчака (1919–1920). С 1920 г. — эмигрант, один из основных политических деятелей русской эмиграции.

60 Александр Васильевич Колчак (1874–1920) — ученый-океанограф, полярный исследователь, член-корреспондент Петербургской Академии наук, один из лидеров Белого движения. С ноября 1918 по январь 1920 г. — Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией.

61 Вероятно, речь идет об армиях, количество которых достигало одиннадцати в 1918 г.

по желанию, ехать на борьбу с врагом. Виза⁶² давалась даже на возможность ехать и членам семьи. Вот тогда я покончила с учительством и поехала с ним. Ведь без малого десять лет учительствовала и своей зарплатой поддерживала его в учении, а теперь думала муж прокормит. Но оказывается на членов семьи в военизированных отрядах продовольствия не полагалось. Первоначально Н[иколай] М[ихайлович] работал в Архангельском округе, где только что англичане отбыли⁶³. Частью они потопили свои продукты, а частью сумели перепродать жителям. Жители в привозе продуктов не нуждались. Военным выдавался паек только на себя. Вот я там заболела и была обузой Н[иколаю] Мих[айловичу]. Он чтобы спасти меня (царство ему небесное) перепросился на юго-западный фронт⁶⁴. И вот мы в Киеве где управление Московско-гаубичного дивизиона. Н[иколай] Мих[айлович] квартирмис[тр]⁶⁵, полевой казначей и делопроизводитель этого дивизиона. В то время никаких особых способов передвижения не было, кроме лошадей и волов (цоб-тоби: цоб-тоби!⁶⁶). Кружились по станциям Киевской обл. гоняясь за Петлюрой или сами спасаясь от него. Помню в некоем Ружине⁶⁷ чуть-чуть не захватили его. Он убрался скоро за границу⁶⁸. В других местах на западе с Польшей прогнали от центра белополяков⁶⁹,

62 Разрешение (документ) на перемещение, особенно в зону фронта. В данном случае — на выезд с членами семьи.

63 В ночь с 26 на 27 сентября 1919 г. последние воинские части Антанты покинули Архангельск.

64 Юго-Западный фронт — оперативно-стратегическое объединение Красной армии во время Гражданской войны в России. Существовал с 10 января 1920 г. по 5 декабря 1920 г.

65 В Советской армии до 1928 г. существовала должность квартирмистра, ведавшего в полку продовольственным и вещевым снабжением.

66 Так в тексте.

67 Поселок Сквирского уезда Киевской губернии, сейчас административный центр Ружинского района Житомирской области Украины.

68 После разгрома войск Директории Красной армией (конец 1919 г.) Симон Петлюра бежал в Варшаву, затем жил в Венгрии, Австрии, Швейцарии, а с 1924 г. — в Париже.

69 Речь о периоде Советско-польской войны (1919–1921).

в Сибири тоже и вот эту Московскую дивизию расформировали. В мае-1922 г. мы явились в родные края. Н[иколай] М[ихайлович] жил не у своих семейных⁷⁰, а у моих родителей. Это в 3-х километрах от его села Никифорова. Там в это время церковь стояла, но служителя не было. И вот Ник[олай] Мих[айлович] с родительского благословения задумал послужить в родном храме. Попасть на такую службу конечно был большой риск, ведь уже по слухам закрываются церкви и на служителей культа возводятся неприятности. Ему поступить было легко. У моего отца в Новгороде был двоюродный брат некто о. Константин Яковцевский⁷¹. Он овдовел, принял монашество и с именем Феодора стал епископом в Новгороде. Обратились к нему. Он благосклонно позвал Н[иколая] Мих[айловича] к себе в Новгород и там в августе 1922 года, резолюцией Преосвященного Серафима управляющего Новгородской епархией⁷² посвящен в священный сан и назначен священником Никифоровской Параскевинской церкви, Устюж[е]нского уезда, Новгородской епархии. Батюшка Петров в родном селе, а жизнь то батюшек на приходе изменилась. Церковная земля отошла в земельный фонд жителей села. Церковный дом Советские власти продали. Петрову как жителю уроженцу села сходом определили по едокам (2 чел.) 1 ½ десятины земли. Пахота и сенокос в разных местах. Семейные⁷³ дали Петрову телку. Приход 600 дворов. На цер-

70 Имеется в виду: жил с родителями жены.

71 Архиепископ Феодор (в миру Константин Михайлович Яковцевский) (1866–1937) — епископ РПЦ, в 1930-х гг. возглавлял Олонецкую, Псковскую и Владимирскую кафедры. В 1937 г. был арестован и расстрелян по обвинению в создании «контрреволюционной церковной организации». Реабилитирован в 1989 г.

72 Епископ Серафим (в миру Сергей Павлович Велицкий) (1872–1927) — епископ Крестецкий, викарий Новгородской епархии. В 1922 г. с большинством новгородского духовенства примкнул к обновленческому движению, но к концу года открыто заявил о разрыве с обновленчеством и принял на себя управление Новгородской епархией с прежним титулом епископа Крестецкого.

73 Предположительно, имеются в виду родственники Н. Петрова.

ковном собрании решили давать в год по ½ пуда зерна с каждого дома. За это батюшка должен безвозмездно справлять и службы и требы⁷⁴. Петровы купили на вещи избу (пять вещей), а прихожане перевезли постройку в село.

За церковью в поле дали план для постройки. В первый год службы батюшка получил хлеб с 60 дворов, а потом и того меньше с каждым годом, а земельный налог все больше с каждым годом. По всякому изворачивались, но уже видели, что придет крах всему. В-28⁷⁵ году уже не смогли выплатить всего налога⁷⁶ и батюшка две недели отработывал его за Устюжной на лесозаготовительном заводе. В конце 1929 г. уже батюшку и совсем увезли в Устюжну за решетку⁷⁷. Сделали обыск, забрали его документы, а потом объявили, что будет распродажа всего имущества. На сельском сходе на мясозаготовки от крестьян села определили взять у батюшки корову и отправили в горад⁷⁸. Продали с торгов все, что видели в комнатках: стулья, диван, кровать, одеяла даже чугунок и трубы вместе. Пчелы были, но их оставили до весны, что тогда заберут. Вот и сидит хозяйка в своей избушке как зачумленная. Изредка с оглядкой проберется в магазин или ночью придут поведать ее сердобольные старушки. Куда деваться? Чем заняться? Чем то,

74 В православной церковной практике требами (от церковнославянского «по требованию») называют священнодействия и молитвословия, совершаемые священнослужителем по просьбе верующих вне общественного богослужения. Требы включают в себя как церковные таинства (крещение, исповедь, причастие больных, соборование, венчание), так и различные обряды (отпевание, освящение жилища, колодцев, земельных участков и других объектов), а также частные молитвенные чины.

75 Так в тексте.

76 С 1923 г. все крестьянские государственные и местные налоги были объединены в единый сельскохозяйственный налог, который с января 1924 г. стал взиматься в денежной форме. Сумма налога зависела от уровня годового дохода хозяйства в расчете на одного едока и исчислялась по прогрессивной шкале ставок.

77 Так в тексте.

78 Так в тексте.

как то⁷⁹ надо жить надеяться не на кого. Вот занялась стежкой оде-
ял. Вдруг в начале февраля является гр[аждани]н знакомый и пе-
реминаясь с ноги на ногу объявляет: «Я купил вашу постройку.
Пока поживи недели две, а потом я буду перебираться сюда». Вот
тут уже понятно, что надо убираться отсюда куда то⁸⁰. Написала
сестре в Лен[ингра]д⁸¹. Она там с мужем с-26⁸² г проживает. Они
оное учились в сельскохозяйственном техникуме. Меня пригласи-
ли к ним приехать. Вот и явилась к ним сестрица, которая им была
полезна (так как хозяйка часто стала болеть). Врачи определили
фиброзный туберкулез. Зять был старшим агрономом Ленинград-
ской, Новгородской, Псковской и частью Карельского перешей-
ка. Сестра работала в театре муз-комедии (контролер-билетер-
ша[.] Я устроилась учетчиком в 3-ий гараж ЛСПО⁸³. Скоро долж-
ность эту упразднили, учетчиков 11 человек распустили, а меня
взял к себе, третьим помощником-счетоводом, главный бухгалтер
этого гаража[.] Живя в одной комнате, конечно я и мешала своим.
Решила удалиться из Л[енингра]да. Зять сказал, что к ним в отдел
приходят просьбы с периферии, нет ли желающих, знающих сче-
товодоов выехать из Лен[ингра]да то в колхоз, то на завод. Такой
запрос был из Бежаницкого р-на Псковской обл. с Финьковского
льнозавода. Я поехала туда и работала там сначала счетоводом,
а потом кассиром. Там в-33 году⁸⁴ получила паспорт⁸⁵ и уволив-

79 Так в тексте.

80 Так в тексте.

81 Здесь и далее — Ленинград.

82 Так в тексте.

83 Ленинградский союз потребительских обществ.

84 Так в тексте.

85 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об уста-
новлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной
прописки паспортов», которое вводило с 1933 г. общесоюзную паспорт-
ную систему с обязательной регистрацией. Реформа в первую очередь
коснулась крупных городов: Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева,
Одессы, Минска, Ростова-на-Дону и Владивостока. Согласно новым
правилам, паспорта обязаны были получить все советские граждане

шись по собственному желанию приехала в Ленинград. Прожитые тридцатые годы для работников ведущих сельское хозяйство тяжелые, обозначенные одним словом «Ежовщина»⁸⁶. В-32 году зять «по ошибке» был взят вместо другого и отправлен в лагерь. Хозяйкой здесь в комнате уже была сестра. С 4 мая - 34 г. я устроилась на работу в Глав-почтамт Ленинграда. Здесь и работала всю отечественную войну и отсюда вышла на пенсию 16/X-50 года. А что же с Н[иколаем] М[ихайловичем] в это время? В-29 году в декабре увезли в Устюжну, а оттуда отправили в Лодейнопольские лагерь⁸⁷ на 5 лет. Там сидело порядком батюшек старых и молодых они распределялись по колониям, то ближе к Лодейному полю, а другие дальше в лесу и болотах. Были не только северяне, но и с южных районов ССР. Много батюшек там поумирало, а Н[иколая] Мих[айловича] уже истощенного и чуть живого взял к себе в контору писарем начальник лагеря. Н[иколай] М[ихайлович] обладал чисто канцелярским подчерком, что может быть и спасло его. В [19]36 году просидев назначенные годы высидки Н[иколай] М[ихайлович] явился сюда в Ленинград. Комната была не моя, а сестры. Я его никуда не могла взять. Ему оставалось только ехать на родину, где когда его взяли мне было сказано его родителями, чтобы я к ним не ходила. «Вас то с Николаем раскулачивают не стали бы и нас»[.] Я у них так и не бывала, а теперь куда мне ехать? Некуда. Он отправился домой и мне писал оттуда, что сидит в сарае и смотря на бывший наш домик плачет.

старше 16 лет, проживавшие в городах, рабочих поселках, а также занятые на транспорте, в совхозах и новостройках. Сельские жители, работавшие в колхозах, паспорт не получали.

86 1937–1938 гг. в СССР озаменовались масштабными репрессиями, проводившимися органами НКВД под руководством народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова. Этот период вошел в историю как время наиболее интенсивных политических преследований.

87 Свирский лагерь (СвирЛАГ) существовал с 1931 по 1937 г. в ведении ГУЛАГ НКВД СССР. Лагерное управление находилось в Лодейном Поле — небольшом городе в Ленинградской области, а лагерные пункты — в Лодейнопольском и Подпорожском районах, а также в Карелии.

Сестры ему запрещали показываться на людях. Если кто у них в доме из посторонних есть, то он уже не показывался. Тепло так спал в сарае, а холодно то в кухне на полатах. Идет 37-^{ой} год и вот пишет, чтобы я приехала туда к нему. Я ему написала поступай куда нибудь на работу сам, а мне там только и работы, что надо в колхоз поступать, а что я там могу работать. Когда здесь я наконец то чувствую себя в родной знакомой стихии: кругом карты, перья, чернила, книги, бумага. После этого переписка прекратилась. Я работаю, а где он? Что с ним? Кто с ним? — ничего не знала. Его родным не пишу. Боюсь не зная не наделать бы для них какой неприятности. Моих родных в тех краях уже никого не было, а вот здесь в Лен[ингра]де сестра да другая в Пестове Новгородской обл. Мы сестры живем дружно выручаем, чем можем, друг друга. У Пестовской сестры детей 4 сына и дочка. Муж тоже был священник — взят, но просидев полтора года здесь в Лен[ингра]де в Крестах⁸⁸, заболел и его отпустили, а вскоре он и умер.

Она сошлась с другим и жила в доме этого второго мужа. Дети учились. Мы помогали, а время идет и идет вперед — дети растут. Вот уже дочь у нее окончила 10 классов и стала учительницей там в Пестовском р-не. Оказалось, что и сестра Н[иколая] Мих[айловича], Любовь Михайловна, тоже [работала] учительницей в этом районе. Им приходится вместе бывать на районных учительских собраниях, конференциях, лекциях. Вот однажды племянница и говорит сестре: «Что это такое, не понимаю, почему Л[юбовь] Мих[айловна] все спрашивает как живет тетя наша в Ленинграде?». Вот только после этого мы своим племянникам

88 Петербургская одиночная тюрьма «Кресты», открытая в 1893 г. на Выборгской стороне, представляла собой комплекс из двух крестообразных корпусов с тысячей одиночных камер. В 1937—1938 гг. «Кресты» были переполнены обвиняемыми в контрреволюционных преступлениях. В эти годы здесь содержались многие выдающиеся деятели советской эпохи, в частности поэт Николай Заболоцкий, востоковед Теодор Шумовский, актер Георгий Жженов, будущий маршал Победы Константин Рокоссовский.

и сказали про дядю Колю Мих[айловича]. Племяннице поручили спросить у Любовь Мих[айловны] про брата. Она сказала брат живет хорошо. Живет около Ленинграда. Около растяжимое понятие — и вот только в-50⁸⁹ году стало мне известно о жизни трагической Николая Михайловича.

Можно сейчас так выразиться. Вернусь опять к прожитым годам. Оказывается, в Никифорове Н[иколая] М[ихайловича] уговорили покончить со мною. Любовь Мих[айловна] нашла ему подругу для жизни свою приятельницу некто Ю. И. Эта приятельница была счетоводом в Быковском сельсовете Пестовского р-на⁹⁰, а Люб[овь] Мих[айловна] учительница в Быковской школе (или Приданихе). Ю. И. потом уехала на работу в Новый Петергоф. Там у нее была своя комната и вот Н[иколай] Мих[айлович] поселился у нее конечно, наверное, в качестве мужа, а записан был или нет не знаю. Когда уже после второй нашей встречи ([19]50 г[.]) я его об этом спросила, он мне только ответил: «Это Любка устроила меня». Действительно устроила и на жительство и на работу. Оказывается из Петергофа он ездил на работу в Ленин[град] на Васильевский остров на бумажную фабрику имени М. Горького. Это-38⁹¹ г, 39, 40 годы. На фабрике инкогнито подвизался не один Н[иколай] Мих[айлович]. Когда прекратилось, по указу Правительства, преследование духовных лиц⁹², то оказалось на фабрике их шесть человек (три священника, два диакона и учитель). В начале отечественной войны в Петергофе был вое-

89 Так в тексте.

90 Быково — деревня в Пестовском районе Новгородской области, находится в 280 км от Великого Новгорода и 341 км от Ленинграда.

91 Так в тексте.

92 Речь, вероятно, идет о фактическом смягчении политики в отношении религии в годы Великой Отечественной войны. Ключевые события этого периода включают восстановление патриаршества, создание Совета по делам РПЦ и открытие духовных учебных заведений после встречи И. В. Сталина с митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем) в сентябре 1943 г.

низирован⁹³. Вел наблюдения с колокольни за полетом фашистских самолетов.

По послужному списку он с 1 дек. 1941 года настоятель Врудской Успенской церкви, Волосовского р-на Ленинградской епархии⁹⁴. Вот и поступил в свою знакомую религиозную деятельность, которая привлекала его с детских лет. Теперь Петров видит, что в церковной деятельности новое влияние, новые порядки. Теперь он глубже, внимательно, всматривается в церковную жизнь. Жизнь церкви и служителей уже не та, что была в далекие прошлые времена. Его служба эти последние годы была не тихой мирной жизнью, а с одной стороны Ленинграда шли холодные ветры, грозовые тучи но дойдя до Москвы обращались в спокойную, ясную погоду. Вот тут то и сказалось все благоволение доброжелания его бывшего ректора Новгородской семинарии, а теперь Святейшего Патриарха всея России Алексия.

Жизнь церкви во многом изменилась. «Теперь священник только исполнитель церковных служб и треб. Все назначения, перемещения только по распоряжению церковного совета и т.д.» — пишет ему товарищ и друг некто о. Иоанн Казаков⁹⁵ (окончил Новгород[скую] Семинарию вместе с Ник[олаем] Мих[айловичем], а теперь служитель церкви на окраине Москвы). Ник[олай] Мих[айлович] вскоре, после письма, был у Казакова в Москве. Гостил там неделю. Удалось быть на приеме у патриарха. Видел Парийского профессора Московской духовной академии⁹⁶.

93 В сентябре 1941 г. Петергоф оказался в зоне боевых действий. Н. М. Петров был приписан к системе местной противовоздушной обороны как наблюдатель или боец. В его обязанности входило дежурство на колокольне — отслеживание вражеских самолетов и оповещение о налетах. Скорее всего, до 1 декабря 1941 г. он оставался при заводе, но совмещал труд с оборонными задачами.

94 Церковь Успения Пресвятой Богородицы (Ленинградская область, Волосовский район, деревня Большая Вруда).

95 Идентифицировать личность не удалось.

96 Лев Николаевич Парийский (1892–1972) — православный богослов, профессор Ленинградской духовной академии по кафедре патрологии

Находясь в подчинении митрополита Ленинградского и Новгородского Григория⁹⁷ Ник[олай] Мих[айлович] чувствовал, что является не очень приятным сослуживцем для митрополита. Ведь кругом митрополита были служители если не бывшие товарищи, друзья, то дети их, знакомые выходцы из религиозной духовной касты, а Петров выходец из крестьян. Петров подметил разницу отношений митрополита не только к себе, но и к духовенству сельскому и городскому. Это он резко высказал митрополиту. Вот Петров служитель Врудской церкви Волосовского р-на Ленинградской епархии. В годы войны был настоятелем Ложголовской Георгиевской церкви Кингисеппского р-на⁹⁸. Местность эта была оккупирована немцами. Петров служил — они не препятствовали. Батюшка потихоньку помогал партизанам (деньгами и продовольствием). Партизан было много в окружающих лесах. Время шло. Из занятых мест немцы ушли. 1945 г[.] 30 апреля канцелярия митрополита Ленинградского и Новгородского сообщает, что Петров Святейшим Алексием патриархом Московским удостоен награждения — наперстным крестом⁹⁹.

В-47¹⁰⁰ году Н. М. Петров [—] настоятель Тосненской Казанской церкви Ленинградской митрополии¹⁰¹. 4 апреля 1947 г[.] резо-

- (1951), сотрудник Журнала Московской патриархии. С 15 августа 1950 г. по август 1967 г. был инспектором Ленинградской духовной академии.
- 97 Митрополит Григорий (в миру Николай Кириллович Чуков) (1870–1955) — архиеп[iscop] РПЦ, с 7 сентября 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский, постоянный член Священного синода. В 1945–1954 гг. управлял русскими общинами и монастырями в Финляндии. Был активно вовлечен в церковно-дипломатическую деятельность.
- 98 Храм Святого Великомученика Георгия Победоносца в деревне Ложголово Ленинградской области.
- 99 Наперстный крест (от слова «перси» — грудь) — награда для священников РПЦ. До 1896 г. имел статус церковного ордена: наперстным крестом как наградой и знаком монаршей милости награждали заслуженных иереев за долготелее беспорочное служение.
- 100 Так в тексте.
- 101 Церковь Казанской иконы Божией Матери в городе Тосно Ленинградской области (53 км от Ленинграда).

люцией патриарха Алексия удостоен награждения — саном протоиерея. В-50¹⁰² году [—] второй священник Казанской церкви г. Чудово Ленинградской обл.

Петров доволен службой, ведь теперь и у него есть друзья, товарищи. Любимый Новгород недалеко там бывает, где все напоминает ему счастливые времена учения в семинарии.

В Валдае живет пенсионер протоиерей Тихомиров, который в годы несчастья, хотя и старше Петрова, в Лодейнопольских лагерях, следил за ним заботился, и поддерживал морально. Друг с Устюж[е]нского духовного училища, кончали вместе Новгородскую семинарию, теперь митрофорный протоиерей Казанской церкви города Устюжны о. Михаил Смирнов¹⁰³. Он выручил Петрова доказав документами, что вместе кончали Новгород[скую] Семинарию. (У Петрова все находящиеся документы отобрали, когда делали обыск в доме и увезли владельца из родных мест]). В Новгороде оказался друг о. Николай Чернышов начальством над Петровым, так как был благочинным Чудовского церковного округа¹⁰⁴. С этим связана учеба еще в начале Военно-хозяйственной академии. Жизнь военными в Архангельске. Отсюда разлученными на многие годы и вот опять встреча.

В 50-м¹⁰⁵ году умерла Ю. И. Сестра Н[иколая] Мих[айловича] Любовь Михайл[овна] явилась ко мне с предложением сойтись с братом. Я в 50 году вышла на пенсию и вот опять замужем за сво-

102 Так в тексте.

103 Михаил Алексеевич Смирнов (1893–1967) — протоиерей РПЦ. 22 года служил в Покровской церкви города Устюжны, пережил многократные аресты и лагеря (1932, 1941 гг.), но сохранил верность пастырскому служению. В 1943–1960 гг., занимая должность благочинного, возрождал храмы Вологодской епархии, собирал средства на фронт, был духовным наставником нескольких архиереев. Почитаем в регионе за подвижничество и тайную помощь нуждающимся. Реабилитирован в 1989 г.

104 Николай Иванович Чернышов (1898–1953) — протоиерей РПЦ, в 1949–1953 гг. занимал должность благочинного Новгородского округа и настоятеля Никольского собора в Новгороде.

105 Так в тексте.

им мужем. Да 20 лет не видала, не слыхала где живет, а оказалось все кругом и около Ленинграда.

Всех знакомых его я не знала лично. В его церковные дела не вмешивалась. Это его дело. В-54¹⁰⁶ году Н[иколай] Мих[айлович] вышел на пенсию. Пенсия 300 р (30) по тому времени, а потом святейшим патриархом увеличена на 20 руб. В-55¹⁰⁷ году купили в Саблине Ленинград[ской] обл. домик. Мое дело стало хозяйство, а он настоящий хозяин дачи и прописан здесь, а я хозяйка комнаты в Ленинграде. Комната мне досталась после смерти сестры в-44¹⁰⁸ году, а зять умер в-59 г. но он не жил в Ленинграде. И так у Н[иколая] Мих[айловича] были знакомые и друзья. Переписывался с ними, виделся. Упоминала про Парийского, а здесь в Ленинграде хороший знакомый профессор Духовной Академии А. А. Осипов¹⁰⁹. Епископ Михаил Смоленский и Дорогобужский¹¹⁰.

В-64-65¹¹¹ годах Ник[олаю] Мих[айловичу] пришлось пере-нести много волнений. Грозил слепота обоих глаз, так как катаракта переходила в глаукому. Были оперированы оба глаза в разное время. Зрение врачи спасли — видел и мог читать.

В-66-м¹¹² году у Ник[олая] Мих[айловича] умер единственный племянник и зять. В-67¹¹³ г. Ник[олай] Мих[айлович] в последний раз ездил на родину. Что то в этом году стало заметно что он не в порядке

106 Так в тексте.

107 Так в тексте.

108 Так в тексте.

109 Александр Александрович Осипов (1911–1967) — православный богослов, протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии и семинарии. С 1959 г. — профессиональный пропагандист атеизма.

110 Епископ Михаил (в миру Михаил Андреевич Чуб) (1912–1985) — епископ РПЦ, в период с апреля 1955 г. по август 1957 г. — епископ Смоленский и Дорогобужский. В Смоленске организовал масштабную художественную реставрацию кафедрального собора в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1957–1959 гг. был заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии.

111 Так в тексте.

112 Так в тексте.

113 Так в тексте.

владеет своей головой забывает. В августе этого года умерла сестра Любовь Михайловна. Сам он в-68¹¹⁴ г. не мог написать даже своей фамилии, забыл как многие буквы пишутся. А какой красивый канцелярский почерк у него был, а теперь ничего не понять. В-69¹¹⁵ г[.] стал даже подходя к своему дому не узнавал его. Пойдет на прогулку и кто-нибудь приведет его, а то не помнит, где и живет.

В-69¹¹⁶ в конце года слег, редко ставал с постели, но временами помнил где он и что с ним. С января-70¹¹⁷ года уже сам не мог встать — приходилось его поднимать. Врачи определили, что у него гипертония, постепенная атрофия кишечника и паралич правой стороны тела, так постепенно это все и умирало. Он временами все помнил до самых последних дней. Часто спрашивал жив ли патриарх и служит ли. За день до смерти, едва ворочая языком тоже спросил. Умер Ник[олай] Мих[айлович] 16 апреля в 10 часов вечера. 19-го хоронили[.] От митрополита Ленинградского была телеграмма Саблинскому духовенству — «Протоиерея Петрова похоронить в Саблине со всеми почестями какие предписаны его сану. Похороны за счет церкви».

19 число апреля было вербное воскресенье. Кончилась литургия. Служащий батюшка вышел из алтаря и сказал: «Граждане! сейчас будет панихида по умершему патриарху всея России святейшему Алексею скончавшемуся 17 числа в 10 часов утра, а потом отпевание скончавшегося протоиерея Петрова[»].

Да, учитель пережил ученика ровно на полсутки. В далекие прошлые годы жили, когда то, вместе и вот умирали вместе.

Петров Николай Михайлович прожил на земле 75 лет, а Патриарх всея Руси Алексий 96 лет.

Библиотека Николая Михайловича не блещет количеством различных книг.

Выписывал журнал «Наука и религия» с 1960—1970 г.

114 Так в тексте.

115 Так в тексте.

116 Так в тексте.

117 Так в тексте.

Журнал Московской патриархии высылался по 1 каждый месяц [с] нач[ала] 1945 г.[.] — 60 г.

Покупал разные брошюры: религиозно научные, по атеизму и книги медицинские.

Так вот например есть сохранившиеся:

«Что такое атеизм» — Рязанцева — 61 год.¹¹⁸

Наука и религия о жизни и смерти — Ильина 58 г.¹¹⁹

«Папство» — Шеймана — 61 г. и др.¹²⁰

Справочник по рецептуре и фармакотерапии — Стахурский — 52 г.¹²¹

Определитель растительного лекарственного сырья — Гаммерман — 52 год¹²² и другие такого рода книги.

Саблино, Ленинградской обл.

ОР РНБ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 2200. Л. 1–13.

Литература

1. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, Арела, 2008. 350 с.

2. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. Очерки. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 413 с.

3. *Васильева О. Ю.* Образ новомучеников в истории России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2008. № 3/4. С. 21–82.

118 *Рязанцев Н. И.* Что такое атеизм. М., 1961.

119 *Ильин Н. А.* Наука и религия о жизни и смерти. М., 1958.

120 *Шейнман М. М.* Папство. М., 1961.

121 *Стахурский Н. И.* Справочник по рецептуре и фармакотерапии: Для сред. мед. работников / под общ. ред. канд. фармацевт. наук Е. Ю. Шасса. М., 1952.

122 *Гаммерман А. Ф.* Определитель растительного лекарственного сырья. Л., 1952.

4. *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь. XX век. М.: Сретенский монастырь, 2015. 800 с.
5. *Васильева О. Ю.* Русская Православная церковь в 1917–1927 годах // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 43–45.
6. Вера и личность в меняющемся обществе. Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / под ред. Л. Манчестер, Д. А. Сдвижкова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 408 с.
7. *Емельянов К. С.* Канонизация святых русской церкви как объект социологического исследования: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 154 с.
8. *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
9. *Одинцов М. И.* Государство и церковь в России XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
10. Православное церковное сопротивление в СССР: биографический справочник 1927–1988 гг. / авт.-сост., ред. М. В. Шкаровский. М.: РОССПЭН, 2013. 286 с.
11. Русская православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: документы и фотоматериалы / отв. сост.: О. Ю. Васильева. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. 326 с.
12. *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
13. *Семененко-Басин И. В.* Святость в русской православной культуре XX века: история персонификации. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2010. 296 с.
14. *Фирсов С. Л.* Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб.: Сатись Держава, 2004. 288 с.
15. *Фирсов С. Л.* Власть и верующие: из церковной истории начала 1920-х годов // Нестор. 2000. № 1. С. 205–208.

16. Фриз Г. Л. На пути к глобальной микроистории православного прихода // Российская история. 2024. № 4. С. 83–87.
17. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М.: Вече: Лепта, 2010. 478 с.
18. Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 843 с.
19. Egorova G. The USSR's "Atheist-in-Chief" and the Public Space in the Soviet 1960s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2024. Vol. 25. No. 4. P. 757–781.
20. Freeze G. L. Rediscovering the Orthodox Past: The Microhistorical Approach to Religious Practice in Imperial Russia // *Tapestry of Russian Christianity* / ed. by Nicholas Lupinin, Donald Ostrowski, and Jennifer Spock. Columbus: Slavica, 2016. P. 435–488.

References

1. Beglov, A. L. (2008) *V poiskakh "bezgreshnykh katakomb"*. *Tserkovnoe podpol'e v SSSR [In Search of the "Sinless Catacombs". The Church Underground in the USSR]*. Moscow: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, Arepha.
2. Bernshtam, T. A. (2005) *Prikhodskaya zhizn' russkoi derevni: Ocherki po tserkovnoi etnografii [Parish Life of Russian Village: Essays on Church Ethnography]*. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
3. Egorova, G. (2024) "The USSR's 'Atheist-in-Chief' and the Public Space in the Soviet 1960s", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 25 (4), pp. 757–781.
4. Emel'yanov, K. S. (2005) *Kanonizatsiya svyatykh russkoi tserkvi kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [The Canonization of Saints in the Russian Church as an Object of Sociological Study]*: diss. ... kand. sotsiol. nauk [PhD Thesis]. Moscow.
5. Firsov, S. L. (2000) "Vlast' i veryuyushchie: iz tserkovnoi istorii nachala 1920-kh godov" [The State and the Faithful: From the Church History of the Early 1920s], *Nestor*, 1, pp. 205–208.

6. Firsov, S. L. (2004) *Apostasiya. "Ateist Aleksandr Osipov" i epokha khrushchevskikh gonenii na Russkuyu Pravoslavnuyu Tserkov'* [Apostasy. "The Atheist Aleksandr Osipov" and the Khrushchev-Era Persecution of the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg: Satis' Derzhava.
7. Freeze, G. L. (2016) "Rediscovering the Orthodox Past: The Microhistorical Approach to Religious Practice in Imperial Russia", in N. Lupinin, D. Ostrowski and J. Spock (eds.) *Tapestry of Russian Christianity*. Columbus: Slavica, pp. 435–488.
8. Freeze, G. L. (2024) "Na puti k global'noi mikroistorii pravoslavnogo prikhoda" ["Towards a Global Microhistory of Orthodox Parish"], *Rossiiskaya istoriya*, 4, p. 83–87.
9. Khalfin, I. (2023) *Avtobiografiya bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem* [Autobiography of Bolshevism: Between Salvation and Fall]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Manchester, L. (2015) *Popovichy v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Secular Priests' Sons: The Clergy, Intelligentsia, and the Making of Modern Identity in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
11. Odintsov, M. I. (1994) *Gosudarstvo i tserkov' v Rossii. XX vek* [The State and the Church in Russia. The 20th Century]. Moscow: Luch.
12. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i kommunisticheskoe gosudarstvo. 1917–1941: Dokumenty i fotomaterialy* [The Russian Orthodox Church and the Communist State. 1917–1941: Documents and Photographic Materials]. (1996) Moscow.
13. Savkina, I. (2007) *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avto-dokumental'nye zhenskies teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* [Conversations with the Mirror and Through the Looking Glass: Women's Self-Documentary Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Semenenko-Basin, I. V. (2010) *Svyatost' v russkoi pravoslavnoi kulture XX veka: istoriya personifikatsii* [Holiness in Russian Orthodox Culture of the 20th Century: A History of Personification]. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet.

15. Shkarovskii, M. V. (2010) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [*The Russian Orthodox Church in the 20th Century*]. Moscow: Veche, Lepta.

16. Shkarovskii, M. V. (ed.) (2013) *Pravoslavnoe tserkovnoe soprotivlenie v SSSR: Biograficheskii spravochnik. 1927–1988 gg.* [*Orthodox Church Resistance in the USSR: A Biographical Reference Book. 1927–1988*]. Moscow: ROSSPEN.

17. Vasil'eva, O. Yu. (1993) “Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v 1917–1927 godakh” [“The Russian Orthodox Church in 1917–1927”], *Voprosy istorii*, 8, pp. 43–45.

18. Vasil'eva, O. Yu. (2008) “Obraz novomuchenikov v istorii Rossii” [“The Image of the New Martyrs in Russian History”], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 3/4, pp. 21–82.

19. Vasil'eva, O. Yu. (2015) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. XX vek* [*The Russian Orthodox Church. The 20th Century*]. Moscow: Sretenskii monastyr'.

20. *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve. Avtobiografika i pravoslavie v Rossii kontsa XVII — nachala XX veka* (2019) [*Faith and Personality in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the Late 17th to Early 20th Century*] / ed. by L. Manchester and D. A. Sdvizhkov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Елена Митина

Рецензия на книгу:

Некрасова Н. В., Тарасова Н. И. Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации. М.: Бослен, 2024 г. 256 с.¹

Митина Елена Игоревна, стажер-исследователь, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, аспирант, Школа исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

eimitina@hse.ru

Mitina Elena Igorevna, Research Assistant, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, PhD Candidate, School of History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

eimitina@hse.ru

В последние годы можно отметить рост интереса к национальному костюму и, шире, национальному стилю. Показательна тематика выставок, проводимых ведущими музеями страны: «Праздничная одежда народов России» (Государственный исторический музей, 2016–2017 гг.); «Русская свадьба. Традиции и обряды» (Государственный исторический музей, 2019–2020 гг.); «Русская сказка. От Васнецова до сих пор» (Государственная Третьяковская галерея, 2020 г.) и др. Показательно, что только в 2023 г. в музеях Москвы и Санкт-Петербурга практически одновременно проходило четыре выставки, имеющие в своем названии

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

термин «русский стиль»: постоянная экспозиция «Русский стиль: от историзма к модерну» (Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства, с 2017 г.); «Русский стиль: традиции и трансформации» (Реставрационно-хранительский центр Государственного Эрмитажа «Старая деревня», 2021–2023 гг.); «“Русский стиль” в искусстве. От Николая I до Николая II» (Государственный Эрмитаж, 2023–2024 гг.), «Русский стиль в искусстве в конце XIX — начале XX вв.» (Государственный музей-заповедник «Коломенское», 2023–2024 гг.). Тему русского стиля в искусстве используют и региональные музеи — например, в 2025 г. в музее-заповеднике В. Д. Поленова открылась выставка «Русский стиль Елены Поленовой». Популярны и проекты, предлагающие современные интерпретации национального стиля: «Придумано и сделано в России», «Русский стиль. Взгляд из XXI в.», «Трын*трава. Современный русский стиль», «Русский стиль. Сказки и быль», а также «Свояси. Путь современного русского искусства»; значимость последнего подчеркивает то, что в 2025 г. он проводится на площадке Государственного исторического музея².

В академической среде естественным продолжением этого интереса становятся работы, посвященные истории народного и национального костюма, причем к этой теме обращаются как историки, так и искусствоведы. Собственно историки и историки искусства, как правило, работают вполне независимо друг от друга, предлагая различные трактовки истории моды и костюма: историко-этнографические и искусствоведческие описания костюма³, анализ национальных символов и визуализации этни-

2 Проекты Всероссийского музея декоративно-прикладного искусства, объединения «Выставочные залы Москвы» и Московского союза художников.

3 Горожанина С. В., Демкина В. А. Русский сарафан: белый, синий, красный. М., 2018; Мадлевская Е. Л. Косоворотка. Русская мужская рубаша в крестьянской и городской среде с XVIII до XX века. М., 2020; Она же. Женский головной убор кокошник. М., 2022 и др.

ческого в костюме и, шире, внешнем облике человека⁴. При этом в исследованиях искусствоведов делается акцент на визуальном анализе костюма как произведения искусства, техниках его создания, классификации предметов одежды с учетом конструктивных и стилевых особенностей. В работах же историков анализ одежды становится, в свою очередь, частью перспективы рассмотрения политической и социальной реальности эпохи. Однако именно взгляд на одну и ту же проблему «с разных сторон» позволяет получить более объемную картину.

Публикации в 2024 г. альбома «Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации» предшествовала традиционная для подобных изданий работа — книга увидела свет после выставки «Русский стиль: традиции и трансформации», проходившей в 2021–2023 гг. в «Галерее костюма» реставрационно-хранительского центра Государственного Эрмитажа «Старая деревня». Кураторами выставки и авторами вступительных статей к изданию выступили Н. И. Тарасова, заведующая Сектором прикладного искусства Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа, и Н. В. Некрасова, хранитель коллекции народного костюма

- 4 Амелехина С. А. Церемониальный костюм Российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М., 2016; Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016; Вишленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011; Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII–IX вв. М., 2002; Лескинен М. В. Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016; Она же. Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX века: в 2 т. М., 2024; Скворцова Е. А. Костюм правителя как средство репрезентации символического единения с населением в Европе в XVII — начале XIX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 236–246; Она же. Vigilius Eriksen's and Stefano Torelli's Portraits of Catherine II in Russian Dress: Two Competing Images of Russianness? Part I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. Т. 14. № 3. 2024. С. 504–522; Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2004.

Фонда тканей Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа.

В рамках выставки «Русский стиль: традиции и трансформации» зрителям был представлен как традиционный костюм русского населения различных губерний Российской империи, так и светский и придворный костюм с русскими элементами конца XVIII — начала XX в., а также работы современных модельеров, обращающихся к стилистике русской традиционной одежды. При этом экспозиционное пространство было выстроено таким образом, чтобы посетитель мог одновременно знакомиться как с вариантами комплектов традиционной одежды, так и с костюмами, переосмысляющими этнические элементы, продвигаясь от XVIII в. (представленного крестьянскими сарафанами и платьями императрицы Екатерины II с русскими элементами) к XX столетию. Такое устройство выставки позволяло посетителю не только рассмотреть различные по месту и времени бытования варианты традиционного костюма, но и проследить развитие русского стиля в одежде, увидеть, какие элементы кроя и декора в различные периоды воспринимались как «русские».

Структура альбома «Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации» во многом соответствует структуре этой выставки. В альбоме представлено 85 комплектов одежды и отдельных предметов из коллекции Государственного Эрмитажа, которые разделены на два раздела: первый посвящен бытованию сарафана в традиционном костюме в различных локальных традициях (статья «Традиционные формы русского сарафана»), второй — сарафану как национальному символу («Вариации на тему сарафана»). Также в издании есть приложение, описывающее технологические особенности реконструкции исторического костюма на примере ряда предметов, представленных в книге (автор текста — Т. В. Грунина-Шкварок, художник-реставратор Лаборатории научной реставрации тканей и водоразмываемой живописи Отдела научной реставрации и консервации Государственного Эрмитажа).

В первую очередь альбом преследует цель историко-этнографического описания крестьянского костюма с сарафаном в разных временных периодах и локальных традициях, однако в работе также рассматриваются стилизованные национальные элементы в светском костюме: придворные «русские платья», костюм кормилиц и маскарадные костюмы в русском стиле. Хочется сделать акцент на том, как анализ конструктивных особенностей и обстоятельств создания костюмных комплексов позволяет уточнить и обогатить исследования национальных символов.

Статья Н. В. Некрасовой «Традиционные формы русского сарафана» включает в себя классификацию и описание различных комплексов традиционной одежды с сарафаном; автор выявляет общие черты этого типа костюма и описывает региональные различия с отсылкой к предметам одежды, представленным в альбоме. Большое внимание уделяется не только этнографическим, но и визуальным источникам: живописи, альбомам гравюр и этнографическим описаниям. Автор описывает историю формирования коллекции народного костюма Эрмитажа, подробно останавливается на истории этнографии и истории коллекционирования.

Статья «Вариации на тему сарафана» за авторством Н. И. Тарасовой посвящена народным мотивам в светской и придворной моде XVIII — начала XX в., в тексте также рассматриваются работы современных модельеров из коллекции Эрмитажа. Статья построена по хронологическому принципу и описывает эволюцию костюмов в русском стиле, выделяя три основных периода: период правления Екатерины II, годы царствования Николая I и рубеж XIX—XX вв. Автор выделяет несколько типов светского костюма с сарафаном: придворные платья, костюм кормилиц (в альбоме опубликовано три комплекта одежды кормилиц, один из которых происходит из Зимнего дворца, два — из семьи князей Юсуповых) и маскарадный костюм. Среди научных интересов Н. И. Тарасовой необходимо особенно выделить придворный костюм и униформу.

Автором опубликованы каталог коллекции «Гардероб Петра I»⁵ и коллекции ливрейного платья служителей Императорского двора конца XIX — начала XX в.⁶ Интерес к дамскому придворному платью и костюму кормилиц, как кажется, логически связан с предыдущими исследованиями автора — ведь перед нами также своего рода «униформа».

Опираясь на концепцию «сценариев власти» Р. Уортмана⁷, Н. И. Тарасова анализирует использование элементов традиционного костюма для утверждения власти монарха. В статье рассматривается эволюция парадных платьев придворных дам, описываются особенности комплектации и ношения этого типа костюма, а также отмечается информация о модных домах, занимающихся изготовлением придворных платьев во второй половине XIX в. Автор активно цитирует дневники и воспоминания современников, материалы камер-фурьерских журналов, описывающие костюм императрицы Екатерины II, а также распоряжения, регламентирующие придворное платье. Эти материалы, впрочем, достаточно хорошо знакомы исследователям костюма.

К сожалению, в ряде случаев утверждения, представленные в статьях, не сопровождаются ссылками: например, при перечислении случаев, когда Екатерина II надевала славянское/русское платье, автор упоминает только одну из дат, в которые камер-фурьерские журналы фиксируют этот вариант костюма императрицы; описывая участие императрицы в создании одежды, автор упоминает детские костюмы, но не указывает источник этой информации⁸. Вызывает удивление и тот факт, что исследование не опира-

5 Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых — в собрание музея. История коллекции «Гардероб Петра I». СПб., 2022.

6 Тарасова Н. И. «Высочайшего Двора служители». Ливрейный костюм конца XIX — начала XX века в собрании Эрмитажа. СПб., 2014.

7 Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии.

8 Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796). Сообщено из Государственного архива Министерства иностранных дел в С. Петербурге // Сборник Императорского Русского

ется на существующую литературу по теме гардероба Екатерины II⁹ или церемониального костюма¹⁰. Из работ, анализирующих церемониальный костюм, Н. И. Тарасова ссылается только на классические труды Р. Уортмана и Р. М. Кирсановой¹¹; упоминаются работы, посвященные церемониалам¹² и истории чиновничества¹³, однако автор заимствует из них лишь цитаты, описывающие практики ношения различных типов одежды.

Авторы книги уделяют большое внимание крою и обстоятельствам создания того или иного костюма. Именно включение в анализ сведений о конструктивных особенностях одежды позволяет Н. И. Тарасовой отнести к костюмам с сарафаном мундирные платья Екатерины II (комплекты одежды императрицы, цветовая гамма и декор которых основываются на военной форме того или иного полка; этот тип костюма использовался Екатериной II в качестве церемониального при проведении военных смотров, в дни полковых и орденских праздников, в дни годовщин военных побед и в ряде других случаев¹⁴). В этой части работы

исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 205. (Цит. по: *Пушкарёва Н. Л., Мицюк Н. А.* «Моя гениальная находка»: из истории одежды детей в императорских покоях и создания императрицей первого детского комбинезона // *Детство во дворце: Сборник статей по материалам XIII научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф»*. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2023. С. 15–22.)

- 9 См. напр.: *Бордэриу К.* Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи.
- 10 См. напр.: *Амелехина С. А.* Церемониальный костюм Российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля.
- 11 *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в.: Опыт энциклопедии. М., 1995; *Она же.* Из истории костюма российских императриц // *Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века*. М., 1999.
- 12 *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2003.
- 13 *Шепелев Л. И.* Чиновный мир России. СПб., 2001.
- 14 *Бордэриу К.* Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. С. 16–19.

Н. И. Тарасова опосредованно вступает в полемику с К. Бордэриу, которая, анализируя различные типы церемониального придворного костюма, введенные Екатериной II, по материалам письменных источников, считает мундирные и русские платья императрицы разными типами костюма (впрочем, важно отметить, что в статье отсутствуют ссылки на работы К. Бордэриу). К. Бордэриу указывает, что «императрица облачалась в мундир неоднократно по случаю годовщины побед при Чесме и под Полтавой. Впрочем, известия об успехах русской армии отмечались благодарственным молебном, формой одежды на котором было русское платье, а не военная форма»¹⁵, обращая внимание на сюжет со сменой мундирного платья на русское и в дни орденских праздников¹⁶. Н. И. Тарасова, анализируя вещественный источник — сохранившиеся мундирные платья императрицы с характерными для русского платья длинными рукавами с открытой проймой, — заявляет о необходимости объединить эти два типа костюма в один. Это позволяет нам снять противоречие, когда, казалось бы, в одинаковых ситуациях церемониал предписывал ношение разных типов костюма.

В своей статье Н. И. Тарасова также рассматривает маскарадные сарафаны в русском стиле. Описывая традиции костюмированных балов в Российской империи от Петра I до Николая II, автор делает акцент на костюмированных балах в русском стиле рубежа XIX–XX вв.: маскараде 25 января 1883 г. во дворце великого князя Владимира Александровича и широко известном бале 1903 г. в Зимнем дворце, посвященном эпохе царя Алексея Михайловича. В издании опубликованы фотографии трех маскарадных костюмов. Один из них, маскарадный костюм великой княгини Марии Георгиевны «Крестьянка города Торжка XVII века», помещен в разделе, посвященном придворному костюму. Два других сарафана в русском стиле конца XIX в. нахо-

15 Там же. С. 18

16 Там же. С. 22.

дятся в первой части издания (блок о традиционном костюме), при этом Н. В. Некрасова в статье указывает на «маскарадное» происхождение этих образов¹⁷. К сожалению, авторы не комментируют, чем обусловлено такое разделение.

Возвращаясь к концепции издания в целом, хочется подчеркнуть, что использованию элементов народного костюма в городской и придворной моде уделяется внимание не только в статье «Вариации на тему сарафана» — здесь эта тема является ключевой, — но и в тексте, посвященном традиционным формам бытования костюма с сарафаном. Текст Н. В. Некрасовой, содержащий подробное историко-этнографическое описание сарафанных комплексов, начинается и завершается описанием комплекса костюма с сарафаном как национального символа; эта своеобразная кольцевая композиция становится рамкой, передающей актуальность и общественную значимость исследования. Отметим, что к использованию элементов народного костюма как национального символа прибегают и авторы других альбомов, демонстрирующих коллекции костюмов различных музеев. Более того, несмотря на обращение к национальной символике и к переосмыслению народного костюма в светской моде в сопроводительных текстах, в издании могут быть опубликованы исключительно предметы крестьянской одежды¹⁸.

Среди недостатков издания хочется назвать библиографию: она включает в себя только литературу, использованную в первой части книги, посвященной историко-этнографическому описанию костюма с сарафаном. К сожалению, это общее место для подобных альбомов¹⁹.

17 Некрасова Н. В., Тарасова Н. И. Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации. С. 38.

18 Горожанина С. В., Демкина В. А. Русский сарафан: белый, синий, красный. С. 8–15; Мадлевская Е. Л. Косоворотка. Русская мужская рубаша в крестьянской и городской среде с XVIII до XX века. С. 63–73; Она же. Женский головной убор кокошник. С. 39–49.

19 В альбомах, посвященных коллекциям костюма различных российских музеев, списки литературы зачастую неполны или отсутствуют постранично.

Альбом «Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации» позволяет рассмотреть конструктивные особенности, историю создания и бытования костюма с сарафаном, как крестьянской одежды, так и различных типов стилизованных русских костюмов. Особенно важно заложенное в структуру книги сравнение крестьянского и светского костюма: это позволяет выстроить параллели между народной одеждой и элементами, которые маркируются как русские в стилизованных костюмах. Авторы книги не ставят своей целью подробный анализ того материала, который опубликован в альбоме, однако это издание открывает перспективы для новых исследований костюма с применением междисциплинарных методов и привлечением различных типов источников, включая изобразительные и вещественные.

Литература

1. *Амелехина С. А.* Церемониальный костюм Российского императорского двора в собрании музеев Московского Кремля. М.: ГМЗ «Московский Кремль», 2016. 334 с.
2. *Бордэриу К.* Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 344 с.
3. *Вишленкова Е. А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
4. *Горожанина С. В., Демкина В. А.* Русский сарафан: белый, синий, красный. М.: Бослен, 2018. 240 с.
5. *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М. Центрполиграф, 2003. 351 с.

ные ссылки, поэтому нет возможности соотнести тот или иной фрагмент текста с первоисточником (*Горожанина С. В., Демкина В. А.* Русский сарафан: белый, синий, красный. С. 336–337; *Мадлевская Е. Л.* Косоворотка. Русская мужская рубаша в крестьянской и городской среде с XVIII до XX века. С. 253–254; *Она же.* Женский головной убор кокошник. С. 330–334).

6. *Зеленин Д. К.* Русская этнография. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. 672 с.
7. *Кирсанова Р. М.* Русский костюм и быт XVIII–XIX вв. М.: Слово, 2002. 219 с.
8. *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX в.: Опыт энциклопедии. М.: Большая советская энциклопедия, 1995. 381 с.
9. *Кирсанова Р. М.* Из истории костюма российских императриц // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 71–81
10. *Лебедева А. А.* Крестьянская одежда населения европейской России. (XIX — начало XX в.). М., Советская Россия, 1971. 463 с.
11. *Лескинен М. В.* Великоросс/великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.
12. *Лескинен М. В.* Визуальные репрезентации русскости в Российской империи второй половины XIX — начала XX века: в 2 кн. Кн. 1: Облики — обличья — облачения. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 720 с. Т. 2: Русское зеркало. М.: Кучково поле Музеон, 2024. 420 с.
13. *Мадлевская Е. Л.* Косоворотка. Русская мужская рубаха в крестьянской и городской среде с XVIII до XX века. М.: Бослен, 2020. 256 с.
14. *Мадлевская Е. Л.* Женский головной убор кокошник. М.: Бослен, 2022. 336 с.
15. *Некрасова Н. В., Тарасова Н. И.* Русский костюм с сарафаном. Традиции и трансформации. М.: Бослен, 2024. 256 с.
16. *Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А.* «Моя гениальная находка»: из истории одежды детей в императорских покоях и создания императрицей первого детского комбинезона // Детство во дворце: Сборник статей по материалам XIII научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2003. С. 15–22.
17. *Скворцова Е. А.* Костюм правителя как средство репрезентации символического единения с населением в Европе в XVII — на-

чале XIX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 236–246.

18. Скворцова Е. А. Vigilius Eriksen's and Stefano Torelli's Portraits of Catherine II in Russian Dress: Two Competing Images of Russianness? Part I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. Т. 14. № 3. 2024. С. 504–522.

19. Тарасова Н. И. Из дворцовых кладовых — в собрание музея. История коллекции «Гардероб Петра I». СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2022. 272 с.

20. Тарасова Н. И. «Высочайшего Двора служители». Ливрейный костюм конца XIX — начала XX века в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 416 с.

21. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2004. 605 с. Т. 2: от Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.

22. Шенелев Л. И. Чиновный мир России. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 478 с.

References

1. Amelekhina, S. A. (2016) *Tseremonial'nyi kostyum Rossiiskogo imperatorskogo dvora v sobranii muzeev Moskovskogo Kremlya* [Ceremonial Costume of the Russian Imperial Court in the Collection of the Moscow Kremlin Museums]. Moscow: GMZ "Moskovskii Kreml".

2. Borderiu, K. (2016) *Plat'e imperatritsy. Ekaterina II i evropeiskii kostyum v Rossiiskoi imperii* [The Empress's Dress: Catherine II and European Fashion in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Gorozhanina, S. V., Demkina, V. A. (2018) *Russkii sarafan: belyi, sinii, krasnyi* [Russkii Sarafan: White, Blue, Red]. Moscow: Boslen.

4. Kirsanova, R. M. (1995) *Kostyum v russkoi khudozhestvennoi kul'ture XVIII — pervoi poloviny XX veka: opyt entsiklopedii* [Costumes

in Russian Artistic Culture from the Late 18th to Mid-20th Century: An Encyclopedic Overview]. Moscow: Bol'shaya Sovetskaya Encyclopedia.

5. Kirsanova, R. M. (1999) "Iz istorii kostyuma rossiyskikh imperatrits" ["From History of Russian Tsarinas' Costumes"], in *Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. Rossiya, XVIII — nachalo XX veka* [Cultural Practices in Ideological Perspective: Russia, 18th — Early 20th Century]. Moscow: OGI.

6. Kirsanova, R. M. (2002) *Russkii kostyum i byt XVIII–XIX vv.* [Russian Costume and Daily Life of the 18th — 19th Centuries]. Moscow: Slovo.

7. Lebedeva, A. A. (1971) *Krest'yanskaya odezhda naseleniya evropeyskoi Rossii (XIX — nachalo XX v.)* [Peasant Clothing of the Population of European Russia (19th — Early 20th Century)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

8. Leskinen, M. V. (2016) *Velikoross/velikoruss. Iz istorii konstruirovaniya etnichnosti. Vek XIX* [Velikoross/velikoruss: The History of Ethnicity Construction in the Nineteenth Century]. Moscow: Indrik.

9. Leskinen, M. V. (2024) *Vizual'nye reprezentatsii russkosti v Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka: v 2 t.* [Visual Representations of Russianness in the Second Half of the 19th — Early 20th Century Russian Empire: In 2 vols]. Moscow: Kuchkovo Pole.

10. Madlevskaya, E. L. (2020) *Kosovorotka: Russkaya muzhskaya rubakha v krest'yanskoi i gorodskoi srede s XVIII do XX veka* [Kosovorotka: Russian Men's Shirt in Peasant and Urban Fashion from the 18th to Early 20th Century]. Moscow: Boslen.

11. Madlevskaya, E. L. (2022) *Zhenskii golovnoi ubor kokoshnik* [Female Headdress Kokoshnik]. Moscow: Boslen.

12. Nekrasova, N. V., Tarasova, N. I. (2024) *Russkii kostyum s sara-fanom. Traditsii i transformatsii* [Russian Traditional Sarafan Costume: Traditions and Transformations]. Moscow: Boslen.

13. Pushkareva, N. L., Mitsyuk, N. A. (2023) "Moya genial'naya nakhodka": iz istorii odezhdy detei v imperatorskikh pokoyakh i sozdaniya imperatritsei pervogo detskogo kombinezona" ["My Brilliant Discovery:

From History of Children's Clothing at the Imperial Palace and Creation of the First Child Combiner by an Empress"], in *Detstvo vo dvortse: sbornik statei po materialam XIII nauchno-prakticheskoi konferentsii GMZ 'Peterhof'* [*Childhood in a Palace: Proceedings of the XIII Scientific-Practical Conference of Peterhof State Museum Reserve*]. St. Petersburg: Peterhof State Museum Reserve, pp. 15–22.

14. Shepelev, L. I. (2001) *Chinovnyi mir Rossii* [*Bureaucratic World of Russia*]. St. Petersburg: Iskustvo SPb.

15. Skvortsova, E. A. (2022) “Kostyum pravatelya kak sredstvo reprezentatsii simvolicheskogo edineniya s naseleniem v Evrope v XVII — nachale XIX veka” [“Ruler's Costume as Means of Representation of Symbolic Unity with the People in Europe in the 17th — Early 19th Century”], *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva*, 12, pp. 236–246.

16. Skvortsova, E. A. (2024) “Vigilius Eriksen's and Stefano Torelli's Portraits of Catherine II in Russian Dress: Two Competing Images of Russianness? Part I”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskustvoznaniye*, 3 (14), pp. 504–522.

17. Tarasova, N. I. (2014) *Vysochayshego dvora sluzhiteli. Livreinyi kostyum kontsa XIX — nachala XX veka v sobranii Ermitazha* [*Servants of His Majesty's Court: Livre Uniform of the End of the 19th — Beginning of the 20th Century in the Hermitage Collection*] St. Petersburg: State Hermitage Publishing House.

18. Tarasova, N. I. (2022) *Iz dvortsovykh kladovykh — v sobranie muzeya. Istoriya kollektsii “Garderob Petra I”* [*From the Palace Storage to the Museum Collection: The Story of the Collection “Peter I's Wardrobe”*]. St. Petersburg: State Hermitage Publishing House.

19. Vishlenkova, E. A. (2011) *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili “Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu”* [*Visual Anthropology of Empire or “Not Everyone Can See a Russian”*]. Moscow: Novoe literaturnoye obozreniye.

20. Wortman, R. S. (2004) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [*Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of Russian Monarchy*]. Moscow: OGI.

21. Zakharova, O. Yu. (2003) *Svetskie tseremonialy v Rossii XVIII — nachala XXv.* [*Secular Ceremony in Russia during the 18th — Early 20th Century*]. Moscow: Tsentrpoligraf.

22. Zelenin, D. K. (2013) *Russkaya etnografiya* [*Russian Ethnography*]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii.

Александра Шуринова

Рецензия на книгу:

**Некрополи Центральной России/сост. Д. В. Громов,
С. С. Михайлов, М. А. Сафаров. М.: Институт этно-
логии и антропологии РАН, 2022¹**

Шуринова Александра Михайловна, стажер-исследователь, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, аспирант, Школа исторических наук Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

amshurinova@ya.ru

Shurinova Aleksandra Mikhailovna, Research Assistant, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities; PhD Candidate, School of History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

amshurinova@ya.ru

В России *Death Studies* представлены преимущественно некрополистикой — дисциплиной, предметом исследования которой выступают кладбища и надгробные памятники. С конца 1980-х гг. эта дисциплина активно развивается как в Москве и Петербурге, так и во многих других регионах: регулярно проходят конференции, публикуются тексты, посвященные истории тех или иных кладбищ, проводятся мероприятия, направленные на изучение и сохранение некрополей². Сборник статей

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

2 В 1993 г. вышел справочник «Исторические кладбища Санкт-Петербурга», составленный А. В. Кобаком и Ю. М. Пирютко. По Москве подобного

«Некрополи Центральной России», опубликованный в издательстве Института этнологии и антропологии РАН в 2022 г., встраивается в существующую историографическую традицию. Это издание является частью серии «Этнография Центральной России», в которой к 2025 г. вышло три выпуска: «Локальные этноконфессиональные группы в Центральной России», «Некрополи Центральной России» и «Историческая память малых городов Центральной России»³.

Как заявлено в аннотации, сборник повествует об истории и организации кладбищ, обустройстве захоронений, похоронно-поминальной обрядности, свойственных регионам Центральной России. В его состав входит 16 статей, авторами которых являются как московские, так и региональные исследователи. Представленные тексты охватывают большой спектр религиозных групп: помимо православных традиций, здесь затрагиваются вопросы, связанные с похоронными практиками старообрядцев, молочан, мусульман, иудеев, караимов и ассирийцев. Широко сборник и тематически: кроме исторических справок о конкретных кладбищах, в нем можно обнаружить работы об особенностях похо-

путеводителя пока нет, однако публикуются отдельные работы, посвященные одному или нескольким кладбищам. См., напр.: Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана / отв. ред. Е. А. Шулёпова. М., 1991; *Артамонов М. Д.* Московские кладбища (Введенское, Ваганьковское и Пятницкое). М., 1983. Подобные исследования выходили, к примеру, в Туле (Тени старинного кладбища / сост. М. В. Майоров. Тула, 2011–2015. Вып. 1–5) и Владимире (Владимирский некрополь / сост. В. И. Титова. Владимир, 1995–2004. Вып. 1–6). В разных городах — Москве, Санкт-Петербурге, Твери, Туле, Ярославле, Казани, Пятигорске, Таганроге и др. — активистами регулярно проводятся уборка кладбищ и оцифровка некрополей.

- 3 Локальные этноконфессиональные группы в Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов. М., 2021; Некрополи Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов, М. А. Сафаров. М., 2022.; Историческая память малых городов Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов. М., 2023 (Серия «Этнография Центральной России». Вып. 1–3).

ронно-поминальной обрядности, об оформлении могил и надгробных памятников, о специфике составления базы данных некрополя.

Введение, составленное Д. В. Громовым, выглядит предельно общим: опровергнуть его сложно, но отдельные высказанные идеи выглядят пусто без примеров. Так, автор пишет, что «исследование кладбищ имеет выходы на практику... Некрополи встраиваются в культурно-исторический ландшафт и порой становятся его ключевыми объектами»⁴. Этому утверждению не хватает иллюстрации, и сюда как нельзя лучше подходит история, случившаяся с Всехсвятским кладбищем Тулы: согласно «Перспективному плану архитектурного развития города Тулы» 1972–1974 гг., этот некрополь предполагалось снести, однако служащие Архитектурного надзора Министерства культуры РСФСР обратили внимание на ценные надгробия, что положило начало музеефикации кладбища⁵. В 1998 г. на базе сформировавшегося к тому моменту неформального некрополистического движения в городе был открыт музей «Тульский некрополь».

Д. В. Громов также подчеркивает значимость иллюстративного материала для насыщенного этнографического описания, указывая, что иллюстрации в цвете и высоком разрешении можно будет найти на сайте «Краеведение Восточного Подмосковья», а также в электронной версии книги⁶. Увы, но до сих пор в открытом доступе не появилось ни того, ни другого. Между тем цветных и качественных иллюстраций изданию действительно недостает — часть фотографий просто теряет смысл, так как изображенное на них почти не удастся рассмотреть.

4 Некрополи Центральной России. С. 7.

5 Ковшарь И. Г. Некрополь — город живых. История возникновения неформального движения Тульский некрополь // Тульский историко-архитектурный музей. URL: http://necro_tula.tilda.ws/main (дата обращения: 03.05.2025).

6 Некрополи Центральной России. С. 8.

Поскольку некрополистика тесно связана с генеалогией и краеведением, многие из тех, кто так или иначе обращается к теме кладбищ, приходят к этому из соседних направлений. Это отмечает и Д. В. Громов, говоря о том, что кладбище часто становится интересом краеведов, а не профессиональных историков⁷. Почти для всех авторов сборника некрополистика является не основной, а смежной темой изучения, и отсутствие обращения к должной историографии не может не сказываться на качестве отдельных работ. Так, в статье «Внутренняя структура современного кладбища: приметные места как пространственные ориентиры» независимой владимирской исследовательницы Е. Г. Чесноковой рассматривается структурирование кладбища с точки зрения его посетителей на примере двух регионов — Костромской и Владимирской областей⁸. Автор делает ряд довольно очевидных (и совершенно не новых для историографии) замечаний относительно устройства кладбищ: о структурном различии городского и сельского некрополя, о схожести инфраструктуры городского кладбища с городом, о границах и входах на кладбище, о его центре и периферии, об иерархизации в пределах некрополя и о выстраивании индивидуальных маршрутов на кладбище в зависимости от цели посещения⁹.

Отдельные утверждения Е. Г. Чесноковой вызывают сомнения. К примеру: «территория сельского кладбища организована в соответствии с установившимися в локальном сообществе традициями. Стороннему наблюдателю часто неочевидны принципы

7 Там же. С. 7.

8 Там же. С. 9.

9 Подробнее об этом см., напр.: *Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12 (4). С. 80–96; *Мохов С. В.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М., 2020; *Мохов С. В.* Смерть по-русски: похоронное дело в Российской империи, СССР и в современной России // Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд. М., 2020. С. 189–260; *Соколова А. Д.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022. 456 с.

этой организации и вообще наличие какой-либо структуры»¹⁰. Это не совсем так: как правило, на сельских некрополях сохраняется традиция хоронить наиболее почетных членов сообщества возле церкви, входа на кладбище или же рядом с основными дорожками. К тому же нередко членов одной семьи хоронят если не в одной ограде, то рядом или неподалеку. Поэтому логику в структуре сельского некрополя все же рассмотреть можно, хотя не исключены и отступления.

Автор статьи указывает на хаотичность сельского кладбища в противовес четкой структуре городского, что тоже не совсем справедливо. Городские некрополи, появившиеся в поздне- или постсоветский период, действительно организованы гораздо удобнее, чем более старые кладбища, но о последних не стоит забывать: здесь тоже встречается немало упирающихся в растения или чужие ограды проходов, в которых Е. Г. Чеснокова винит сельские кладбища. Кроме этого, она утверждает, что во время закрытия церквей при советской власти храмы на кладбищах оставались действующими, что не соответствует реальности — их закрывали и переделяли под иные нужды наравне с другими религиозными объектами. Законодательного проекта, как-либо выделяющего кладбищенские церкви (неважно, городские или сельские), не было: например, храм Георгия Победоносца, расположенный на Георгиевском кладбище Рыбинска, был закрыт в 1929 г., после чего здание заняли общежитие и продуктовый склад¹¹. Что же касается сельских храмов, то большая часть из них имела при себе кладбище, и, следуя логике Е. Г. Чесноковой, ни один не должен был закрыться.

Блок статей, представленных в сборнике, посвящен истории конкретных некрополей — сюда можно отнести работы Е. Л. Ломако «Петропавловский некрополь в Коломне: от XVIII века до наших дней», А. Г. Дурнова «Первые староверческие кладбища в Мо-

10 Некрополи Центральной России. С. 11.

11 Михайлов А. В. Храмы и культовые сооружения Рыбинска. Рыбинск, 2014. С. 84–90.

скве» и Д. С. Сабининой «Еврейское кладбище города Белева»¹². Другая, более крупная группа текстов повествует о религиозных или национальных группах захороненных. К ней относятся статьи М. Н. Волосковой «Наиболее известные захоронения на старообрядческом кладбище Ржева», А. А. Шаблина «Молоканские погребения Луховиц», С. С. Михайлова «Надгробия на ассирийских захоронениях 1920–1950-х годов на некрополях Москвы и городов Центральной России» и «К изучению караимского некрополя на московском Донском (Новом) кладбище. По результатам полевых исследований лета 2021 года», Г. Г. Мозговой «“Завязанные в связке вечной жизни”: еврейский участок старого Князь-Владимирского кладбища города Владимира», М. А. Сафарова «Антропонирика московских караимов (по материалам изучения памятников на караимском участке Даниловского мусульманского кладбища)»¹³. Структурно все эти работы во многом схожи: почти каждая затрагивает вопросы, связанные с основанием и развитием некрополей, их судьбой в советский период, особенностями похоронной процессии, оформлением могил, составлением списков захороненных и биографий отдельных личностей. Многие из текстов завершаются призывом к действию: восстановлению, восстанавливать кладбища, ухаживать за могилами, составлять базы и искать биографические сведения об усопших.

Несколько выбивается из череды фактологических работ статья Д. В. Громова «Беливские скиты: сакральные пространства Сергея Петровича Богомолова», посвященная организации Беливских скитов и других мемориальных объектов в окрестностях Белива старообрядческим сподвижником С. П. Богомоловым¹⁴. Автор показывает, что локальные инициативы способны создавать устойчивые формы памяти, и прослеживает механизмы создания памятных мест вне институциональных рамок. Другой интересный

12 Некрополи Центральной России. С. 61–76, 86–106, 221–230.

13 Там же. С. 107–113, 145–152, 153–176, 231–249, 206–220, 250–257.

14 Там же. С. 114–144.

феномен подмечают в статье «“Чтобы душа свободно гуляла”. Пример эволюции сакрального ландшафта мусульманских кладбищ Рязанской области» Р. В. Абянов и М. А. Сафаров¹⁵. С одной стороны, они подчеркивают сохраняющиеся среди татар похоронные традиции и закрытость мусульманской конфессиональной группы: даже в смешанных браках дети, как правило, хоронят своих родителей на разных кладбищах в соответствии с обрядностью, установленной их религией. Русское население мусульманских кладбищ практически не посещает, равно как и татары почти не посещают православные некрополи. При этом авторы обращают внимание на заимствование татарами у русского населения практики оставлять открытыми калитки могильной ограды, «чтобы душа свободно гуляла»¹⁶. Несмотря на то, что практика эта появилась лишь в постсоветское время, она прочно вошла в обиход — Р. В. Абянов и М. А. Сафаров отмечают, что этот обычай на мусульманских кладбищах Рязанщины встречается повсеместно, как на сельских некрополях, так и на наиболее регламентированном имамами Касимовском кладбище. Тем самым авторы фиксируют не просто трансформацию обрядов, но и важный этнографический сдвиг: даже в условиях конфессиональной замкнутости и символических границ между группами похоронная культура становится пространством локального межэтнического взаимодействия.

Продолжая разговор о кладбищенских практиках касимовских татар, В. В. Агеев в статье «База данных “Касимовский мусульманский некрополь”: описание и возможности (на примере городского татарского кладбища)» приводит перспективы составляемой им базы данных¹⁷. В эту базу предполагается включить мусульманские надгробные памятники XVI–XXI вв., обнаруженные исследователем на территории Касимовского района Рязанской области. В. В. Агеев подробно описывает принципы составления базы и ее

15 Там же. С. 177–191.

16 Там же. С. 187.

17 Там же. С. 192–205.

структуру, а также характеристики изучаемого некрополя, выделяя конструктивные особенности надгробий. Представленная база данных — это, безусловно, важный этап в цифровизации и каталогизации погребальных памятников, открывающий новые возможности для комплексного анализа мусульманской похоронной культуры, и потому хочется надеяться на ее скорейшую публикацию.

Помимо уже озвученных замечаний к сборнику, хочется выделить еще ряд спорных моментов. Уже на этапе просмотра оглавления возникает вопрос, как здесь оказалась статья В. А. Пылькина «П. Э. Штейнлехнер — врач, изобретатель, очевидец эпохи», повествующая о Павле Эмериховиче Штейнлехнере — сербском подданном, ставшем первым рентгенологом Рязани¹⁸. Статья эта сугубо биографическая, и в ней не приводится никаких деталей, как-либо связанных с основной темой сборника — некрополями: автор лишь приводит иллюстрацию с могилой П. Э. Штейнлехнера, никак ее не комментируя. Из общего ряда выбивается также статья А. Д. Коростелева «Похоронные обряды русского сельского населения Чувашии (по материалам исследования 1981 года)»¹⁹. Несколько за пределами обозначенных географических рамок находится и работа Т. А. Листой «Сакральное оформление могил у русских (крест и камни) в контексте мифологии загробного мира», в которой рассматриваются сразу две довольно обширные темы: традиция класть камень (камни) на могилу и значение креста на могилах русского населения территорий Российской империи. Впрочем, если эту статью, расположенную к тому же в начале, можно посчитать неким общим введением в контекст, то объяснить наличие текста про Чувашию в работе о Центральной России уже сложнее. Хотя границы Центральной России как региона относительно подвижны, как правило, они совпадают с территорией Московского царства до XVI в., а потому включение в них Чува-

18 Там же. С. 258–270.

19 Там же. С. 77–85.

ший кажется спорным. В сборнике в целом не осмысляется специфика выбранного региона — даже не поднимается вопрос о том, возможно ли о ней в принципе говорить в контексте рассматриваемых проблем. Что общего и различного некрополи Центральной России имеют по сравнению с некрополями Русского Севера, Урала или Дальнего Востока? Влияет ли преобладание православия в Центральной России на кладбищенские практики представителей иных вероисповеданий? Ответы на эти вопросы помогли бы понять, в чем заключается «центральность» региона, или, напротив, показать отсутствие какой-либо специфики.

Отдельные авторы (Т. А. Листова, Д. В. Громов, С. С. Михайлов, Р. В. Абянов, М. А. Сафаров, Г. Г. Мозгова, Д. С. Сабинаина) предпринимают попытку погрузить свои источники в контекст, объяснить символику эпитафий, конструктивных элементов и изображений на надгробном памятнике, но нередко исследования, представленные в сборнике, сводятся к простому перечислению обнаруженных фактов, имен, памятников и некрополей. Все это, безусловно, ценно само по себе, особенно для локальных исследователей, но привлечение сравнительных сюжетов и более внимательное отношение к уже существующей литературе могли бы существенно обогатить тексты. Из-за отсутствия должного внимания к историографии складывается впечатление, будто бы сборник существует в некоем вакууме, не имея под собой никакой основы, что, разумеется, не так. Стоит также отметить, что непосредственно некрополистов нет не только среди авторов текстов, но и среди рецензентов сборника: по большей части здесь представлены специалисты по местной истории, этнографии и антропологии, исследователи религиозных общин. Как кажется, привлечение к работе исследователей, специализирующихся на изучении некрополей, помогло бы избежать повторения уже известных положений и выявить менее очевидные и действительно новые для историографии сюжеты.

Без сомнения, «Некрополи Центральной России» имеют ценность для исследователей — в первую очередь генеалогов и крае-

ведов. Привлечение научно-исследовательской литературы и более глубокий анализ собранных материалов могли бы существенно расширить круг читателей представленного сборника. Но пока остается констатировать тот факт, что значительная часть новых исследований по некрополистике, как и на заре развития этого направления, в основном сводится к исторической справке о некрополе, перечислению избранных памятников и известных имен.

Литература

1. *Артамонов М. Д.* Московские кладбища (Введенское, Ваганьковское и Пятницкое). М.: [Б. и.], 1983. 199 с.
2. Владимирский некрополь / сост. В. И. Титова. 1995–2004. Вып. 1–6.
3. Исторические кладбища Санкт-Петербурга / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пирютко. 2-е изд. М., СПб.: Центрполиграф, Русская тройка-СПб, 2011. 797 с.
4. Историческая память малых городов Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2023. 250 с. [Серия «Этнография Центральной России», вып. 3].
5. *Ковшарь И. Г.* Некрополь — город живых. История возникновения неформального движения Тульский некрополь // Тульский историко-архитектурный музей. URL: http://necro_tula.tilda.ws/main (дата обращения: 03.05.2025).
6. Локальные этноконфессиональные группы в Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2021. 150 с. [Серия «Этнография Центральной России», вып. 1].
7. *Михайлов А. В.* Храмы и культовые сооружения Рыбинска. Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2014. 269 с.
8. Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана / отв. ред. Е. А. Шулепова. М.: [Б. и.], 1991. 199 с.

9. *Мохов С. В.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Common Place, 2020. 192 с.

10. *Мохов С. В.* Смерть по-русски: похоронное дело в Российской империи, СССР и в современной России // Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. 4-е изд. М.: Common Place, 2020. С. 189–260.

11. Некрополи Центральной России / сост. Д. В. Громов, С. С. Михайлов, М. А. Сафаров. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2022. 274 с. [Серия «Этнография Центральной России», вып. 2].

12. *Соколова А. Д.* Новому человеку — новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.

13. Тени старинного кладбища / сост. М. В. Майоров. Тула: БОРУС, 2011–2015. Вып. 1–5.

14. *Филиппова С. В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12 (4). С. 80–96.

References

1. Artamonov, M. D. (1983) *Moskovskie kladbishcha (Vvedenskoe, Vagan'kovskoe i Pyatnitskoe)* [Moscow Cemeteries (Vvedenskoye, Vagankovskoye and Pyatnitskoye)]. Moscow.

2. Filippova, S. V. (2009) Kladbishche kak simbolicheskoe prostanstvo sotsial'noi stratifikatsii [Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, № 12 (4), pp. 80–96.

3. *Istoricheskaya pamyat' malykh gorodov Tsentral'noi Rossii* [Historical Memory of Small Towns in Central Russia] / ed. by D. V. Gromov, S. S. Mikhailov. (2023) Moscow: Institut etnologii i antropologii RAS.

4. *Istoricheskie kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemeteries of St. Petersburg] / sost. A. V. Kobak, Yu. M. Pirutko. 2-e izd. (2011) Moscow, St. Petersburg: Tsentrpoligraf, Russkaya troika-SPb.

5. Kovshar', I. G. "*Nekropol' — gorod zhivyykh. Istoriya vozniknoveniya neformal'nogo dvizheniya Tul'skii nekropol'*" ["*Necropolis is a City of the Living. The History of the Tula Necropolis Informal Movement*"], Tul'skii istoriko-arkhitekturnyi muzei. URL: http://necro_tula.tilda.ws/main (Date of Access: 03.05.2025).

6. *Lokal'nye etnokonfessional'nye gruppy v Tsentral'noi Rossii* [Local Ethno-Confessional Groups in Central Russia] / ed. by D. V. Gromov, S. S. Mikhailov. (2021) Moscow: Institut etnologii i antropologii RAS.

7. Mikhailov, A. V. (2014) *Khramy i kul'tovye sooruzheniya Rybinska* [Temples and Religious Buildings of Rybinsk]. Rybinsk: Rybinskii Dom pechati.

8. Mokhov, S. V. (2020) "Smert' po-russki: pokhoronnoe delo v Rossiiskoi imperii, SSSR i v sovremennoi Rossii" ["Death in Russian: Funeral Business in the Russian Empire, the USSR and in Modern Russia"], in *Rozhdenie i smert' pokhoronnoi industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya*. 4-e izd. Moscow: Common Place, pp. 189–260.

9. Mokhov, S. V. (2020) *Arkheologiya russkoi smerti. Etnografiya pokhoronnogo dela v sovremennoi Rossii* [The Archaeology of Russian Death. Ethnography of Funeral Business in Modern Russia]. Moscow: Common Place.

10. *Moskovskii nekropol': istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana* [The Moscow Necropolis: History, Archeology, Art, Protection] / otv. red. E. A. Shulepova. (1991) Moscow.

11. *Nekropoli Tsentral'noi Rossii* [Necropolises of Central Russia] / sost. D. V. Gromov, S. S. Mikhailov, M. A. Safarov (2022). Moscow: Institut etnologii i antropologii RAS.

12. Sokolova, A. D. (2022) *Novomu cheloveku — novaya smert'?* Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR [A New Man, a New Death? Funeral Culture of the Early USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

13. *Teni starinnogo kladbishcha* [Shadows of an Ancient Cemetery] / sost. M. V. Maiorov. Tula, 2011–2015. Vyp. 1–5.

14. *Vladimirskii nekropol'* [Vladimir Necropolis] / sost. V. I. Titova. Vladimir, 1995–2004. Vyp. 1–6.

Илья Концевой

Рецензия на книгу:

Douds L. Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State. London: Bloomsbury Academic, 2018. 228 p.¹

Концевой Илья Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ikontsevoy@hse.ru

Kontsevoy Ilya Anatol'evich, PhD (History), Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE University).

ikontsevoy@hse.ru

Можно ли утверждать, что сразу после свержения Временного правительства принятие ключевых решений сосредоточилось в руках партии большевиков? Ответ на этот вопрос имеет огромное значение для понимания раннесоветского периода российской истории. Анализ повседневных управленческих практик позволяет детально изучить взаимоотношения партийных и государственных учреждений. Подходы «новой политической истории», используемые Ш. Фицпатрик, О. В. Хлевнюком и другими учеными в изучении эпохи сталинизма, находят свое применение и в рассмотрении властных отношений в условиях

1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

революции 1917 г. и Гражданской войны². Книга Лары Даудс является примером удачного использования исследовательской оптики «новой политической истории». Основными аспектами монографии стали следующие вопросы: коллегиальность в работе Совнаркома и его учреждений, попытка В. И. Ленина создать правительственное учреждение, свободное от бюрократизма, и возвышение Политбюро, которое к окончанию Гражданской войны фактически заменило собой Совнарком.

Работа Л. Даудс основана на широком круге источников, среди которых есть неопубликованные архивные документы из Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Автор скрупулезно исследовала фонды Совнаркома, нескольких наркоматов, Рабоче-крестьянской инспекции, личный фонд В. И. Ленина и ЦК партии большевиков. Широкое привлечение как архивных документов, так и опубликованных источников свидетельствует о глубокой проработке исследуемой проблематики.

Будучи достаточно емкой и лаконичной, монография Л. Даудс состоит из семи глав и заключения. В начале своего исследования автор обращается к теоретическому опыту создания государства в случае победы «диктатуры пролетариата», анализируя знаменитую работу Ленина «Государство и революция». Исследовательница доказывает, что создание государства советского типа происходило из своеобразного понимания Лениным идеи демократии. Вождь большевиков рассматривал советскую демократию как систему, в которой не существует различий между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Осуждение Лениным

2 См., например: *Fitzpatrick S. Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 5. № 1 (2004). P. 27–54; *Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. М., 2010; *Getty J. A. Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven, 2013.

«буржуазного парламентаризма» предопределило негативное отношение большевиков к системе представительной демократии. Исследовательница справедливо отмечает, что объединение различных властных функций в лице одного человека создавало серьезную опасность для эффективного управления. Смещение административных и политических ролей в будущем советском государстве создавало больше проблем, чем пользы. В рамках политической модели, отстаиваемой Лениным, не оставалось «концептуального пространства для парламентской оппозиции»³. При этом Л. Даудс показывает, что критика парламентаризма западного типа, звучавшая в работах Ленина, была характерна для некоторых значимых мыслителей начала XX в., которые не были представителями социалистического движения⁴.

В последующих главах исследовательница рассматривает повседневные практики работы Совнаркома в первые годы существования советской власти. Большое внимание она уделяет деятельности двухпартийной правительственной коалиции, возникшей в декабре 1917 г. Л. Даудс убедительно доказывает, что левые эсеры внесли значительный вклад в деятельность Совнаркома как правительственного кабинета. Представители этой партии влияли на принятие государственных решений. Сделанный в книге вывод о том, что левые эсеры оказали большое влияние на работу Совнаркома, не является новым словом в исторической науке. Автор настоящей рецензии пришел к подобному заключению несколько ранее выхода в свет рассматриваемой монографии⁵. Тем не менее

3 Douds L. Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State. London, 2018. P. 17.

4 Так, автор приводит критику работы парламентской системы Германии со стороны знаменитого социолога Макса Вебера. См. об этом: Douds L. Inside Lenin's Government. P. 15.

5 Концевой И. А. «У нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное»: большевики и левые эсеры в советском правительстве и народных комиссариатах (ноябрь 1917 — июль 1918 гг.) // Клио. 2015. № 8. С. 76–83.

подход исследовательницы выглядит любопытным, поскольку она классифицировала способы оказания этого влияния. Согласно выводам Л. Даудс, левые эсеры воздействовали на политический курс правительства тремя способами. Во-первых, они могли вообще не обращаться в Совнарком и добиваться своих целей через подконтрольные им комиссариаты. Во-вторых, левые эсеры стремились поднимать важные вопросы на заседаниях правительства, где присутствовало меньше всего наркомов от большевистской партии. В-третьих, левоэсеровские лидеры могли оказывать давление на большевиков, угрожая выйти из правительственной коалиции⁶.

Л. Даудс опровергает утверждения представителей «тоталитарной школы» советологии о том, что Центральный комитет большевистской партии уже в первые годы советской власти являлся местом принятия главных политических решений⁷. Автор приходит к выводу, что в условиях революции и начала Гражданской войны таким учреждением был Совнарком⁸. На основе анализа документов исследовательница показывает, что заседания Совнаркома в начале советского периода происходили намного чаще, чем заседания Центрального комитета РСДРП(б) — РКП(б). В первые полтора года число присутствующих на заседаниях правительства колебалось от 26 до 34 человек. В период с конца 1917 г. по январь 1919 г. количество наркомов, посещавших заседания Совнаркома, составляло от 7 до 11 человек. При этом заседания ЦК РКП(б) проходили довольно нерегулярно⁹.

Автор монографии исследует деятельность В. И. Ленина на посту председателя правительства и приходит к выводу о том, что большевистский лидер видел управление делами и приемную

6 *Douds L.* Inside Lenin's Government. P. 33.

7 См., например: *Brzezinski Z.* The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism. Cambridge, 1956; *Ulam A.* The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. New York, 1965; *Pipes R.* Russia under Bolshevik Regime. New York, 1993.

8 *Douds L.* Inside Lenin's Government. P. 50.

9 *Ibid.* P. 51.

Совнаркома как своеобразный «антибюрократический аппарат», в котором практически отсутствовали представители старого имперского чиновничества. Административный отдел Совнаркома, в отличие от наркоматов, был создан с нуля. Большинство сотрудников этого учреждения не имели какого-либо опыта делопроизводственной работы¹⁰. Модель «антибюрократического аппарата» заключалась в изменении стиля деловых отношений между сотрудниками советских учреждений. Так, эти отношения не должны были иметь строго иерархический характер. Своими подчиненными руководитель Совнаркома рассматривался не как «начальник», а как «старший товарищ»¹¹. Нарушения «антибюрократической» деловой культуры болезненно воспринимались сотрудниками правительственных учреждений. Ярким примером такой реакции стал конфликт, связанный с поведением управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича. Методы, которые применял Бонч-Бруевич в руководстве своим учреждением, включали в себя установление строгой бюрократической дисциплины и игнорирование мнения коллег. Сотрудники управления делами Совнаркома жаловались Ленину на действия своего руководителя и критиковали стиль его работы. По заключению Л. Даудс, Бонч-Бруевич мог потерять доверие Ленина именно вследствие своего неколлегиального поведения с сотрудниками управления делами¹².

В исследовании можно встретить важный вывод о том, что в 1919 г. начинается постепенная «партизация» управления делами Совнаркома, которую автор понимает как укрепление позиций большевиков в этом учреждении. В аппарате Совнаркома возникает ячейка РКП(б), которая ведет самостоятельную деятельность, включавшую в себя сугубо партийные мероприятия. Представители этой ячейки начинают заменять собой беспартийных работников управления делами. Согласно заключению Л. Даудс,

10 Ibid. P. 57.

11 Ibid. P. 66.

12 Ibid. P. 70.

«возраставшая “партизация” государственного аппарата через партийные ячейки с 1919 г. постепенно подрывала живость и коллегияльность первых лет»¹³.

Довольно любопытными представляются наблюдения автора за деятельностью приемной Совнаркома, которая выполняла роль информационного канала, связывавшего руководство правительства с обществом. Л. Даудс подчеркивает, что в приемную поступало множество обращений от представителей различных слоев населения. Сообщения о приеме В. И. Лениным ходоков-крестьян, приезжавших к революционному вождю со всей страны, не были лишь продуктом советского мифотворчества. Многие посетители приемной Совнаркома действительно могли встретиться лично с Лениным и получить документы, подтверждавшие их визит к председателю правительства. Деятельность приемной могла оказать влияние на представления о характере политической власти, которые существовали в общественном сознании. По мнению исследовательницы, крестьяне понимали, что могут лично обратиться за помощью в решении своих проблем к «главному большевику», как это было ранее с фигурой российского императора. «Живая связь» с обществом, которую, по мнению советского руководства, создавала приемная Совнаркома, непреднамеренно укрепляла устоявшиеся властные практики и «ручное управление» сверху вниз, а не строила представительную демократию¹⁴. Утверждения автора, затрагивающие общественные представления о восприятии власти в России, не являются бесспорными, однако позволяют увидеть, что представители различных слоев населения стремились улучшить свое жизненное положение, не оставаясь в состоянии пассивного наблюдателя.

Интересны и выводы автора относительно роли Я. М. Свердлова в усилении позиций большевиков в условиях институционального соперничества с государственными учреждениями. Л. Даудс

13 Ibid. P. 72.

14 Ibid. P. 79.

считает, что Свердлов отдавал приоритет советским органам власти над партийными. При жизни этого функционера не произошло существенного расширения партийного аппарата. «Партизация» советских государственных органов усиливается сразу после смерти Свердлова. Его политику на посту председателя ВЦИКа можно назвать довольно лояльной к представителям других политических партий. По заключению автора, на заседаниях «советского парламента» Свердлов допускал полноценные дискуссии между большевиками и членами других партий, позволяя последним критиковать политику Ленина и Совнаркома¹⁵.

Центральным понятием монографии Л. Даудс является «коллегияльность». Это явление в первые годы советской власти было характерно для большинства наркоматов. Многие большевики отстаивали этот принцип, поскольку организация коллегий подразумевала совместное принятие решений. В межведомственных документах первых лет существования Совнаркома постоянно говорилось о решениях, принятых коллегиями, а не комиссарами как руководителями наркоматов. С весны 1918 г. Ленин начинает продвигать идею ограниченного единоначалия. Однако утверждение этого принципа происходило постепенно, и коллегияльность во многих наркоматах продолжала сохраняться. Автор убедительно доказывает, что принцип коллегияльности имел большое значение для работников советских учреждений. Так, члены коллегии Наркомата труда выступили против действий своего руководителя А. Г. Шляпникова. Нарком труда отменил решения коллегии, принятые в свое отсутствие, вызвав острый конфликт с товарищами по комиссариату¹⁶. Действия Шляпникова, направленные на установление авторитарного стиля управления, болезненно воспринимались членами коллегии. Это столкновение свидетельствует о том, что сотрудники наркомата не считали себя в полной мере подчиненными наркома.

15 Ibid. P. 88.

16 Ibid. P. 112.

Постепенный отход от принципа коллегиальности в управлении стал одной из причин возникновения новых оппозиционных течений в большевистской партии. В защиту принципа коллегиальности выступила группа «демократических централистов», лидерами которой были В. В. Осинский (Оболенский), Т. В. Сапронов и В. М. Смирнов¹⁷. Л. Даудс показывает, что позиция «децистов» в контексте дискуссии о принципах управления основывалась на антибюрократических идеях, изначально имевших большую ценность и для В. И. Ленина. Однако условия Гражданской войны и стремление большевистских лидеров превратить страну в «единый военный лагерь» не оставили коллегиальности шанса на дальнейшее существование. Несмотря на то что официально Ленин не провозглашал отказа от коллегиальности, с апреля 1920 г. единоначалие утверждается как основной принцип принятия решений в советских государственных учреждениях. По мнению автора, коллегиальность была противоречивым явлением, поскольку на первый план могли выходить индивидуальные или групповые интересы членов коллегий наркоматов и самих наркомов. В конечном счете коллегиальность не стала эффективным механизмом принятия решений, ее следует рассматривать в контексте с другими антибюрократическими начинаниями большевиков, во многом вызванными идеологическими причинами¹⁸.

Упадок Совнаркома как центра принятия государственных решений Л. Даудс объясняет сокращением участия наркомов в работе правительства. В условиях Гражданской войны многие наркомы лично не присутствовали на заседаниях Совнаркома, направляя туда своих заместителей. Так, вследствие своих военных обязанностей

17 Подробнее об этом: Гусев А. В. Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3-4 ноября 2012 г.). М., 2014. С. 53–61.

18 *Douds L. Inside Lenin's Government. P. 123.*

самоустранился от работы правительственного кабинета Л. Д. Троцкий. Сокращение значимости Совнаркома в рамках советской властной иерархии привело к возвышению Политбюро ЦК РКП(б). Во многом на упадок Совнаркома повлияла болезнь В. И. Ленина, ярко проявившая себя уже в 1922 г. Согласно выводу исследовательницы, если бы в конце 1921 г. Ленин назначил сильного и политически авторитетного преемника на пост председателя Совнаркома, то у правительства появилась бы возможность противостоять укреплению позиций Политбюро¹⁹.

Л. Даудс допускает неточности в изложении отдельных исторических фактов. Так, автор ошибочно утверждает, что на открытии Учредительного собрания присутствовало около 700 депутатов. В реальности их число было немногим более 400²⁰. Несколько ошибается исследовательница и в датировке смерти Я. М. Свердлова, которую она относит к январю 1919 г. Свердлов тяжело заболел и 16 марта скончался от последствий испанского гриппа²¹. По словам автора, самым молодым наркомом в первые месяцы существования советского правительства был 28-летний В. А. Карелин. Левый эсер действительно таковым являлся, только возраст Карелина на момент образования двухпартийного Совнаркома составлял 26 лет, поскольку он родился 23 февраля 1891 г.²² Эти небольшие неточности не умаляют достоинств работы Л. Даудс, которая представляет собой фундаментальное исследование, базирующееся на непредвзятом анализе исторических источников.

Монография отвечает на важные вопросы о соотношении власти советских и партийных органов в период революции и Гражданской войны. Автор выявляет причины упадка Совнаркома

19 Ibid. P. 150.

20 Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 338.

21 Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М., 1985. С. 394.

22 Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. С. 307.

и возвышения партийных структур РКП(б). Л. Даудс убедительно доказывает, что первые годы правления В. И. Ленина вполне можно считать «властью Советов», поскольку ЦК РКП(б) и его структуры не являлись центром принятия важных государственных решений. Автор иллюстрирует практики работы Совнаркома и наркоматов, показывая, как между собой взаимодействовали звенья государственного механизма и отдельные члены правительственного аппарата. Детальное изучение повседневной деятельности властных институтов дает возможность проанализировать особенности раннесоветской управленческой культуры.

Выход книги Лары Даудс не был замечен российскими историками. Тем не менее стоит надеяться, что в будущем ее работа займет место среди значимых трудов по «новой политической истории» советской эпохи. Изучение поднятых автором проблем имеет большую научную ценность, поскольку позволяет понять генезис советской государственной модели и ее трансформацию на пути от коллегиальности к сталинской сверхцентрализации.

Литература

1. *Гусев А. В.* Децисты — «пролетарская оппозиция» сталинизму // Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (Москва, 3-4 ноября 2012 г.). М.: URSS, 2013. С. 53—61.
2. *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976. 363 с.
3. *Концевой И. А.* «У нас по большинству вопросов вырабатывается решение единогласное»: большевики и левые эсеры в советском правительстве и народных комиссариатах (ноябрь 1917 — июль 1918 гг.) // Клио. 2015. № 8. С. 76—83.
4. *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 463 с.

5. Свердлова К. Т. Яков Михайлович Свердлов. М.: Молодая гвардия, 1985. 399 с.
6. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 479 с.
7. Brzezinski Z. *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge: Harvard University Press, 1956. 256 p.
8. Douds L. *Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State*. London: Bloomsbury Academic, 2018. 228 p.
9. Fitzpatrick S. *Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. № 1. P. 27–54.
10. Getty J. A. *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven: Yale University Press, 2013, 384 p.
11. Pipes R. *Russia under Bolshevik Regime*. New York: A. A. Knopf, 1993. 587 p.
12. Ulam A. *The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. New York: Macmillan, 1965. 598 p.

Reference

1. Brzezinski, Z. (1956) *The Permanent Purge: Politics in Soviet Totalitarianism*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Douds, L. (2018) *Inside Lenin's Government: Ideology, Power, and Practice in the Early Soviet State*. London: Bloomsbury Academic.
3. Fitzpatrick, S. (2014) "Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History", *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 5 (1), pp. 27–54.
4. Getty, J. A. (2013) *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition*. New Haven: Yale University Press.
5. Gusev, A. V. (2013) "Detsisty — 'proletarskaya oppositsiya' stalinizmu" ["The Decists are the 'Proletarian Opposition' to Stalinism"], in *Rabochee dvizhenie i levye sily protiv avtoritarizma i totalitarizma: istoriya i sovremennost'*: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi*

konferentsii (Moskva, 3–4 noyabrya 2012 g.) [*Workers' Movement and Leftist Forces Against Authoritarianism and Totalitarianism: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference (Moscow, November 3–4, 2012)*]. Moscow: URSS, pp. 53–61.

6. Khlevnyuk, O. V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury* [*Master of the House: Stalin and His Inner Circle*]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya.

7. Kontsevoy, I. A. (2015) “‘U nas po bol'shinstvu voprosov vyrabatyvaetsya reshenie edinoglasnoe': bol'sheviki i levye esery v sovetskom pravitel'stve i narodnykh komissariatakh (noyabr' 1917 — iyul' 1918 gg.)” [“‘On Most Issues We Have Produced a Unanimous Decision': The Bolsheviks and the Left Socialist-revolutionaries in the Soviet Government and People's Commissariats (November 1917 — July 1918)"], *Klio*, 8 (104), pp. 76–83.

8. Pipes, R. (1993) *Russia under Bolshevik Regime*. New York: A. A. Knopf.

9. Protasov, L. G. (2008) *Lyudi Uchreditel'nogo sobraniya: portret v inter'ere epokhi* [*People of the Constituent Assembly: a Portrait in the Interior of the Era*]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya.

10. Sverdlova, K. T. (1985) *Yakov Mikhailovich Sverdlov* [*Yakov Mikhailovich Sverdlov*]. Moscow: Molodaya gvardiya.

11. Ulam, A. (1965) *The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. New York: Macmillan.

12. Znamenskii, O. N. (1976) *Vserossiiskoe Uchreditel'noe sobranie. Istoriya sozyva i politicheskogo krusheniya* [*All-Russian Constituent Assembly. History of the Convocation and Political Collapse*]. Leningrad: Nauka.

Сергей Манышев

Рецензия на книгу:
Гарунова Н. Н., Яковенко Е. М.
Социально-экономическое и культурное
развитие г. Кизляра в 1944–1956 гг. Махачкала:
Изд-во ДГУ, 2023. 162 с.¹

Манышев Сергей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

smanyshev@hse.ru

Manyshev Sergey Borisovich, PhD (History), Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).

smanyshev@hse.ru

В 1948 г. вышел из печати первый выпуск «Известий Грозненского областного института и музея краеведения», в предисловии к которому говорилось: «Изучение Грозненской области в ее настоящих границах представляет широкое поле деятельности для исследователей-краеведов, работающих в любой отрасли знаний. Неисчерпаемые природные богатства области еще очень мало изучены. История народов, населявших ее с глубокой древности, представляет огромный интерес не только местного, но и общесоюзного значения. В экономическом отношении Грозненская область с ее нефтеносной промышленностью зани-

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

мает выдающееся место среди других областей нашей обширной родины»².

С момента написания этих строк прошло почти 80 лет. Однако Грозненская область как административно-территориальное образование так и не стала предметом всестороннего изучения. Речь, конечно, не идет о полном отсутствии исследовательских текстов: еще в 1955 г. вышел из печати экономико-географический очерк, содержащий краткие исторические экскурсы³; это административно-территориальное образование появлялось на страницах обобщающих работ по истории Чечни⁴; а совсем недавно была защищена диссертация, в которой рассматривается молодежная политика в Грозненской области (с упором на районы, ныне входящие в состав Чеченской Республики)⁵.

Человеку далекому от истории Северного Кавказа может показаться странным, что в истории региона из исследовательской оптики выпадает период между 1944 и 1957 гг. — более 10 лет, которые должны быть неплохо обеспечены архивными материалами. Однако тому есть ряд причин.

Первая из них связана с событиями, которые предшествовали появлению на административной карте региона Грозненской области, — это депортация чеченцев и ингушей в Среднюю Азию, осуществленная в феврале 1944 г. 7 марта 1944 г. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, части ее территории были переданы Дагестанской АССР, Северо-Осетинской АССР, Грузинской ССР, а город Грозный и ряд районов вошли в состав образованного

2 Известия Грозненского областного института и музея краеведения. Вып. 1: 1947 год / ред. В. А. Белогуров и др. Грозный, 1948. С. 3.

3 *Ширяев С.* Грозненская область. Грозный, 1955.

4 См., например: *Ахмадов Я. З., Хасмагомедов Э. Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. С. 848–859.

5 *Сугаипова А. М.* Молодежная политика в Грозненской области — Чечено-Ингушской АССР во второй половине 1940-х — 1960-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 2021.

в составе Ставропольского края Грозненского округа⁶. Уже 22 марта 1944 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Грозненская область. В ее состав были включены территории бывшей Чечено-Ингушской АССР, Наурский и Кизлярский районы Ставропольского края, а также города Грозный и Кизляр⁷. Однако даже советские историки признавали, что «в условиях ликвидации национальной автономии чеченцев и ингушей, подлинно научный, достоверный и беспристрастный подход к раскрытию сложных процессов местной истории практически исключался»⁸. Они же констатировали «явный упадок в деле изучения истории края и его коренного населения»⁹. Постсоветская же региональная историография этого периода сконцентрировалась на предпосылках и трагедии депортации, а также на восстановлении Чечено-Ингушской АССР и возвращении вайнахов из Средней Азии, оставив вне поля зрения период существования Грозненской области.

Второй причиной следует признать состояние источниковой базы по теме: в результате боевых действий на территории Чеченской Республики в 1990-е гг. оказались уничтоженными более 90% документов, хранившихся как в историческом, так и в партийном архивах¹⁰. Таким образом исследователи лишены всего «низового» уровня делопроизводства, который так или иначе касается истории Грозненской области.

- 6 Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / отв. сост. И. А. Зюзина. М., 2010. С. 674–676.
- 7 Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг. Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы / сост. и отв. ред. Л. Яхьяев. Грозный; Алма-Ата, 1991. С. 159.
- 8 Виноградов В. Б., Лосев И. К., Саламов А. А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. (Критико-библиографический обзор) / отв. ред. З. А.-Г. Гойгова // Труды [Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при СМ ЧИАССР]. Т. VIII. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 42.
- 9 Там же. С. 45.
- 10 См. подробнее: Гвоздикова Т. И. Последнее десятилетие архивов Чеченской Республики // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 24–26.

Изданная в 2023 г. работа известного кавказоведа Н. Н. Гаруновой, написанная в соавторстве с ее ученицей Е. М. Яковенко, — «Социально-экономическое и культурное развитие г. Кизляра в 1944–1956 гг.» — отчасти восполняет существующий в историографии пробел. Существенно, что перед нами не исследование, посвященное развитию всей Грозненской области, а лишь рассмотрение истории города Кизляра в тот период, когда он был включен в ее состав. Нужно заметить, что Н. Н. Гарунова является крупным специалистом в области изучения российских укреплений и городов на Кавказе в дореволюционный период, поэтому ее обращение к истории советского периода является вполне закономерным и развивает некоторые идеи автора, представленные в вышедших ранее монографиях¹¹. Е. М. Яковенко, в свою очередь, в ряде статей уделила внимание сюжетам, которые рассматриваются в рецензируемой монографии более детально¹².

Период, который рассматривают авторы, ограничен двенадцатью годами нахождения Кизляра в составе Грозненской области. Такие хронологические рамки позволяют проследить трансформации, которые претерпел город как в период войны, так и в эпоху позднего сталинизма.

11 См., например: *Гарунова Н. Н.* Кизляр в XVIII — первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала, 2004; *Гарунова Н. Н.* Казачьи городки и крепости в Низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала, 2016; *Гарунова Н. Н.* Города-крепости и культурная и религиозная политика Российского государства на Северо-Восточном Кавказе в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2020.

12 *Яковенко Е. М.* Материальная помощь государства инвалидам войны и семьям погибших воинов города Кизляра в 1945–1950 гг. (По неопубликованным ранее материалам архива Республики Дагестан) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 126–129; *Яковенко Е. М.* Проблемы и особенности социально-экономического развития г. Кизляра в 1945–1955 гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 136–139.

Структурно работа состоит из двух глав, в которых авторы в хронологической последовательности рассматривают проблемы развития города в последние годы войны и в послевоенный период (1944—1953 гг.), а также предпринимают попытку реконструкции развития Кизляра в середине 1950-х гг. Стоит, правда, заметить, что такое дробление никак авторами не оговаривается, поэтому вызывает определенные вопросы.

Для характеристики развития города Н. Н. Гаруновой и Е. М. Яковенко были привлечены самые разнообразные материалы, извлеченные из фондов федерального, регионального и муниципального архивов (Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный государственный архив Республики Дагестан и Архивный отдел администрации г. Кизляра). Дополняют их данные из периодической печати — газеты «Кизлярская правда».

В первой главе авторы дают социальную характеристику Кизляра: так, население города во второй половине 1940-х гг. составляло всего около 25 тыс. человек. При чтении этой части работы складывается достаточно неприглядная картина заброшенного заштатного города: фактическое отсутствие водопровода (лишь 24 здания были к нему присоединены), неудовлетворительное электроснабжение, баня, которая не снабжалась мазутом, больница, располагавшаяся в здании бывшего монастыря. Не лучше ситуация была и в области культуры: центральная библиотека в полутемном помещении, приспособленное здание драматического театра и кинотеатр, который «не удовлетворял в полной мере потребности населения»¹³.

Поскольку в рассматриваемый период к Кизляру относились 6 колхозов и 2 совхоза, то авторы закономерно рассматривают и особенности аграрного производства. Но и эту отрасль никак нельзя назвать блестящей: в военный период весь рабочий скот и транспорт были направлены на нужды фронта, а во второй поло-

13 Гарунова Н. Н., Яковенко Е. М. Указ. соч. С. 20.

вине 1940-х гг. для колхозников отменили льготы по сельхозналогу, они не получали продовольственных пайков.

Руководители предприятий легкой и пищевой промышленности, как пишут авторы, «за годы войны... свыклись с выпуском продукции низкого качества», а «трудовая дисциплина в большинстве предприятий находилась на низком уровне»¹⁴. Только за 10 месяцев 1949 г. Кизлярский хлебозавод выпустил более двух тонн бракованного хлеба¹⁵.

Вторая глава монографии посвящена поискам оптимальной модели экономического развития Кизляра и положению городской сферы культуры (в самом широком понимании этого термина) в 1953–1956 гг.

Авторы считают, что в этот период экономика города, оправившись от последствий Великой Отечественной войны, стала ориентироваться все больше и больше в сторону легкой и пищевой промышленности. И, несмотря на сохранявшиеся проблемы, предприятия постепенно модернизировались и переходили от затратного ручного труда к механизации и оптимизации производства¹⁶. Прежде всего это касается Кизлярского коньячного завода, где был запущен новый цех розлива, укомплектованный коньячными аппаратами, изготовленными по специальным чертежам в Грозном¹⁷. Вместе с тем на завод были приглашены молодые, но при этом квалифицированные кадры. Уже в 1948 г. спиртоконьячный завод выполнил производственный план на 162%¹⁸. Все это дало возможность во второй половине 1950-х гг. выпустить высококачественные коньки марок «Юбилейный дагестанский», «Кизляр», «Лезгинка», «Дагестан» и др.¹⁹

14 Там же. С. 49.

15 Там же. С. 53.

16 Там же. С. 88–89.

17 Там же. С. 90.

18 Там же. С. 52.

19 Там же. С. 92.

Говоря о культурном развитии города, авторы отмечают, что в 1946 г. была открыта детско-юношеская спортивная школа²⁰, «регулярно проводилась работа по повышению деловой и производственной квалификации учителей школ»²¹, а «во всех колхозах и совхозах имелись библиотеки»²². К 1950-м гг. в городе имелось 18 школ и 3 среднеспециальных учебных заведения. Но для всех этих учреждений была характерна низкая успеваемость: во второй половине 1940-х гг. из 2843 учащихся школ не успевало 892 человека²³. Как отмечают авторы, «Дом пионеров также не стал центром пионерской работы... Не проводилось читательских конференций, выставок детского творчества, конкурсов и показательных сборов»²⁴.

В своем исследовании Н. Н. Гарунова и Е. М. Яковенко касаются и деятельности органов здравоохранения. Они указывают, что недостаточная профилактическая работа и неудовлетворительное санитарное состояние города являлись причиной кишечных инфекций. Лечебные учреждения Кизляра не были в достаточной степени обеспечены необходимым инвентарем, а квалификация медицинского персонала оставляла желать лучшего²⁵.

Однако все эти «общие» факты о послевоенном успешном восстановлении народного хозяйства и культуры так или иначе можно встретить разбросанными на страницах научных работ и периодики. Самое ценное в рецензируемой монографии — это проблемы, с которыми сталкивалось население Кизляра во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х гг. Какие-то из проблем были системными, характерными для всей страны, другие — присущими лишь этому, некогда очень известному городу на Северном

20 Там же. С. 110.

21 Там же. С. 118.

22 Там же. С. 119.

23 Там же. С. 114.

24 Там же. С. 116.

25 Там же. С. 126–127.

Кавказе. Авторы не замалчивают и других проблем, связанных с социальной политикой Советского Союза послевоенных лет: уровень жизни горожан оставался крайне низким, инвалиды и пенсионеры получали чисто символическую помощь от государства.

К каким же выводам приходят авторы? Некоторые из них достаточно наивны. В качестве примера можно указать на констатацию «усиления контроля государства за всеми сторонами жизни людей», подсчет «новаторов и передовиков колхозного производства» или же замечания общего характера о «трудном пути по восстановлению экономики»²⁶.

Мне кажется, что важнее было отметить, что в 1946–1947 гг. на территории, о которой идет речь, не было голода, возникшего в других регионах страны, — Кизляр являлся центром большого сельскохозяйственного района, в котором, в частности, сосредотачивалось до 45% всей площади выращиваемого в области винограда.

К недостаткам работы я бы также отнес недостаточное внимание к «человеческому» измерению истории. Здесь авторам стоило, например, прибегнуть к использованию методов устной истории. Именно интервью с теми, кто застал Кизляр рубежа 1940–1950-х гг., могли бы «раскрасить» большое количество статистических и иных данных, приводимых в работе.

Авторы часто уходят в крайности: они либо рассматривают архивный материал исключительно на локальном уровне, либо пытаются вписать его в общесоюзные тенденции и тренды. Но мне кажется, что более продуктивной была бы попытка сравнения развития Кизляра с другим городом области — Грозным.

В завершение остается лишь сожалеть, что работа издана мизерным тиражом в 100 экземпляров, в весьма сомнительном по качеству полиграфическом исполнении, без необходимых иллюстраций и карт.

26 Там же. С. 140, 141, 142.

Рецензируемая работа, основанная на обширном архивном материале, демонстрирует, что даже при отсутствии «низовой» документации достаточно детальная реконструкция истории отдельно взятого города оказывается возможной. Исследование Н. Н. Гаруновой и Е. М. Яковенко во многом выбивается из общих историографических тенденций, рисуящих «лубочные» картины развития городов Северного Кавказа в советский период²⁷, — говоря об успехах, авторы не забывают о промахах и неудачах как центрального, так и местного руководства.

Литература

1. *Ахмадов Я. З., Хасмагомедов Э. Х.* История Чечни в XIX–XX веках. М.: Пульс, 2005. 995 с.
2. Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг. Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы / сост. и отв. ред. Л. Яхьяев. Грозный; Алма-Ата: [Б. и.], 1991. 235 с.
3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.) / отв. сост. И. А. Зюзина. М.: РОССПЭН, 2010. 1094 с.
4. *Виноградов В. Б., Лосев И. К., Саламов А. А.* Чечено-Ингушетия в советской исторической науке (Критико-библиографический обзор) / отв. ред. З. А.-Г. Гойгова // Труды [Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при СМ ЧИАССР]. Т. VIII. Вып. 1. Грозный: [Б. и.], 1963. 82 с.
5. *Гарунова Н. Н.* Города-крепости и культурная и религиозная политика Российского государства на Северо-Восточном Кавказе в XVIII–XIX вв. Махачкала: АЛЕФ, 2020. 151 с.

27 См., например: *Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д.* Культура дагестанского города. Махачкала, 2007; *Сальгириева П. С.-Э., Эльбуздукаева Т. У.* Грозный в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Махачкала, 2019.

6. *Гарунова Н. Н.* Казачьи городки и крепости в Низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 162 с.

7. *Гарунова Н. Н.* Кизляр в XVIII — первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития. Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 2004. 167 с.

8. *Гарунова Н. Н., Яковенко Е. М.* Социально-экономическое и культурное развитие г. Кизляра в 1944–1956 гг. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2023. 162 с.

9. *Гвоздикова Т. И.* Последнее десятилетие архивов Чеченской Республики // Отечественные архивы. 2003. № 2. С. 24–29.

10. Известия Грозненского областного института и музея краеведения. Вып. 1: 1947 год / ред. В. А. Белогуров и др. Грозный: б.и., 1948. 152 с.

11. *Мирзабеков М. Я., Ананьева Е. С., Юнаева В. Д.* Культура дагестанского города. Махачкала: [ИИАЭ ДНЦ РАН], 2007. 384 с.

12. *Сальгириева П. С.-Э., Эльбуздукаева Т. У.* Грозный в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 172 с.

13. *Сугаишова А. М.* Молодежная политика в Грозненской области — Чечено-Ингушской АССР во второй половине 1940-х — 1960-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный: [Б. и.], 2021. 26 с.

14. *Ширяев С.* Грозненская область. Грозный: Грозненской книжное изд-во, 1955. 268 с.

15. *Яковенко Е. М.* Материальная помощь государства инвалидам войны и семьям погибших воинов города Кизляра в 1945–1950 гг. (По неопубликованным ранее материалам архива Республики Дагестан) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 126–129.

16. *Яковенко Е. М.* Проблемы и особенности социально-экономического развития г. Кизляра в 1945–1955 гг. // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 136–139.

References

1. Akhmadov, Ya. Z., Khasmagomedov, E. Kh. (2005) *Istoriya Chechni v XIX–XX vekakh* [*History of Chechnya in the 19th — 20th centuries*]. Moscow: Pul's.
2. *Belaya kniga. Iz istorii vyseleniya chechentsev i ingushei. 1944–1957gg. Vospominaniya, arkhivnye materialy, fotodokumenty* [*White Book. From the History of the Deportation of Chechens and Ingush. 1944–1957. Memories, Archival Materials, Photographic Documents*] (1991) / ed. by L. Yakh'yaev. Grozny; Alma-Ata.
3. Garunova, N. N. (2004) *Kizlyar v XVIII — pervoi polovine XIX veka: problemy politicheskogo, sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya* [*Kizlyar in the 18th — First Half of the 19th Century: Problems of Political, Socio-Economic and Cultural Development*]. Makhachkala: IIAE DNTs RAN.
4. Garunova, N. N. (2016) *Kazach'i gorodki i kreposti v Nizov'yakh Tereka v XVII–XVIII vv.: mify i real'nost'* [*Cossack Towns and Fortresses in the Lower Reaches of the Terek in the 17th — 18th Centuries: Myths and Reality*]. Makhachkala: ALEF.
5. Garunova, N. N. (2020) *Goroda-kreposti i kul'turnaya i religioznaya politika Rossiyskogo gosudarstva na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII — XIX vv.* [*Fortress Cities and the Cultural and Religious Policy of the Russian State in the North-Eastern Caucasus in the 18th — 19th centuries*]. Makhachkala: ALEF.
6. Garunova, N. N., Yakovenko E. M. (2023) *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie g. Kizlyara v 1944–1956* [*Socio-economic and cultural Development of the City of Kizlyar in 1944–1956*]. Makhachkala: Izd-vo DGU.
7. Gvozdikova, T. I. (2003) “Poslednee desyatiletie arkhivov Chenchenskoi Respubliki” [“The Last Ten Years of the Archives of the Chechen Republic”], *Otechestvennyye arkhivy*, 2, pp. 24–29.
8. *Izvestiya Groznenskogo oblastnogo instituta i muzeya kraevedeniya* [*News of the Grozny Regional Institute and Museum of Local History*] (1948) / ed. by V. A. Belogurov et al., 1.

9. Mirzabekov, M. Ya., Anan'eva, E. S., Yunaeva, V. D. (2007) *Kul'tura dagestanskogo goroda [Culture of the Dagestan City]*. Makhachkala: IIAE DNTs RAN.

10. Sal'girieva, P. S.-E., El'buzdukaeva, T. U. (2019) *Groznyy v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: 1941–1945 [Grozny During the Great Patriotic War: 1941–1945]*. Makhachkala: ALEF.

11. Shiryaev, S. (1955) *Groznskaya oblast' [Grozny Region]*. Grozny: Groznenskoe knizhnoe izd-vo.

12. Sugaipova, A. M. (2021) *Molodezhnaya politika v Groznenskoj oblasti — Checheno-Ingushskoi ASSR vo vtoroi polovine 1940-kh — 1960-e gg. [Youth Policy in the Grozny Region — Chechen-Ingush ASSR in the Second Half of the 1940s — 1960s]*: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Grozny.

13. *Vaynakhi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennei politike Rossii i SSSR (nachalo XIX — seredina XX v.) [Vainakhs and Imperial Power: The Problem of Chechnya and Ingushetia in the Domestic Politics of Russia and the USSR (Early 19th — Mid-20th Century)]* (2010). Moscow: ROSSPEN.

14. Vinogradov, V. B., Losev, I. K., Salamov, A. A. (1963) “Checheno-Ingushetiya v sovetskoj istoricheskoi nauke. (Kritiko-bibliograficheskii obzor)” [“Checheno-Ingushetia in Soviet Historical Science. (Critical and Bibliographic Review)”], in *Trudy Checheno-Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pri SM ChIASSR [Works of the Chechen-Ingush Research Institute under the Council of Ministers of the Chechen-Ingush ASSR]*, VIII (1). Grozny.

15. Yakovenko, E. M. (2011) “Material'naya pomoshch' gosudarstva invalidam voyny i sem'yam pogibshikh voinov goroda Kizlyara v 1945–1950 gg. (Po neopublikovannym ranee materialam arkhiva Respubliki Dagestan)” [“State Financial Assistance to War Invalids and Families of Fallen Soldiers of the City of Kizlyar in 1945–1950 (Based on Previously Unpublished Materials from the Archives of the Republic of Dagestan)”], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4, pp. 126–129.

16. Yakovenko, E. M. (2012) “Problemy i osobennosti sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya g. Kizlyara v 1945–1955 gg.” [“Problems and Features of the Socio-Economic Development of Kizlyar in 1945–1955”], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 4, pp. 136–139.

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<https://territory.hse.ru>

Адрес издателя и распространителя:

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Издательский дом Высшей школы экономики

Тел.: +7 (495) 772-95-90 доб. 15298

E-mail: id@hse.ru

Дизайн обложки: Е.К. Богданова

Верстка: Д. Э. Холодков

Корректор: М. В. Нагришко

Сайт: М.О. Иванова

Техническое сопровождение: Горелов Р. И., Шуринова А. М.

Rules for submitting articles and subscriptions can be found on the journal's website:

<https://territory.hse.ru>

Publisher and distributor address:

Myasnitskaya Str. 20, 101000, Moscow, Russia

HSE Publishing House

Tel.: +7 495 772-95-90 ext. 15298

E-mail: id@hse.ru

Cover: Ekaterina K. Bogdanova

Layout: David E. Kholodkov

Russian Proofreader: Marina V. Nagrishko

Site: Maria O. Ivanova

Technical Support: Roman I. Gorelov, Alexandra M. Shurinova

